

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ТАТЬЯНА ПАРХОМЕНКО

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В ДИАЛОГЕ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

XV—НАЧАЛА XX ВЕКОВ

МОСКВА
2019

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Т. А. Пархоменко

**Культурное наследие русского зарубежья
в диалоге цивилизаций
XV – начала XX веков**

Москва
2019

УДК 93/94
ББК 63;79
П18

Рецензенты:

В. И. Плужников – кандидат искусствоведения, профессор Академии реставраций,
руководитель Центра документации наследия Российского НИИ
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва
Е. П. Гриценко – кандидат культурологии, старший научный сотрудник
Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

Пархоменко, Т. А.
П18 Культурное наследие русского зарубежья в диалоге цивилизаций XV – начала
XX веков / Татьяна Александровна Пархоменко. – М. : Институт Наследия, 2019. –
336 с. : ил.
ISBN 978-5-86443-266-2

Книга исследует русское культурное присутствие в мире на основе анализа
россики – массива зарубежных материалов, связанных с Россией (исторических,
общественно-политических, научных, религиозных, литературных, художествен-
ных), авторство которых принадлежало как находившимся в России и писавшим
о ней иностранцам, так и представителям русского зарубежья, занимавшимся на
чужбине изучением отечества. Россика является крупным направлением научного
знания, определяемого экстериорикой – совокупностью иностранных материалов о
России в ее исторических, географических и культурных границах, сформирован-
ных главным образом за ее пределами, но связанных с ней авторством или содержа-
нием, независимо от их языка и национальности создателя. Хронологические рамки
монографии охватывают период истории Московской и Императорской России, от
начала ее интеграции с евроатлантической цивилизацией и зарождения двусторон-
него процесса создания внутри страны иностранных анклавов, а за ее пределами рус-
ских колоний, и до конца существования Российской империи.

УДК 93/94
ББК 63;79
П18

В оформлении обложки использован рисунок Б. Зворыкина

ISBN 978-5-86443-266-2

© Т. А. Пархоменко, 2019
© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва, 2019

Предисловие

Русское зарубежье – удивительный феномен отечественной и мировой культуры. Оно складывалось веками, пласт за пластом, слой за слоем, становясь, подобно ценной горной породе, все богаче и многообразнее. «Какой интересный предмет: *Россия вне России*», – говорил А. Н. Майков в 1869 году Ф. М. Достоевскому, который тогда жил и работал за границей*. Русское зарубежье представляло практически весь спектр населения России, однако наиболее яркой его частью была творческая элита, формировавшая в национальном сознании образ мира и оставившая заметный след в отечественной и мировой культуре: поэт В. А. Жуковский и писатель И. С. Тургенев, живописец О. А. Кипренский и скульптор П. П. Трубецкой, биолог И. И. Мечников и математик С. В. Ковалевская, этнограф Н. Н. Миклухо-Маклай и мореплаватель В. М. Головнин и другие. Их трудами за границей был создан большой массив русского культурного наследия, который привлекал и привлекает повышенное внимание во всем мире.

Одновременно в зарубежье складывался многогранный комплекс руссики – иностранных произведений историко-культурного, научного, общественно-политического, религиозного, художественного характера, посвященных России. Руссика стала крупным направлением научного знания, определяемого экстериорикой – совокупностью зарубежных материалов о России в ее исторических, географических и культурных границах, сформированных главным образом за ее пределами, но связанных с ней авторством или содержанием, независимо от их языка и национальности создателя. Анализ руссики позволяет проследить, как и какое складывалось в мире понимание и представление о России, какие образы отечественной истории и культуры закреплялись в сознании человечества, какая на их основе выстраивалась политика международных отношений и так называемая политика памяти, – словом, вся сложная система доверия, симпатий и антипатий к России. История руссики –

* Майков А. Н. Письма к Ф. М. Достоевскому // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1882. Л. : Наука, 1884. С. 81.

это история возникновения взаимного интереса стран и народов друг к другу, развития их интеграции и сотрудничества, особенно в сфере культуры, являющейся важнейшим фактором сохранения стабильности в мире. Форпостом России на международной арене выступало русское зарубежье и его деятели, внесшие большой вклад в открытие России миру, возрастание интереса к ее прошлому и настоящему, роста ее влияния и авторитета.

Глава I

Московское царство и мир: россика Средневековья

Превращение Великого княжества Московского в независимое государство, освободившееся от монголо-татарского ига и ставшее самостоятельным участником мировой политической системы, открыло новую эпоху русской истории. Одним из главных вдохновителей этого процесса был государь и великий князь всея Руси Иван III Васильевич. В 1472 году он взял в жены выросшую в Риме византийскую принцессу Софью Палеолог, что позволило ему перенести державные права Византии в Москву, объявить ее новым Царьградом и Третьим Римом и дать Русскому царству герб династии Палеологов – золотой двуглавый орел, равно и гордо смотрящий на Запад и Восток. Русский историограф Н. М. Карамзин писал: «Отечество наше стало как бы *новым светом, открытым Царевною Софиею для знатнейших Европейских Держав*», и «Цари наши уже не чуждались Европы», отдавали «справедливость разуму, художеству Западных Европейцев, которые находили в Москве гостеприимство, мирную жизнь, избыток»¹.

Московское государство становится важным субъектом и полноправным участником международных связей и отношений с разными странами и прежде всего со своими европейскими соседями, отношений дипломатических, политических, экономических, культурных. В начале XVI века был создан первый московский труд по всемирной истории – Хронограф 1512 года, где в статье «Европейской страны короли» приводился список одиннадцати государств Европы, выстроенных согласно их политическому весу: «Кралество латинского имени» (Священная римская империя германской нации). 2. Франция. 3. Испания. 4. Англия. 5. Венгрия. 6. Португалия. 7. Неаполитанское королевство. 8. Польша. 9. Дания. 10. Чехия. 11. Албания»; рядом с этим списком давался перечень европейских королей по нисходящей степени их могущества: от «цесаря – царя Римского и короля немецкого, иже наследника Римскому царству» до «короля съкотского (шотландского), короля датского и короля польского», но без албанского властителя, что указывало на хорошее знание в Московии европейской системы государственных взаимоотношений и расстановки политических сил².

В середине XVI века к Хронографу 1512 года добавился русский перевод западной «Хроники всего света» польского историка Марцина Бельского, подробно знакомявший отечественных книжников с мировой историей. Возрастание интереса к евроатлантической цивилизации, от которой Русь почти двести пятьдесят лет была отрезана монгольским завоеванием, породило два взаимосвязанных процесса: во-первых, появления в Московском государстве значительного числа иноземцев и создания внутри страны иностранных анклавов в виде итальянских, немецких, английских, голландских дворов и слобод, а во-вторых, формирования русского присутствия в мире и образования русских диаспор или, как тогда говорили, русских колоний за рубежом. И там и там возникали различные памятники письменности и культуры, повествовавшие о России и формировавшие многогранный «образ Родины»: политический, философский, религиозный, литературный, художественный, которые впоследствии получили название россики.

Отношения Московии с зарубежными странами в первую очередь находили отражение в посольских делах, формировавшихся сначала в делопроизводстве Казенного дворца и Посольского двора, а с 1549 года в Посольском приказе. Он наряду с Разрядным приказом, ведавшим военным управлением, служилыми людьми и пограничными городами, занимал ведущее положение в государственной системе страны³. Из пяти отделений Посольского приказа первое ведало Папским Престолом, Священной Римской империей германской нации, Испанией, Францией и Англией; второе занималось Константинопольским патриархатом, приездом «греческих властей», а также Голландией, Гамбургом, ганзейскими городами, Швецией, Польшей, Валахией, Молдавией, Турцией и Крымом; третье – Данией, Бранденбургом и Курляндией, наконец, последние два – Персией, Арменией, Грузией, Бухарой, Ургенчем (Хивой), Индией, Китаем и прочими восточно-азиатскими регионами.

Из структуры Посольского приказа видно, что приоритетным вектором внешней политики Московского царства была Европа. Об этом же говорил и характер деятельности посольских работников, занимавшихся в основном европейским направлением, например переводчика и дипломата Дмитрия Герасимова. Он в начале XVI века участвовал в посольствах великого князя Василия III в Священную Римскую империю, Швецию, Данию, Норвегию, Пруссию, консультировал их послов по русскому вопросу, показывая им при этом, а также «историку Иовию портрет Великого Князя Василия, писанный без сомнения не русским живописцем», переводил

на русский язык европейскую литературу, в частности, латинское собрание толкований к Библии и на Символ веры Бруно Вюрцбургского, классическую античную грамматику латинского языка Элия Доната («Донатус»), по которой училась вся средневековая Европа, первое описание кругосветного путешествия Магеллана 1519–1521 годов Максимилианом Трансильваном «Послание Цезарю об удивительном и новейшем плавании испанцев на восток, где находятся ранее никому не доступные земли, в том числе и Молуккские острова», участвовал в составлении разных дипломатических бумаг и так далее⁴.

Впервые Московская Русь познакомилась с христианским Западом во второй четверти XV века во время длительной поездки русской делегации на Ферраро-Флорентийский церковный собор, который соби́рался положить конец расколу Вселенской Церкви Христовой на Римско-католическую и Греко-кафолическую церкви путем заключения унии. Проехав пол-Европы, в 1438 году московские представители во главе с митрополитом Киевским и всея Руси Исидором и епископом Авраамием Суздальским прибыли на собор и в 1439 году подписали унию, которая ныне хранится в государственной библиотеке Италии «Лауренциана» во Флоренции (Biblioteca Medicea Laurenziana). Одобрение церковного союза митрополитом Исидором и епископом Авраамием Суздальским означало принятие ими того нового политического и религиозного направления, что возникло в Риме и Византии, разделялось Палеологами и стремилось к христианскому единению Европы. Но отвергалось великим князем Василием II Васильевичем, который соглашался принять унию лишь на правах православия, но никак не католицизма. Поэтому когда митрополит Исидор в 1441 году вернулся в Москву и приступил к проведению церковной службы в Успенском соборе, то сразу же был схвачен и заключен в Чудов монастырь как «латынский злой прелестник» и «волк»⁵.

Московская власть не признала союз с католической церковью, и собор русского духовенства во главе с Василием II своей властью низложил константинопольского ставленника митрополита Исидора. В Византию императору Константину XI Палеологу и константинопольскому патриарху была отправлена объяснительная грамота, содержавшая просьбу разрешить Москве самой назначать себе митрополитов в виду дальности пути в Византию, непроходимости дорог и нашествия татар. В результате в 1448 году русским митрополитом без всякого участия Константинополя на соборе русских епископов был избран ставленник Василия II епископ Иона.

С этого времени Православная кафелическая греко-российская церковь стала автокефальной, административно независимой от Константинополя, который в 1453 году был взят турками. Падение Византии и гибель ее императора Константина XI Палеолога, являвшегося протектором православной церкви в мире, привели к взятию миссии протектора московским великим князем, который тогда был единственным самостоятельным православным государем на земле.

Став оплотом вселенского православия, Москва провозгласила себя Третьим Римом. Как отмечалось в послании игумена Филофея великому князю Ивану III, «Церковь старого Рима пала, второго же Рима – константинопольскую церковь иссекли секирами. Сия же ныне третьего нового Рима – державного твоего царствия – святая соборная апостольская церковь – во всей поднебесной паче солнца светится»⁶. С тех пор в Московии было установлено твердое правило – «от папы Римского их закону о вере не просить, и благословения не принимать, и с ним о том не ссылаться», а ему самому «учителем быть римским и иных вер в Московском государстве не быти», также как «не быти костелу римскому и иных вер ни одному в царствующем граде Москве и во всем Российском царствии»; если же какие люди «похотят своим малоумием от греческой веры отступить к римской вере», то «таких казнити смертью, а поместья, и вотчины, и дворы» и вообще все имущество отбирать⁷. Митрополиту Исидору удалось избежать подобной участи лишь благодаря бегству осенью 1441 года из монастырского заточения сначала в Литву, потом в Буду, а затем в Рим, где, став кардиналом, он снискал себе славу незаурядного мыслителя и богослова, автора многочисленных сочинений, посланий, писем и речей политического и религиозного содержания.

Ценнейшим свидетельством тех сложных событий являются путевые записки членов русской делегации Ферраро-Флорентийского церковного собора, вошедшие в историю под разными названиями: «Путешествие митрополита Исидора», «Записки о поездке русского посольства в Италию на собор и пребывание там, принадлежащие неизвестному автору», «Хождение на Флорентийский собор», «Дневник путешествия митрополита Исидора», «Хождение во Флоренцию» и другие. До нашего времени дошло несколько подобных произведений. И хотя их автор или авторы в большинстве случаев неизвестны, записки представляют «большой интерес и как памятники, отражавшие первые впечатления русских людей от знакомства с Западом, и как источники сведений о нем для

древнерусских читателей», у которых они пользовались немалой популярностью, на что указывает наличие 18 списков «Хождения во Флоренцию» и отдельных отрывков из их текстов⁸.

В научный оборот путевые записки посольства митрополита Исидора впервые были введены в XVIII веке Н. И. Новиковым, опубликовавшим этот материал в шестой части Древней Российской вифлиотики за 1788 год, затем, через полвека изданы И. П. Сахаровым, потом, в конце XIX – начале XX века, исследованы А. С. Павловым, Ф. И. Делекторским, В. Малининым, А. Д. Щербиной⁹. Интересовали путевые записки членов посольства митрополита Исидора и советских ученых (Н. И. Прокофьев, Н. А. Казакова, Н. В. Мощинская), а также иностранных исследователей, в частности, профессора венского и кёльнского университетов, историка Восточной Европы Гюнтера Штёкля (Stökl Günther), осуществившего перевод «Путевых заметок неизвестного русского» на немецкий язык и издавшего его с научными комментариями в 1954 году¹⁰.

Все исследователи признавали высокую историко-культурную ценность дневниковых записей «Хождения во Флоренцию» русского посольства 1437–1440 годов, которая определялась в первую очередь многогранностью их содержания, обращенного не только и не столько на проблемы веры и церковного разделения, сколько на вопросы истории, географии, экономики, политики, культуры. Читавший «Хождения во Флоренцию» исследователь получал яркое представление о восприятии русским человеком Западной Европы, почти детском открытии им другого мира, который он вольно или невольно сравнивал с жизнью в своем отечестве. Московитов восхищали «славные грады» Европы – их каменные здания с черепичными крышами, городское хозяйство с водопроводами, фонтанами, каналами, водяными мельницами и мостами, оживленная торговля, искусное ремесло, величие храмов и монастырей, богатство их убранства и красочность «чудных видений» – механических представлений мистерий «Дары волхвов», «Благовещение», «Вознесение» и многие другие достопримечательности. Изумление вызывала Флоренция, являвшаяся в XV веке одним из крупнейших европейских городов, центром ренессанса, средоточием таких архитектурных шедевров как палаццо Веккьо на площади Синьории, баптистерий и кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре, на то время самый большой в Европе, в котором и была подписана уния.

Что же касалось непосредственно событий Ферраро-Флорентийского церковного собора, то они в дневниковых записях

посольства митрополита Исидора освещались мимоходом, подробно сообщалось лишь о том, что 5 июля 1439 года была заключена уния православной и католической церквей, которую «...подписа папа Еугении и царь греческий Иоан, и вси гардиналове, и митрополиты подписаха на грамотах коиждо своею рукою», после чего митрополит Исидор и Авраамий Суздальский «благословилися у папы» и двинулись в обратный путь домой¹¹. Весь текст «Хождения во Флоренцию» говорил о том, что церковные проблемы мало интересовали его автора, и у него не было «ни тени враждебности по отношению к западному миру, хотя этот мир был католическим и наш путешественник попал в него в момент, когда вопрос о церковной унии способствовал подъему ортодоксально-православных настроений», однако он «предстает со страниц своего труда как человек, лишенный религиозной узости и нетерпимости и с большой любознательностью всматривавшийся во впервые раскрывавшийся перед ним мир»¹².

Исключение составляет лишь сочинение «Исидоров собор и хождение его» или «Повесть о восьмом соборе» суздальского иеромонаха Симеона, в котором обрисована церковно-политическая борьба, развернувшаяся на Ферраро-Флорентийском соборе и даны характеристики его основным участникам: папы римского Евгения IV, отличавшегося «великой гордостью» и «буйством латинским», византийского императора Иоанна VIII Палеолога, ставшего на путь политического лавирования, митрополита Исидора, ратовавшего за унию, митрополита Эфесского, единственного из греческих иерархов, не подписавшего акт о признании унии, и самого автора – Симеона Суздальского, выступавшего против союза с католиками и отстаивавшего независимость православия¹³. Наличие данного сочинения, выражавшего противоположную мнению вселенских иерархов точку зрения на события Ферраро-Флорентийского собора, придавало всему комплексу путевых записок «Путешествия митрополита Исидора» многогранность и полноту. Русский читатель получал возможность ознакомиться не только с чужими землями, но и с чужими взглядами, что нашло признание у отечественных книжников, проявлявших к этому литературному памятнику большой интерес, тем более что он вплоть до XVI века оставался единственным русским произведением, широко повествовавшим о Европе.

Конечно, были еще русские летописи, но их великокняжеская идеология не оставляла места для отражения иных взглядов и понятий. Например, летописный свод 1471 года, представлен-

ный Никаноровской летописью, кратко извещал лишь о том, что в 1437 (6945) году митрополит Исидор отправился на восьмой собор, после чего в записи за 1440 (6948) год сообщалось о возвращении его «с намерением “соединить православие с латинством” и осуждении Исидора при содействии великого князя за измену православию»¹⁴. И только последний Лицевой свод, созданный во второй половине XVI века, разнообразил информацию пояснявшими текст миниатюрами, одна из которых иллюстрировала присутствие византийского императора Иоанна VIII, патриарха Иосифа и римского папы Евгения IV на Ферраро-Флорентийском церковном соборе.

Интерес русских людей к внешнему миру сопровождался встречным процессом познания Московии иностранцами, которые с эпохи Ивана III стали регулярными гостями на Руси. Так, в 1475 году приехал в Москву уроженец Болоньи, инженер и архитектор Аристотель Фьораванти, призванный осуществить реконструкцию Московского Кремля и для этого пригласивший с собой группу итальянских мастеров разных специальностей. В 1476 году прибыл на Русь посланец Венецианской республики Амброджо Контарини, в 1486 году оказался в Московии «странствующий рыцарь» из Силезии Николай Поппель (или Поплау), который три года спустя вновь посетил ее уже в качестве официального посла короля Германии Фридриха III. Дважды, в 1490 и в 1491 годах, Москва принимала имперского посла «короля Римского Максимилиана» Георга фон Турна (Юрия Делатора),

Византийский император Иоанн VIII, патриарх Иосиф и римский папа Евгений IV на Ферраро-Флорентийском церковном соборе. Миниатюра XVI в. Лицевой свод XVI в. Голицынский том.

Л. 482 об. Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

а в 1492 году еще и «любопытного путешественника» Михаила Снупса, наконец, в 1517 и в 1526 годах в Московию приезжал посол императора Максимилиана Сигизмунд Герберштейн, а в 1520 и 1524 годах – папский посол Паоло Чентурионе, стремившийся к сближению Рима и Москвы, а также реализации масштабного проекта по вывозу пряностей из Индии в Европу через Россию.

Крупным событием для Московии стало прибытие 4 марта 1518 года греческого посольства, в составе которого находился афонский монах Максим Грек, принадлежавший к знатному греческому роду Триволисов и до своего монашества носивший имя Михаила Триволиса. Он являлся человеком европейской образованности, владел разными языками, получал знания в Париже и Флоренции, увлекался учением Савонаролы, был близок к ученому кругу венецианского книгопечатника, гуманиста Альда Мануция, который прославился изданием античной греческой литературы. В лице Максима Грека Афон выполнил просьбу Василия III прислать ему на время переводчика, способного разобраться в книгах, собранных отчасти прежними великими князьями, отчасти привезенных в Москву Софьей Палеолог и лежавших в пыли, без всякого употребления. Увидев книжные завалы, Максим Грек сказал великому князю: «Государь! Вся Греция не имеет ныне такого богатства, ни Италия, где Латинский Фанатизм обратил в пепел многие творения наших Богословов»¹⁵. В качестве переводчика Максим Грек перевел с греческого и латыни крупные памятники христианской литературы, ранее отсутствовавшие в славянской рукописной традиции: Толковую псалтырь, Толковый апостол, Евангельские беседы Иоанна Златоуста и многое другое. Но этим дело не ограничилось.

В ходе работы им была осознана необходимость исправления русских богослужебных книг путем их сверки с греческими оригиналами, что он и осуществил. Однако его смелая правка вызвала неоднозначное отношение у москвитов: одни говорили о ней с почтением, другие обвиняли в том, что он «растлеывает» и «развращает» святые писания. Почувствовав невозможность продолжения своей работы с духовной литературой, Максим Грек попросил великого князя Василия III отпустить его домой на Афон, но получил отказ. Тогда, вынужденно оставшись в Московии, он обратил все свое внимание на русскую действительность и стал анализировать ее в своих полемических сочинениях, в том числе и в посланиях Василию III.

Многое Максим Грек подверг острой критике: внешнюю и внутреннюю политику московской власти, развод и новый брак

Василия III, пристрастие московского двора к астрологии и прорицателям, но главное – жизнь православной церкви, русское монастырское устройство и земельную собственность монастырей, их прав на эксплуатацию крестьянского труда. Сравнивая православное монашество с монахами нищенствующих орденов католической Европы, которые отказались от всякого стяжания и целиком посвятили себя «богодухновенным писаниям», он противопоставлял их «совершенное иноческое жительство» русской практике монастырского «многостяжания», «любостяжания», «лихоимства», усматривая в ней нравственный упадок и полагая, что, во-первых, все нужное для жизни монахи должны приобретать трудом своим, во-вторых, в случае необходимости они могут принимать от христовлюбцев милостыню, но только нужную, а не излишнюю, и, в-третьих, монастыри не должны иметь вотчин и вообще не допускать стяжания от чужих трудов¹⁶. Не в пользу Москвы было и сравнение ее с некоторыми европейскими городами, в частности, с Парижем, где получили развитие «словесные художества», «богословие и философия священная» и куда поэтому стекались со всех стран «не только сыновья “простейших человек”, но и лиц “боярского и княжеского сана”», а затем, «проучившись определенное время в Париже, они возвращались в свое отечество, становясь его украшением и “спешником... добрейшим”»¹⁷.

Критика Максимом Греком русских церковных и светских порядков привела к тому, что он – иностранец – в 1525 году был осужден как еретик и государственный изменник и заточен в Иосифо-Волоколамский Успенский монастырь. Однако этого властям показалось мало. В 1531 году его судили повторно и обвинили: а) в еретической порче богослужебных книг; б) в осуждении практики поставления митрополитов русскими списками, а не константинопольским патриархом; в) в хуле на русских чудотворцев; г) в изменнических сношениях с турецким послом Скиндером и стремлении поднять на Русь турецкого султана, что в определенной мере было вызвано появлением в Московии двадцатых годов XVI века анонимной русской версии латинского «Сказания брани венециан противу турецкого царя», которое говорило о нависшей над христианскими народами турецкой угрозе и необходимости вхождения Руси в антитурецкую лигу Европы.

В заточении Максим Грек провел почти четверть века. Там он написал много работ, в том числе программное сочинение «Исповедание православной веры», в котором обосновал свою невиновность. Умер Максим Грек в 1556 году уже не в заточении, а на свободе, но

Горельеф Максима Грека на
памятнике «Тысячелетие России»
в Великом Новгороде. Россия.

не на родине в Греции, а в России, в Троицком монастыре, и «своею жизнью на Руси он прочертил как бы путь многих и многих интеллигентов», став, «в сущности, первым интеллигентом на Руси»¹⁸. После себя Максим Грек оставил «огромное литературное наследие на русском языке, и он по праву считается одним из крупнейших русских писателей XVI в.»¹⁹. Труды Максима Грека впервые были опубликованы спустя триста лет после его кончины: в 1859–1862 годы Казанская духовная академия в трех частях выпустила «Сочинения преподобного Максима Грека»²⁰. Тогда же, в 1862 году на торжественно установленном в Великом Новгороде памятнике «Тысячелетие России» среди 31 фигуры просветителей Руси, изображенной на фризе нижней части монумента,

был вылеплен горельеф Максима Грека как одного из славнейших представителей страны и народа²¹.

В 1865 году редакция журнала «Мирской Вестник» выпустила в Санкт-Петербурге брошюру «Преподобный Максим Грек», открывавшуюся его большим графическим портретом²². В 1894–1897 годы Казанская духовная академия повторила издание «Сочинений преподобного Максима Грека» середины XIX века, а в 1910–1911 годы «Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе» и в трех частях выпустила Троицко-Сергиева лавра²³. На рубеже веков, в последний период истории царской России стали появляться биографические исследования духовного пути этого религиозного деятеля, начиная с «Жития преподобного отца нашего Максима Грека»²⁴, продолжая «Кратким очерком церковно-общественной деятельности преподобного Максима Грека по части обличения и исправления заблуждений, недостатков и пороков русского общества XVI ст. (1518–1556)» А. Л. Синайского²⁵ и заканчивая книгой Б. И. Дунаева «Пр. Максим Грек и греческая идея на

Руси в XVI веке»²⁶. Интересовал Максим Грек и советских исследователей, особенно последней трети XX века, а в постсоветской России его биография была даже издана в серии «Жизнь замечательных людей»²⁷. Заслуживает внимание и тот факт, что в 1988 году на Поместном соборе Русской православной церкви Максим Грек был прославлен в лике преподобных – через 470 лет после его приезда в Московию.

Историк В. О. Ключевский писал об интересе иноземцев к Руси: «Ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно описана путешественниками из Западной Европы, как отдаленная лесная Московия»²⁸. Известно более сотни рассказов о ней, в одной только книге «Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков» М. М. Сухманом было собрано 70 ее описаний военными, дипломатами, переводчиками, священниками, учеными, врачами, купцами²⁹. Ценность иностранных свидетельств, их значение и своеобразие определялись тем, что, «повседневные явления жизни, мимо которых без внимания проходили русские люди, привыкшие к ним, останавливали на себе внимание чужого наблюдателя. Иностранец не мог верно объяснить, часто не мог даже беспристрастно оценить многие явления русской жизни, но описать их, выставить заметные черты он мог лучше и полнее, нежели россияне»³⁰. И нередко то, что русское сознание отметало прочь, сторонний взгляд брал на заметку, сохранял в памяти, например, своеобразие культуры, особенности государственного управления и судопроизводства, специфические черты уклада жизни и повседневности. Конечно, субъективность, а порой и предвзятость, иностранных свидетельств умаляют их значение, но при должном научном анализе и критическом отношении они дают уникальную возможность увидеть русскую жизнь глазами заезжего иностранца и потому выступают ценными памятниками прошлого как России, так и мира.

Важность сказаний иностранцев о Руси была для отечественных исследователей неоспоримой. Так, русский историк немецкого происхождения Ф. П. Аделунг в первой половине XIX века написал и опубликовал такие работы как «Зигмунд фон Герберштейн», «Августин фон Мейерберг и его поездка в Россию», «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений»³¹. Другой исследователь – А. В. Старчевский в 1841–1842 годы издал на латыни два тома «Сказаний иностранных писателей XVI века о России»³². Стажируясь в Берлине, Старчевский занялся сбором и каталогизацией хранившихся в европейских библиотеках и архивах иностранных источников, касавшихся Рос-

сии, в результате чего он пришел к выводу, что составление полной картины прошлого должно непременно вестись «при помощи повествований иностранцев об особенностях русского народа», что затем было отражено им в книге «Очерк литературы русской истории с древнейших времен до Карамзина» и статье «Очерк исторической деятельности в России до Карамзина», которые были изданы «Финским вестником» в Петербурге в 1845 году³³.

Иностранные свидетельства плодотворно использовал Н. М. Карамзин в своей «Истории Государства Российского», а также Н. Г. Устрялов, В. И. Любич-Романович, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. Р. Зотов. Специалистом по иноземным описаниям Руси был В. О. Ключевский, посвятивший им свою первую диссертацию, написанную в 1865 году и названную «Сказание иностранцев о Московском государстве», которая в 1866 году сначала частями была опубликована в «Известиях Московского университета», а потом отдельным изданием выпущена «Обществом распространения полезных книг». Труд Ключевского был продолжен его учеником В. Н. Бочкаревым, выпустившим в 1914 году работу «Московское государство XV–XVII веков по сказаниям современников-иностранцев». В 1922 году историк Г. К. Лукомский, живя в Берлине, издал там книгу «Московия в представлении иностранцев XVI–XVII веков. Очерки П. Н. Апостола», которая была иллюстрирована гравюрами из книг Герберштейна, Олеария, Корба³⁴. Активно разрабатывали тему «иностранцев-свидетельств» советские и постсоветские исследователи – М. Н. Тихомиров, М. А. Алпатов, Ю. А. Лимонов, В. Р. Мединский и другие³⁵.

Среди первых описаний Московии европейцами следует отметить труд венецианского посланника Амброджо Контарини «Путешествие в Персию» 1487 года, работу ректора Краковского университета Матвея Меховского «Трактат о двух Сарматиях» 1517 года, имевшую несколько изданий и переводов на европейские языки и ставшую для Запада важным источником информации о Руси, а также сочинение советника эрцгерцога Фердинанда, венского епископа Иоганна Фабри «Религия московитов» 1525 года, которое было написано без посещения русских земель, лишь на основе записи бесед с русскими послами – князем И. И. Засекиным-Ярославским и дьяком С. Б. Трофимовым³⁶. Они, возвращаясь из Испании от императора Карла V, по дороге на родину в Тюбингене были приняты при дворе эрцгерцога Фердинанда, где при посредничестве переводчика Власа Игнатьева и состоялся обширный разговор Фабри с московскими дипломатами, легший затем в основу его

«Религии московитов». И хотя Фабри никогда не видел того, о чем писал, его трактат стал своеобразной настольной книгой для многих иностранцев, приезжавших в Московию, и в Европе неоднократно издавался: в 1526 году базельским типографом Иоганном Бебелем; в 1541 году там же в Базеле, в «книге занимательных повествований о военных экспедициях и новооткрытых землях»; в 1582 году в Шпейере в сочинении Яна Лазицкого «О религии, жертвоприношениях, свадебном и похоронном обряде русских, московитов и татар»; в 1600 году во Франкфурте в подборке сочинений о Московии, подготовленной Климентом Марнием и Иоганном Аубриусом; в 1630 году в Лейдене в сборнике «Государство и города Московии» и так далее.

Одним из самых известных описаний Московского царства XVI века является сочинение австрийского дипломата, офицера, писателя, барона Сигизмунда фон Герберштейна (Siegmund von Herberstein). Он в качестве посла Габсбургов дважды приезжал в Московию: в 1517 и 1526 годы. Умный и наблюдательный, Герберштейн всегда подмечал массу деталей и черт, присущих разным странам и народам, которых он посещал в составе дипломатических миссий и посольств. Не стала исключением и Московия. Ее он изучал внимательно и придирчиво, собирал информацию, вел дневники, запоминал рассказы приставленного к нему русского переводчика Дмитрия Герасимова, знакомился с тем, что было известно о Московии ранее, в частности, с трактатом Иоганна Фабри «Религия московитов». Опираясь на него, но более всего на свои непосредственные впечатления от увиденного на Руси, Сигизмунд Герберштейн создал свое описание Московии – «Записки о московитских делах» («*Rerum Moscoviticarum Commentarii*»), которые прославили его на века. Впервые они были изданы в 1549 году в Вене, а затем, переведенные с латыни на другие языки, опубликованы в 1550 году в Венеции, в 1607 году в Лондоне и других городах. Согласно антикварному каталогу 1899 года библиотеки русского чрезвычайного посланника при Баварском дворе, тайного советника Д. П. Северина, известно десять раритетных изданий «Записок о московитских делах» Герберштейна³⁷, но вполне возможно, что их имеется и больше.

В России сочинение Герберштейна было введено в научный оборот членом Императорской Петербургской Академии наук Ф. П. Аделунгом, посвятившим Герберштейну и его посещению Московии отдельную большую книгу, написанную, правда, по-немецки³⁸. На ее основе в 1857 году была скомпилирована обзор-

Венецианское издание
«Записок о московитских делах»
Герберштейна 1550 года.

ная статья, вошедшая в первый выпуск студенческого сборника Петербургского университета. Наконец, полностью на русском языке «Записки» Герберштейна вышли в 1866 году в переводе И. Анонимова и с латинского базельского издания 1556 года³⁹. С этого времени «Записки» стали активно использоваться в отечественной литературе разных жанров и направлений и до сих пор являются одним из ключевых источников по истории Московского государства, его географии, политике, управления, судебной системы, культуры⁴⁰.

Необычным историческим документом о Московии середины XVI века был Отчет английского моряка, «кормчего плавания» Ричарда Ченслера «о путешествии по Руси, обработанный с его слов Климентом Адамсом», кото-

рый затем лег в основу «Книги о великом и могущественном царе Руси и князе Московском»⁴¹. На Альбионе это сочинение, рассказывавшее о том, как в 1553 году капитан Ричард Ченслер из-за шторма вместо Индии и Китая попал в Московию и как 30 мая 1554 года встречался с Иваном Грозным, вызвало большой интерес и послужило началом к завязыванию тесных англо-русских отношений. Не помешал даже поразивший Ченслера контраст между «живущими в роскоши властителями и бесправным, нищим народом – «диким», «варварским», «лживым», «хитрым», но вместе с тем сильным и страшным, похожим на «молодого коня, еще не знающего своих сил»»⁴². Как писал про англичан Карамзин, «все говорили о России как о *вновь открытой земле*; хотели знать ее любопытную Историю, Географию, и немедленно составилось общество купцов для торговли с нею»⁴³. Это лондонское общество в феврале 1555 года получило название торговой «Московской компании».

В октябре 1555 года Ченслер (вместе с Георгом Киллингворсом) вновь посетил Москву уже в качестве английского посла

«с челобитьем и с прошением о всяком добре», был принят царем и в июне 1556 года отпущен на родину вместе с четырьмя богато нагруженными кораблями и с ответным русским посольством во главе с государевым посланником Осипом Непеею Вологжанином. И хотя по дороге в Англию их постигло кораблекрушение, в ходе которого Ченслер погиб, а Непея, лишась всего, оказалась у берегов Шотландии, такая взаимная дипломатия принесла успех обеим сторонам. Московия торжествовала, ведь О. Г. Непея в Лондоне «сидел в церкви на возвышенном месте близ Королевы. Нигде не оказывалось такой чести Русскому имени», так что Непея смог возвратиться домой на английском корабле и «Королева послала к Царю самые лучшие произведения Английских суконных фабрик, блестящий доспех, льва и львицу», а еще «ремесленников, рудокопов и Медиков, в числе коих был искусный Доктор Стэндиш»⁴⁴.

Политическая победа сопровождалась экономической пользой: была дана привилегия «безо всяких пошлин торговати» как английским, так и русским купцам, в Московии появились ценные специалисты – «многие дохтора и злату и серебру искатели и делатары и иные многие мастера...», а Англия получила в подарок от Ивана Грозного Двор в Москве с каменным домом у церкви Св. Максима на Варварке⁴⁵. По случаю успеха «британской эпопеи» русские художники создали красочную миниатюру, которая иллюстрировала разные ее этапы: отправление царем Иваном Васильевичем посла Осипа Непеи в Англию, гибель у берегов Шотландии во время кораблекрушения Ричарда Ченслера, при-

Отправление Иваном Грозным посла Непеи в Англию, гибель Ченслера во время кораблекрушения и прибытие Непеи в Лондон к королю Филиппу. Миниатюра XVI в. Синодальный список Никоновской летописи XVI века. Л. 308. Отдел рукописей Государственного исторического музея.

бытие Непеи в Лондон и встреча его с королевой. Миниатюра была размещена в Никоновской летописи – крупнейшем памятнике отечественного летописания XVI века, став ее ценным дополнением и украшением.

Высоко оценивали установление связей с Московией и англичане. Как не без гордости писал в 1682 году мыслитель и поэт Джон Мильтон (John Milton) в своих «Brief History of Moscovia» (в русском переводе «Московия Джона Мильтона»), «открытие России со стороны Северного океана было впервые сделано из всех известных нам народов англичанами, и могло бы казаться подвигом почти геройским, если бы предприятие это было внушено более высоким побуждением, чем чрезмерная любовь корысти и торговли»⁴⁶. Подробно перечисляя и кратко описывая все известные ему визиты англичан в Московию, начиная с «первого открытия России с северо-востока в 1553 году» Ричардом Ченслером, продолжая посещением Москвы Антоном Дженкинсоном в 1561, 1566 и 1571 годы и заканчивая описанием «первых Английских посольств и приемов их при Русском Дворе до 1604 года», Мильтон утверждал, что именно благодаря этим первопроходцам «отважное путешествие» в Россию «сделалось обыкновенным морским переездом»⁴⁷. Сочинение Мильтона основывалось на «письменных свидетельствах разных очевидцев», коих было свыше двух десятков: «Рассказ Ричарда Ченслера», «Разные путешествия Дженкинсона», «Дневник Сэра Гега Уилоби», «Два письма г-на Генриха Лена», «Дневник Посланника Рандольфа», «Бумаги г-на Гаклюйта» и другие.

Интерес иностранцев к Московскому государству и стремление великих князей Руси к расширению внешнеполитических связей способствовало возрастанию международного обмена, который сопровождался, с одной стороны, тем, что все больше русских людей стало бывать за границей, например купцов, в 1567 году посланных Иваном IV в Англию, а с другой стороны, увеличением притока западных специалистов на Русь – военных, оружейных и пушечных мастеров, рудокопов и мастеров плавильного дела, лекарей и аптекарей, мастеров бархатного и кожевенного дела, ювелиров и мастеров золотого дела, музыкантов и так далее. Как отмечал Карамзин, «искусства европейские с удивительною легкостью переселялись к нам; ибо Иоанн и Василий, по внушению истинно великого ума, деятельно старались присвоить оные России, не имея ни предрассудков суеверия, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные воле Государей, рано выучились уважать сии плоды гражданского образования... Одним словом, Россия и в XVI веке следовала

правилу: «Хорошее от всякого хорошо» и никогда не была вторым Китаем в отношении к иноземцам»⁴⁸.

Рост международных контактов и посещений иноземцами Московского царства вел к увеличению числа ее описаний, которые оставили посол Священной Римской империи германской нации Франческо да Колло («Доношение о Московии»⁴⁹), английские дипломаты Джером Горсей («Путешествия сэра Джерома Горсея», «Торжественная коронация Фёдора Иоанновича», «Трактат о втором и третьем посольствах сэра Джерома Горсея»⁵⁰) и Джайлс (Джилс) Флетчер («О государстве русском»⁵¹), немецкий переводчик Альберт Шлихтинг («Новости из Московии, сообщённые дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тирании государя Ивана» и «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича»⁵²), датский посланник Якоб Ульфелъдт («Путешествие в Россию»⁵³), шведский дипломат, посланник Карла IX Петр Петрей де Ерлезунд («Московитская хроника», «История и сведения о Великом княжестве Московском»⁵⁴), немецкий писатель Конрад Буссов («Московская хроника»⁵⁵), французский капитан Жак Маржере (Маржерет) («Состояние Русской Державы и великого княжества Московского»⁵⁶), немецкий ученый и посол шлезвиг-голштинского герцога Фридриха III Адам Олеарий («Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию»⁵⁷), французский иезуит Фуа де ля Нёвилль («Записки о Московии»⁵⁸), секретарь австрийского посольства Иоанн Георг Корб («Дневник путешествия в Московию»), Георг-Андреас Шлейзинг («Древняя и новая религия московитов»)⁵⁹ и некоторые другие.

Оригиналы сочинений иностранцев о Московии хранятся в крупнейших книгохранилищах мира: Главной национальной библиотеке Австрии в Вене, Берлинской и Баварской государственных библиотеках, Национальной библиотеке Франции в Париже, Нижнесаксонской библиотеке Ганновера, университетов Кембриджа и Оксфорда Великобритании, Библиотеке Академии наук РФ и Российской государственной библиотеке и прочих раритетных собраниях. Так, в Барбериниевской библиотеке Рима хранится уникальная рукопись «Доклада о Московии» итальянского аристократа и путешественника Рафаэля Барберини (Raffaello Barberini), который в 1564 году совершил частную поездку в Московию и описал ее в своем сочинении под оригинальным названием «*Relazione di Moscovia Scritta da Raffaello Barberino al conte di Nugarola, D'Anversa alli 16 d'Ottobre 1565*», а в качестве приложения дал нари-

Бургмайр Х. Русское посольство
1518 г. в Инсбруке.

сованную от руки карту Западной Руси и Прибалтики с указанием пересеченных им границ и городов. В течение XVI–XVII веков «Доклад о Московии» Р. Барберини неоднократно публиковался в Европе, а в России в русском переводе вышел лишь в 1827, 1842 и 1843 годах⁶⁰.

Ярким дополнением письменных свидетельств европейцев о Московии был изобразительный материал⁶¹. Иноземные мастера оставили немало гравюр и полотен на русскую тему, начиная с немецкой гравюры Ханса Бургмайра, показывавшей московское посольство великого

князя Василия III в Инсбрук 1518 года к императору Священной Римской империи Максимилиану I, и гравюры «Русское посольство под начальством Захара Ивановича Сугорского к императору Священной Римской империи Максимилиану II на Регенсбургском Сейме в 1576 году», продолжая портретом русского посла Григория Микулина, направленного Борисом Годуновым к Елизавете Тюдор, кисти неизвестного художника, картиной Сибранда ван Бееста «Приезд посольства царя Московии на заседание представителей Штатов в Гааге, 4 ноября 1631», портретом посла Ивана Чемоданова 1657 года, написанным в Венеции художником Медичи Юстом Сустермансом, и заканчивая групповым портретом 1662 года неизвестного мастера, изображавшим участников русского посольства в Англию во главе с боярином С. П. Прозоровским, альбомом «Заметки о России» инженера Эрика Пальмквиста, который входил в состав шведского посольства 1673 года ко двору царя Алексея Михайловича, и гравюрами с портретом Я. Ф. Долгорукова и членов его посольства в Париже в 1686 году.

Отношение иностранцев к Руси было очень разным и во многом определялось успешностью или неудачей визита, их статусом, родом занятий, образованием, прошлыми познаниями о Московии или их отсутствием, ракурсом восприятия и временем описания. Так, итальянский епископ Иовий сведения о Руси черпал из рассказов участников московского посольства к папе римскому Клименту

Сибранд ван Беест. «Приезд посольства царя Московии на заседание представителей Штатов в Гааге, 4 ноября 1631». Рейксмузеум, Амстердам. Нидерланды.

Пальмквист Э. Прием царем Алексеем Михайловичем Шведского посольства 1673 г.

VII в 1525 году и с их слов полагал, что в Московском государстве «находятся прекрасные учреждения», а вот посещавший в 1630-е годы Русь «с посольством Олеарий добросовестно сопоставлял то, что он прочитал в прежних сочинениях о “Московии”, с тем, что видел своими глазами, поправлял предшественников или указывал на перемены в московской жизни», дотошно отмечая «явления, которых не находили или не замечали предшествовавшие ему путешественники в Московию»⁶². Скрупулезностью отличался дневник «Путешествие в Московию (1664–1665)» члена голландского посольства Николааса Витсена, фиксировавшего мельчайшие детали русской жизни и быта, что сделало его незаменимым источником по истории России XVII века⁶³.

Яркое описание оставили англичане, находившиеся в Московии в царствование Федора Иоанновича: «Мало земель в свете, где Природа столь милостива к людям, как в России, изобильной ее дарами, – сообщали они. – В садах и в огородах множество вкусных плодов... Неизмеримые равнины покрыты хлебом... Изобилие рождает дешевицу» и лишь «одна беспечность жителей и корыстолюбие богатых производят иногда дороговизну»⁶⁴. Восхищался изобилием Московии и француз Маржерет, считавший, что «подобного богатства нет нигде в Европе», но при этом русский народ «весьма ленив, работы не любит и так предан пьянству, как нельзя более; духовенство не уступает в этом мирянам, если еще не превосходит их»; Флетчер же отмечал, что на Руси «мало богатых людей, ибо казна все поглощает», и «образ правления у них весьма похож на турецкий»; Ульфелдт писал, что москвиты «предпочитают использовать насилие, а не разум, <...> они отказались от всех добродетелей»; а Корб, оказавшийся свидетелем стрелецкого бунта и его жестокого подавления, вообще все русское подверг резкой критике, из-за которой его «Дневник путешествий в Московию» был запрещен и впервые издан лишь в 1906 году⁶⁵. То же самое случилось и с сочинением Флетчера, которое на русском языке впервые было издано в Женеве Вольной русской типографией Герцена, а затем, сорок лет спустя, опубликовано издательством Суворина в Петербурге⁶⁶.

Исследуя описания Московии иностранцами, В. О. Ключевский отмечал, что хотя «за немногими исключениями они писали наугад, по слухам, делали общие выводы по исключительным, случайным явлениям», это не умаляет их значения как совокупного источника, позволяющего путем сопоставления и перекрестного анализа содержащихся в нем данных получать ценную информа-

цию: так, «Иовий со слов русского рассказчика мог только записать, что Московия управляется простыми законами, основанными на правосудии государя и бескорыстии его сановника. Герберштейн приводит в своем сочинении небольшой отрывок из Судебника Иоанна III о судебных пошлинах, но ничего не говорит о самом Судебнике. Флетчер говорит, что единственный закон в Московии есть изушный, то есть воля государя и судей: Судебник Иоанна IV не удостоился от ученого английского юриста названия писаного закона. Но что дает особенный интерес беглым и отрывочным заметкам иностранцев, – это то, что они вводят нас в самую практику юридических отправлений, показывают, в каком виде и в какой обстановке являлся закон на самом деле, а не на бумаге», и «иностранцы ясно дают понять, что Боярская Дума имела только совещательное значение, что дела часто решались до обсуждения их в Думе и без ее утверждения приводились в исполнение», поскольку никто из бояр, «как бы велико ни было его значение, не смеет ни в чем противоречить государю»⁶⁷.

Об этом же писал и Н. М. Карамзин: «Россияне славились тем, чем иноземцы укоряли их: слепую, неограниченную преданностью к Монаршей воле в самых ее безрассудных уклонениях от государственных и человеческих законов»⁶⁸. Тем не менее, упоминавшееся Карамзиным правило «Хорошее от всякого хорошо» продолжало играть на Руси важную культуртрегерскую роль, например в книгопечатании. Первые книги на кириллице в конце XV – начале XVI веков издавались за границей – в Кракове, Цетине, Праге, Вильно. Иван Грозный, желая наладить у себя книгопечатание, «искал в Германии художников *для книжного дела*», специалистов европейской выучки и, найдя их, в 1553 году «приказал устроить особенный дом книгопечатания под руководством двух мастеров, Ивана Федорова, диакона церкви Св. Николая Гостунского, и Петра Тимофеева Мстиславца, которые в 1564 году издали *Деяния и Послания Апостолов*, древнейшую из печатных книг Российских, достойную замечания красотою букв и бумаги»⁶⁹. После нее стали готовить к изданию другие книги, для чего понадобилось сличать древнейшие тексты, исправлять описки, «дабы не обмануться ни в словах, ни в смысле», что «возбудило негодование многих грамотеев, которые жили списыванием книг церковных. К сим людям присоединились и суеверы», начались обвинения Федорова и Мстиславца в ереси и подрыве духовных основ Московии⁷⁰. Все это закончилось погромом, вынудившим московских первопечатников, не желавших повторить судьбу Максима Грека, бежать от гонителей за кордон

в Польско-Литовское государство, где они продолжили издавать русские книги, в частности, «Алфавит, а по-русский, азбуку», по которому учились многие люди того времени.

Карамзин в «Истории Государства Российского» писал о Московской Руси: «Внутренний государственный порядок изменился, все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснилось, исчезало... Надлежало или повиноваться Государю, или быть изменником, бунтовщиком; не оставалось середины и никакого законного способа противиться Князю. — Одним словом, рождалось Самодержавие»⁷¹. Недаром первая массовая эмиграция россиян была связана с ликвидацией независимости вольных городов Новгорода (1478) и Пскова (1510), в результате чего «несчастливые жители толпами бежали в чужие земли, оставляя жен и детей. Пригороды опустели... и все выехали оттуда»⁷². Ближайшим к Московии зарубежьем было Великое княжество Литовское, ставшее пристанищем большинства русских беглецов эпохи Средневековья — князей Ивана Шемякина и Симеона Бельского, окольного Ивана Лятцкого и других, которые, будучи «недовольны правительством, сказали себе, что Россия не есть их отечество, тайно снеслись с Королем Сигизмундом и бежали в Литву»⁷³.

Правда и из Литвы немало людей уходило в Московию, в основном православных, подвергавшихся со стороны католиков религиозной дискриминации. Так, в конце XV века под руку Москвы ушли князья Федор Бельский, Иван Белявский, Федор Одоевский, Иван и Дмитрий Воротынские, что вело к утрате литовским княжеством значительных территорий. Как сообщала, например, о северских князьях «Хроника литовская и жмойтская», на сторону великого князя Ивана III перешли они «со всеми замками своими, то есть Чернеговом, Стародубом, з Северским Новгородком и з Рилском». В 1506 году на службу к великому князю Василию III перешел попавший к нему в плен в ходе Русско-литовской войны 1500–1503 годов литовский гетман, полководец, князь Константин Иванович Острожский, который, однако, уже через год снова ушел в Литву, взяв при этом с собой еще две сотни человек, в том числе боярина Остапа Дашкевича. Москва расценила это как страшное предательство, говоря, что Острожский «остыдил себя делом презрительным; обманул Государя, Митрополита, нарушил клятву, устав чести и совести. Никакие побуждения не извиняют вероломства»⁷⁴. Даже забота Острожского об усилении православной веры и укреплении православной церкви в Литве, строительство им на Волыни православных храмов не смогли поколебать мнения москвитов о нем как

о лукавом изменнике и клятвопреступнике. Но в мировой истории, в том числе в известной работе середины XVI века «О нравах татар, литовцев и москвитян» Михалона Литвина (Michalon Lituanius)⁷⁵, он остался как крупный военный, государственный и церковный деятель, защитник православия на литовской земле.

Жизненные перипетии К. И. Острожского самым негативным образом сказались на судьбе другого перебежчика – литовского маршалка, князя Михаила Львовича Глинского, служившего в войсках правителей Саксонии, Германии, Польши, а после 1508 года и Московии, где, отказавшись от католичества, он даже стал православным. Когда же Глинский, подобно К. И. Острожскому, вновь захотел вернуться в Литву, он был схвачен, закован в цепи и отправлен к Василию III. Великий князь обвинил беглеца в измене и бросил в тюрьму. О снисхождении к Глинскому не могло быть и речи, несмотря даже на то, что за него вступился сам император Священной Римской империи Максимилиан. В грамоте, переданной в 1517 году его послом Сигизмундом Герберштейном Василию III, содержалась просьба освободить Глинского из неволи и дать ему возможность выехать в Европу, но великий князь отвечал, что «сей изменник положил бы свою голову на плахе, если бы не изъявил желанья принять нашу веру... Михаил, в Италии легкомысленно пристав к Римскому (Закону – *Т. П.*), одумался, хочет умереть Христианином Восточной Церкви и поручен Митрополиту для наставления»⁷⁶. Лишь благодаря заступничеству своей племянницы – Елены Глинской, ставшей второй женой московского великого князя Василия III, Михаил Глинский в 1527 году смог выйти на свободу. Однако уже в 1534 году он, обвиненный в «замысле овладеть Государством», снова «был лишен вольности, а скоро и жизни в той самой темнице, где сидел прежде; – Карамзин писал о нем: – муж знаменитый в Европе умом и пылкими страстями, счастьем и бедствием, Вельможа и предатель двух Государств, помилованный Василием для Елены и замученный Еленою, достойный гибели изменника, достойный и славы великодушного страдальца в одной и той же темнице!»⁷⁷.

Лишение свободы, а порой и жизни в средневековой Московии казалось единственно возможным способом остановить бегство людей в другие страны. В этом плане жизнь литовца М. Л. Глинского схожа с судьбой итальянца Аристотеля Фьораванти – зодчего Московского Кремля, не отпущенного великим князем Иваном III на родину и посаженного в тюрьму, или венецианского лекаря Леона, казненного по приказу Ивана III за неудачное лечение его

сына Ивана Молодого. Подобная политика была продолжена великим князем Василием III, который, например, на просьбу прусского магистра вернуть ему его врача, отвечал: «Немец лечит одного из наших Вельмож и должен прежде возвратить ему здоровье, а после требовать отпуска в свою землю»⁷⁸. Как писал по этому поводу Карамзин, «иноземцам с умом и дарованием легче было тогда въехать в Россию, нежели выехать из нее»⁷⁹. Не помогали даже межгосударственные соглашения о взаимной выдаче людей, например со Швецией и Ливонией 1535–1537 годов, в которых отдельными пунктами стояло: «возвратить беглецов с обеих сторон» и «не казнить Россиян в Ливонии, ни Ливонцев в России без ведома их Правительств»⁸⁰. Но договора хороши были только на бумаге, а в жизни бегство продолжало оставаться главным средством получения свободы.

Практика насильственного удержания специалистов и расправы над ними в случае опалы широко развилась при Иване Грозном, прославившимся разгромом немецкой слободы и гонениями на неугодных слуг. Так, семь лет при московском дворе удерживался житель Померании Альберт Шлихтинг, взятый русскими войсками в плен и приставленный в качестве слуги и переводчика к царскому лейб-медику и математику из Италии Арнольфу. В 1570 году Шлихтингу удалось бежать в Польшу, где он сначала составил «Новости из Московии, сообщённые дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тирании государя Ивана», а потом на их основе написал «Краткое сказание о характере и жестоком правлении Московского тирана Васильевича», ставшее предметом пристального изучения в Европе. Оно обсуждалось «между папским нунцием в Польше и Ватиканом», который получил для папы Римского «канцелярскую копию» этого «Сказания», использовалось историком Александром Гваньини (Alessandro Guagnini) в пятой главе его «Описания Московии», первое латинское издание которого вышло в Кракове в 1578 году, а русский перевод появился в XVII веке в качестве рукописного приложения к «Истории о великом князе Московском» А. Курбского, наконец, в XX веке в России было издано сначала на латыни и фрагментарно Е. Ф. Шмурло в сборнике 1913 года «Россия и Италия», затем в 1934 году на русском языке 81 А. И. Малеиным под названием «Новое известие о России времени Ивана Грозного. "Сказание" Альберта Шлихтинга»⁸¹.

Приобретшее широкую известность почти сразу же после написания сочинение Шлихтинга вместе с тем не стало препятствием для приезда на Русь новых западных специалистов, и, напри-

мер, в том же 1570 году посол Ивана Грозного в Лондоне нашел для царя очередного врача – вестфальца Елисея Бомелия (Eliseus Bomelius). Девять лет он был любимцем московского властителя и его «приближенным, оставившим о себе память “лютого волхва”, оговаривавшего и умертвлявшего неугодных царю людей путем отравления ядами»⁸². Но в 1579 году Бомелий попал в опалу, был арестован, подвергнут пыткам и брошен в тюрьму, где в том же году и умер. Жизнь сохранили лишь его жене – англичанке, за которую вступилась королева Елизавета, в результате чего она спустя пять лет после гибели мужа и уже при царе Федоре Иоанновиче смогла выехать из России.

В 1595 году король Франции Генрих IV обратился к царю Федору Иоанновичу с просьбой отпустить в Париж его доктора Павла, но и тут московский двор ответил отказом. Все это очень мешало развитию торговых и культурных связей Московского государства, но иного пути у него в условиях острейшего дефицита профессиональных кадров не было. Так, открытие в конце XV века Печорских рудников оказалось для Руси едва ли «не бесполезным за неимением людей искусных в горном деле», поэтому в Италию столетие спустя был срочно отправлен дворянин Вельяминов, которому было приказано привезти, «**чего бы то ни стоило**, мастеров, умеющих находить и плавить руду золотую и серебряную»⁸³.

Специалисты ценились тогда на вес золота, и их утрата воспринималась в качестве невосполнимого ущерба стране и ее правителю. Например, когда в 1547 году саксонец Шлитт по поручению Ивана Грозного решил отобрать в Европе для Московии «художников, лекарей, аптекарей, типографщиков, людей искусных в древних и новых языках, даже теологов» и обратился за разрешением к Карлу V, то император, дав Шлитту «грамоту с дозволением искать в Германии людей, годных для службы Царя», поставил обязательное условие «не употреблять их способностей ко вреду Немецкой Империи» и их собственной жизни⁸⁴. Однако вредить в данном случае стали не москвиты, а «сенаторы любекские, незаконно посадившие Шлитта в темницу», после чего собранные им мастера разбежались и лишь единицы «сумели тайно проехать в Россию и были ей полезны в важном деле гражданского образования»⁸⁵.

В 1581 году английская королева Елизавета I отправила московскому царю лейб-медика Роберта Якоби с такими словами: «Мужа искуснейшего в целении болезней уступаю тебе, моему *брату кровному*, не для того, чтобы он был не нужен мне, но для того, что тебе нужен. Можешь смело верить ему свое здравие. Посылаю с ним,

в удобность твою, аптекарей и цирюльников, волею и неволею, хотя мы сами имеем недостаток в таких людях»⁸⁶. Иностранцев завозили в Московию и частные лица, например, братья Строгановы, нанимавшие для своих заводов голландских мастеров, медиков и аптекарей. В итоге, к концу XVI века только в русской армии служило «4300 немцев и поляков, 4000 казаков литовских, 150 шотландцев и нидерландцев, 100 датчан, шведов и греков», а также имелось два морских корабля, купленных и снаряженных в Любеке, «с кормщиком и матросами немецкими, там нанятыми»⁸⁷.

Параллельно развивалось обратное движение – поиск россиянами лучшей доли на чужбине, ставший особенно заметным в период правления Ивана Грозного: «Ужас, наведенный жестокостями Царя на всех Россиян, – писал Н. М. Карамзин, – произвел бегство многих из них в чужие земли. Князь Димитрий Вишневецкий служил примером; ...он не захотел подвергать себя злобному своенравию Тирана; из воинского стана в южной России ушел к Сигизмунду, который принял Димитрия милостиво и дал ему собственного Медика, чтобы излечить сего славного воина от тяжкого недуга, произведенного в нем отравой. <...> Вслед за Вишневецким отъехали в Литву два брата, знатные сановники, Алексей и Гаврило Черкасские, без сомнения угрожаемые опалю»⁸⁸. Однако самым известным среди знатных московских беглецов стал князь и воевода Андрей Курбский, в 1564 году бежавший, опасаясь расправы, по «подробной росписи дороги до литовского рубежа»⁸⁹.

Курбский снискал славу первого русского политического эмигранта. Он был единственным в Московии, кто решился публично отстоять свое право на уход в Литву, доказать царю, что он – «из земли <...> без вины изгнанный», «скиталец, жестоко оскорбленный», – не является предателем: «А то, что ты пишешь, именуя нас изменниками, – говорил Курбский Грозному, – так мы были принуждены тобой против воли крест целовать, ибо есть у вас обычай, если кто не присягнет – то умрет страшной смертью», а между тем известно, «что если кто-либо по принуждению присягает или клянется, то не на того падает грех, кто крест целует, но всего более на того, кто принуждает»⁹⁰. В своем третьем послании царю Курбский, ссылаясь на Священное Писание и жизнь Христа, пытался обосновать право человека на эмиграцию и объяснить Грозному, что он, православный государь, идет «против слова господня: “Если... преследуют вас в городе, идите в другой”». Выбор между жизнью в изгнании и смертельной опалой на родине был однозначно решен князем в пользу эмиграции. Однако не все было так просто, ибо

Курбский «как князь имел право выбирать своего сюзерена, но как воин, командующий войсками, он бежал не по совести» и «отъехал» от Ивана Грозного в нарушении всех московских норм и понятий, да еще в период Ливонской войны⁹¹.

Анализируя поступок князя Курбского, Н. М. Карамзин писал: «Бегство не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: *спасаться от мучителя*; но горе гражданину, который за тирана мстит отечеству!», и Курбский «возложил на себя печать стыда» когда вместе с поиском «убежища от гонителя в самой Литве, к несчастью, сделал более: пристал ко врагам отечества. Обласканный Сигизмундом, награжденный от него богатым поместьем Ковельским, он предал ему свою честь и душу; советовал, как губить Россию, упрекал Короля слабостию в войне; убеждал его действовать смелее, не жалеть казны, чтобы возбудить против нас Хана – и скоро услышали в Москве, что 70 000 Литовцев, Ляхов, Прусских Немцев, Венгров, Волохов с изменником Курбским идут к Полоцку; что Девлет-Гирей с 60 000 хищников вступил в Рязанскую область... Сия последняя весть изумила Царя» и уже «все добрые Вельможи казались ему тайными злодеями, единомышленниками Курбского; он видел предательство в их печальных взорах» и «требовал доносов...»⁹². Изведя весь, оставшийся в Москве род Курбского, включая его мать, жену и сына, Грозный на этом не остановился и в 1565 году развязал опричнину, которая, однако, лишь увеличила число беглецов: известных (Владимир Заболоцкий, Давид Бельский и другие) и неизвестных, так что путь, застолбленный Курбским, уже никогда не пустовал: «А нас на Руси не почитают и за пса смердящего. Отбегаем мы... из работы вечные, из холопства невольного, от бояр и от дворян государевых, да здесь прибегли и вселились в пустыне непроходимой», – говорили они, имея в виду бескрайние степи Дикого поля⁹³.

Бегство русских людей из страны стало для московской власти большой проблемой. Иван Грозный не понимал, как мог Курбский и ему подобные примкнуть «к врагам христианства» и к «нашему недругу королю Сигизмунду», уйти в страну, «где нет христиан», где цари «послушны епархам и вельможам» и «только по имени и по чести цари, а властью нисколько не лучше раба»⁹⁴. В свою очередь Курбский спрашивал царя: «...Чем прогневали тебя христиане – соратники твои?», за что нам, «несчастливым, воздал, истребляя нас и со всеми близкими нашими?»⁹⁵. В ответ звучало грозное: «А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить», и он, государь, обязан «держатъ свое царство в своих

руках, а своим рабам не давать господствовать», не подражать «безбожным народам», у которых «цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же самодержцы сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи!»⁹⁶.

Одним из веских аргументов для Ивана Грозного как представителя консервативного мышления, объяснявшего современное положение вещей ссылкой на Священное Писание, на «старину» и прошлые достижения, были слова апостола, который «повелевает спасать страхом»⁹⁷, однако бегство Курбского подрывало его убежденность, не давая покоя ни в чем. Недаром Грозный наставлял своих московских гонцов: «Если будет говорить с вами в Литве Князь Андрей Курбский или ему подобный *знатный* беглец Российский, то скажите им: *ваши гнусные измены не вредят ни славе, ни счастью Царя Великого: Бог дает ему победы, а вас казнит стыдом и отчаянием*. С простым же беглецом не говорите ни слова; только плюньте ему в глаза и отворотитесь»⁹⁸. На это Курбский отвечал, что не желает «служить отечеству неблагодарному, где добродетель губит и слава безмолвствует»: «Един царствуешь без *мудрых* советников; един воюешь без *гордых* воевод – укорял он Ивана Грозного в 1579 году, вопрошая – и что же? вместо любви и благословений народных, некогда сладостных твоему сердцу, стяжал ненависть и проклятия всемирные... Позор, позор для венценосца, некогда столь знаменитого!»⁹⁹.

В Великом княжестве Литовском А. Курбский прожил до конца своих дней. Он умер в мае 1583 года в подаренном ему королем Сигизмундом II Августом имении Миляновичи под Ковелем. Царь Иван Грозный пережил своего врага лишь на несколько месяцев, скончавшись в марте 1584 года. Вступивший на престол Федор Иванович, как писал Н. М. Карамзин, «хотел возратить отечеству изгнанников и беглецов Иоаннова царствования, не столько из милосердия, сколько для государственной выгоды» и «посылал к ним милостивые грамоты – именно к князю Гаврилу Черкасскому, Тимофею Тетерину, Мурзе Купкееву, Девятому Кашкарову, к самому изменнику Давиду Бельскому (свойственнику Годунова), – общая им забвение вины, чины и жалованье, если они с раскаянием и с усердием явятся в Москве, чтобы *доставить нам все нужные сведения о внутреннем состоянии Литвы*, о видах и способах ее политики. Федор прощал всех беглецов, кроме несчастного Курбского (вероятно, что его уже не было на свете) и кроме нового изменника, Михаила Головина»¹⁰⁰.

Князь Курбский для московской власти навсегда стал не просто «нежелательной персоной», а лютым врагом; он же, «владея городами и селами в Вольни, ни в богатстве, ни в знатности не находил успокоения; ...искал утешения в дружестве и в учении; зная язык латинский, переводил Цицерона; описал славное взятие Казани, войну Ливонскую, мучительства Иоанна... и тосковал о России, с чувством называя оную своим *любимым отечеством*»¹⁰¹. Главным сочинением Курбского в эмиграции, помимо его писем Ивану Грозному, стала «История о великом князе Московском», в которой он не только подробно описал период правления царя Ивана IV, но и дал развернутую критику установленного им тиранического режима и опричнины, обосновал программу реформ по ликвидации неограниченной формы правления и превращения России в сословно-представительную монархию.

На чужбине Курбский не стал литовцем, не примкнул к католикам, не изменил православию, более того, в условиях развития реформационного движения и еретических учений принял на себя роль его ревностного заступника и апологета, поборника единения всех православных и противника унии с польско-литовской католической церковью, которая на территории Речи Посполитой мечтала об униатстве. В Литве «Курбский написал “Историю о осьмом соборе”, резко тенденциозное антикатолическое произведение, в котором, излагая историю Ферраро-Флорентийского собора, рисовал в самых черных красках деятелей католической церкви и осуждал заключенную на соборе унию»¹⁰². Помимо неприятия католичества, Курбский развернул борьбу и с другой угрозой православию – учением Феодосия Косого – религиозного вольнодумца, противника церковной иерархии, мечтавшего освободить христианство от чуждых ему наслоений и возродить его исходную чистоту. За это в Московии он вместе с единомышленником Игнатием был отдан под суд, от которого им в 1554 году удалось сбежать в Литву, где их взгляды нашли понимание и живой отклик среди местного населения. Курбский, опасаясь разномыслия среди православных литовской земли, обратился с «Епистолией ко Кодиану Чапличу» – польскому пану, примкнувшему к учению Феодосия Косого, в которой разъяснял его неправильность и вредность. Однако такая стойкая приверженность Курбского православию никак не изменила суждения о нем в Москве. Тем не менее московская власть не смогла вычеркнуть его из истории России и мира, а переписка князя с Иваном Грозным вошла в число ценнейших письменных памятников отечественной культуры эпохи Средневековья.

Парсуна Ивана Грозного.
Национальный музей Дании.
Копенгаген.

К числу важных литературных памятников Руси второй половины XVI века относятся и послания Ивану Грозному другого русского эмигранта – нестяжателя, бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря старца Артемия. За свои взгляды, несогласные с позицией иосифлян, он был осужден за ересь, отлучен от церкви и сослан на пожизненное заточение в Соловецкий монастырь. Однако в 1555 году старцу Артемию вместе с некоторыми другими еретиками удалось бежать в Литву, сначала в Витебск, а потом в Слуцк, где он занялся активной защитой православия, в том числе при поддержке и покровительстве князя

Андрея Курбского. На чужбине старец Артемий, полный «любовью ко единоплеменной России», переводил на церковнославянский язык религиозную литературу, преподавал богословие, сочинял апологетические и полемические послания. Два из них были адресованы царю Ивану Грозному, которому старец говорил: «Подобает православному царю правостию и кротостию Христовою и с рассмотрением вся творити»¹⁰³. Но ни «правости», ни «кротости Христовой», по мнению ряда жителей Московии, у русского самодержца не замечалось, что вело к росту числа беженцев из страны.

Именно в это время в Московской Руси зародилось такое понятие как «невозвращенец», что было связано с развитием практики отправки русских людей в другие страны на учебу или работу, после чего многие из них обратно на родину не возвращались, например, сын главы Посольского приказа А. Л. Ордина-Нащокина. Однако еще за сто лет до этого Иван Грозный направил нескольких московских людей на учебу в Европу, затем Борис Годунов «послал 18 молодых *Боярских людей* в Лондон, в Любек и во Францию учиться языкам иностранным», из которых ни один не вернулся домой¹⁰⁴. И причина этого, скорее всего, заключалась не в прельщении западным образом жизни, а в страхе перед невежественными кругами правящего слоя Московии, считавшими, что «кто

по-латыни учился, тот с правого пути совратился», подлежит суду, а затем и суровому наказанию¹⁰⁵.

Потерпев неудачу с отправкой русских людей на учебу за границу, Борис Годунов решил в Московии «завести школы и даже университеты, чтобы учить молодых россиян языкам европейским и наукам; в 1600 году он посылал в Германию немца Иоганна Крамера, уполномочив его искать там и привезти в Москву профессоров и докторов», которые, обрадовавшись этой вести, писали ему в 1601 году: «Ваше Царское Величество хотите быть истинным отцом отечества и заслужить всемирную бессмертную славу. Вы избраны небом совершить дело великое, новое для России: просветить ум Вашего народа несметного и тем возвысить его душу вместе с государственным могуществом, следуя примеру Египта, Греции, Рима и знаменитых держав европейских, цветущих искусствами и науками благородными», однако, по утверждениям Карамзина, данное важное намерение не исполнилось «от сильных возражений духовенства, которое представило царю, что Россия благоденствует в мире единством Закона и языка, что разность языков может произвести и разность в мыслях, опасную для церкви; что, во всяком случае, неблагоприятно верить учение юношества католикам и лютеранам»; тогда, «оставив мысль заводить университеты в России, царь... звал к себе из Англии, Голландии, Германии не только лекарей, художников, ремесленников, но и людей чиновных в службу», а в 1601 году «с отменным благоволением принял в Москве 35 ливонских дворян и граждан»¹⁰⁶. Однако в отношении своих подданных Борис Годунов ввел правовой запрет на «уход в иные земли», зафиксированный в новой форме присяги (клятвы) на верность, которая требовала «не изменять царю ни словом, ни делом, не помышлять на его жизнь и здоровье... и не уходить в иные земли». Но «не уходить» уже не получалось, особенно в начавшуюся на исходе его правления Смуту, которая предвещала Новое время, заставлявшее Русь отказываться от замкнутости и обособленности в пользу интеграции и открытости внешнему миру.

Смута начала XVII века стала рубежной вехой в русской истории. Впервые со времен Киевской Руси ее участники поставили вопрос о политических правах народа и его отдельных сословий (кроме холопов), а также правах, ограждающих личную свободу подданного от произвола власти, гарантированных и охраняемых законом, в том числе праве свободного передвижения, что было отражено в договоре 4 февраля 1610 года о признании московским царем королевича Владислава IV: «каждому из народа московского

для науки вольно ездить в другие государства христианские, и государь имущества за то отнимать не будет»¹⁰⁷. И хотя потом, 17 августа 1610 года, в договоре о присяге на верность Владиславу эта статья была вычеркнута как опасная для устоев отечества, она уже прочно вошла в сознание активной части населения, для которой свобода выезда и въезда играла важную роль в международной политической, торговой, образовательной и культурной деятельности.

Так, в 1609 году студентом Кембриджа стал уехавший из Московии на учебу в Англию Никифор Алферович Григорьев, который спустя три года получил степень бакалавра, а в 1615 году и магистра. Желая как можно быстрее ассимилироваться в Европе, он изменил свое имя на Никифер Алфери (Alphery) и «прожил в Англии всю жизнь, пока не умер в 1668 году»¹⁰⁸. В Кембридже с 1617 года учился и «другой русский – Иван Иванович Алмазен, сын переводчика из Иностранного приказа», который «также сменил имя, превратившись в Джона Элмсона» и после Англии «продолжил изучать медицину во Франции и Италии в 1629 году»¹⁰⁹, став к этому времени уже полноправным европейцем.

В XVII веке курс на изоляцию Московской Руси все явственнее вступал в противоречие с интересами развития страны и народа, неудивительно поэтому, что 19 февраля 1629 года новгородский воевода Д. М. Пожарский получил предписание не чинить приезжавшим на Русь иностранцам каких-либо препятствий, велеть «их учить русской грамоте на посаде церковным дьячкам» и отпускать домой без предварительного запроса и разрешения на то правительства, как было раньше¹¹⁰. Так в 1659–1666 годы на царской службе в Московии находился доктор медицины Самюэль Коллинс (Collins Samuel), затем отстранившийся от дел и через год с похвальным аттестатом и подарками уехавший к себе в Лондон. Там после смерти Коллинса в 1671 году была издана его книга в форме «письма к другу» о русской жизни при царе Алексее Михайловиче, которая потом неоднократно переиздавалась в Европе, но в России была переведена на русский язык и опубликована лишь в середине XIX века под названием «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича»¹¹¹.

В 1661 году Московскую Русь с дипломатической миссией посетил австрийский дипломат, посол императора Леопольда I Августин Мейерберг (Augustin Meyerberg или Mayerberg). В ходе поездки он составил два донесения («Relation der Keiser»)

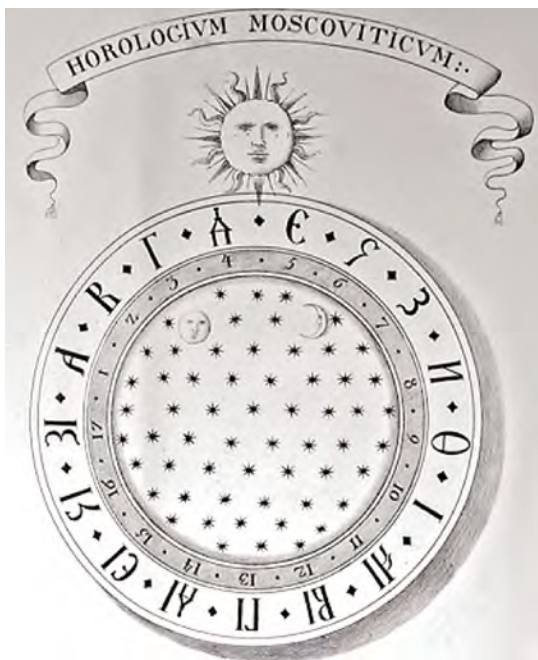
от 12 июня 1661 года и 27 мая 1662 года, а по завершении московского путешествия дал подробное его описание, к которому приложил латинский перевод Соборного уложения царя Алексея Михайловича («Statuta Moschovitica») и сборник чертежей и зарисовок с натуры, что превратило материалы Мейерберга в ценные источники по русской и западноевропейской истории. В конце XVII века они были переведены с латыни на французский и итальянский языки и опубликованы в Лейдене (1688) и Неаполе (1697), затем, в 1820 году изданы в Берлине на немецком языке библиофилом Б.-Г. Вихманом (Wichmann) в «Собрании неизданных рукописей по древней истории и сведений о русском царстве»¹¹². В России материалы Мейерберга стали доступны в 1827 году благодаря Ф. П. Аделунгу, издавшему в С.-Петербурге на немецком и русском языках книгу «Барон Мейерберг и путешествие его по России с присовокуплением рисунков, представляющих виды, обряды, портреты и т. п., в продолжение сего путешествия собранных», в которой давалась высокая оценка свидетельствам австрийского посла: «Книга Мейерберга... после известного сочинения барона фон Герберштейна под названием “Moscovia”, без сомнения заслуживает более всего внимания по подробности содержащихся в ней сведений относительно географии и статистики тогдашней России», – утверждал Аделунг¹¹³.

Эти слова ученого в то время, однако, остались без внимания. Лишь полвека спустя к материалам Мейерберга возник научный интерес и они были изданы: в «Чтениях» Императорского Общества Истории и Древностей Российских за 1873 и 1882 годы¹¹⁴; отдельной книгой 1874 года «Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом»¹¹⁵; в 1903 году как «Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века», который содержал «карту пути цесарского посольства 1661–1662

Вид на Кремль со стороны Красной площади. Фрагмент рисунка из альбома Мейерберга.

годов» и фотографии со всех 250 подлинных рисунков собрания Мейерберга, хранившегося в Дрезденской Королевской библиотеке, что позволило в полной мере оценить их уникальность¹¹⁶. Как отмечал, например, К. Бестужев-Рюмин, «драгоценное собрание это – одно из лучших пособий для изучения русских древностей»¹¹⁷.

Часы на Спасской башне Московского Кремля. Рисунок из альбома Мейерберга, который писал: «Таковы главные часы, к востоку, на Фроловской башне, над Спасскими воротами, близ большой торговой площади или рынка, возле дворцового моста. Они показывают часы дня от восхождения до заката солнечного. В летний солнцеворот, когда бывают самые долгие дни, часы эти показывают и бьют до 17, и тогда ночь продолжается 7 часов. Прикрепленное сверху на стене неподвижное изображение солнца образует стрелку, показывающую часы, означенные на оборачивающемся часовом кругу. Это самые большие часы в Москве. Кроме них имеются еще одни громко бьющие часы, в замке Кремлевском, по другую сторону, на Москве-реке; других же мелких нет. Русские разделяют сутки вообще на 24 часа и считают часы по присутствию или отсутствию солнца, так что при восходе солнца часы бьют 1, через час 2 и так далее до самого заката. Равным образом начинают счет с первого ночного часа и продолжают до наступления дня»¹¹⁸.

Важным дополнением зарубежных свидетельств о Московии являются материалы русских дипломатических миссий и посольств, направлявшихся московскими правителями в другие страны¹¹⁹. «Посольские дела» представляли собой либо самостоятельные документы и сочинения типа «статейных списков» (отчетов), либо источники, инкорпорированные в иностранные произведения на русскую тему, как, например, упоминавшийся уже трактат австрийца Иоганна Фабри «Религия московитов», или «Книга о посольстве Василия Великого, Государя Московского к папе Клименту VII, в которой с особой достоверностью описано положение страны, неизвестное древним, религия и обычаи народа и причины посольства», изданная в 1525 году итальянцем Паоло Иовием или Джовио (Paolo Giovio) по материалам его бесед с русским «послом Деметрием Эразмием» – Дмитрием Даниловичем Герасимовым.

Ценнейшим артефактом этой книги был чертеж Московии 1525 года, который имел своим прототипом древнейший русский государственный чертеж Московии 1497 года, известный по изданию Энтони Дженкинсона (Anthony Jenkinson) 1562 года, а также чертеж объединенных вокруг Москвы княжеств 1523 года, легший в основу опубликованной в 1613 году Гесселем Герритсом (Hessel Gerritsz) «Карты Руси»¹²⁰. Как из всего этого видно, интерес к молодому Московскому государству со стороны зарубежных стран был очень велик, поэтому приведенная Иовием в своей книге 1525 года «Карта Московии, составленная по рассказу посла Димитрия и многим добавлениям» была одновременно издана венецианским картографом Баттиста Аньезе (Battista Agnese), который позже включил ее в свой рукописный атлас, а в 1526 году ее использовал Сигизмунд фон Герберштейн, наконец, четверть века спустя известный картограф Джакомо Гастальди (Giacomo Gastaldi) на ее основе создал «Новую карту Московии», опубликованную в 1548 и в 1561 годы¹²¹.

Среди отдельных оригинальных работ московских дипломатов большой интерес представляют донесения русского посла Леонтия Шевригина (по прозванию Исто́ма), который с двумя переводчиками в сентябре 1580 года был направлен Иваном Грозным к императору Рудольфу II и папе римскому Григорию XIII. Понтифик после встречи с Шевригиным в качестве ответного шага решил отправить в Москву своего легата, иезуита Антонио Поссевина, который вместе с русским послом в конце марта 1581 года выехал из Рима и 17 июля прибыл в Москву. Поссевин отправился на Русь с трактатом Фабри «Религия московитов», а Шевригин – со статейным

списком и «Росписью дороге», иначе говоря, путевым дневником, содержащим описание европейских стран и городов: Рима с его храмами и монастырями, Венеции, жители которой «сами себе властвуют», Франции, охваченной религиозной войной, и так далее¹²².

Ценным памятником отечественной культуры стали «Записки русских посланников Петра Потёмкина и Семена Румянцова, веденные ими в 1667 и 1668 годах в Испании и во Франции», которые были опубликованы в 1851 году журналом «Сын отечества»¹²³. Они включали как служебные донесения, касавшиеся тайных наказов и международной политики, так и разделы, говорившие о повседневной жизни, например, «О Дружбе Ишпанского короля», «О чинах великородных людей Ишпанского государства», «О вере Ишпанского государства» и другие. И хотя время поездки московских посланников было тяжелым периодом в истории Испании, которая при короле Карле II находилась в деструктивном состоянии экономического кризиса, политической борьбы и территориальных потерь, прошлые мощь и богатство испанской империи еще сохраняли свое величие. На заметку бралось все яркое и необычное, в первую очередь, цветущий королевский двор Испании, а также изобилие ее земли, полной разных плодовых деревьев с «винными ягодами, миндальными ядрами, гранатами, яблоками, грушами, лимонами, оранцами, оливками, цитронами, орехами грецкими, вишнями» и финиками; при этом, к удивлению россиян, испанцы «едят по малуж» и «хмельного питья пьют мало», так что московские посланники «в шесть месяцев не видали пьяных людей, чтоб по улицам валялись, или идучи по улицам, напився пьяны, кричали»¹²⁴.

Ярким артефактом этого русского посольства в Испанию стал натуральный живописный портрет его главы, окольного и думного дьяка Петра Ивановича Потёмкина. Картина была написана видным представителем мадридской школы, придворным художником испанского короля Карла II Хуаном Карреньо де Миранда (Juan Carreño de Miranda) и в настоящее время экспонируется в Национальном музее Испании Прадо – одном из крупнейших музеев изобразительного искусства мира.

Важным следствием развивавшихся связей Московского государства с зарубежными странами и роста непосредственных контактов русских людей с иностранцами как у себя на родине, так и во время заграничных поездок стало появление различных словарей, лексиконов и разговорников с иноязычной и русской частью¹²⁵. Они «свидетельствовали о развитии равноправных, доброжелательных

и часто дружеских взаимоотношений, о широких и глубоких контактах между иноземцами и русскими, в результате которых происходило взаимовлияние и обогащение как русской, так и иноземной культуры»¹²⁶. Например, академик И. Х. Гамель, работая в середине XIX века в музеях и библиотеках Оксфорда, обнаружил там русские рукописные книги, привезенные в Англию в XVI–XVII века, в том числе пять тетрадей пастора Ричарда Джемса, входившего в свиту английского посланника Дадли Дигтса, который посетил Русь в 1618 году. Рукописи Р. Джемса включали русско-английский словарь-дневник с записями о Москве, ее нравах, обычаях, устном народном творчестве, профессиональной речи рыбаков, местной лексике поморов и северорусских диалектных особенностях¹²⁷. До сих пор «Словарь-дневник» пастора Ричарда Джемса считается первым в мировой истории русско-английским разговорником и ценнейшим памятником англо-русских отношений¹²⁸.

Помимо него, в обиходе московской жизни использовались также другие словари: русско-немецкий разговорник XV века, изданный в Кракове, копия которого была заказана в начале XVI века дерптским бюргермейстером Томасом Шрове и называлась «Книга русского языка», или просто «Русская книга» 1546 года¹²⁹; англо-русский и русско-английский словарь Марка Ридли (Ридлея), служившего в 1594–1598 годы личным врачом царя Федора Иоанновича; «Парижский словарь московитов» (Dictionaire Moscovite), составленный летом 1586 года во время месячной стоянки французского корабля в Новых Холмогорах капитаном Жаном Соважем и отражавший холмогорско-архангельскую речь конца XVI века; руководство по изучению русского языка немца Тонни Фенне,

Х. К. де Миранда. Петр Иванович
Потёмкин, 1681. Музей Прадо.
Мадрид, Испания.

написанное в 1607 году в Пскове объемом 283 листа; немецко-русский словарь-разговорник 1629 года Генриха Невенбурга; «Русская грамматика» (Grammatica Russica. Oxford, 1696) немецкого филолога и дипломата Генриха Вильгельма Лудольфа, описавшая русский разговорный язык и ставшая первой в мире грамматикой русского, а не церковнославянского языка; нидерландско-русский словарь-разговорник конца XVII века и другие. Структура иностранных разговорников была практически одинакова для всех словарей. Она включала русскую азбуку, полный титул царя, отрывки из Священного Писания, обозначение чисел, времен года и дней недели, перевод мужских и женских имен, а также «имен зверей, птиц и рыб и плода земляного», названия домашних построек и утвари, еды и напитков, но самое ценное – тематические диалоги, которые, например, в разговорнике Невенбурга названы «Речи двух добрых людей» («Ein Gespräch zwei gutter Leute»).

Рукописи разговорников хранятся в различных европейских библиотеках и архивах: руководство по изучению русского языка Т. Фенне находится в Королевской библиотеке Копенгагена, разговорник Невенбурга – в немецкой библиотеке города Галле, нидерландско-русский разговорник – в библиотеке Ганновера и так далее¹³⁰. Будучи частью культурного наследия западно-европейских стран, они вместе с тем являются также ценными памятниками русской истории и культуры периода Московской Руси, которая нередко использовала западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбучниках XVI–XVII веков¹³¹. Кроме того, в период Средневековья изучение языков велось также по широко распространенным текстам Священного Писания и, например, «Псалтырь» середины XVII века, писанная по-славянски, имела под каждой строкой перевод на греческий и польский языки, что способствовало их освоению и изучению.

Наряду с сугубо лингвистической значимостью иностранные словари, лексиконы и разговорники имеют также важное источниковедческое значение и выступают в качестве ценных источников по истории внешнеполитических и торговых связей Московской Руси, ее быта, ремесленного производства, медицины, культуры в целом¹³². Содержащаяся в них информация, затрагивая самые разные темы, дает богатый материал для понимания характера взаимоотношений иноземцев с русским населением и русских людей с иноземцами, более того, позволяет пересмотреть многие негативные оценки, исходившие от посещавших Московию иностранцев и прочно закрепившиеся в умах европейцев.

Тематические диалоги всех иностранных словарей-разговорников отличает «дух радушия и доброжелательности», начиная с «Парижского словаря москвитов» и его раздела «Все други», продолжая немецким трудом Фенне, писавшим – «И мы по всякой времени добро суседство держали и хотим того и впред держати», и заканчивая «Русской грамматикой» Лудольфа, которая была создана в 1692–1694 годы, во время пребывания немецкого филолога в России. Свою грамматику Лудольф посвятил наставнику Петра I, князю Борису Алексеевичу Голицыну, который в совершенстве овладел латинским языком, чем, по мнению Лудольфа, «сам открыл себе доступ к беседам с иностранцами» и имел «великое утешение... о чужих землях беседовать»¹³³. А в диалоге «О службе божьей» Лудольф приводил пример одного русского собеседника, отстоявшего обедню и на вопрос, осуждает ли он знакомство с иностранцами, ответившего: «Когда я найду доброго человека, его люблю и почестю, хотя он иной веры, а когда я вижу бездельника, его не во что ставлю, хотя он мой сродня. Разумно то, злобу и грех ненавидит, а не человека»¹³⁴.

В латинском предисловии своей «Русской грамматики», а также в особом издании диалогов и трактатов, предназначавшихся молодому Петру I, Лудольф акцентировал внимание на важности развития дружеского диалога между разными странами и народами и выражал надежду, что его «книга послужит на пользу тем, кто хочет научиться разговорному русскому языку», ибо «Всемогущий Творец этого мира, щедро одаряя разные народы разнообразными благами, видимо, хотел, чтобы жители земного шара завязали бы сношения между собой...», а в конце предисловия, обращаясь непосредственно к Руси, писал, что его Грамматика, может быть, «убедит Русских, что можно печатать некоторые вещи и на народном наречии», что «только к пользе и славе Русской Науки может послужить...», если они, по примеру других народов, начнут культивировать русский язык и издавать на нем хорошие книги»¹³⁵.

Это потом и произошло, хотя точности ради следует отметить, что еще в 1674 году на кириллице вышел первый учебник по отечественной истории – «Синописис, или Краткое собрание от разных летописцев, о начале славяно – российского народа, и первоначальных кн[я]зей б[о]госпасаемого града Киева о житии с[вя]т[а]го благоверного великаго кн[я]зя киевскаго и всея России первейшаго самодержца Владимира, и о наследниках бл[а]гоч[е]стивыя державы ег[о] Российския, даже до ... пресвет[лаго] и бл[а]гочтиваго г[о] с[у]д[а]ря н[а]шего ц[а]ря, и великаг[о] кн[я]зя Алексия Михаи-

ловича всея Великия, Малыя, и Белья России самодержца»¹³⁶. Его автором-составителем был уроженец Пруссии (Кёнигсберга) Иннокентий Гизель (Innozenz Giesel), в юности переехавший в Киев, принявший там православие и постригшийся в монахи, в 1648 году ставший ректором Киево-Могилянской коллегии, а в 1656 году – архимандритом Киево-Печерской лавры, где «Синописис» и был напечатан. Почти столетие этот учебник активно использовался в русском образовательном процессе: он выдержал около трех десятков изданий, многократно переписывался от руки и был очень популярен из-за своей идейной направленности, говорившей о единстве православного славяно-русского народа.

Весной 1685 года в Москву приехали греческие православные монахи, уроженцы Кефаллинии, братья Иоанникий и Софроний Лихуды. Вместе с ними были сыновья Иоанникия – Анастас и Николай Лихуды, что говорило о полной уверенности братьев в успешности их русского путешествия. Выпускники Падуанского университета с дипломами докторов богословия, Иоанникий и Софроний Лихуды имели славу высокообразованных людей, «преподавателей, писателей, полемистов, переводчиков», которых «в греческом мире того времени называли “просветителями, учителями нации”»¹³⁷. По установленному московскому порядку Лихуды как иностранцы первым делом явились в Посольский приказ, где предъявили свидетельствованный лист вселенских патриархов об их православии и богословско-педагогическом мастерстве, выданный им в Константинополе¹³⁸. Однако в Москве пожелали лично удостовериться в знаниях братьев Лихудов, и им был устроен публичный диспут с известным философом, литератором, переводчиком Яном (Андреем) Белобоцким. После его успешного проведения 15 марта 1685 года Лихудам в обучение было дано несколько учеников Типографской школы иеромонаха Тимофея, что стало основанием для создания в Москве Славяно-греко-латинской академии – богословского учебного заведения высшего типа, опиравшегося на правила и нормы греческой и западноевропейской системы преподавания¹³⁹.

Педагогическая деятельность Лихудов сыграла заметную роль в истории отечественного просвещения. Она положила начало становлению в России новейшей (западной) системы высшего образования в той форме, как ее воспринимала греческая православная традиция. По качеству обучения и преподавания Славяно-греко-латинская академия превосходила все существовавшие тогда русские школы. Ее образовательный процесс включал несколько

уровней: от низшего, подготовительного славянского отделения до высшего, дававшего знания в объеме университетской программы высших школ Европы. В академии было введено трехязычное обучение и так называемый тривиум и квадривиум, которые назывались «семь свободных искусств» и «семь родов умственных занятий» («*septem artes liberales*»). Система обучения опиралась на общие для европейской культуры тексты, а также современные учебники. Часть из них была написана (на греческом, латинском и русском языках) самими братьями Лихудами: «Логика», «Риторика», «Грамматика и поэтика», которые в настоящее время хранятся во многих книжных собраниях России и мира. Московские власти высоко оценили труд братьев Лихудов и с сентября 1686 года стали платить каждому по сто рублей – большие деньги для того времени¹⁴⁰.

Однако не всем на Руси синтез византийско-греческой и западно-латинской учебных традиций пришелся по нраву. В 1694 году Лихуды были отстранены от преподавания и попали в опалу. Не нравилась многим и активная богословско-полемиическая деятельность Лихудов, которая нашла отражение в их сочинениях: «Акос, или Врачевание от угрызений змиевых», «Диалоги грека учителя к некоему Иисуиту», «Мечец Духовный» и других. Лишь триста лет спустя, в 2007 году перед храмом бывшего Богоявленского монастыря Китай-города Москвы, у места, где началось формирование Славяно-греко-латинской академии, знаменитым «греческим просветителям братьям Иоанникию и Софронию Лихудам» был установлен бронзовый памятник, но не благодарными россиянами, а как «дар правительства Греции городу Москве»!

Славяно-греко-латинская академия стала первой высшей школой в России. Она подготовила когорту новых людей для новой

Памятник просветителям
Иоанникию и Софронию Лихудам;
художник В. Клыкова, архитектор
В. Пасенко. 2007 г., Москва, Россия.

эпохи. А ее предвестниками были такие яркие личности как боярин В. В. Голицын – приверженец широкого просвещения, покровитель братьев Лихудов, сторонник веротерпимости, поборник вечного мира и дружбы с Западом; глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин, придерживавшийся «правила, что “доброму не стыдно навязать и со стороны, у чужих, даже у своих врагов”» и регулярно доставлявший царю Алексею Михайловичу вести из Европы¹⁴¹; стольник П. И. Потёмкин, объездивший почти всю Европу и имевший беседы с Людовиком XIV и художником Д. Веласкесом и некоторые другие. Для них европеизация означала широту кругозора, знакомство с миром разных вещей и понятий, эрудицию, – словом, все то, что давалось активной познавательной деятельностью, выходящей за рамки архаичного бытия. И хотя до сих пор существует стойкое мнение, что весь строй московской жизни «не допускал живого, непосредственного общения подданных с иностранцами», которое «навлекало на русских серьезные подозрения не только в измене русской вере и обычаям, но и политической», что население Московии было «совершенно равнодушно к искусству и знанию европейцев»¹⁴², наличие многочисленных фактов и артефактов опровергает данное убеждение и уж никак не относится к экономически активным и просвещенным слоям Московского государства.

Во многих письменных памятниках светского характера «нет ни враждебности, ни религиозной или национальной нетерпимости в отношении западного мира. Чувствуется лишь пытливость авторов и стремление запечатлеть и донести до читателя сведения о Западе, с которым Россию все больше связывали проблемы международной жизни и развивающиеся культурные контакты»¹⁴³. А также повседневный «жизненный мир», о чем еще в XIX столетии писал историк Д. В. Цветаев, разбиравший дела об изъятии русской прислуги у иностранцев и в работе «Памятники к истории протестантства в России» отмечавший, что неоднократное издание в течение всего XVII века указа, запрещавшего иностранцам держать русскую прислугу, говорило о постоянном его нарушении и о том, «что в действительности разобщенность между русскими и иноземцами не была настолько велика, как обыкновенно теперь представляют ее»¹⁴⁴.

Завершить разговор о Московской Руси можно словами философа Г. П. Фёдотова, который сто лет назад писал: «Конечно, рисовать два столетия Москвы, как сплошной упадок, несправедливо. Нельзя закрывать глаза на подвиг создания великой державы, нельзя не видеть и огромных сил народных... Москва полнокровна, кря-

жиста, если говорить об ее этнических силах. Но уже развивается старческий склероз в ее социальном теле. Такая юная годами, она видимо дряхлеет в XVII в., и дряхлость ее сказывается во все растущем общественном недомогании, в потребности общих перемен и вместе с тем неспособности органически осуществить их. Государственное бытие становится невозможным в примитивно варварских формах, но силы инерции огромны, быт свят, предание и православие одно. Со времени Грозного оборона государства во все растущей мере зависит от иностранцев. Немецкая слобода, выросшая в Москве, стоит перед ней живым соблазном. Как разрешить эту повелительно поставленную судьбой задачу: усвоить немецкие хитрости, художества, науку, не отрекаясь от своих святынь? Возможна ли простая прививка немецкой техники к православному быту? Есть люди, которые еще в наши дни отвечают на этот вопрос утвердительно. Но техника не падает с неба. Она вырастает, как побочный плод, на древе разума: а разум не может не быть связан с Логосом. Пустое место, зиявшее в русской душе именно здесь, в “словесной”, разумной ее части, должно быть заполнено чем-то. В десятилетие и даже в столетие не вырастает национальный разум. Значит, разум тоже будет импортироваться вместе с немецкими пушками и глобусами. Иначе быть не может. Но это страшно. Это означает глубокую деформацию народной души, вроде пересадки чужого мозга, если бы эта операция была возможна. Жестоко пробуждение от векового сна. Тяжела расплата — люди нашего поколения ощущают это, как никогда. *Но другого пути нет.* Кто не понимает этого, тот ничего не понимает в истории России...»¹⁴⁵. Этим путем была модернизация, глубокое реформирование страны по самому передовому на тот момент западному образцу. Без построения нового мощного государства, промышленной цивилизации и светской культуры, вписанной в европейский контекст, Московское царство ждал регресс, и оно на столетия могло остаться малоразвитой страной и легкой добычей для более сильных соседей.

Импульс, заданный великой княгиней Софьей Палеолог по включению Московской Руси в европейское цивилизационное пространство, обернулся миссией превращения Москвы в Третий Рим, которая стала определять развитие России на все последующие века.

Примечания

- ¹ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Полное издание в одном томе. М. : Альфа-Книга, 2008. С. 701, 901.
- ² *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей России. Л. : Наука, 1980. С. 110—111.
- ³ Деятельность Посольского приказа оплачивалась по высшей ставке: «управляющий Посольским приказом получал в год 100 рубл. жалованья, Рязрядным — столько же, Поместным — 500 рубл., Казанским — 150». См. : *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве / пред. Р. Скрынникова // Наше наследие. 1988. № 1. С. 98.
- ⁴ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 709 ; *Боднарчук Е. В.* Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи Московской Руси с Западной Европой в последней четверти XV — первой трети XVI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. : СПбГУ, 2014. — 30 с. ; *Казакова Н. А.* Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. Л. : Наука, 1972. С. 248—266.
- ⁵ *Малето В. И.* Ферраро-Флорентийский собор 1438—1439 гг. и великое княжество Московское // Вопросы истории. 2017. № 11. С. 82—100.
- ⁶ *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры : в 3 ч. Ч. 2 : Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб. : Мир Божий, 1897. С. 21—22.
- ⁷ *Богданов А. П.* Русские патриархи (1589—1700) : в 2 т. Т. 1. М. : ТЕРРА; Республика. 1999. С. 268—273.
- ⁸ *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. С. 8, 17.
- ⁹ *Сахаров И.* Путешествия русских людей в чужие земли. Ч. 1. СПб. : Изд. Н. Власова, 1837. С. 87—112 ; *Павлов А.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб. : Академия наук, 1878. С. 92—97 ; *Делекторский Ф. И.* Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии // Журнал Министерства народного просвещения. 1895, июль. С. 5—37 ; *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев: Киево-Печерская Успенская Лавра, 1901. Приложение. С. 70—87 ; *Щербина А. Д.* Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии. Одесса: Экономическая тип., 1902. С. 7—24.
- ¹⁰ Reisebericht eines unbekannten Russen (1437—1440). übersetzt, eingeleitet und erklärt von Gunther Stökl // Europa im XV Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Graz; Wien; Köln, 1954. S. 151—189 (Byzantinische Geschichtsschreiber. Bd 2).
- ¹¹ *Прокофьев Н. И.* Русские хождения XII—XV вв. // Учен. зап. МГПИ. № 363 : Литература Древней Руси и XVIII века. М. : МГПИ, 1979. С. 68.

- ¹² Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. С. 42.
- ¹³ См.: Там же. С. 63—65.
- ¹⁴ Там же. С. 93.
- ¹⁵ Цит. по: Карамзин Н. М. История Государства Российского. С. 694.
- ¹⁶ Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л. : Наука, 1970. С. 159.
- ¹⁷ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. С. 128.
- ¹⁸ Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб. : Logos, 1999. С. 622.
- ¹⁹ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. С. 127.
- ²⁰ Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч. 1—3. Казань : Типография Губернского правления, 1859—1862.
- ²¹ См.: Маслова Е. Н. Памятник «Тысячелетию России». Л. : Лениздат, 1972. — 102 с.
- ²² Преподобный Максим Грек. СПб. : Мирской вестник, 1865. — 16 с.
- ²³ Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 1—3. Свято-Троицкая Сергиева Лавра : Собств. Типография, 1910—1911.
- ²⁴ Житие преподобного отца нашего Максима Грека, трудившегося в переводе богослужебных книг с древнегреческого на славянский язык в царствующем граде Москве, в первой половине XVI в., при Великом князе Василии Иоанновиче, а потом двадцать пять лет томившегося в заточении за правду / Сост. иером. Св. Троицкой Сергиевой Лавры Харлампий. СПб. : тип. Р. Голике, 1886. — 60 с.
- ²⁵ Синайский А. Л. Краткий очерк церковно-общественной деятельности преподобного Максима Грека по части обличения и исправления заблуждений, недостатков и пороков русского общества XVI ст. (1518—1556 г.). СПб. : Гл. упр. делов, 1898. — 74 с.
- ²⁶ Дунаев. Б. И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке : Ист. исслед. с прил. текстов дипломат. сношений России с Турцией в начале 16 ст. по документам Моск. арх. М-ва ин. дел. М. : Синод. тип., 1916. — 92 с.
- ²⁷ Синицына Н. В. Максим Грек. М. : Молодая гвардия, 2008. — 236 с.
- ²⁸ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг. : Комиссариат народного просвещения, 1918. С. 5.
- ²⁹ Иностранцы о древней Москве: Москва XV—XVII вв. / сост. М. М. Сухман. М. : Столица, 1991. — 428 с.
- ³⁰ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве // Там же. С. 96.
- ³¹ Adelung F. Siegmund Freiherr von Herberstein. Mit besonderer Ruecksicht auf seine Reisen in Russland / geschildert von Friedrich Adelung. St. Petersburg: тип. Н. Греча, 1818. — 513 с. ; *Idem.* Augustin Freiherr von Meyerberg und seine Reise nach Russland. St. Petersburg: Kray, 1827. —

- 380 S. ; *Idem*. Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Rußland bis 1700. 2 Bände. St. Petersburg, 1846.
- ³² *Starczewski A.* Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI. Volumen Primum. Berolini et Petropoli, MDCCCXLI. – 725 p.
- ³³ *Гулов П. С.* Периодизация отечественной историографии в «Очерке литературы русской истории до Карамзина» А. В. Старчевского // Вестник НГУ. Сер. ист., филол. Т. 7. Вып. 1 : История. Новосибирск : Новосибирский гос. пед. ун-т, 2008. С. 129.
- ³⁴ *Лукомский Г. К.* Московия в представлении иностранцев XVI – XVII веков. Очерки П. Н. Апостола. Берлин : Academia; тип. Куммер и К°, 1922. – 68 с.
- ³⁵ *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. Вып. 1 : С древнейших времен до конца XVIII в. М. : Изд-во соц.-экон. литературы, 1962. – 496 с. ; *Он же.* Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М. : Наука, 1966 – 173 с. ; *Аллатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М. : Наука, 1973. – 476 с. ; *Он же.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М. : Наука, 1985. – 272 с. ; *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках. Л. : Наука, 1978. – 272 с. ; *Мединский В. Р.* Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв. : дис. ... д-ра. ист. наук. по специальности 07.00.02. – Отечественная история. М. : РГСУ, 2011. – 479 с.
- ³⁶ *Viaggio del clarissimo messer Ambrogio Contareno nella Persia, mandate pro ambasciatore dalla Illustrissima Signoria di Vinetia, allo illustre signore Usuncassan, re di Persia.* Венеция, 1487; *Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis.* 1517 ; *Меховский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л. : АН СССР. 1936. – 288 с. ; Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» // Россия и Германия. Вып. 1. М. : ИВИ РАН, 1998. С. 15–34. В России «Религия московитов» Фабри была издана в 1826 г. в «Отечественных записках» в качестве вольного и краткого перевода этого трактата на русский язык с некоторыми пояснениями переводчика, вольным пересказом отдельных эпизодов и добавлениями; затем в 1841 г., основываясь на франкфуртской публикации 1600 г., полный трактат Фабри был опубликован А. Старчевским, который издал его вместе с другими иностранными источниками XVI в., рассказывавшими о России.
- ³⁷ *Hiersemann Karl W.* Антикварный каталог. Путешествия в России в Европейской, Азиатской части и в соседних с Россией странах. География, этнография и народное хозяйство. Из библиотеки Тайного советника Дмитрия Петровича Северина, чрезвычайного посланника при Баварском дворе. Лейпциг. 1899. № 259.
- ³⁸ *Adelung F.* Siegmund Freiherr von Herberstein. Mit besonderer Ruecksicht auf seine Reisen in Russland / geschildert von Friedrich Adelung. St. Petersburg : тип. Н. Греча, 1818. – 513 с.

- ³⁹ Записки о Московии (*Regum Moscoviticarum Commentarii*) барона Герберштейна. С латинского базельского издания 1556 года перевел И. Анонимов. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1866. – 230 с.
- ⁴⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии : в 2 т. М. : Памятники исторической мысли, 2008. Т. 1 : Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малейна и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. – 776 с. ; Т. 2 : Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. – 656 с.
- ⁴¹ «Отчет Ченслера о путешествии по Руси, обработанный с его слов Климентом Адамсом» более известен как «Новое плавание и открытие царства Московии по северо-восточному пути в 1553 году, предпринятое рыцарем сэром Х. Уиллоуби и выполненное Ричардом Ченслером, старшим кормчим плавания. Написано на латинском языке Климентом Адамсом». См. : *Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI–XVII столетиях. Т. 1–2. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук 1865–1869. Т. 1. – 179 с. ; Т. 2. – 308 с. ; *Красавченко Т.* «Загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки» [О восприятии России в Англии] // Отечественные записки. 2007. № 5. С. 40–52.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 789.
- ⁴⁴ Там же. С. 789–790.
- ⁴⁵ *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. С. 216.
- ⁴⁶ *Мильтон Дж.* Московия Джона Мильтона / пер., ст. и примеч. Ю. В. Толстого / Издание Императорского общества истории и древностей Российских. М. : Унив. Тип. Катков и К°, 1875. Гл. V. С. 29.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 701, 709.
- ⁴⁹ *Колло Франческо да.* Доношение о Московии = *Relatione di Moscovia: Italiañец в России 16 века.* М. : Наследие, 1996. – 85 с.
- ⁵⁰ *Горсей Дж.* Записки о России: XVI – начало XVII в. / под ред. В. Л. Янина; пер. и сост. А. А. Севастьяновой. Москва, 1990. – 288 с.
- ⁵¹ *Флетчер Дж.* О государстве Русском, или образ правления Русского Царя (обыкновенно называемого Царем Московским): С описанием нравов и обычаев жителей этой страны. М. : Издат. группа URSS, Изд-во «Ленанд», 2014. – 168 с.
- ⁵² *Горшков И. Д.* Немецкий список «Сказания» Аберта Шлихтинга // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 2 (16). С. 43–45.
- ⁵³ *Ульфельд Я.* Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI в. М. : Университетская типография, 1889. – 61 с.
- ⁵⁴ *Petrus Petrejus.* Historien und Bericht von dem Großfürstenthumb Muschkow. Lipsiae, Tipis Bavaricis, 1620. – 757 p.
- ⁵⁵ «Chronicon Moscoviticum, continens res a morte Joannis Basilidis Tyranni, omnium quos sol post natos homines vidit immanissimi et truculentissimi,

- an. Christi 1584—1612» ; *Кондрад Буссов*. Московская хроника. 1584—1613. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1961. — 400 с.
- ⁵⁶ *Margeret Jacques*. Etat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie. Paris, 1607 и 1669 ; *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях : (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. Ан. Береловича, В. Н. Назарова, П. Ю. Уварова. М. : Языки славянской культуры, 2007. — 552 с.
- ⁵⁷ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягин. Смоленск : Русич, 2003. — 480 с.
- ⁵⁸ *Де ла Нёвилль*. Записки о Московии. М. : Аллегро-пресс, 1996. — 304 с.
- ⁵⁹ *La religion ancienne et moderne des Moscovites. Enrichie de figures.* Cologne, 1698. — 154 с.
- ⁶⁰ *Галлер Г.* Отрывок из путешествия Рафаила Барберини в Московской земле, 1565 года // Вестник Европы. 1827. Часть 153. № 8 ; *Любич-Романович В.* Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. 1842. № 7. Отд. 1 ; *Он же*. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1843. С. 1—64.
- ⁶¹ *Ровинский Д. А.* Материалы для русской иконографии. СПб., 1884—1891. Вып. 1—12 ; *Жабрева А. Э.* Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI—XVII веков. СПб. : БАН, Петербургское Востоковедение, 2016. — 480 с.
- ⁶² *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве / пред. Р. Скрынникова // Там же. С. 96, 101, 103.
- ⁶³ См.: *Кирпичников А. Н.* Россия XVII в. в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб. : Славия, 1995. — 206 с.
- ⁶⁴ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 1041.
- ⁶⁵ Там же. С. 1040 ; *Маржерет Жак* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона. СПб, 1896. Т. 18А (36). С. 612 ; *Карацуба И.* Россия и Англия в зеркале книги Джэйлса Флетчера: из истории общественно-государственного самосознания и национальных комплексов // Отечественные записки. 2007. № 5. С. 59 ; *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 326 ; *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699) / пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1906. — 366 с.
- ⁶⁶ *Флетчер Дж.* О государствѣ русскомъ / пер. Д. И. Гиппиуса, М. А. Оболенского. СПб. : Издание А. С. Суворина, 1906. — 156 с.
- ⁶⁷ *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. С. 99, 97.
- ⁶⁸ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 900.
- ⁶⁹ Там же. С. 829.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же. С. 506—507.
- ⁷² Там же. С. 653.
- ⁷³ *Борисов В. П.* Истоки и формирование российского научного зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции. 1917—1940. Книга

- первая. М., 1994. С. 284 ; *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 717.
- ⁷⁴ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 644.
- ⁷⁵ *Михалон Ливин.* О нравах татар, литовцев и москвитян / пер. на рус. яз. В. И. Матузовой; отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М. : МГУ, 1994. – 560 с.
- ⁷⁶ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 667.
- ⁷⁷ Там же. С. 717.
- ⁷⁸ Там же. С. 697.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Там же. С. 719.
- ⁸¹ *Симонов Р. А.* Врач Ивана IV Арнольф: историографический миф и исторический факт // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 108, 111 ; *Гваньини А.* Описание Московии / пер. с лат. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. – 182 с. ; Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга / пер., ред. и примеч. А. И. Маленна. Л. : АН СССР, 1934. – 62 с.
- ⁸² *Морозов Б. Н., Симонов Р. А.* Новые данные о врачевании при Иване Грозном // Архив наследия – 2003. М. : Институт Наследия, 2005. С. 375.
- ⁸³ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 1043. (Выделено мной – Т. П.)
- ⁸⁴ Там же. С. 749.
- ⁸⁵ Там же. С. 750.
- ⁸⁶ Там же. С. 947.
- ⁸⁷ Там же. С. 1038, 1042.
- ⁸⁸ Там же. С. 832.
- ⁸⁹ *Скрынников Р. Г.* Бегство Курбского // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 11. М. : Молодая гвардия, 1977. С. 293.
- ⁹⁰ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подг. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М. : Наука, 1993. С. 170.
- ⁹¹ *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 622.
- ⁹² *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 832, 835, 837.
- ⁹³ Воинские повести древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 68.
- ⁹⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 123, 131, 156.
- ⁹⁵ Там же. С. 119.
- ⁹⁶ Там же. С. 126, 136.
- ⁹⁷ Там же. С. 128–129.
- ⁹⁸ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 852.
- ⁹⁹ Там же. С. 898, 910.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 980.
- ¹⁰¹ Там же. С. 910.
- ¹⁰² *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. С. 223.

- ¹⁰³ *Вилинский С. Г.* Послания старца Артемия (XVI века). Одесса : Экономическая тип., 1906. С. 123—128 ; *Зайцев Д. М.* Из истории взаимовлияния восточнославянских культур: старец Артемий и князь Андрей Курбский о религии, философии, государственности. Минск: Частн. ин-т упр. и предпринимательства, 2007. — 104 с. ; *Он же.* Апология православия на землях Великого княжества Литовского: старец Артемий (Троицкий) и князь Андрей Курбский // Вопросы религии и религиоведения: научно-теоретическое приложение к журналу «Государство, религия, церковь в России и за рубежом»: Сб. ст. М. : Медиапром, 2011. Вып. 7 : Религиоведение Беларуси. Ч. 2 : Очерки истории религиозно-философской мысли Беларуси. С. 146—149.
- ¹⁰⁴ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 1043, 1082 ; *Пекарский П.* Известие о молодых людях, посланных Борисом Годуновым для обучения наукам в Англию в 1602 году. СПб. : Тип. Академии наук, 1867. — 6 с. ; *Арсеньев А. В.* История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. СПб. : Д. Ф. Федоров (сын), 1887. — 20 с.
- ¹⁰⁵ *Ключевский В. О.* Соч.: в 9 т. Т. III. Курс русской истории. Ч. III. М. : Мысль, 1988. С. 266.
- ¹⁰⁶ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 1082—1083.
- ¹⁰⁷ *Ключевский В. О.* Соч.: в 9 т. Т. III. Ч. III. С. 39—40.
- ¹⁰⁸ *Шестаков В. П.* Интеллектуальная история Кембриджа. М. : Рос. Ин-т культурологии, 2004. С. 132.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ *Савич Н. Г.* Из истории русско-немецких культурных связей в XVII веке (Немецко-русский словарь-разговорник Г. Невенбурга 1629 г. // Исторические записки. Т. 102. М. : Наука, 1978. С. 250.
- ¹¹¹ Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича / пер. П. В. Киреевского. М., 1846. См. также: *Богданов А. П.* О рассуждении Самуила Коллинса // Естественnonауные представления Древней Руси. М. : Наука, 1988. С. 204—208.
- ¹¹² Sammlung bisher noch ungedrucker kleiner Schriften zur älteren Geschichte und Kenntniss des russischen Reichs. Berlin, 1820. — 340 S.
- ¹¹³ Материалы иностранные. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1873. Кн. 3. С. I.
- ¹¹⁴ Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1873. Кн. 3 ; Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1882. Кн. 4.
- ¹¹⁵ Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю

- Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом. М. : Университетская типография, 1874. – 260 с.
- ¹¹⁶ Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб. : А. С. Суворин, 1903. – 191 с.
- ¹¹⁷ Там же. С. IX.
- ¹¹⁸ Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом. М. : Университетская типография, 1874. – 260 с.
- ¹¹⁹ См.: Путешествия русских послов XVI–XVII вв. : статейные списки / отв. ред. Д. С. Лихачев. – М. : Л., 1954. – 491 с. ; *Алексеев М. П.* Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Вып. 15. Л. : ЛГУ, 1946. С. 43–109 ; *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М. : Наука, 1973. – 476. *Он же.* Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. М. : Наука, 1966. С. 89–129 ; *Брикнер А. Г.* Русские дипломаты-туристы в Италии // Русский вестник. 1887. № 3, 4, 7.
- ¹²⁰ *Рыбаков Б. А.* Новооткрытая карта Московии 1525 г. // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 3.
- ¹²¹ Там же С. 38; *Старков В. Ф.* Описание карты 1525 г. // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 8–15.
- ¹²² *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. С. 192–195.
- ¹²³ Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию, и записки русских посланников, веденные ими в 1667 и 1668 годах в Испании и во Франции // Сын Отечества. 1851. № 5.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М. : Наука, 1975–2012; Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–6. СПб. : Наука, 2004–2014.
- ¹²⁶ *Савич Н. Г.* Указ. соч. С. 279.
- ¹²⁷ *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л. : ЛГУ, 1959. – 423 с.
- ¹²⁸ Англичане в России в XVI и XVII ст. // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1865. Т. 8. № 1. Приложение. С. 11–79; СПб., 1869. Т. XV. № 2. Приложение. С. 181–260.
- ¹²⁹ *Алексеев М. П.* «Книга русского языка» Т. Шrove 1546 г. и ее автор // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л. : Наука, 1956. С. 103–112.
- ¹³⁰ См., например: *Строев С. М.* Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Фран-

- ции. М. : Типография С. Селивановского, 1841. – 177 с. ; Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг., извлеченные Ю. Н. Щербачевым // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1893. Кн. 1. № 677. С. 185; № 678. С. 186; № 680. С. 186; № 726. С. 199; № 733. С. 201.
- ¹³¹ См.: *Алексеев М. П.* Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбучниках XVI–XVII вв. // Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию : Сб. ст. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 25–62.
- ¹³² См.: *Хорошкевич А. Л.* Из истории русско-немецких торговых и культурных связей начала XVII века (к изданию словаря Тонни Фенне) // Международные связи России XVI–IXVIII вв. (Экономика, политика и культура). М. : Наука, 1966. С. 35–57 ; *Он же.* Ремесло Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII века // Города феодальной России. Памяти Н. В. Устюгова. М. : Наука, 1966. С. 205–241 ; *Он же.* Быт и культура русского города по словарю Тонни Фенне 1607 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М. : Наука, 1967. С. 200–217.
- ¹³³ *Ларин Б. А.* Парижский словарь москвитов 1586 г. Рига : ЛатГУ, 1948. С. 64–127 ; *Сумникова Т. А.* Немецко-русский разговорник Тонни Фенне 1607 года // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1964. Т. XXIII. Вып. 4, июл.-авг. С. 348–351 ; *Савич Н. Г.* Указ. соч. С. 270, 275, 277 ; *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. : Изд-во Петерб. ун-та, 2002. С. 511–658.
- ¹³⁴ *Савич Н. Г.* Указ. соч. С. 277.
- ¹³⁵ *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. С. 511–658.
- ¹³⁶ Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674 г.) / пред. и подг. текста О. Я. Сапожникова и И. Ю. Сапожниковой. М. : Европа, 2006. – 248 с. ; *Пештич С. Л.* «Синопсис» как историческое произведение // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. XV. С. 284–298.
- ¹³⁷ *Фонкич Б. Л.* Новые материалы для биографии Лихудов // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М. : Наука, 1988. С. 65 ; *Рамазанова Д. Н.* Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской Академии (1685–1694) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : ИВИ РАН, 2002. С. 2.
- ¹³⁸ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Ед. хр. 1619. Л. 514–522 ; *Рогожин Н. М.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – нач. XVIII в.). М. : Ин-т истории СССР, 1990. – 237 с.
- ¹³⁹ См. : *Рамазанова Д. Н.* Бояжвенская школа Лихудов – первый этап Славяно-греко-латинской Академии // Очерки феодальной России. Вып. 7. М. : Альянс-Архео, 2002. С. 211–237. *Она же.* Источники для изучения Итальянской школы Иоанникия и Софрония Лихудов

- (челобитные учеников и учителей) // Очерки феодальной России. Сб. 13. М.-СПб. : Альянс-Архео, 2009. С. 293—313.
- ¹⁴⁰ *Рамазанова Д. Н.* Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской Академии (1685—1694). С. 17.
- ¹⁴¹ *Ключевский В. О.* Соч. : в 9 т. Т. IV. Курс русской истории. Ч. IV. М. : Мысль, 1989. С. 317 ; *Шамин С. М.* К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 44.
- ¹⁴² *Мулюкин А. С.* Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков. СПб., 1909. С. 58, 59 ; См. также: *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях и старинные земские соборы // Собр. соч. Кн. 8. СПб., 1906. С. 87 ; *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 251.
- ¹⁴³ *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. С. 258.
- ¹⁴⁴ *Цветаев Д. В.* Памятники к истории протестантства в России // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1883. Июль-Сентябрь. Кн. 3. С. V.
- ¹⁴⁵ *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990. С. 416—417.

Глава II

Россика XVIII века

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно*,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

А. С. Пушкин¹

Важной вехой в истории международного сотрудничества России и складывания россики был период правления Петра I – царя совершенно новой формации, который решительно встал на путь общеевропейского развития. Он не только открыл окно в Европу, но и связал Россию с Европой настолько крепкими нитями, что их впоследствии было уже сложно порвать – нитями дипломатическими, экономическими, финансовыми, культурными, научными. Петр I вернул Россию в Европу, снова, как при великих князьях Древней Руси, сделал ее неременной частью европейского культурного пространства. Он смог «восстановить тот путь “из Варяг в Греки”, который был прерван в России татаро-монгольским игом, и построить у его начала Петербург»² – город святого Петра – преемник Рима, новый центр Европы, смотрящий не назад, в патриархальное прошлое, а вперед, на передовые страны Запада.

Петр I превратил отношения России с Западом, говоря словами историка В. О. Ключевского, в «капитальный вопрос» русской жизни, изменивший парадигму культурного развития России, всю ее систему ценностей, во главу угла которой была поставлена идея земного труда как смысла жизни. Царь служил сам и требовал того же от своих подданных, прежде всего элиты, формировавшейся по принципу «знатное дворянство по годности считать»³. В него было взято много пришлых людей, выходцев с Запада (В. Берхгольц, Я. Брюс, Ф. Лефорт, А. Остерман, П. Шафиров, П. Ягужинский), внедрявших его устои в новое для них русское отечество. 15 апреля 1702 года Петр I издал указ о приглашении иноземцев на поселение в Россию, который затем в расширенном виде и в форме манифеста 21 июля 1763 года был повторен Екатериной II. Иностранцам гарантировалось сохранение подданства, свобода вероисповедания,

право на беспрепятственный выезд, освобождение от ряда податей и повинностей. Русские императоры высоко оценивали вклад просвещенных европейцев в развитие России, и, как говорила, например, Екатерина II об одном из них, фельдмаршале Б. К. Минихе, «не будучи сыном России, он был одним из ее отцов»⁴.

Идея земного труда как смысла жизни заставила Петра I кардинально пересмотреть мировоззрение Московской Руси и прежде всего отношение к знаниям, наукам, образованию – светскому и профессиональному. Отринув «надменное благочестие» москвитов, их «суеверие и пустосвятство», новый царь первый среди державных особ Руси решил лично посетить Западную Европу, которую много обсуждали в великокняжеских палатах Москвы, но ни разу не видели и воочию не знали. Снарядив в 1697 году Великое посольство и выбрав себе девизом «Аз есмь в чине учимых и учящих мя требую» («Я ученик и ищу себе учителей»), Петр I отправился на Запад «с целью все нужное там высмотреть, вызнать, перенять европейское мастерство, сманить европейского мастера», овладеть европейскими навыками⁵. В Пруссии, Голландии, Англии, Франции он внимал инженерам и техникам, строителям и зодчим, художникам и философам, ученым и профессорами так же как европейским монархам ради одного – «оградя Отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки»⁶.

Петр I сделал дорогу на Запад главным вектором для россиян. При этом он не питал к Западной Европе «слепого или нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием и не обольщался мечтами о задушевных ее отношениях к России, знал, что Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброжелательство»⁷. Видел ли Петр Алексеевич созданную в начале XVIII века на Западе гравюру «Непосредственное представление и описание наиболее важных европейских народов» («Eigentliche Vorstell- und Beschreibung der Fürnehmsten in EUROPA befindlichen Land-Völcker»), а также картину с таблицей «Краткое описание проживающих в Европе народов и их особенностей» («Kurze Beschreibung der In Europa Befintlichen Völckern Und Ihren Aigenschafften»), в которых московиты, отмеченные среди десяти значимых европейских народов (испанцев, французов, итальянцев, немцев, англичан, шведов, поляков, венгров, турок с греками) представлены в основном негативно (чуть лучше турок с греками, но хуже всех остальных)⁸, сказать невозможно, но то, что русский царь-реформатор своими делами по переустрой-

ству Московии стремился изменить подобное мнение, было бесспорным.

Петр I считал, что Россия должна в течение короткого времени быстро овладеть всеми цивилизационными достижениями западного мира, после чего сможет уже развиваться без него: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом», – говорил он Генриху Остерману⁹, однако вышло все иначе. Однажды признав западную цивилизацию наиболее эффективной, мощной и успешной, отметив ее в качестве экономического и культурного ориентира для россиян и взяв ее достижения за пример, верховная власть России уже не могла отказаться от нее. В результате, поставленное на поток Петром I и его последователями использование технических новшеств Запада до такой степени укоренилось, что превратилось в традицию, существующую до сих пор.

Такой путь не являлся предметом выбора России, а навязывался ей с силой физической необходимости, поскольку стране, чтобы быть мощной и независимой, требовалось овладеть новейшими достижениями мировой цивилизации и прогрессивными технологиями, которые были выработаны тогда почти исключительно в Западной Европе. Петр I, взяв курс на всеобщую модернизацию, понимал, что без нее Россия окажется на обочине исторического процесса. Поэтому если в XV–XVII века Русь смотрела на Западную Европу как на «магазин надобных России изделий», из которого «механически заимствовались технические средства и материальные житейские удобства», то в XVIII столетии ситуация существенно изменилась: возникла объективная потребность научиться самим делать и производить то, что раньше покупали, в результате чего Европа превратилась для русского человека в школу и пример для подражания¹⁰. Как писал Ключевский, Петр I «хотел не заимствовать с Запада готовые плоды тамошней техники, а усвоить ее, пересадить в Россию самые производства с их главным рычагом – техническим знанием»¹¹. А для этого нужны были профессиональные кадры – в армии и на флоте, в промышленности и торговле, в сфере управления и финансов, медицины, науки, культуры.

Желая «вывести русского человека из его национального одиночества, продвинуть его кругозор за пределы его отечества», Петр Алексеевич, первый среди московских царей, разрешил ему свободный выезд «в европейские государства для науки» и просвещения, изучения и освоения западного опыта¹². Он начал массово отправ-

лять в Амстердам, Венецию, Лейпциг, Лондон, Париж, Рим, Страсбург и другие города своих молодых соотечественников, которые должны были там прилежно овладевать новыми знаниями. Уже в 1696 году сорок дворян было послано Петром I в Морскую академию Венеции, из которых семнадцать человек стали учениками прославленного мореплавателя, математика и кораблестроителя, капитана Марко Мартиновича. За обучение юношей царское правительство обязалось платить ему пятьдесят дукатов в месяц, каждый из которых имел 3,5 грамма золота высшей пробы¹³.

О россиянах, постигавших навигационное дело в морской школе на Адриатике, до сих пор напоминает живописная картина «Марко Мартинович учит поименованных здесь московских князей и бояр морским наукам и управлению» («Marko Martinovich ucseci pricipie i gospodu moskovsku tu ime novanu na morski nauk i wladagnie»), которая висит в ратуше города Пераста – родного города Марко Мартиновича, гордящегося своим знаменитым соотечественником. Верхнюю часть картины занимает царский титул Петра I, под которым приведены имена 17-ти русских учеников, разделенных государственным гербом России на две части: княжескую и боярскую. Это: Никита Иванович Бутурлин, Юрий Иванович Бутурлин, Иван Данилович Гагин, Петр Алексеевич Голицын, Дмитрий Михайлович Голицын, Федор Алексеевич Голицын, Борис Иванович Куракин, Яков Иванович Лобанов-Ростовский, Абрам Федорович Лопухин, Михаил Афанасьевич Матюшкин, Андрей Иванович Репнин, Иван Алексеевич Ржевский, Михаил Федорович Ртищев, Юрий Яковлевич Хилков, Михаил Яковлевич Хилков, Андрей Яковлевич Хилков, Владимир Петрович Шереметев¹⁴. Внизу картины изображен сам Марко Мартинович с пятью учениками, сидящими за столом, рядом с картой, компасом и металлической сферой¹⁵.

Такое педантичное перечисление всех русских студентов рядом с Марко Мартиновичем говорило о том, что учитель гордился своими учениками, а они уважали своего учителя. Тем не менее ни одному из них не суждено было стать моряком. Осенью 1698 года особым указом Петра I все они были вызваны в Россию для решения разных государственных задач. Только один ученик Марко Мартиновича прославил флот России – черногорец из Далмации, «уроженец города Пераста, знаменитый русский адмирал Матвей Змаевич»¹⁶. Принятый на русскую службу в 1710 году, он четверть века предано служил своему новому отечеству – послом, капитаном, адмиралом, губернатором.

В том же 1698 году, когда царь Петр I вернул своих соотечественников из Венеции, 61 человек был послан в Италию, 39 – в Голландию, 22 – в Англию, в результате, например, в одной только Голландии в начале XVIII века под присмотром поступившего на русскую службу амстердамского купца Ягана фан ден Бурга находилось уже полторы сотни русских «робят, бывших матросами на океане и на междуземном море»¹⁷. Некоторые сподвижники царя добровольно отправлялись на учебу за границу, например, стольник П. А. Толстой. В 1697 году он, несмотря на свой пятидесятилетний возраст, выехал в Италию для изучения морского дела и провел на Апеннинях два года, о чем подробно рассказал в своем дневнике, который в XVIII веке ходил в рукописных списках, а в следующем столетии был издан журналом «Русский архив»¹⁸. И хотя прославился Д. А. Толстой не в морском деле, а на государственном и дипломатическом поприще, его дневниковые записи входят в золотой фонд литературных памятников России.

В 1699 году Петр I задумал отправить на учебу за границу своего девятилетнего сына Алексея, но из-за смерти его воспитателя поездка не состоялась. Тогда было решено «наставление в науках» юного царевича организовать в Москве под руководством немецкого офицера с дипломом Лейпцигского университета Мартина Нейгебауэра, который затем написал о своей русской жизни воспоминания. Их название – «Послание знатного немецкого офицера к одному вельможе о гнусных поступках москвитян с чужестранными офицерами» говорило о том, насколько трудным для него оказался процесс европейского обучения наследника русского престола и как тяжело было уроженцу Германии в России. Не найдя общего языка с цесаревичем Алексеем и не выдержав душевных и телесных мук, связанных с оскорблениями и побоями при московском дворе, Нейгебауэр навсегда покинул Россию¹⁹.

Незадача с домашним образованием сына заставила Петра I вновь заявить о необходимости его обучения за границей, и в 1709 году он был отправлен в Дрезден совершенствоваться в языках и науках. Параллельно ставилась задача устроить брак царевича Алексея с немецкой принцессой Софией Шарлотой Христиной Брауншвейг-Вольфенбюттельской, которая успешно была решена. В октябре 1711 года в небольшом городке Торгау под Лейпцигом состоялась их пышная свадьба, возобновившая древнерусскую традицию династических браков с западными королевскими дворами. «Породнение с Европой» считалось крупной дипломатической победой России и имело исключительное значение для Петра I,

*Чино како Проводили Маттиски Ковачи Ево Царского вельчества ближнего боярина и наместника вельчкого боярина
Петровича Шереметева По Павловнии На Мого Маттиского Кресте иже, долу Франц Магистра своего бийше
На остров Матта 1698 Матта дия.*

Прием посольства Б. П. Шереметева на о. Мальта. 1698.

Неизвестный гравер.

стремившегося к расширению и укреплению международных связей с Западом. Его агенты, посланники и резиденты на рубеже XVII–XVIII веков действовали по всей Европе: князь В. Л. Долгоруков в Копенгагене, князь Г. Ф. Долгоруков в Варшаве, князь П. А. Голицын в Вене, князь Б. И. Куракин в Париже. Даже на средиземноморском архипелаге Мальта в 1698 году побывало русское посольство во главе с боярином Б. П. Шереметевым, ставившее целью заключение с Мальтийским военным орденом рыцарей-госпитальеров союза против Османской империи. И хотя союз не состоялся, Шереметев в 1699 году вернулся в Россию мальтийским рыцарем со знаком командорского отличия на своем новом европейском костюме – с украшенным алмазами командорским рыцарским крестом.

Многие русские дипломаты, выполняя поручения царя, годами ездили по миру, например, участник Великого посольства Петра I, член свиты второго посла Головина Г. Г. Островский, направлявшийся «для науки морских художеств и воинских дел», а также «для некоторых дел тайно» из Голландии через всю Европу на Адриатику, в Далмацию и Венецию, или учившийся в Падуанском университете секретарь Посольского приказа Г. И. Волков, который в 1711–1713 годы работал в Париже, Венеции, Турции, Вене и Берлине. В 1716–1717 годы большую европейскую поездку совершил сам Петр I, в ходе которой было проведено много внешнеполитических мероприятий, и «газеты и журналы того времени, следившие за его путешествием по Европе, печатали отчет о каждом его действии»²⁰. А художник Жан-Марк Наттье в 1717 году в Амстердаме написал два портрета русской царственной четы: Петра I и Екатерины I.

Особое впечатление на современников оставило посещение Петром I Парижа для заключения политического союза с Францией²¹. Торжественные встречи «под трубы и барабаны» русского царя с семилетним королем Людовиком XV состоялись 29 и 30 апреля 1717 года. Они вошли в историю совершенно необычным поступком Петра Алексеевича, который, увидев малолетнего Людовика XV, в порыве чувств сначала взял его королевское величество на руки, а потом произнес: «В моих руках – вся Франция». Этот яркий, но не совсем дипломатичный эпизод из жизни двух монархов впоследствии стал частым сюжетом книг, картин и скульптурных композиций. А 13 мая Петр I «был у короля инкогнито и показывал ему на карте Московии, составленной географом Делилем, то место, где он предполагал соединить Волгу с Доном, для сообщения Каспийского моря с Черным, и путь, по которому он вел свои войска в Полтаву», после чего царю в качестве подарка преподнесли «описание Парижа

Портрет Б. П. Шереметева
с мальтийским крестом на груди.
Гравюра Т. Г. Шевченко. Музей-
усадьба Кусково, Россия.

Ж.-М. Натье. Портрет Петра I. Амстердам, 1717. Ж.-М. Натье.
Портрет Екатерины I. Амстердам, 1717.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия.

на русском языке: любезность эта была очень приятна Петру», и он через некоторое время подарил королю план Петербурга²².

В течение почти полуторамесячного визита в Париж и его окрестности Петр I осмотрел Арсенал, Аптекарский огород, шпалерное производство и гобеленовую фабрику, Лувр, Инвалидный дом, Люксембургский дворец, чулочную фабрику, Версаль, монетный двор, на котором в честь него выбили золотую медаль, королевскую типографию и библиотеку, где «ему были поднесены в подарок двенадцать книг с гравированными изображениями версальских садов и зданий и походов Людовика XIV», Дворец правосудия, обсерваторию, Сорбонну, богословы которой, воспользовавшись визитом царя, вручили ему «план соединения восточной и западной церквей», и в конце своего пребывания во французской столице посетил Парижскую академию наук, которая за «разносторонние познания» избрала Петра I своим членом, а позже, 22 декабря 1717 года, и академиком²³. В Париже было написано два натурных портрета русского царя: один – кисти художника Риго (Rigault), представлял Петра I в гвардейском мундире, другой – «в панцире» был выполнен живописцем Нотуаром (Notouar) для Версальского дворца²⁴.

Картина «Встреча Людовика XV с Петром I в Париже»
художника Луиза Мари Жанна Эрсана.

Важным итогом европейского путешествия Петра I было знакомство с иностранными учеными и специалистами, многих из которых он приглашал в Россию: Г. В. Лейбница (Gottfried Wilhelm Leibniz)²⁵, разработавшего устав Петербургской академии наук, непосредственной организацией которой уже после смерти царя занимались Л. Л. Блюментрост (Laurentius Blumentrost) и И. Д. Шумахер (Johann Daniel Schumacher); Я. В. Брюса (James Daniel Bruce) – дипломата, военного, инженера, президента мануфактур и берг-коллегий, автора русско-голландского словаря и первого русского учебника по геометрии, создателя первой русской обсерватории и «Карты земель от Москвы до Малой Азии»; Р. К. Эрскина (Robert Erskine), занявшего пост лейб-медика Петра I, а также руководителя Императорской библиотеки и Кунсткамеры; Н. Л. Бидлоо (Nicolaas Bidloo) – придворного врача, создателя первого в России военного госпиталя и школы при нем; В. И. Беринга (Vitus Jonassen Bering), датского мореплавателя, ставшего капитан-командором русского

флота, первооткрывателем земель и вод северо-восточной Азии и северо-западной Северной Америки, в честь которого названы море, пролив, озеро, остров, мыс и ледник; Б. К. Растрелли (Bartolomeo Karlo Rastrelli) – придворного скульптора и автора первых памятников Петру Великому; Жана-Батиста Александра Леблона (Jean-Baptiste Alexandre Le Blond) – главного архитектора Петербурга и других. Как говорил Петр I, «иностранцы узнают, что у нас есть науки, и перестанут почитать нас... варварами»²⁶.

По далеко неполным данным материалов Посольской канцелярии и Посольского приказа, в Россию 1682–1717 годов въехало примерно 3200 человек из 43 стран и городов: Австрии, Венеции, Генуи, Греции, Далмации, Дании, Ирландии, Испании, Ливорно, Милана, Норвегии, Ревеля, Риги, Швейцарии, Шотландии и прочих земель²⁷. Больше всего людей приезжало в Россию из Германии (328), Голландии (358), Франции (104) и Швеции (221), а также из Речи Посполитой (75), Лифляндии (70), Англии (67), и меньше всего, буквально единицы, из Индии, Леванта, Персии, Турции. В 1701 году в Россию приехал первый японец – купец из Осака Дэмбей, и 8 января 1702 года в селе Преображенском даже состоялась встреча с ним Петра I, «положившая начало личным контактам представителей дома Романовых с Японией и ее народом»²⁸. В общем, как видно из всех вышеприведенных данных, основной поток иностранцев шел из Европы, где многочисленные агенты Петра I активно вербовали разных мастеров и специалистов для государственных, военных, производственных, научных нужд России – армии, флота, промышленности, медицины, образования, культуры.

Это подтверждает профессиональный и социальный состав въезжавших в Россию в период правления Петра I иноземцев. Больше всего среди них было военных (1700) – от фельдмаршалов, генералов, контр-адмиралов, командоров флота до матросов и пленных шведов; далее большую группу составляли разного рода мастеровые люди (440) – мастера и подмастерья гипсового, глобусного, жестяного, игольного, корабельного, лакового, оловянного, парусного, сахарного, шлюзного, шпалерного, чертежного, якорного дела, гранильщики, красильщики, кузнецы, литейщики, машинисты, медальеры, огородники, переплетчики, плотники, портные, резчики, сапожники, слесари, стекольщики, токари, цирюльники, часовщики, чулочники, шляпники, шорники и так далее; за мастерами людьми шли лекари, доктора, хирурги, аптекари (171), за ними купцы и торговые иноземцы (143); лиц творческих профес-

сий, от ученых до архитекторов, музыкантов и художников въехало 30 человек, инженеров и механиков – 20, столько же прибыло переводчиков; небольшие группы иноземцев составляли канцеляристы, секретари, стряпчие, приказчики, слуги (29), а также лица духовного звания (17); без указания рода занятий петровскую Россию посетило 227 человек, наконец, родственников (жен, детей, племянников, братьев и сестер), сопровождавших иноземных специалистов в русской поездке, было зафиксировано 107 человек²⁹.

По сравнению с Московской Русью численность приезжавших в Россию периода царствования Петра I иноземных специалистов увеличилась в разы: если за восемьдесят лет 1601–1681 годов Московию посетило примерно 243 мастера, лекаря, инженера, переводчика, музыканта, и они составляли 34-ю часть всех пересекавших в то время русскую границу людей, то за тридцать пять лет 1682–1717 годов специалистов прибыло 678 человек, которые представляли уже 5-ю часть всех въезжавших иностранцев³⁰. Рост произошел по всем группам: мастеров и подмастерьев (440 против 111), лекарей и аптекарей (171 против 38), инженеров и механиков (20 против 6) и так далее. Приглашал Петр I и вовсе уникальных специалистов, например, знатока генеалогии графа Франца Санти, который был определен царем в Герольдию «для отправления геральдического художества» Петербурга и других русских городов³¹.

Новацией петровского времени был приезд из Европы в Россию заводчиков и фабрикантов, директоров предприятий, ученых, профессоров, которых в Московии практически не было, даже иноземный живописец в посольских делах отмечен лишь единожды (И. Детерсон, 1643 г.), тогда как на рубеже XVII–XVIII веков их было десятки. В 1702 году «по Германии опубликован был манифест Петра, приглашавший в Россию иноземных капиталистов, фабрикантов и ремесленников на выгодных условиях. С тех пор начался усиленный прилив в Россию заграничного фабричного и ремесленного люда... Ни за кем из своих Петр не ухаживал так, как за заграничными мастерами: по инструкции Мануфактур-коллегии в случае, если иноземный мастер захочет выехать за границу до контрактного срока, производилось строгое расследование, не было ли ему какого стеснения, не обидел ли его кто-нибудь, и хотя бы он не выразил прямо недовольства, а только показал вид недовольного, предписывалось жестоко наказывать виновных. Такие выгоды давались иноземным мастерам и фабрикантам с одним непременно условием: «учить русских людей без всякой скрытности и прилежно»³². Другим правилом Петра Великого было то, что «должно

пользоваться искусными иностранцами, принимать их на службу, но не давать им предпочтения перед русскими, и важнейшие места в управлении занимать исключительно последними», если они, конечно, к тому годны и достойны³³. Результатом подобной политики открытых дверей стало то, что «русская торговля и промышленность в конце XVIII в. были гораздо более развиты, чем в большинстве тогдашних континентальных держав, и что (кроме Франции) ни одна страна не была столь экономически независима, как именно Россия тех времен»³⁴.

Петр I и его единомышленники «превратили наши отношения к западноевропейской культуре в вопрос русской мысли и политики, а именно: может ли Западная Европа быть для России мастерской и образцом идей и порядков?»³⁵. Ответ давался утвердительный, и большую роль в этом сыграло европейское просвещение, наука, философия, литература, искусство, сочинения западных ученых и мыслителей, учебники по разным отраслям знания, которые активно ввозились в Россию. Еще в 1698 году во время пребывания Петра I в Амстердаме там была создана русская типография во главе с типографом Яном Тесингом, получившим от царя привилегию на 15-летнюю торговлю своими изданиями в России. Тогда же из Амстердама в Архангельск был направлен «большой сундук с книгами и инструментами», купленными Петром I в Голландии, а в 1702 году по царскому указу в Амстердаме было приобретено 36 книг, отправленных затем в Россию³⁶. В 1700 году в Амстердаме возникла вторая русская типография переводчика И. Ф. Копиевского, занимавшаяся в основном выпуском грамматики, голландско-русских и русско-голландских лексиконов. Помимо Голландии, зарубежная литература приобреталась также в других странах. Так, в 1715 году из Франции Петру I в Петербург был доставлен ящик книг по кораблестроению, военному и морскому делу, архитектуре и искусству, а также жизнеописаний французских королей.

Ящиками заказывали книги из-за рубежа соратники Петра I, например граф Б. П. Шереметев, владевший латынью, польским и немецким языками и увлекавшийся исторической, философской, медицинской литературой, а также отечественной и иностранной периодикой. Любовь к чтению была присуща и членам семьи Б. П. Шереметева, выписывавшим книги при посредничестве комиссионеров, например Ольдекопа в Голландии, Ваткинса в Лондоне, Ивара и Лесажа в Париже. Многие «приобретенные книги на иностранных языках были переведены и изданы при участии П. Б. и Н. П. Шереметевых и их библиотекаря В. Г. Вороблевского, а затем

пополняли фонды не только частных библиотек знакомых Шереметева, но и библиотек Академии наук, Академии художеств³⁷. Большим спросом пользовались иностранные пьесы, и, например, библиотекарь Вороблевский в 1776–1786 годы «перевел с французского 15 пьес для постановки на сцене крепостного театра Шереметевых, из них 10 были изданы. Пьесы в переводе Вороблевского шли на сцене не только театра Шереметевых, но и московского Петровского театра»³⁸.

Во второй половине XVIII века число зарубежных книг, ввозившихся в Россию, увеличилось в разы, в том числе благодаря возвращавшимся на родину русским студентам. Так, законовед А. Я. Поленов, учившийся в Страсбурге и Гёттингене, в 1867 году привез в Россию целое собрание юридической и исторической литературы, купленное в библиотеке профессора Шмауса и впоследствии переведенное им на русский язык³⁹. Некоторые переводы А. Я. Поленова в 1769–1772 годы были изданы Академией наук: «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка» Монтескьё, «Рассуждения о причинах установления или уничтожения законов» Фридриха II, «О свойстве нравов человеческих» Феофраста. Правда, в самом конце XVIII века из-за страха, вызванного французской революцией, число ввозившейся иностранной литературы, равно как и изданных в России книг, резко пошло на убыль, а 18 апреля 1800 года по указу Павла I вообще было «повелено запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыку»⁴⁰. Одновременно запрещались и «якобинские» слова: «революция», «клуб», «совет», «представители» и другие, что у русского дворянства, воспитанного петровской эпохой и успешного проникнуться духом «просвещения и свободы», вызывало лишь иронию и сарказм.

Особое значение для образования высшего сословия россиян имели сочинения по этике. Например, трактат Д. Локка «Воспитание детей» («De L'Education des enfans») в русском переводе Н. Н. Поповского трижды издавался Московским университетом: в 1759, 1760 и 1788 годах. Большим спросом пользовались работы Эразма Роттердамского (особенно «Разговоры дружеские»⁴¹) и Яна Амоса Коменского, переводившиеся на русский язык немцем И.-В. Паузе, французом И. М. Шаденом и другими. Они легли в основу второй части петровского издания правил хорошего тона «Юности честное зеркало, или показания к житейскому обхождению», которые призывали русского дворянина быть европейцем:

искусно владеть языками, знать художества и науки, уметь вести добрый разговор, быть приветливым и учтивым⁴². Русские педагоги XVIII века вслед за М. Монтенем и Дж. Локком включили в процесс образования молодежи три элемента – физическое, нравственное и собственно просвещение, под которым понималось «образование ума», «ученость», знание художеств и ремесел.

Такие высокие требования заставляли молодое поколение дворянства много читать и хорошо разбираться в литературе. Например, граф Г. К. Разумовский только в одном 1763 году приобрел для своих сыновей в лавке Петербургской Академии наук 28 книг на русском и иностранном языках по землеописанию (А. Ф. Бюшинга), топографии (П. И. Рычкова), математике (С. Я. Румовского), физике (Х. Вольфа), английской и немецкой грамматике, «Сатиры» Горация в переводе И. С. Баркова, «Сатиры и другие стихотворческие сочинения» А. Д. Кантемира, политико-философский роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» в переводе А. Ф. Хрущёва и другие⁴³. А библиотека двенадцатилетнего пажа Алексея Оленина, согласно ее каталогу 1775 года, включала 30 иностранных и 19 русских названий книг, которые подразделялись на филологические (грамматики и словари), исторические, военные, естественнонаучные, математические, философские, эстетические и педагогические. Среди авторов книжного собрания юного Оленина были Ломоносов, Сумароков, Херасков, Вольтер, Локк, Коменский; Оленин изучал французскую грамматику П. Ресто и немецкий учебник артиллерии, естественную историю Бюффона, универсальную историю Кураса и русскую историю Шлёцера, вникал в «Жития славных в древности мужей» Плутарха и «Историю о Александре Великом» Квинта Курция Руфа, читал Мольера, Лафонтена, Расина и «Робинзона Крузо» Дефо, который в России продавался как парижским и амстердамским изданиями, так и в русском переводе Я. И. Трусова, выпущенным Академией наук в 1762–1764 годы⁴⁴.

Европейское образование формировало у знати, говоря словами Болотова, «тонкий вкус во всем», оно сняло с понятия «латинства» знак враждебности и наполнило его новым культурно-просветительным, научным, религиозным и политическим смыслом. Иначе и не могло быть, поскольку иностранные гувернеры и учителя с рождения окружали русских дворян, ставших благодаря их наставничеству «гражданами вселенной» и считавших, что «лучше этого титула нет на свете»⁴⁵. Например, подполковника лейб-гвардии, декабриста М. С. Лунина воспитывали швед Кирулф, швейцарец Малерб, англичанин Фостер, французы Бюте, Картье и

аббат Вовилье, в результате чего был сформирован «убежденнейший проповедник идей свободы, равенства и братства, человек большой силы воли, чрезмерно яркой и резкой индивидуальности, необыкновенного ума, безграничной доброты и глубокой религиозности» – римско-католического обряда⁴⁶. В общем, как отмечал русский философ В. С. Соловьёв, «сближение с Европой, которым мы обязаны Петру Великому, принципиальную свою важность имело именно в этом: через европейское просвещение русский ум раскрылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и так далее, без которых невозможно достойное существование, а, следовательно, невозможно и христианское царство»⁴⁷.

Однако подобным образом думали не все, и определенная часть русского общества усматривала в европейских идеях просвещения угрозу старинным православным устоям, что заставляло их апологетов вставать на путь гонений и запретов. Так, в правление Елизаветы Петровны Синод «хотел запечатать книги, которые пришли в Россию счужа», в частности, книгу «“О истинном христианстве” Арнта, напечатанную в 1735 году на русском языке в Галле, и книгу “О кончине христианского жития” безымянного автора», и издал указ, «впредь таких книг, напечатанных за-границею на русском языке, в Россию как русским, так и иностранцам ни под каким видом не ввозить», а «русским, находящимся за границею для обучения и прочих дел, объявить и впредь отпускаемым подтвердить, чтобы они таких книг на русский язык отнюдь не переводили, и внутрь империи никаких богословских книг с других языков на русский без позволения Синода переводить запретить»⁴⁸.

Такая политика распространялась и на светскую литературу. В 1749 году постановлением Синода была запрещена и изъята из обращения книга Вильгельма Стратеммана «Theatrum historicum», учебник по всеобщей истории, который в переводе с латинского на русский язык был издан в Петербурге в 1724 году под очень длинным названием «Феатрон или позор исторический, изъявляющий повсюдную историю священного писания и гражданскую через десять исходов, и веки всех Царей, Императоров, пап Римских и мужей славных и прочая от начала мира даже до лета 1680, вкратце ради удобного памятования через Вильгельма Стратеммана собранный, на российский язык с латинского переведенный». Четверть века эта книга служила настольным пособием для дворян и имелась во многих библиотеках русской знати, поэтому ее запрет вызвал лишь раздражение в кругу образованных соотечественников.

Нечто подобное произошло с романом Поля Тальмана «Езда в остров любви» (Paul Tallemant. «Voyage de l'île d'amour»), написанным в Париже в 1663 году и изданным в Петербурге в 1730 году. Роман вызвал бурю негодования у отечественных ортодоксов, назвавших его переводчика – В. К. Тредиаковского – «первым развратителем российского юношества»⁴⁹. Существовавший в православии запрет на эротику люди древних устоев хотели перенести в новое время и, не разобравшись в том, кто автор романа, а кто просто его переводчик, обрушили на Тредиаковского обвинения «в нечестии, в неверии, в деизме, в атеизме, наконец, во всякого рода ересях»⁵⁰, припомнив ему тем самым еще, видимо, и его католическое образование в латинской школе Астрахани и в Сорбонне Парижа. Но большинство просвещенных соотечественников встретило книгу Тальмана благосклонно, да и «придворные ею вполне довольны», а в литературных кругах России вообще возникла сатира с «обвинениями в глупости, корыстолюбии и невежестве приверженцев старины, осуждающих “Езду...”»⁵¹. В общем, литература превратилась в поле «противостояния двух взглядов на мир, двух мировоззрений: одного – открытого всему новому, подлинно-талантливому, вне зависимости от того, на какой земле оно выращено; другого – предельно косного, тянущего назад, ограниченного национальной, религиозной и любой другой догмой, ненавистью ко всему “чужому”»⁵².

Активное сближение с Европой породило острую проблему «Восток – Запад», которая стала для России вопросом о направлении движения ее истории: назад или вперед, а также предметом выбора: с кем быть – с духовным Востоком, под которым понималась Византия, давшая православную веру, понятия соборности, нравственности, особое чувство справедливости, или с экономически развитым Западом, с его новыми технологиями, финансовыми капиталами, буржуазной моралью? Для «птенцов гнезда Петрова» ответ был однозначным – быть с теми, кто идет вперед, кто является источником прогресса, то есть с Европой. Поэтому они, «по ясному сознанию чисто русских интересов, какое они получили благодаря Петру, ревностно... поддерживали новое значение России в Европе» и видели главный итог деятельности Петра I во «вступлении России в систему европейских держав» и в «соединении обеих дотоле разобщенных половин Европы, восточной и западной, в общей деятельности посредством введения в эту деятельность славянского племени, теперь только принявшего деятельное участие в общей жизни Европы через своего представителя, через русский народ»⁵³.

С подобным мнением были согласны и многие иностранцы, жившие в начале XVIII века в России и бывшие свидетелями реформаторской деятельности Петра I, например Фридрих Христиан Вебер (Friedrich Christian Weber), представлявший в Петербурге в 1714–1719 годы интересы ганноверского и английского двора. В 1721 году Ф. Х. Вебер опубликовал в Ганновере книгу с говорящим названием «Преображенная Россия» («Das Veränderte Russland»), которая развивала и дополняла позитивный взгляд иностранцев на время петровского царствования: немца Геркенса в его «Описании... столичного города С.-Петербурга...»⁵⁴, датчанина фон Хавена в «Путешествии в Россию»⁵⁵, шведа *Эренмальма* в «Описании города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями»⁵⁶ и других. Книга Вебера впоследствии была продолжена и опубликована вторым и третьим томами в 1739–1740 годы, а затем не раз переиздана в Ганновере, Франкфурте, Лейпциге. На русский язык первый том «Преображенной России» впервые был переведен в 1777 году М. С. Бегичевым, однако издан не был. Лишь в 1872 году он под названием «Записки Вебера» и в переводе П. П. Барсова увидел свет на страницах журнала «Русский архив»⁵⁷. Ф. Х. Вебер давал высокую оценку петровским реформам, писал об «изумительных переменах, которые совершил Петр Великий в короткое время в своем обширном государстве, и вместе с тем объяснял, каким образом были произведены эти перемены», отмечал их значение для будущего России⁵⁸.

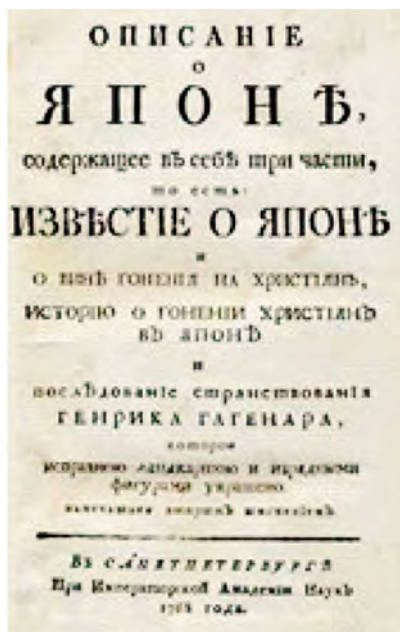
Параллельно интеграции с Европой Россия развивала азиатское направление, чему содействовали военные, торговые, научные походы и экспедиции на Восток, а также дипломатические миссии и посольства. Так, еще в 1653 году по воле царя Алексея Михайловича из Москвы в Китай было отправлено первое русское посольство во главе с Ф. И. Байковым. После него в Китай направлялись посланники (со служивыми и торговыми людьми) И. Милованов, А. Филев, Г. Кобяков, Н. Спафарий и другие, но их миссии нужных России результатов не давали, ибо «китайские императоры, или по гордости своей, или по принятому обыкновению, никого из равных себе самодержцев не удостоивают дружескими грамотами. Если же когда и пишут, то с презрительными выражениями, употребляя слова: “посылаем с верху на низ”», от китайского «земного Бога и миродержавца» к слугам его»⁵⁹. Император Китая считал себя главным правителем мира, которому все прочие монархи должны были подчиняться, в том числе и русский царь, отношения с которым пытались выстроить в рамках господства-подчинения. Кроме

того, из-за отсутствия в Москве знавших китайский язык людей остро стояла проблема понимания китайских грамот, которые сначала, как писалось в наказе Спафарию, должны были быть «переведены езуитами в Пекине на латинский язык», а уже с него потом на русский язык русским толмачом, но тот, «страха ради прибавлял титул Государев, какого нет в оригинале, и какого китайцы никогда и нигде не давали Российскому Государю; также смягчал грубые китайского двора выражения», что никак не могло способствовать взаимопониманию сторон⁶⁰.

В 1684–1686 годы цинская армия Китая, считая освоенные русскими людьми земли по реке Амуру своими, начала военные действия и захватила стоявшую на Амуре русскую крепость Албазин. Срочно направленное в 1687 году из Москвы посольство Ф. Головина с целью установления мира и определения по Амуру русско-китайской границы, смогло в 1689 году заключить Нерчинский мирный договор, по которому, однако, Албазин и прилегавшие к нему территории переходили к Китаю. Кроме того, часть плененных казаков была вывезена в Пекин, где для того, чтобы они «могли молитвы творить в церкви и просить от Бога вечного между обоих государств мира», им было разрешено возвести часовню Николая Чудотворца, а в 1696 году и пекинскую православную церковь Святой Софии, в которой служили архимандрит Илларион, священник Лаврентий, дьякон Филимон, «пожалованные пятой и седьмой степени мандаринства достоинством»⁶¹. Церковь Святой Софии в Пекине стала центром русской духовной миссии в Китае, развития культурных, дипломатических, политических, торгово-экономических отношений между Россией и Китаем, становления русского китаеведения и востоковедения. В XVIII веке в Китай направлялась уже череда русских посольств. Одно из них во главе с Саввой Рагузинским в 1725 году впервые взяло с собой в Пекин пять русских молодых людей для изучения китайского языка. А 14 января 1731 года состоялся торжественный въезд в Москву первого китайского посольства – «в 9 каретах, при пушечной (у Красных ворот, из 31 выстрела) пальбе, при барабанном бое и при игрании музыки...»⁶².

В 1734 году в России на русском языке была издана первая книга о Японии – «Описание о Японе», содержавшая ряд сочинений европейской ориенталистики XVII века (Ж.-Б. Тавернье, Г. Гагенара, Ф. Карона) и рассказывавшая о географическом положении, территориальном делении, общественном устройстве этой далекой страны, образе жизни и характере ее населения⁶³. Публикация данной книги была вызвана скорее всего тем, что в это время Россия

благодаря своим землепроходцам приблизилась к границам Японии, что было отмечено сначала во втором издании книги голландского картографа Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» (Амстердам, 1705), а потом и в «Чертеже как Камчадальского Носу, також и морским островам» Ивана Козыревского, и знания об этой стране стали для россиян более чем актуальны. Русскими переводчиками «Описания о Японе» были учившиеся в Европе И. С. Горлицкий и С. М. Коровин, стремившиеся к тому, чтобы в ее «прочтении скуки не учинить», что им вполне удалось, и в 1768 году в типографии Императорской Академии наук вышло «второе тиснение»

этой книги. Русский читатель с интересом изучал быт, нравы, обряды японцев, в том числе такие экзотические, как хакарири.

За «Описанием о Японе» в России последовали другие публикации о Японии, которые хотя и представляли собой «в основном переводы западных авторов или работы, написанные на их основе», тем не менее стали мощным стимулом к развитию отечественного востоковедения, классические традиции которого опирались на изучении разных национальных культур Азиатско-Тихоокеанского региона⁶⁴. В 1736 году в Петербурге появилась первая на Руси школа японского языка. Учителями в ней были японские рыбаки Гонза и Соза, которые по прибытии в Россию в 1733 году сначала были доставлены ко двору императрицы Анны Иоанновны, а потом отправлены в Петербургскую Академию наук, где с их участием и возникла японская школа. И хотя Соза и Гонза вскоре умерли, интерес к ним оказался столь велик, что «в память о них были сделаны восковые слепки-бюсты, сохранившиеся в Кунсткамере до наших дней»⁶⁵. В 1754 году школа японского языка была переведена из Петербурга в Иркутск, где она просуществовала вплоть до 1816 года. Ее учителями по-прежнему становились терпеливые кораблекрушение японские рыбаки и купцы, случайно попадавшие

в Россию и либо остававшиеся в ней навсегда, либо возвращавшиеся обратно в Японию. Один из вернувшихся на родину японцев, купец Дайкокуя Кодаю, написал даже воспоминания о своем десятилетнем пребывании на русской земле и оставил портрет Екатерины II, с которой он имел аудиенции в Петербурге и Царском Селе, благодаря чему Екатерина II стала «первой русской царицей (и вообще первой женщиной из России), чье изображение, правда очень стилизованное в японской манере, было (наряду с изображением Петра Великого) включено в японские книги»⁶⁶.

Большую роль в развитии отечественного ориентализма сыграли русские землепроходцы, прорывавшиеся через Сибирь на Дальний Восток, о котором в центре России имели весьма смутные представления. Стремясь узнать, «сошлись ли Азия с Америкой», русские первопроходцы во второй половине XVIII века начали осваивать Азиатско-Тихоокеанский регион вплоть до Северной Америки. Там на Алеутских островах в 1772 году возникло русское торговое поселение, заложившее основы Русской Америки, которая включала Аляску, Алеутские острова, Александровский архипелаг и калифорнийский Форт-Росс. Неоценимый вклад в создание Русской Америки внес сибирский предприниматель и мореплаватель Г. И. Шелихов, основавший на Аляске вместе с братьями Голиковыми в 1785 году Северо-Восточную компанию, которая в 1799 году получила название Российско-американской компании. Она «стала основным “полпредом” России в районах Тихоокеанского побережья и сумела сохранить свой привилегированный статус на последующие восемь десятилетий»⁶⁷.

Огромное значение Г. И. Шелихова для России было признано еще его современниками, которые после смерти мореплавателя в 1795 году высекали на его надгробии такие слова: «Здесь в ожидании пришествия Христова погребено тело по прозванию Шелихова, по деяниям бесценного, по промыслу Гражданина, по замыслам мужа почтенного, разума обширного и твердого, ибо в царствование Екатерины вторые, императрицы и самодержицы всероссийской, Государыни славной и великой, расширившей свою Империю победами врагов Ея на Западе и на полудне, он отважными своими морскими путешествиями на Востоке нашем, покорил и присовокупил державе Ея не только острова Кытак, Афогнак и многие другие, но и самую матерую землю Америки простираясь к северо-востоку; завел в них домостроительство, кораблестроение и хлебопашество и испрося архимандрита с братиею и клиросом провозгласил в гробом народе, не слыханным невежеством поправном, не ведомое там

Православная Церковь Святого Вознесения в Кадьяке. Аляска, США.
С 1977 г. включена в Национальный реестр исторических мест США.

имя Божие, и во имя святые живоначалные Троицы насадил православную христианскую веру в лето 1794».

Именно в этом 1794 году по ходатайству Г. И. Шелихова на острове Кадьяк Аляски Екатериной II была учреждена Русская духовная миссия в составе архимандрита Иосафа и трех монахов, которые построили церковь Святого Воскресения и открыли школу для обучения местного населения, а в 1796 году по решению Синода основали православную кафедру – Кадьякское викариатство Иркутской епархии на Аляске. В 1799 году на берегу незамерзающего Ситхинского залива было заложено русское поселение Ново-архангельск, которое являлось центром Русской Америки вплоть до ее продажи США в 1867 году.

Открывая для себя нехристианский Восток, осваивая его земли, Россия одновременно познавала культуру его многочисленных этносов и народов. Она стала страной, где соприкосновение Запада и Востока вылилось в интеграцию и взаимопроникновение культур. Еще в 1716 году по приказу Петра I в России впервые был издан Коран, правда не в полной версии, а в усеченном переводе на русский язык и не с оригинала, а с французского текста дипломата Андре дю Рие. При Петре I была построена арабская типография,

а в Коллегии иностранных дел создана Экспедиция турецких и других восточных языков. Все это позволило в 1787 году при Екатерине II издать в России полный арабский текст Корана, причем специально отлитым для него шрифтом.

В XVIII веке в период русско-турецких войн произошло фактическое знакомство русских людей с мусульманами и христианами Турции. Подъем национально-освободительного духа последних толкал их к поступлению на русскую службу, а после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года Российская империя впервые получила право защиты и покровительства православного населения Турецкой империи, на котором основывалась вся политика России на православном Востоке вплоть до 1917 года. В 1790-е годы Екатерина II задумала персидский поход и разработала «естественный план проникновения на восток», а в декабре 1800 года Павел I заявил о «поощрении торговли с Индией, Бухарой, Хивой» и через месяц приказал начать индийский поход «через Бухарию и Хиву на реку Индус», который в связи со смертью императора не состоялся⁶⁸.

В 1797 году в составе Коллегии иностранных дел был образован Департамент для отправления дел, касающихся азиатских народов, а в 1818 году Петербургская академия наук создала в Петербурге Азиатский музей. Все это способствовало возникновению в России востоковедения как особого направления внешнеполитической, культурной и научной деятельности. Интерес русской элиты к Востоку проявлялся и в бытовой сфере. Так, Екатерина II решила однажды отметить свои именины непременно в духе восточных сказок «Тысячи и одной ночи» – рукописного памятника средневековой арабской и персидской литературы, который в России стал известен благодаря парижскому изданию начала XVIII века и его русским переводам второй половины этого столетия, неоднократно печатавшимися в Москве и Петербурге. Для оформления праздничного стола по мотивам арабских сказок императрица повелела заказать специальный фарфоровый сервиз «Мануфактуры Франца Гарднера» с отделанными золотом чашками, некоторые из которых были наполнены бриллиантами.

Все это имело далеко идущие последствия. Началось формирование «двойной идентичности» и поликультурности, соединявшей региональную культуру с культурой центра и мира. Россия становилась евроазиатской империей, официально провозглашенной 22 октября 1721 года, после победоносного окончания Северной войны и подписания Ништадтского мирного договора, отдавшие-

го «в вечное владение» восточное побережье Остзейского (Балтийского) моря со всеми населявшими его народами (немцами, литовцами, латышами, евреями) и завершившего государственно-политическое объединение русского народа, значительная часть которого в течение столетий находилась за пределами Русского государства. В годы правления Елизаветы Петровны были легализованы буддизм и ламаизм, а во времена Екатерины II – ислам и иудаизм, что сопровождалось обязательной присягой их духовных лиц на верноподданство Российской империи и узаконением их управленческих структур, которые призваны были «отсечь» иноверие от внешних центров влияния, например, Тибета, Монголии, Китая в случае с буддистами, Турции и Ирана в случае с мусульманами. Благодаря такой «мультикультурной» политике России, впервые отразившейся в указе 17 июня 1773 года «О терпимости всех вероисповеданий...», входившие в состав страны восточные народы не стали православными и сохранили свои традиционные верования.

Именно в XVIII веке началось разделение национального, культурного, религиозного самосознания населения России, которая стала представлять собой этнически гетерогенную, многоконфессиональную державу – своеобразный конгломерат разнородных территорий, обладавших национально-культурной и религиозной спецификой, позволявшей им существовать на полуавтономных началах и управляться местными элитами, политически лояльными наднациональному петербургско-московскому центру. Россия, возложив на себя роль моста между Европой и Азией, «держателя равновесия» между Востоком и Западом, превратилась не просто в империю, а в осевой район мировой истории и политики. Не случайно царь Петр I был назван Великим по примеру императора Карла Великого, объединившего в начале IX века Западную Европу и сформировавшего Священную Римскую империю по образу и подобию Великой Римской империи. Российская империя была им под стать: например, 34 дня мчался фельдъегерь из Петербурга в Иркутск с известием о смерти Екатерины II и вступлении на престол Павла I, а на Камчатку эта новость о смене власти пришла лишь на следующий 1797 год, и такие необъятные просторы страны нуждались в жесткой централизации управления и унифицированных принципов существования: «Российская империя, – писала Екатерина II, – есть столь обширна, что, кроме самодержавного государя, всякая другая форма правления, вредна ей, ибо все прочие медлительнее в исполнениях...»⁶⁹.

По сути, речь шла о создании своеобразной «империи Духа», некоего наднационального объединения различных территорий, этносов и народов, которых в титуле сына Екатерины II Павла I насчитывалось уже 51 – от «Самодержца Всероссийского: Московского, Киевского, Владимирского, Новгородского», «Царя Казанского, Астраханского, Сибирского, Херсонеса-Таврического», «Государя Псковского и Великого князя Смоленского, Литовского Волынского и Подольского», «Повелителя и Государя Иверских земель, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинских земель, Черкасских и Горских Князей», «Наследника Норвежского, Герцога Шлезвиг-Голштинского, Сторманского, Дитмарсенского и Ольденбургского» до «Великого Магистра Державного Ордена Святого Иоанна Иерусалимского и прочая, и прочая и прочая»⁷⁰.

Многочисленные земли Российской империи были сплочены стремлением к существованию в едином сильном государстве, способном защитить всех их подданных, которые ради этой высшей цели готовы были отказаться от самостоятельного независимого существования. Но это был лишь идеал, а в жизни стал наблюдаться раскол России «на две половины: одну народную, которая ничего кроме своего русского не знала, и другую космополитическую, которая своего русского почти вовсе не знала»⁷¹. К ней частично принадлежала и верховная власть, о чем говорил такой факт: когда императрица Елизавета Петровна взошла на престол, то «послала на Камчатку штабс-фурьера Шахтурова, с тем чтобы он доставил к ее коронации (т. е. через полтора года) шесть пригожих, благородных камчатских девиц. Представления царицы о размерах собственной империи были приблизительными: только через 6 лет (и на 4 года позже коронации) царицын посланец с отобранными девицами достиг на обратном пути Иркутска...»⁷², из которого до Петербурга ему надо было еще ехать и ехать.

Никогда ранее Русь не была так разделена на элитарную и народную как в XVIII веке, при этом стеной непонимания между ними явилось иностранное, главным образом западноевропейское, влияние, принесшее высшему классу просвещение, вольности и комфорт, а народу – рабство в форме крепостной зависимости. И хотя Петр I широко открыл доступ во дворянство людям простого происхождения, если те обладали деловыми качествами, талантами и знаниями, это не меняло общей социокультурной ситуации в стране, поражавшей иностранцев своими резкими контрастами, оппозицией доморощенного русизма и западного европеизма. С эпохи Петра I часть русского дворянства стала жить на два дома – отчий и загра-

ничный. При этом для некоторых соотечественников пребывание на Западе превратилось в вынужденную меру, обусловленную страхом опалы царя, ибо рассеянные «по всем главным промышленным городам Европы... десятки русских учеников, за обучение которых Петр дорого платил иноземным мастерам», своим беззастенчивым «поведением приводили в отчаяние приставленных к ним надзирателей» и, например, «учившиеся в Англии нашалили так, что боялись воротиться в отечество. В 1723 г. последовал одобрительный указ, приглашавший шалунов безбоязненно воротиться домой, во всем их прощавший и милостиво обнадеживавший в безнаказанности, обещавший даже награды “жалованьем и домами”», но ему мало кто верил⁷³.

Нерадивые студенты были и в более поздние времена, их, в частности, видел в Лозанне Н. М. Карамзин, писавший о «наших любезных соотечественниках», которые «вместо того, чтобы успевать в науках, успевают в шалостях», и поэтому советовал не посылать «детей своих в Лозанну, где разве только одному французскому языку можно хорошо выучиться. Все прочие науки преподаются в немецких университетах гораздо лучше, нежели здесь... Нигде *способы учения* не доведены до такого совершенства, как ныне в Германии; и кого Платнер, кого Гейне не заставит полюбить науки, тот конечно не имеет уже в себе никакой способности»⁷⁴.

Частой причиной невозможности вернуться в Россию были долги и отсутствие средств на дорогу, как, например, у студента Петра Витинского. Он смог покинуть Париж только благодаря материальной помощи в тысячу ливров архимандрита Святотроицкой лавры Флоринского, который в 1743 году передал деньги незадачливому соотечественнику через сестру русского посла во Франции А. Д. Кантемира. При этом не всегда бедность студентов объяснялась их мотовством, она, порой, коренилась в алчности их наставников, оставлявших себе большую часть средств, которые выделялись правительством России на обучение русского юношества. Так было, в частности, с Ф. В. Каржавиным, учившимся во Франции в 1754–1765 годы и находившимся на попечении книгопродавца Ж.-Т. Гериссана.

Гериссану Коллегия иностранных дел при Парижской миссии переводила жалование Каржавина в тысячу ливров, которое он большей частью присваивал себе и не давал Федору, отправленному им в пансион профессора Жана Вовилье, практически ничего. После жалоб Каржавина наставника сменили, но положение стало еще хуже: «Отчаяние, в которое повергает меня нищета, – писал

Федор 1 января 1765 года из Парижа, – принуждает меня просить вас немедленно вызвать меня в Россию. С января месяца 1764 года до настоящего времени получил я лишь 100 рублей, да и эти деньги остались у секретаря г-на Хотинского, который, полагая себя моим воспитателем и опекуном, присвоил их несправедливо, под предлогом моего беспорядочного поведения, которое он ничем не может подтвердить. Одним словом, у меня ничего не осталось, чтобы оплатить долги, в этом году продал я все вплоть до постели, а сам спал в течение 3-х месяцев на соломе; я хочу немедленно вернуться в Россию, и если ни к чему не способен, то буду лучше солдатом, ибо это моя последняя надежда»⁷⁵. Солдатом Каржавин не стал, а, окончив Сорбонну, прославился в качестве переводчика, литератора, путешественника, в 1773–1789 годы жившего не только в Европе, но и в Вест-Индии, на острове Мартиника Карибского моря Атлантического океана.

Несмотря на трудности заграничного существования, многие учившиеся в Европе русские студенты смогли получить прекрасное образование и сделать себе имя в науке и культуре, например первый русский президент Петербургской академии наук К. Г. Разумовский, президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин, автор первого фундаментального труда по истории России В. Н. Татищев или первые русские академики как в области науки – М. В. Ломоносов, В. Ф. Зуев, П. Б. Иноходцев, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, С. Я. Румовский, так и живописи – А. П. Лосенко и Г. И. Угрюмов. Некоторые «птенцы гнезда Петрова», выучившись в Европе, проявили себя на военном, государственном и дипломатическом поприще, в частности учившийся в Оксфорде и ставший генерал-адъютантом князя Потёмкина Иван Родионович Кошелев, или князь Борис Иванович Куракин – генерал-майор, ветеран Северной войны, первый постоянный русский посол за рубежом, представлявший интересы России в Риме, Лондоне, Ганновере, Гааге и Париже. Скончавшись в 1727 году на посту русского посла во Франции, Б. И. Куракин оставил после себя большое литературное наследство, включавшее работы самых разных видов и жанров: «Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705–1707», «Записки князя Бориса Ивановича Куракина о пребывании в Англии, отъезде в Россию к армии, путешествие с царем Петром Алексеевичем в Карлсбад и о назначении своем на съезд в Утрехт. 1710–1711–1712», «Записка князя Б. И. Куракина об отношениях держав и делах политических. 1718 г.» и другие, но самое важное – автобиография «Жизнь князя

Бориса Ивановича Куракина им самим описанная», рисовавшая яркую картину взаимоотношения России с внешним миром конца XVII – первой четверти XVIII века⁷⁶.

Русская знать, выезжавшая за рубеж по служебным, коммерческим, личным делам, на учебу, отдых, для «поправки плохого самочувствия» и так далее, устраивалась на Западе всерьез и надолго: покупала земли, возводила дома и дворцы, собирала книжные и художественные коллекции, устраивала грандиозные балы, что привело к рождению мифа о сказочном богатстве России. Да и как ему было не возникнуть, если, например, только один светлейший князь А. Д. Меншиков держал в Амстердамском и Лондонском банках 9 млн рублей,

а также бриллианты и драгоценности на сумму в 1 млн рублей, и это притом что весь государственный бюджет России в 1724 году равнялся 6 млн. 243 тыс. 197 рублям⁷⁷. Именно с эпохи Петра I начался вывоз капиталов за рубеж, позволявший русской элите не отказывать себе в Европе практически ни в чем. Так, в Париже Карамзин встретил однажды некоего русского «Г. У.», как ему показалось небогатого, но тем не менее сумевшего «собрать прекрасную библиотеку и множество редких манускриптов на разных языках», среди которых имелись «оригинальные письма Генриха IV, Людовика XIII, XIV и XV, кардинала Ришелье, английской королевы Елизаветы и проч.», заволаживавшие любителей старины и заставлявшие прицениваться богачей⁷⁸. Всеобщее восхищение в Париже вызывала и княгиня Е. К. Голицына (урожденная Кантемир), в доме которой собирався высший свет и творческая элита Франции, оставившая потомкам ее яркий художественный образ.

Подтверждали миф о русском изобилии и небывало щедрые условия контрактов, заключавшихся с иностранцами, по которым им выплачивались большие оклады, давались казенные квартиры,

Б. И. Куракин. Гравюра Петра Гунста 1717–1721. Петербург, Эрмитаж.

Портреты Екатерины Голицыной кисти Ж.-М. Натье Париж, 1757 и кисти Л.-М. ван Лоо, 1759.

предоставлялось право в любой момент уехать домой со всем нажитым в России имуществом. Например, договор шотландского профессора Абердинского университета, математика, астронома и специалиста в морских делах Генри Фарварсона (Henry Farquharson), с которым царь познакомился в Лондоне в 1698 году, предусматривал выплату за каждого русского ученика 50 фунтов стерлингов, предоставление готовой квартиры и выдачу кормовых денег⁷⁹. За десять лет Генри Фарварсон, как отмечалось в его письме графу Ф. М. Апраксину от 10 января 1710 года, выучил и отправил на стажировку в Англию 50 учеников, следовательно, его доход составил 2,5 тыс. фунтов стерлингов, и это не считая оплаты работ по написанию и редактированию учебной литературы⁸⁰.

Очень высоко ценил Петр I французских мастеров, снискавших громкую известность в Европе. В 1716 году царь пригласил в Россию «знаменитого в свое время французского архитектора Леблona, “прямую диковину”, как называл его сам Петр, дал ему в Петербурге казенную квартиру на три года и жалованья 5 тысяч рублей... с правом выехать через пять лет из России со всем имуществом беспоплавно»⁸¹. Правда, такие деньги платились не всем и, например, итальянский архитектор Доменико Трезини, прибывший в Россию в 1703 году, получал в пять раз меньше, однако жизнь его сложилась намного удачнее, чем у Жана-Батиста Леблona, скончав-

шегося через два года после приезда в Петербург, тогда как Трезини прожил в России тридцать лет и умер в начале 1734 года в собственном особняке на Университетской набережной, оставив после себя талантливых русских учеников и большое культурное наследие.

Вместе с Доменико Трезини в 1703 году в Россию прибыла большая артель мастеров, работавших не только по заказам Петра I, но и русской знати, в частности Бориса Алексеевича Голицына, у которого в одной только подмосковной усадьбе Дубровицы трудилось «более сотни иностранцев – поляков, немцев, итальянцев»⁸². Там с 1690 года архитектором Тессингом велось строительство каменного храма, призванного отражать европейские вкусы князя и быть не таким, как у всех, над чем работали Пьетро Джемми, Галлас Квадро, Доменико Руско, Карло Феррара. В результате получилась русская церковь в западном убранстве итальянского барокко и северного ренессанса, восторгавшая европейца Б. А. Голицына, но сильно смущавшая православных людей «прелестью латинской». Все сомнения и вопросы снял Петр I, приехавший 11 февраля 1704 года в усадьбу Дубровицы вместе с царевичем Алексеем и местоблюстителем патриаршего престола, митрополитом Стефаном Яворским. Их высочайшее освидетельствование завершилось торжественным освящением Знаменской церкви, которая стала уникальным произведением русского церковного зодчества и, благодаря своим западным реминисценциям (в скульптуре, резьбе, лепнине), наглядным выражением россики.

Для многих русских людей XVIII века перенесение западных традиций церковного и гражданского зодчества (Австрии, Богемии, Германии, Италии, Швейцарии) в Россию казалось чужеродным и даже кощунственным, им претило украшение аллегорическим декором и античными скульптурами зданий, интерьеров, садов и парков. Дело доходило порой до вандализма, вынуждавшего петербургскую власть даже выставлять караул, как-то было, например, в Летнем саду, где Венеру Таврическую от возмущенной публики охранял часовой. Однако Петра I и его сподвижников это не останавливало, и уже к концу первой четверти XVIII века произошел синтез русских хором с западноевропейской архитектурой и оформление дворцово-паркового ансамбля как части отечественной культуры. На него были возложены не только государственно-представительская и имущественно-бытовая, но и художественно-эстетическая, а также символическая функции: дворцово-парковый ансамбль интерпретировался как «храм монархии» и «храм власти», призванный прославлять достижения империи и выполнять

Знаменская церковь в пос. Дубровицы Подольского р-на
Московской обл. Россия.

роль зримых проводников новых политических, экономических, культурных тенденций⁸³. Это же относилось и к формированию усадебных комплексов отечественной элиты, например Останкинской усадьбы и дворца Н. П. Шереметева, в котором участвовали Ф. Кампорези, Дж. Кваренги, В. Бренна, создавшие по воле графа театрально-дворцовый ансамбль в духе храма искусств.

Активный перенос на русскую почву традиций западноевропейской культуры стал возможен благодаря существенному изменению состава приезжавших в Россию иностранцев, трудившихся на ниве искусства: если в средневековой Московии большинство составляли военные музыканты, трубачи и барабанщики, то в петровское время пальма первенства перешла к художникам, граверам, скульпторам и архитекторам. И хотя музыканты по-прежнему продолжали прибывать на Русь – Христиан Абель и Иоганн Прейслер из Германии, Христиан Адлер из Дании, Адам Драен (Драгим), Иван Фридрих Перч, Ян Свейн (Швин) из Швеции и другие, в начале XVIII века на первое место среди иностранцев творческих профессий вышли мастера изобразительного искусства. Одни из

них были живописцами русского царского двора, другие – архитекторами, граверами, резчиками, медальерами и декораторами дворцов, особняков, храмов, садово-парковых строений, третьи – ювелирами, мастерами золотого и серебряного дела, четвертые – преподавателями «всех муз» и наставниками русских учеников, пятые – просто вольными художниками и так далее.

Уже в 1687 году, во времена регентства царевны Софьи при малолетних братьях Петре и Иване, в Москву прибыли шведские живописцы Иона и Вилим Гек, за которыми через два года также из Швеции приехал живописец Вилим Кохен; в 1697–1698 годы Русь посетили корабельный художник из Лотарингии Иоганн Кирхберген, живописец из Ост-Индии Ян Тютекурен и художник-гравер из Голландии Адриан Шонебек (Шхонебек). В начале XVIII века в России стали работать граверы Питер Пикарт и Хендрик Девитт из Голландии, художники Яков Банкино из Швейцарии и супруги Иоганн и Доротея Гзель из Германии, Луи Каравак из Франции, скульптор Карло Бартоломео Растрелли из Италии, архитекторы Иоганн Бликлант из Голландии, Николас Фридрих Гербер из Швейцарии, Франсуа Майро (Мерольт) из Франции и другие.

Их стараниями были возведены обширные архитектурные комплексы, прежде всего в новой столице России – Санкт-Петербурге и его пригородах с роскошными внутренними интерьерами, которые всем своим величием подчеркивали силу и богатство Российской империи. Привнесенные из Европы понятия архитектурного проектирования зданий («наука делания чертежей»), архитектурной графики, садово-парковой архитектуры, а с ними и новые профессии – архитектора-проектировщика, художника архитектуры, чертежника, гравера, рисовальщика, садовника-мастера пейзажного искусства и другие, – заменившие традиционное на Руси строительство по канону и образцу, дали блестящие результаты. Иностранные мастера не только познакомили россиян с разными стилями архитектуры, техникой художественной работы, жанрами живописи (батальной, портретной, пейзажной, натюрмортной) и композиционными приемами, но и заложили основы для будущего превращения России в один из мировых центров художественной культуры. Это стало возможным благодаря основанию русских художественных школ, в которых «влияние мастеров-иностранцев на русскую живопись XVIII века было так велико, что практически все наши художники были либо их прямыми учениками, либо копиистами»⁸⁴. Не случайно некоторые из европейских мастеров, например Б. Ф. Растрелли и К. И. Росси, были удостоены высоко-

Таннауэр И. Г. Портрет Петра I.
1716 г. Музеи Московского Кремля,
Россия.

го звания «почетный вольный общник», которое присуждалось Императорской академией художеств за выдающиеся заслуги в области искусства.

Наиболее почетной и вместе с тем обременительной являлась должность придворного живописца – «гофмалера», введенная Петром I с целью художественного отображения царской жизни или, как отмечалось, например, в договоре саксонского портретиста И. Г. Таннауэра (Johann Gottfried Tannauer), «его величеству живописью портретов больших и малых в миниатюре имея искусство в обеих наилучшим моим художеством служить»⁸⁵. Петр I хорошо понимал, что искусство не только украшает власть, но и закрепляет ее вели-

чественный образ на века, поэтому в художественном ансамбле императорских дворцов портрет должен был занять особое место, и средств на него царь не жалел. Немец Иоганн Готфрид Таннауэр, став первым «гофмалером» русского двора, получил от него казенную квартиру и жалованье в размере 1500 гульденов или 750 ефимков, право содержать за казенный счет одного служителя и получать за казенный счет все необходимые для работы материалы – краски, кисти, холсты, свечи, дрова. Кроме того, живописцу давалось право в любой момент покинуть Россию, если «его работа не будет угодна или обычай земли и воздух не позволят ему далее оставаться»⁸⁶. На таких условиях И. Г. Таннауэр в 1710 году приехал из Вены в Россию и шестнадцать лет верно и преданно служил царю, отобразив его облик на многих полотнах вплоть до последнего «На смертном одре» 1725 года. Также Таннауэр написал портреты «всей фамилии их величества» и ее окружения – супруги Екатерины I, царевича Алексея, двух принцесс, князя и княгини Меншиковых, адмирала Ф. М. Апраксина, графа П. А. Толстого, графа П. И. Ягужинского и других.

Искусство стало блистательной частью россики XVIII века.

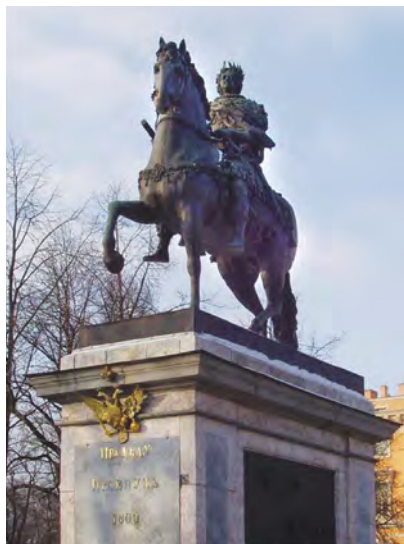
Собственно, именно творчество западноевропейских живописцев на русскую тему и дало начало россии, наглядно и выразительно обеспечивавшей взаимосвязь и преемственность разных культурных традиций. Символом художественной россии XVIII века была фигура Петра I, которая уже в период Великого посольства поражала иностранцев своей мощью и новизной. Европейские мастера Англии, Германии, Голландии, Дании и других стран писали портреты Петра I, создавали памятники, чеканили медали, выпускали открытки, формировали посвященные ему экспозиции и музеи и даже сочиняли оперы, как, например, композитор Л.-А. Жульен, музыкальная драма которого «Петр Великий» («Petrogrande») в 1852 году шла в лондонском театре Ковент-Гарден.

Кнеллер Г. Портрет царя Петра I. Утрехт, 1698. Лондон, Великобритания.

Иконография русского царя формировалась такими авторами, как А. Белли, Ян Веникс, Адриан ван дер Верфф, Луи Каравакк, Годфрид Кнеллер, Бенедикт Кофр, Карел де Моор, Жан-Марк Натье, Иоганн Готфрид Таннауэр. Живописные полотна с изображением Петра I украсили коллекции английского королевского собрания картин во дворце Гемптон-Корт, Музея Резиденции в Мюнхене, немецкого собрания во дворце города Бад-Пирмонта и собрания Брауншвейгского музея, Амстердамского исторического музея, собрания Финансового департамента Флоренции и, конечно же, русских музеев, прежде всего Эрмитажа и Московского Кремля.

Квинтэссенцией художественной россии XVIII века, посвященной Петру Великому, стала скульптура Э. М. Фальконе «Медный всадник» со словами «Petro primo Catharina secunda» – «Петру Первому Екатерина Вторая». Эти два императора превратили региональную страну на северо-востоке Европы под названием Москов-

К. Б. и Ф. Растрелли. Памятник Петру I. 1747. Петербург, Россия.

ская Русь в мощную державу – Российскую империю, вставшую вровень с великими империями мира. Не случайно в конце XVIII века родилась крылатая фраза: «Петр россам дал тела, Екатерина – душу»⁸⁷.

Те начала, что были широко внесены в русскую жизнь при Петре I, дали впоследствии богатые плоды в области духовной и материальной культуры уже после него, главным образом во второй половине XVIII столетия. Как говорил П. А. Вяземский, Петр I – «русский силился сделать из нас немцев, немка (Екатерина II – *Т. II.*) хотела переделать нас в русских»⁸⁸. Затем к екатеринискому памятнику Фальконе добавился памятник Петру I Растрелли,

поставленный у Михайловского замка по воле императора Павла I со словами «Прадеду правнук 1800», что также подчеркивало преемственность и родство с Петром Великим. Все это наложило своеобразный отпечаток на характер отечественной истории не только XVIII, но и последующих веков.

Со времен Петра Великого и в течение всего XVIII века в России работало восемь придворных живописцев, по-немецки называвшихся «гофмалерами», которые призваны были создавать величественный образ власти, что нашло даже отражение в особом указе императрицы Елизаветы Петровны от 11 марта 1747 года «О написании портрета ее императорского величества неискусным мастерам». Среди придворных живописцев семь было иностранцев – саксонец И. Таннауэр, гасконец Л. Каравак, шваб Георг Христоф Гроот, австриец Георг Гаспар Преннер, итальянец Стефано Торелли, британец Ричард Бромтон, немец Гебхард Кюгельхен и лишь один русский – Иван Никитин, прошедший обучение в Италии⁸⁹. Помимо них, придворным живописцем малого двора великого князя Павла Петровича с 1780 года были французы Франсуа Виоллье и Жан Луи Вуаль. Последний после тринадцати лет работы на этом посту вынужден был покинуть Россию, так как отказался под-

писать указ Екатерины II, напуганной революцией во Франции, об отречении от своей французской родины. А вот «считавший Россию своей настоящей родиной» Франсуа Виоллье, прожил в ней почти полвека и оставил о себе память не только как портретист, но и декоратор Павловска, а также «инспектор при миниатюрном его величества кабинете»⁹⁰. Наконец, нельзя не сказать и о том, что хорошим художником была вторая жена Павла I Мария Федоровна, урожденная София-Доротея Вюртембергская, которая была даже включена немецким историком искусства Г. К. Наглером в биографический словарь европейских художников, имевший широкое распространение в мире⁹¹.

Придворные живописцы создали обширную галерею парадных портретов русской императорской фамилии и сотни произведений на русскую тему, образовавших золотой фонд художественной россики. Он постоянно дополнялся произведениями других иностранных художников, работавших в России: А. Р. де Гаск, П. Гонзага, Э. Виже-Лебрен, М.-А. Колло, Лукаса Пфандцельта, Пьетро Ротари, Луиса Токке, Иоганна Франкарта, Иоганна Штенглина и других⁹².

Важный вклад в художественную россику внесло искусство гравюры. Приезжавшие в Россию граверы-иностранцы

Гроот Г. Екатерина I на коне в сопровождении арапчонка. Таллин, Эстонский художественный музей.

Каравак Л. Портрет царевен Анны Петровны и Елизаветы Петровны. 1717 г. С.-Петербург, Русский музей.

Каравак Л. Портрет императрицы Елизаветы Петровны. 1750. Русский музей, Петербург, Россия.

Торелли С. Коронационный портрет Екатерины II. 1763–1766. Русский музей, Петербург, Россия.

«создали целые серии гравюр с портретами русских лиц», начиная с «гравюры черной манеры, сделанной Джоном Смитом с портрета молодого Петра Первого, написанного с натуры Г. Кнеллером», продолжая очень редкой гравюрой 1740 года с портретом малолетнего императора Иоанна Антоновича (Ивана VI) и завершая разными гравюрами русских императриц – Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины Великой⁹³. Один только немецкий гравер Георг Фридрих Шмидт (Georg Friedrich Schmidt) за пять лет работы в Петербурге (1757–1762) создал несколько десятков произведений, целую галерею портретов – императрицы Елизаветы Петровны (по живописному оригиналу работы Луи Токке), канцлера Российской империи, графа М. И. Воронцова, гетмана Малороссии, графа К. Г. Разумовского и других.

Развитие графического искусства в России способствовало складыванию русской школы графики и русской журнальной иллюстрации как особого жанра графических искусств. Конечно, в XVIII веке «русские издатели и граверы ориентировались на лучшие образцы европейского искусства книги», постоянно учились

на них, но и «нередко творчески дополняли, перерабатывали» их, в результате чего «появлялись оригинальные произведения, на общем с европейскими мастерами языке – и художественном, и аллегорическом, и техническом»⁹⁴. Так, Петербургская академия наук с 1755 года начала печатать иллюстрированный журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащих», а в 1774–1776 годы было издано тринадцать номеров журнала-альбома «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов, в Российской империи обретающихся», ставший первым русским художественным журналом, в котором главное место отводилось изобразительному материалу. Он был представлен иллюминированными акварелью гравюрами Христофора Рота, выполненными по рисункам участников академических экспедиций и образцам национальных костюмов, хранившихся в Кунсткамере. При этом пояснительные тексты к иллюстрациям «Открываемой России» давались на русском, французском и немецком языках, так же как и титульные листы всех номеров этого журнала-альбома, что указывало на его тесную связь с европейской культурой.

Органичной частью россики XVIII века стала скульптура, привнесенная на русскую почву такими ваятелями, как Б. К. и Б. Ф. Растрелли, А. Шлютер, Н. Пино, Н. Ф. Жилле, Э. М. Фальконе. Благодаря их деятельности скульптура прочно и навсегда вошла в русскую жизнь в качестве неизменного атрибута оформления дворцов, храмов, парков, фонтанов и площадей. Особенно много искусных мастеров было при дворе императрицы Екатерины II, великолепие которого создавали Баризьен, Гергардт, Гроот, Лампи, Каспар, Кнаппе, Крейцингер, Майр, Миллер, Набгольц, Паульсон, Патерсен, Тишбейн, Шварц, Хойзер, Эриксен и другие⁹⁵. Одни из них приезжали в Россию на короткий срок, другие оставались в ней

Неизвестный художник. Портрет императрицы Анны Иоанновны.
Нюрнберг, Германия.

Б.-К. Растрелли. Портрет Петра I.
1723–1729. Государственный
Русский музей, Петербург, Россия.

навсегда.

Иностранные мастера внесли существенный вклад не только в формирование русскии, но и в создание художественной среды России, складывания институциональных форм ее развития, становления отечественных школ. Так, уроженец Германии Якоб Штелин (Jacob von Stäehlin) в 1741 году возглавил художественный департамент Петербургской Академии наук, а когда он шесть лет спустя был преобразован в Академию изящных искусств, взял ее в свое управление и заботился о становлении русских школ рисунка, портрета, гравюры, анималистики. За сорок лет работы Штелин составил подробный перечень императорских и частных петербургских коллекций, а также художников России, став фактически первым историком

русской живописи XVIII века⁹⁶. Немецкие художники Георг Христовф Гроот (Georg Christoph Grooth) и Лукас Конрад Пфандцельт (Lucas Conrad Pfanzelt) участвовали в комплектовании и организации собрания Эрмитажа, коллекции для которого по воле Екатерины II приобретались в Европе⁹⁷. Пфандцельт являлся хранителем и реставратором живописи императорских дворцов Петербурга и его пригородов, а с 1764 года, времени создания Эрмитажа, и его хранителем. Во многом благодаря Пфандцельту в России сложилась национальная школа реставрации и подготовлены первые русские мастера. Много сделал для становления русского архитектурного образования француз Жан-Батист-Мишель Валлен-Деламот (Jean-Baptiste Vallin de la Mothe) – первый профессор Петербургской Академии художеств, основавший отечественную школу зодчих и установивший для ее лучших учеников привилегию пенсионерства за границей.

Образование в новой России было главным проводником западного влияния. Со времен Петра I оно включало три звена: гим-

назию, университет, академию. Языком преподавания, а затем и русской учености в течение долгого времени была латынь, немецкий, французский и английский языки. Например, будущий русский государственный деятель М. Н. Муравьев в университетской гимназии Москвы посещал класс «латинский начатков риторики», класс «высшего французского стиля», класс «высшего немецкого стиля», класс «русского стиля и переводов с немецкого языка», а также предметные классы географический, геометрический и другие. В созданном в 1755 году Московском университете в первое десятилетие вообще не было ни одного русского преподавателя, все приглашенные из Европы профессора, соответственно и лекции читались на латинском, немецком, французском языках, и только с 1767 года – по-русски. И хотя вскоре положение изменилось и даже сама императрица Екатерина II, немка по рождению и воспитанию, стала советовать знати, «чтоб детей ваших не посылать в Немецкие училища, ибо во многих из них теперь ученые разделились на два класса, равно для общества вредные: одни явные безбожники, а другие лицемерствуя стараются отклонить умы от участия в делах света, на котором однакож по воле Божией живем...»⁹⁸, это уже не могло перечеркнуть заданную Петром I европейскую парадигму развития. В том числе сына Екатерины II – Павла I, который благодаря иностранным учителям и европейскому путешествию 1781–1782 годов⁹⁹ полюбил все немецкое и даже католическое, начиная с Папы Римского и заканчивая Мальтийским и Иезуитским орденами.

Современник Павла I Ф. Ф. Вигель так описывал императора: «...Восточный владыка, одетый, однако ж, в мундир прусского покроя с претензиями на новейшую французскую любезность и рыцарский дух средних веков; Версаль, Иерусалим, Берлин были его девизом, и таким образом всю строгость военной дисциплины и феодального самоуправления умел он соединить в себе с необу-

Н.-Ф. Жилле. Бюст
И. И. Шувалова. Государственный
Русский музей, Петербург, Россия.

зданною властью ханскою и прихотливым деспотизмом французского дореволюционного правительства»¹⁰⁰. Император Павел I стал воплощением «просвещенного абсолютизма» Фридриха II Прусского и Екатерины II, что породило крайне противоречивую политику, сочетавшую заботу об «общем благе» России с жесткими методами управления. Он требовал от Наполеона передачи Мальты под русскую корону, предлагал Папе Пию VII переселиться в Россию, мечтал о том, чтобы все международные споры решались не войной, а дуэлью между главами иностранных государств.

Вместе с тем, несмотря на все причуды русской власти, ее союз с эпохой Просвещения позволял вести протяженный во времени и пространстве культурный диалог с Европой и использовать ее достижения на благо отечества. В течение всего XVIII века иностранные специалисты активно приезжали в Россию. Так, шведская община протестантской церкви Святой Екатерины в Петербурге, по данным ее главы, пастора Эрика Густафа Эрстрёма, в 1733 году насчитывала примерно 800 человек, а столетие спустя включала уже 3607 человек, из которых «2711 были уроженцами Финляндии, 550 происходили из Швеции, 43 из Дании, 5 из Норвегии, а 298 из других областей. Наиболее широко были представлены ремесленники, за ними шли девушки-служанки, затем ученые, художники, фармацевты, учителя, студенты, гражданские чиновники, офицеры, купцы и фабриканты»¹⁰¹. Такой профессиональный расклад был характерен и для других иностранных общин России, в которых особым почетом пользовались инженеры, архитекторы, деятели искусств и ученые – Г. З. Байер, Г. Б. Бильфингер, Т. Гербер, Я. Герман, Х. Гольдбах, Г. К. Гроот, братья Д. и Н. Бернулли, Г. Ф. Миллер, Х.-Ф. Стефан, Э. М. Фальконе, А.-Л. Шлёцер, Я. Я. Штелин, В. Эриксен и другие.

Как и при Петре I, иностранцам создавались в России благоприятные условия и, например, Екатерина II, приглашая через своего секретаря австрийского художника Джованни Баттиста Лампи, писала, «что он, предприняв сей путь, не будет раскаиваться и что здесь конечно найдет свои выгоды»¹⁰². Под ними прежде всего подразумевались высокие оклады, существенно отличавшиеся от оплаты труда местного населения, не говоря уже о крепостных, содержание которых с экономической точки зрения было очень выгодным, особенно по сравнению с большими гонорарами и дорогостоящими заказами вольным специалистам. Так, лейб-медик императрицы Анны Иоанновны, лифляндец Фишер, который до этого «долго перебивался в Риге, занимаясь практикой как доктор медицины», при русском императорском дворе стал получать 16 тыс. рублей

в год, что удивляло даже быва-
лых иностранцев, не говоря уже
о русских людях¹⁰³. А в период
правления Елизаветы Петровны
в Париж к Вольтеру, работавше-
му по заказу императрицы над
«Историей Петра Великого»,
граф И. И. Шувалов отправлял
курьера не только с материалами
для книги, но и «двумя тысячами
червонцев в подарок»¹⁰⁴.

В то время многие просве-
щенные россияне восторгались
Вольтером, читали его работы,
вели с ним переписку, смотрели
в Париже театральные постано-
вки его пьес, встречались с ним в
салонах или, как Шувалов, быва-
ли даже у него дома в Ферне.
В 1760 году Вольтер написал
пьесу «Русский в Париже», и
хотя издал он ее под псевдони-
мом «секретаря русского посольства Ивана Алетова», для россиян
имя ее автора не являлось тайной. Поклонницей Вольтера долгое
время была и Екатерина II, писавшая ему письма, искавшая у него
совета в деле управления Россией и говорившая: «Вольтеру обяза-
на я своим образованием»¹⁰⁵. А вслед за государыней-матушкой так
считала и русская знать, взявшая моду на вольтерьянство, на фразы
о свободе, о естественных правах и естественной религии человека.
Сочинения Вольтера на русский язык переводили Ломоносов, Кан-
темир, Сумароков, Баратынский. За годы правления Екатерины II
в России было издано «около 60 самых значительных произведений
Вольтера», немалое их число ходило в рукописях, причем не толь-
ко в столичных городах, но и в провинции»¹⁰⁶. После смерти Вольт-
тера, в 1778 году Екатерина II купила во Франции его библиотеку
в почти семь тысяч книг, часть переписки, мраморную скульптуру
«Вольтер, сидящий в кресле» Жана-Антуана Гудона и издала собра-
ние его сочинений в пяти томах.

Не жалела средств Екатерина II и на сохранение творческого
наследия другого энциклопедиста и просветителя – Дени Дидро.
В 1765 году она за 15 тыс. ливров приобрела его французскую

Ж.-А. Гудон. Вольтер. 1781 г.
Государственный Эрмитаж.
Петербург, Россия.

библиотеку на условиях сохранения за ним права постоянного пользования, то есть сделала Дидро пожизненным библиотекарем юридически уже принадлежавшей России, но фактически находившейся в его обиходе библиотеки, что выразилось формулой «библиотекарь ее величества Екатерины II с правом проживания в Париже». За это, а также за поиск, отбор и приобретение в Европе картин для русского Эрмитажа императрица определила Дидро жалование – одну тысячу франков в год и выплатила его за 50 лет вперед. Но он столько не прожил. В 1773 году Дидро по приглашению Екатерины II приехал в Петербург. Он остановился в доме княгини Марии Павловны Нарышкиной, где, видимо, ему было настолько хорошо, что, возвращаясь домой во Францию, он взял с собой не только свой портрет кисти Д. Г. Левицкого, но и подаренный ему ее портрет, написанный художником во время пребывания Дидро в Петербурге. Портрет Нарышкиной долго хранился у наследников философа-энциклопедиста, пока в 1916 году не попал в картинную галерею Музея Лувра. Что же касается портрета Дидро, то в настоящее время он находится в швейцарском собрании Музея искусства и истории города Женевы.

В Петербурге у Дидро состоялось несколько десятков встреч с императрицей Екатериной II. Также Дидро встречался с российскими деятелями науки и культуры, был избран почетным членом Петербургской академии наук и Академии художеств. На исходе зимы 1774 года Дидро уехал из России в Париж, а спустя десять лет умер. Осенью 1785 года библиотека Дидро, купленная двадцать лет назад Екатериной II, наконец-то была перевезена из Франции в Россию и выставлена в Эрмитаже – почти три тысячи томов европейской философской мысли¹⁰⁷. Она вместе с библиотекой Вольтера стала важной частью формировавшихся в России в течение всего XVIII века европейских книжных собраний, которые активно пополнялись русскими переводами и изданиями: сочинениями Самуэля фон Пуфендорфа «О должностях человека и гражданина по закону естественному» (СПб., 1726) и «Введение в историю знатнейших европейских государств» (СПб., 1767–1777), Л. Жокруа «О государственном правлении и разных родах оногo» (СПб., 1770), Ж.-Ж. Руссо «Гражданин, или Рассуждение о политической экономии» (СПб., 1777, 1787), «Политическое завещание г. Вольтера» (СПб., 1785), 27-томный «Всемирный путешественник, или познание старого и нового света» Ж. де Ла Порта (СПб., 1778–1794), которые не просто расширяли кругозор русских читателей, но ломали старое и формировали новое представление о мире, госу-

Левицкий Д. Г. Портрет М. П. Нарышкиной 1773–1774 гг. Музей Лувра. Париж, Франция.

Левицкий Д. Г. Портрет Д. Дидро 1773–1774 гг. Музей искусства и истории Женевы. Швейцария.

дарстве, обществе и человеке.

Конечно, не всем это приходилось по нраву, и, как писал, например, профессор Духовной академии Д. И. Ростиславов, даже в уездном городе Касимове, «увы... были либералы, пропитанные идеями Вольтера и Жан-Жака Руссо»¹⁰⁸. Вращенное в Московской Руси неприятие мировоззрения латинского Запада толкало апологетов допетровской старины на варварское уничтожение неугодной литературы, запрещение и цензурное оскотление сочинений. Так, грубой цензуре подверглась книга Луи-Антуана Караччиоли «Путешествие разума в Европейские области» (СПб. 1783), особенно раздел о России, из которого вырезали все разговоры о крепостном праве и сибирской каторге, в результате чего из десяти страниц, посвященных России, осталось только две; полностью запрещены были книги швейцарского просветителя Иоганна Циммермана «Народная гордость» (СПб. 1788) и «Образ народного любочестия» (СПб. 1793) из-за восхваления свободных государств и осуждения деспотизма¹⁰⁹. А в 1797–1799 годы, время правления Павла I, вообще было запрещено 639 изданий, в том числе почему-то «Путешествие Гулливера», а вот сочинение Руссо цензура пропустила¹¹⁰. Но некоторым частным книжным собраниям удавалось быть неподцензурными, и библиотеки, например, Н. П. Румянцева, А. С. Норова, В. А. Десницкого хранили издания таких известных

западных типографов, как Альда Мануция и Джамбаттиста Бодони, выпускавших произведения Данте Алигьери, Франческо Петрарки, Торквато Тассо, Леонардо да Винчи, которые в России служили образцом европейской мысли, словесности, графического искусства и печатного дела¹¹¹.

Через просвещение Россия открывала Запад, а Запад открывал для себя Россию. Так, уроженец Германии Иоганн Готтлиб Георги (Johann Gottlieb Georgi), в 1770 году по приглашению Академии наук приехавший в Россию, написал и издал на немецком языке такие важные для россиеведения работы, как «Комментарии к путешествию по Российской Империи в 1772–1774 годах», «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей», «Физико-географическое и естественноисторическое описание Российской империи», «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом 1794–1796»¹¹². Императрица Екатерина II высоко оценила труды Георги, особенно его этнографическое исследование, повелела издать его за казенный счет, да еще наградила автора золотой табакеркой, а русский шотландец Франц Гарднер, опираясь на красочные иллюстрации книги Георги «Описания всех в Российском Государстве обитающих народов», запустил на своей фабрике под Москвой производство фарфоровых кукол в разных национальных костюмах народов России.

Крупным исследователем России был уроженец Берлина, доктор медицины, ученый-энциклопедист Петер Симон Паллас (Peter Simon Pallas), который в 1767 году поступил на службу в Петербургскую Академию наук и за сорок с лишним лет работы на русской земле написал о ней свыше ста пятидесяти трудов, заложивших основу естественнонаучных знаний о России: «Путешествие по разным провинциям Российского государства», «Достопримечательности мордвы, казахов, калмыков, киргизов, башкир и др.», «Флора России», «Краткое физическое и топографическое описание Таврической области», «Перечень дикорастущих растений Крыма», «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II» и другие¹¹³.

Свой вклад в россиеведение внесли и другие трудившиеся в России иностранцы. Так, Г. З. Байер (Gottlieb Siegfried Bayer), опираясь на исследования Лейбница по генеалогии древнерусских князей¹¹⁴, разрабатывал историю скифов, варягов и других пле-

мен, стоявших у истоков создания Древней Руси¹¹⁵; Г. Ф. Миллер (Gerhard Friedrich Müller) прославился сочинениями «Происхождение народа и имени российского», «Опыт новой истории о России», «Описание Сибирского царства», «О начале и происхождении козаков»¹¹⁶; Ф. В. Берхгольц (Friedrich Wilhelm von Bergholtz) оставил дневник о «Царствовании Петра Великого, с 1721–1725 год»¹¹⁷, а Э. И. Миних (Ernst Johann von Münnich) стал автором «Записок графа Эрнста Миниха, сына фельдмаршала...», большая часть которых посвящена царствованию Анны Иоанновны¹¹⁸; Обри де Ла Моттре¹¹⁹ (Aubrey de la Mottraye) в 1732 году выпустил написанное в Петербурге сочинение «Путешествие на английском и французском О. де ла Моттрэ по различным провинциям и местностям герцогской и королевской Пруссии, России, Польши и т. д...»¹¹⁹; Я. Я. Штелин (Jacob von Stäehlin) оставил «Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом изображающие истинное свойство сего премудрого Государя и отца отечества, собранные в течение сорока лет действительным Статским советником Яковом Штелиным», «Анекдоты о Петре Великом» и «Записки об императоре Петре II»¹²⁰; К. К. де Рюльер (Claude Carloman de Rulhière) издал книгу «История, или анекдоты о революции в России в 1762 году», которая описывала дворцовый переворот Екатерины II, свидетелем которого он был¹²¹, и так далее.

Значительна часть материалов иностранного происхождения, связанных с Россией, отложилась в различных архивах и библиотеках мира. Например, в одном только архиве министерства иностранных дел Франции в рубрике «Russie» серии «Mémoires et documents», по данным работавшего там историка Е. В. Тарле, хранятся бумаги маркиза де ла Шетарди, находившегося на дипломатической службе в Петербурге в 1739–1742 годы, французского посланника Шевалье д'Эона, жившего в России в 1755–1762 годы, барона де Бретейля, прибывшего в 1760 году послом Франции в Петербург, участника Русско-турецкой войны 1769 года барона де Тотта, члена французской дипломатической миссии в России 1775–1780 годов барона де Корберона, французского эмигранта, генерала А. Ф. Ланжерона и другие¹²².

Видение иностранцами России XVIII века, их понимание русской истории и культуры носило противоречивый характер – от одиозности, присутствовавшей, например, в трудах авторов норманнской теории, немцев Г. Байера, Г. Миллера и А. Шлёцера, до восхищения, которым была наполнена работа серба Захария Орфелина о реформаторской деятельности Петра I, изданная в Венеции

в 1772 году, а два года спустя и в России¹²³. Сочинения, негативно оценивавшие русское прошлое и настоящее, как правило, вызывали решительный отпор со стороны творческой и правящей элиты страны – от академика М. В. Ломоносова до императрицы Екатерины II включительно и рождали бурный междоцивилизационный диалог, за которым внимательно следила вся интеллектуальная Европа. Так, острую полемику породили изданные в 1768 году сначала в Париже, а через год в Амстердаме путевые заметки французского аббата, астронома и путешественника Жана Шаппа д'Отроша (Jean Chappe d'Auteroche) «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году...», которые одним росчерком пера свели европейскую Россию к ее азиатской окраине, подменили метрополию периферией, распространили рассказы о быте и нравах азиатских этносов Сибири на русский народ и исконную Россию, названную варварской отсталой страной, пребывающей за гранью цивилизации¹²⁴.

Данный подход с замещением и извращением понятий вызвал полное неприятие у отечественной элиты, решившей не оставлять его без ответа и защитить Россию, тем более что сочинение Шаппа д'Отроша приобрело в Европе большую популярность¹²⁵. В 1770 году Екатерина II содействовала изданию на французском языке двухтомного русского «Антидота», то есть «Противоядия», состоявшего, как отмечалось в пояснении к нему, в «разборе дурной, но великолепно напечатанной книги под заглавием “Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761...”»¹²⁶. Желая переубедить ее читателей, «Антидот» приводил развернутую критику всех анти-русских высказываний, в частности на пренебрежительные слова о бескультуре россиян давался подробный обзор состояния отечественной литературы середины XVIII века с краткой, но высокой оценкой творчества Прокоповича, Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского Татищева и даже библиотекаря личной библиотеки Екатерины II В. П. Петрова, которые ставились в один ряд с европейскими писателями. «Антидот», как и книга Шаппа д'Отроша, вышел через год повторным изданием в Амстердаме, что, впрочем, никак не изменило мнения русофобов, однако для европейских исследователей России он стал важным источником информации¹²⁷.

Продуманностью, прагматичностью и взвешенностью оценок отличались материалы дипломатических миссий и посольств, например «Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла Короля Испанского. 1727–1730 годов», опубликованные на фран-

цузском языке в Париже в 1788 году. И хотя в России они в русском переводе Д. Языкова были изданы лишь в 1845 году, да еще в сокращенном и отредактированном виде, это не помешало любителям россики сразу же включить их в научный оборот¹²⁸. В 1737 году секретарь прусской миссии в России Иоганн-Готтгильф Фоккеродт (Johann Gotthilf Vockerodt) написал подробное «Исследование некоторых вопросов относительно совершившейся перемены в России в царствование Петра I», которое имело также другое название – «Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоганна-Готтгильфа Фоккеродта»¹²⁹. Прибыв в 1712 году в Россию сначала в качестве учителя племянников Я. В. Брюса и сыновей Д. К. Кантемира, а потом секретаря прусского посольства, Фоккеродт за четверть века не только освоил русский язык, но и изучил массу материалов по истории и современности России, которые затем легли в основу его сочинения «Россия при Петре Великом». При этом, говоря о преобразованиях Петра I, Фоккеродт сопровождал свой рассказ обширными экскурсами в допетровское время, опровергая, с одной стороны, расхожее мнение Запада о дикости русского народа, а с другой стороны, повторяя его утверждением о том, что основы государственного, военного и гражданского устройства были получены русскими от Золотой Орды. Фоккеродт сравнивал время петровских реформ с кризисными периодами русской истории – Смутой, расколом, – что заставляло его скептически оценивать результаты правления Петра I. Вместе с тем, несмотря на спорные выводы, исследование Фоккеродта получило большое признание в мире из-за наличия в ней подробных сведений о России: численности и составе населения, бюджете, армии и флоте, религии и церкви и так далее. Не случайно она практически сразу после выхода в свет стала предметом внимательного изучения со стороны разных исследователей, от французского энциклопедиста Вольтера и адъютанта Фридриха II Х.-Г. Манштейна до русских историков С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского¹³⁰.

В XVIII веке, как известно, происходил важный процесс превращения знаний в науку, характеризовавшийся систематизацией, обобщением и анализом накопленных к этому периоду сведений о явлениях природы и общества, их рационалистическим пониманием и объяснением. Затронул данный процесс и россику. Автором первых работ по россике обычно считают Логина (Логгина) Бакмейстера (Хартвиг Людвиг Кристиан Бакмейстер/Hartwig Ludwig Christian Bacmeister) – уроженца Германии, который благодаря своему студенческому знакомству с А. Л. Шлёцером смог в 1762 году

приехать в Петербург и посвятить себя изучению России¹³¹. Бакмейстер подготовил и издал одиннадцать томов (по шесть частей в каждом) библиографического обзора книг, вышедших в России в 1769–1789 годы с рецензиями, полными выходными данными и подробными указателями¹³²; четыре части «Топографических известий, служащих для полного географического описания Российской империи», «Краткую географию Российской империи»¹³³, а также переводы на немецкий язык книги Ломоносова «Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года», дневника Петра Великого, «Жизнеописания гр. Б. П. Шереметева» Мюллера¹³⁴ и другие.

Свои работы Л. Бакмейстер предназначал почти исключительно «академическому юношеству», однако очень скоро их значение вышло за эти сугубо учебные рамки. Они положили начало культурной миссии русской исторической, научной и художественной литературы, определили ее значение в диалоге культур и международном культурном обмене. Важность трудов Бакмейстера определялась еще и тем, что в «Опыте исторического словаря о российских писателях» 1772 года, автором которого был известный литератор, издатель и просветитель Н. И. Новиков, отсутствовали сведения о литераторах-иностранцах, работавших в России и для России¹³⁵, а немецкоязычная библиографическая «Записка» Я. Я. Штелина, имевшая целью создание словаря русских писателей, так и осталась запиской, содержавшей отрывочные сведения о русской словесности XVIII века¹³⁶.

Таким образом, во многом именно благодаря россияне отечественная история и культура стали частью мирового исследовательского пространства, наглядным примером чего являются труды другого «россиковеда» – Ф. П. Аделунга, который в 1794 году приехал в Россию и прожил в ней почти полвека, закончив свои дни в Петербурге в 1843 году. Миссия Аделунга была двоякой: с одной стороны, он привносил европейскую культуру на русскую почву, был директором немецкого театра, цензором немецких книг, коллекционером европейского искусства и его собрание легло в основу Художественного музея Харькова, а с другой стороны, он активно разрабатывал русскую тему сквозь призму представлений иностранцев о России, что нашло отражение в его работах: «О древних иностранных картах России до 1700 года» с библиографией иностранных карт России за 1306–1699 годы; «Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия с 1801 по 1806 г.» (ч. 1–2, 1810–1811), «Критико-литературное обозрение путеше-

ственников по России до 1700 года и их сочинений»¹³⁷.

Аделунг как ученый знал, что для понимания России, «нахождения общего языка» с ее историей и культурой, иностранные материалы имели большое значение, причем не только для жителей зарубежных стран, но и для самих россиян. История с русским дневником итальянского литератора Франческо Альгаротти была тому наглядным подтверждением. В 1739 году Альгаротти в составе английской делегации прибыл в Петербург на свадьбу принцессы Анны Леопольдовны. Все свои впечатления об этой поездке он подробно записывал в дневник, который затем был положен им в основу книги «Письма о России» («Lettere sulla Russia»), изданной в 1759 году¹³⁸. В ней он написал фразу, получившую впоследствии широкое распространение: «Петербург – это окно, через которое Россия смотрит в Европу» («Petersbourg est la fenetre par laquelle la Russie regarde en Europe»). Именно на нее при написании поэмы «Медный всадник» в 1833 году сослался А. С. Пушкин, что сделало ее поистине крылатой.

Во второй половине XVIII века приезжавших в Россию иностранцев было так много, что для них стала выпускаться на русском и иностранных языках специальная литература в жанре путеводителей как по отдельным городам, так и по стране в целом. Например, в 1779 году было издано «Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга: От начала заведения его, с 1703 по 1751 год» А. И. Богданова¹³⁹; в 1782 году увидело свет «Описание императорского, столичного города Москвы...» В. Г. Рубана¹⁴⁰; в 1790–1794 годы на немецком и русском языках вышло «Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях оного» И. Г. Георги¹⁴¹, послужившее основой для создания другой книги «Картина С.-Петербурга» Х. Шторха¹⁴², в 1791 году появилась «Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву» Н. И. Страхова¹⁴³, а в 1796 году увидело свет пятитомное «Путешествие двух французов на Север Европы» Форсия де Пилеса, две книги которого рассказывали о Петербурге, Москве и прилегавших к ним городах¹⁴⁴.

Большое влияние на русскую культуру оказали деятели европейского сценического искусства. Например, только из Италии во второй половине XVIII века в Петербург и Москву приехали актеры, музыканты, певцы, балетмейстеры, балерины Д. Анджолини, Ф. Беккари, Дж. Бельмонти, А. Белюцци, Дж. Канциани, В. Манфредини, А. Ринальди, Л. Сакко, Дж. Соломони, Дж. Чинти, познакомившие россиян с итальянской оперой, балетом, комедией дель

арте, маскарадами, театральной живописью и возглавившие труппы Петровского Большого театра и Оперного дома у Красных ворот в Москве, Старого Придворного театра в Петербурге, крепостных театров Н. П. Шереметева и Н. Б. Юсупова. Они подготовили целую плеяду русских сценических деятелей, поставили несколько десятков спектаклей, в том числе при участии выдающегося итальянского художника и декоратора П. Гонзага. Немало было на русской сцене также французов, немцев, австрийцев. Так, среди россиян пользовалась признанием труппа выходца из Вены Петра Гильфердинга, который содержал ее вместе с И. Сколари и И.-Фр. Нейгофом и имел с 1737 года привилегию на театральную деятельность в России, продленную в 1745 году.

Популярности иностранных театральных деятелей способствовало также то, что в России в период великого поста все светские увеселения прекращались, а в течение второй-шестой недель могли устраиваться лишь концерты духовной музыки, поэтому русские меломаны в это время часто посещали католические храмы, как, например, литератор М. Н. Муравьев. В 1778 году он слушал «целую мессу в католической церкви, и Порри пел», известный в то время артист итальянской оперы; в следующем году он внимал оратории в исполнении французского композитора, дирижера и скрипача Пезибля; в 1780 году наслаждался ораторией итальянского музыканта Перголезе, а в 1781 году собирался посетить католический храм, где «будет новая прекрасная музыка, присланная к государыне от императора, а к императору от папы»¹⁴⁵.

Верховная власть России высоко ценила талант и щедро оплачивала труд сценических деятелей Европы, например одной только драматической, оперной и балетной труппе Джованни Батиста Локателли, прибывшей в Петербург в 1757 году, императрица Елизавета Петровна определила жалованье в семь тысяч рублей в год, немалые деньги в те времена¹⁴⁶. Екатерина II продолжила развивать театральное дело, говоря: «Театр есть школа народная, она должна быть непременно под моим надзором, я старший учитель в этой школе и за нравы народа мой ответ богу»¹⁴⁷. Недаром Вольтер писал про нее: «Совершенно необходимы государи, которые любят искусство, понимают их и им покровительствуют. Они переменяют климат и заставляют цвести розы среди снегов. Именно так поступает ваша несравненная государыня. Можно было бы подумать, что письма, которыми она меня удостаивает, я получаю из Версаля...»¹⁴⁸.

Европейское сценическое искусство создало русский театр, и, например, драматургия А. П. Сумарокова уже полностью соответ-

ствовала европейским канонам театрального искусства: содержала конфликт чувства и долга, яркую любовную историю, живые диалоги и эффектные монологи, динамичные сцены, красивые интерьеры. Вольтер, хорошо знавший пьесы русского репертуара середины XVIII века и парижские рукописные тексты сочинений Сумарокова¹⁴⁹, видел в нем «одного из своих братьев по Французской Академии», а сам Александр Петрович полагал, что «быть адвокатом Мельпомены и Талии не только в одной России, но и во всей Европе пристойнее всех Вольтеру и мне...»¹⁵⁰. Дерзостная эта мысль ставить себя рядом с Вольтером, по словам Сумарокова, родилась у него вовсе не от гордыни, а от боли за Россию и за Москву, о чем он сообщал Екатерине II: «Здесь же не Париж. Там и много авторов театральных и много любителей театра, между которыми и много знатоков; народа там больше; а Москва всего того лишена, и только люди еще во вкус приводятся. Да и двор обыкновенно в Петербурге, а не в Москве, а Москва от Петербурга далее, нежели Версалия от Парижа. Там Расины, Вольтеры и Молиеры, а у нас писатели очень безграмотны, переводы скаредны, подлинники еще хуже, актеров надобно созидать»¹⁵¹. Не случайно Сумароков был избран почетным членом Лейпцигской академии свободных искусств, но вот в Европе побывать ему и непосредственно познакомиться с театральной жизнью ее стран так и не удалось. Зато это смог сделать И. А. Дмитриевский – «первый актер российского придворного театра» Екатерины II.

В 1765–1768 годы Дмитриевский совершил две поездки в Европу, где он в качестве главного своего дела посчитал необходимым издать свои сочинения, посвященные культуре России: «Историю русского театра» и «Известие о некоторых русских писателях с кратким сообщением о русском театре». И если первая работа так и не вышла в свет, то вторая была издана, правда, без указания имени автора, сначала в немецком переводе в Лейпциге, в седьмом томе 1768 года журнала Х. Ф. Вейсе «*Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste*» («Новая библиотека прекрасных наук и свободных искусств»), а затем во французском переводе в Ливорно – в 1771 и 1774 годы. Параллельно Дмитриевский внимательно изучал театральное мастерство европейских актеров, сценическое искусство и драматургию Англии, Италии, Франции, Германии, других стран Запада. Приобретенные за рубежом знания настолько обогатили профессиональное мастерство и художественную культуру И. А. Дмитриевского, что по возвращении на родину он был назначен «надзирателем спектаклей российского теа-

тра» и «почти все крупные таланты следующих за ним поколений сформировались под его влиянием», более того, «благодаря обширным познаниям в области русской и иностранной драматургии он был советником всех современных ему драматургов, не исключая Фонвизина, и переводчиком с французского и итальянского ряда драм, комедий и опер»¹⁵².

В то же время Россия не только научилась театральному мастерству у Запада, но и передала его дальше на Восток, на практике показав, что у культуры нет границ. И сделал это уроженец Ярославля Герасим Степанович Лебедев. В 1777 году он в качестве музыканта-виолончелиста русского посольства в Неаполе, возглавлявшегося А. К. Разумовским, выехал в Европу, где при поддержке графа, а также русского посла в Вене князя Д. М. Голицына начал первым из русских артистов вести самостоятельную концертную деятельность и выступать с гастрольями в разных европейских городах. Оказавшись в Лондоне, Лебедев получил рекомендации русского посланника С. Р. Воронцова и разрешение на въезд в Британскую Индию, куда он прибыл в августе 1785 года.

Десять лет Г. С. Лебедев изучал индийскую культуру и местные языки, занимался переводами, выступал с концертами и преподавал музыку, пока в 1795 году не создал в Калькутте, где ставились лишь английские спектакли для англичан, первый национальный индийский театр европейского типа с местными актерами, бенгальской речью, индийской музыкой. В своем театре Лебедев был режиссером, драматургом, декоратором, музыкантом и композитором, автором «Индийской серенады» – вокально-инструментального произведения с европейскими и бенгальскими инструментами. В 1798 году Лебедев под давлением английской администрации вынужден был покинуть Индию и уехать в Лондон. Там он издал «Граматику чистых и смешанных восточноиндийских диалектов...» («Grammar of the pure and mixed East Indian dialects...»), а также работы по географии, экономике и культуре Индии. Они прославили Г. С. Лебедева как первого русского индолога, не случайно в Калькутте одна из улиц была названа в его честь, а бенгальский ученый Хаята Мамуда посвятил ему книгу «Герасим Степанович Лебедев», изданную Бенгальской Академией Дакка в Бангладеш. В 2012 году она в русском переводе вышла на родине нашего знаменитого соотечественника в Ярославле¹⁵³.

В общем, благодаря активному развитию международных связей и отношений в России сложилась высокая культура мирового уровня, которая впитала в себя лучшие достижения человечества.

Однако она затрагивала очень узкий круг элиты страны, различные представители которой, глядя в одну и ту же западную сторону, видели и понимали совсем не одно и то же. Некоторые из них во главе с венценосными монархами полагали, что им можно и нужно жить по-европейски в комфортной обстановке «поэтического наслаждения», а вот простой народ должен существовать по-русски, то есть в рабстве, и это совмещение итальянского ренессанса, французского просветительства, английского рационализма и немецкого прагматизма с доморощенным крепостничеством представлял собой удивительный факт отечественной истории и культуры. Более того, ради красоты и приличия Екатерина II даже запретила произносить слово «раб» и написала «Оду на истребление в России названия раба», однако отмена данного слова вовсе не означала уничтожения крепостного права.

Екатерина II в этом отношении следовала за Петром I, который стремился сделать из россиян европейцев чисто азиатскими методами и применял к тем, кто сопротивлялся, всю мощь карательного аппарата страны. Население отвечало на это бунтами и массовым бегством – в Польшу, в Литву, в Пруссию, в Турцию, только бы подальше от царя, который европейскую идею «просвещенного» земного труда как смысла жизни трансформировал в идею служения власти с полным растворением в ней всякой отдельной личности. Это не могло не порождать, с одной стороны, эмиграцию, а с другой стороны, стремление власти вернуть беглецов на родину и покарать. Петр I не пожалел даже собственного сына царевича Алексея, объявленного изменником и обманным путем доставленного из-за границы на родину, где и оборвалась его жизнь.

Двойственная политика Петра I затронула все сферы жизни, в том числе и религию. Вместе с европеизацией в Россию пришли западные христиане, католики и протестанты, которым царь разрешил строить церкви и школы, ставшие местом притяжения русского дворянства. И хотя православная церковь выражала острое недовольство подобным развитием событий, Петр I заявлял: «Я весьма уважаю и люблю римских католиков», и «так как эти славные мужи живут на пользу всем, с любовью обучают юношей и всем нравятся, то я охотно терплю и держу их в Москве»¹⁵⁴. Также русской знати было разрешено посещать папскую столицу, и ряд ее представителей стал с благоговением поклоняться католическим святыням – граф А. П. Апраксин, князь М. А. Голицын, княгиня И. П. Долгорукая и другие вплоть до челяди и слуг. Например, дворовый человек Шереметева Курбатов, «путешествуя с барином по Италии, в 1698

году обратился к папе с прошением, в котором, заявляя себя верным сыном католической церкви, просил снабдить его по приложенному списку книгами религиозно-догматического содержания и, обнадеживая папу в успехе католической пропаганды в России, советовал отправить туда знающих людей, обещая открыть им доступ в дома московской знати»¹⁵⁵.

В общем, как писали католики о России, «нас здесь считали прежде наравне с татарами, а теперь стали признавать за христиан, а иные не только признают, что мы христиане, но и нечто большее начинают чувствовать»¹⁵⁶. С другой стороны, некоторые представители западного христианства начали видеть в русских людях своих единоверцев, и, например, в немецкой книге Михаэля фон Оппенбуша (Michael von Oppenbusch) «Религия Московитов, древняя и настоящая, с ее удивительными церемониями», которая вторым дополненным изданием, выполненным голландцем Яном ван Лееуеном (Jan van Leeuwen), вышла в Амстердаме, отмечалось, что «религия русских согласуется с учением Лютера и, следовательно, русские вполне могут называться христианами»¹⁵⁷. А в 1717–1721 годы в Голландии для России по воле Петра I было осуществлено издание Библии в шести томах, при этом на одной половине страницы давался голландский перевод, а на другой, оставленной пустой, предусматривался «словенский перевод»¹⁵⁸.

Такая веротерпимость затем ярко проявилась в период правления императора Павла I, взявшего пример мироустройства в Пруссии, а образец духовной жизни в средневековом рыцарстве с его идеями благородства, мужества и бескорыстия. В 1798 году Павел I пригласил в Петербург католический Мальтийский гостеприимный орден, созданный в честь Иоанна Крестителя в середине XI века итальянцами в Иерусалиме и являвшийся религиозно-благотворительным и военным братством, монахи которого оказывали помощь паломникам. Под натиском мусульманского завоевания братья-госпитальеры в 1187 году перебрались из Иерусалима на Кипр, потом на Родос, а затем на архипелаг Мальта, который и дал им окончательное имя – «мальтийские рыцари». Отличительной чертой их одежды стало изображение особого мальтийского креста. Его четыре основных конца символизировали почитавшиеся рыцарями добродетели: справедливость, благоразумие, умеренность и храбрость. На Мальте орден находился с 1530 по 1798 год, до времени ее захвата французской армией Наполеона Бонапарта, после чего часть рыцарей перебралась в Триест под защиту австрийского императора, а часть обрела покровительство Павла I и приют в Петербурге, где было организовано

приорство (отделение) Мальтийского ордена.

Оно в декабре 1798 года провозгласило русского императора новым Великим магистром ордена, что, однако, не было признано рыцарями, жившими за пределами России, а также Папой Римским. Тем не менее в 1799 году мальтийские рыцари передали Павлу I имевшиеся у них христианские святыни: частицу креста, на котором был распят Христос, десницу Иоанна Крестителя и икону Пресвятой Богородицы, написанную кистью апостола Луки. Эти реликвии, вывезенные с Мальты в Гатчину, а потом

Мальтийская корона императора России Павла I.

в Зимний дворец Петербурга, находились в России до осени 1917 года. Перед большевистским переворотом они были отправлены в Эстонию к матери Николая II Марии Федоровне, которая в свою очередь передала их русскому митрополиту Антонию Храповицкому, эмигрировавшему с ними в Берлин, а затем в Сербию, где они были отданы сербскому царю Александру Карагеоргиевичу. В настоящее время эти христианские святыни хранятся в Цетинском монастыре Черногории.

Возвращаясь к событиям конца XVIII века, следует отметить, что на посту Великого магистра Мальтийского ордена Павел I пробыл недолго – до 11 марта 1801 года, даты его трагического убийства представителями той части отечественной элиты, которая имела другие взгляды на европеизацию России. Наложив вековой запрет на публикацию любых материалов об этом событии, но не сумев предотвратить их издание за границей¹⁵⁹, она надеялась вернуть страну в прежние времена покоя и гармонии, когда можно было просто не замечать неразумную, по ее мнению, русскую действительность и создавать где-нибудь в глуши Владимирской или Саратовской губерний «маленькую Францию» или «античную Италию» с дворцом во сто комнат и статуями муз Древней Греции, домашним театром, итальянским оркестром, парком с храмами-беседками и прочими атрибутами западноевропейской культуры. Так, кабинет-секретарь и первый министр народного просвещения России граф

П. В. Завадовский превратил подаренное ему в 1775 году Екатериной II (за разработку Кючук-Кайнарджийского договора с Портой) село Ляличи под Брянском в роскошное имение, выстроенное по проекту итальянского архитектора Джакомо Кваренги с английским парком, церковью греко-римской архитектуры, купальней, зверинцем, прудом с лебедями и, конечно же, обширной усадьбой с дворцом, украшенным картинами, гобеленами, золоченой мебелью стиля Людовика XV, зеркалами, каминами, бюстами и статуями, среди которых своей монументальностью выделялось мраморное изваяние Екатерины II – во весь рост и объем царицы. И вся эта европейская роскошь и красота была скрыта графом П. В. Завадовским от окружавших ее русских сел и деревень каменной стеной в семь верст длиной.

Наконец, третьи представители русской политической и творческой элиты, полностью пропитываясь иностранным влиянием, отрывались от русских корней и значительную часть своей жизни проводили за границей. Так, в 1779 году в Риме обосновался пейзажист Ф. М. Матвеев. В Италии он стал родоначальником русской пейзажной школы, в которой, однако, поначалу не было ни одного русского пейзажа, все виды Рима, Неаполя и прочих итальянских мест. Прожив в Италии до конца своих дней, Матвеев тем не менее связи с Россией не терял, более того, получил даже звание русского академика ландшафтной живописи, а потом вместе с другим живописцем – О. А. Кипренским – официально был определен наставником молодых русских художников, направлявшихся Петербургской академией художеств на стажировку в Рим.

Европа и европеизация меняли мировоззрение русского человека, превращали его в космополита, причислявшего Россию и себя к мировой цивилизации, например А. Н. Радищева, в 1766–1771 годы учившегося в Лейпцигском университете, или Н. М. Карамзина, познававшего науку у немецких профессоров И. М. Шадена и И. Г. Шварца. Карамзин писал в 1790 году: «Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое*, ибо я человек!»¹⁶⁰. И если Петр I вынужден был в приказном порядке отправлять дворян за знаниями в Европу, то после него образовательные поездки за рубеж воспринимались уже в качестве важной привилегии, а отсутствие европейской выучки считалось крупным недостатком. Даже М. В. Ломоносов, выступавший с острой критикой «немецкого засилья» в России, своими богатыми

знаниями во многом был обязан Марбургскому и Фрайбергскому университетам Гессена и Саксонии, сформировавших из него учебного мирового уровня.

Все знатные семьи России XVIII века уже стремились дать детям европейское образование как на родине, так и в лучших университетах Европы: барон И. А. Черкасов в начале 1740-х годов отправил своих сыновей Александра и Ивана в Кембридж; граф А. Г. Орлов-Чесменский в 1770-годы послал своего внебрачного сына Александра на учебу в Германию и Англию; княгиня Е. Р. Дашкова на рубеже 1770–1780-х годов увезла своего сына Павла в Эдинбургский университет; княгиня Н. П. Голицына в 1780-е годы выехала вместе с детьми во Францию, где сыновья поступили сначала в Страсбургский университет, а затем в Парижскую военную школу, и так далее.

Характерно, что в последней четверти XVIII века о европейском просвещении начали заботиться не только отцы, но и матери семейств, и в этом плане фигуры Е. Р. Дашковой и Н. П. Голицыной были знаковыми для России. Княгиня Е. Р. Дашкова, объездившая в 1769–1782 годы почти всю Европу, общавшаяся с Адамом Смитом, Вольтером, Дени Дидро и другими великими умами эпохи, изучавшая их труды и сама имевшая вкус к творчеству – литературному, музыкальному, сценическому – стремилась привнести западную культуру на русскую почву и в то же время сделать Россию частью ее интеллектуального пространства, что нашло отражение в ее обширной переписке, многостраничных записках и мемуарах, которые после ее смерти были изданы в Европе на английском, французском, немецком и русском языках¹⁶¹.

Знаменательной фигурой отечественной истории и культуры второй половины XVIII века – начала XIX века была и княгиня Н. П. Голицына. Она воплощала собой тот тип русской знати, что был вхож в европейские королевские дворы (Людовика XVI, Георга III и других), и считал Европу своим вторым домом. Правда, когда началась французская революция и Екатерина II повелела всем русским вернуться на родину, она вынуждена была подчиниться монаршей воле и приехать в Петербург. Но и там княгиня очень скоро превратила свой особняк на Малой Морской улице в очаг европейской культуры, охотно посещавшийся бежавшими от революции членами эмигрантского двора Людовика XVIII, который нашел приют в России и даже получал русскую пенсию в 200 тыс. рублей в год¹⁶². Жизненный путь Н. П. Голицыной, начавшись с рождения в Берлине и длившийся почти век, был представлен в ее

воспоминаниях, написанных по-французски и включавших наряду с «Небольшими заметками и Анекдотами» также «Дневник моих путешествий», описывавший ее пребывание во Франции, Бельгии, Англии, Швейцарии¹⁶³.

Большую роль в активизации и расширении заграничных поездок русской знати сыграл изданный Петром III 18 февраля 1762 года манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», который затем был развит Екатериной II в Наказе 1767 года и в «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» 1785 года. Эти законодательные акты давали «первенствующему сословию» право свободного выезда за границу (кроме военного времени), чем оно не преминуло воспользоваться. Так, в 1768 году отправился за рубеж сенатор Н. Е. Муравьев, взявший с собой жену и ее брата, гвардии офицера А. А. Волкова. Их путешествие длилось два года и прервалось из-за внезапной смерти Н. Е. Муравьева в августе 1770 года в городе Монпелье на юге Франции. В 1769 году выехали на Запад А. Б. Куракин, Н. П. Шереметев, Д. А. Фонвизин, совместившие учебу в Лейденском университете с поездками по разным странам Европы, знакомством с их географией, историей, экономикой, культурой.

Примерно в это же время в швейцарской Лозанне «поселился наш соотечественник, граф Григорий Кириллович Разумовский, ученый-натуралист. По любви к наукам отказался он от чинов, на которые знатный род его давал ему право, — удалился в такую землю, где натура столь великолепна и где склонность его находит для себя более пищи, — живет в тишине, трудится над умножением знаний человеческих в царствах природы и делает честь своему отечеству»¹⁶⁴. В Россию Г. К. Разумовский так и не вернулся, прожив до конца своих дней в Европе. В 1774 году отправился за границу двадцатитрехлетний князь Н. Б. Юсупов сначала для обучения в Лейденском университете, потом для «приобретения знания по части дел иностранных», «обозрения дворов европейских», дипломатической работы и путешествия, которое с небольшими перерывами и возвращениями в Россию растянулось на двадцать лет.

Благодаря Манифесту о вольности дворянства путешествия за рубеж из служебной необходимости превратились в моду и стали для элиты «распространенной поведенческой практикой», которая потом отражалась в дневниках, заметках, записках, воспоминаниях и хрониках¹⁶⁵. Например, Д. И. Фонвизина, который в 1777 году отправился за границу, сначала во Францию, а потом в Германию

и Италию, о чем он подробно сообщал в письмах своим родным и знакомым. На западный мир Фонвизин смотрел острым взглядом литератора и публициста, подмечавшего все, начиная с воспитания, которое «во Франции ограничивается одним ученьем», нацеленным на то, «чтоб один стал богословом, другой живописцем, третий столяром; но чтоб каждый из них стал человеком, того и на мысль не приходит», и заканчивая политикой: «Французы, имея право вольности, живут в сущем рабстве. Король, будучи не ограничен законами, имеет в руках всю силу попираť законы... Каждый министр есть деспот в своем департаменте... Налоги, безрезонные, частые, тяжкие и служащие к одному обогащению ненасытимых начальников»¹⁶⁶

Обладая критическим умом, Фонвизин без благоговения относился к Европе, однако и России, при всей любви к ней, спуска не давал, о чем говорили его литературные и философские сочинения, полные едкой критики и бытовой сатиры.

Широкую популярность имели «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, рассказывавшие о Европе 1789–1790 годов и положившие начало литературе русских путешествий. Уже в 1800 году в Лейпциге вышло немецкое издание «Писем русского путешественника» – «Briefe eines reisenden Russen» с портретом Николая Михайловича на фронтиспise и иллюстрациями, рисунки к которым были выполнены художником Фридрихом Кюнелем и гравером Иоганном Генрихом Липсом¹⁶⁷. За этим изданием последовали другие переводы и публикации, принесшие первую славу Карамзину.

Н. М. Карамзин писал в Страсбурге 6 августа 1789 года: «Приятно, весело, друзья мои, переезжать из одной земли в другую, видеть новые предметы, с которыми, кажется, самая душа наша обновля-

Портрет Н. М. Карамзина на фронтиспise немецкого издания «Писем русского путешественника».

Художник Ф. Кюнель,
гравер И.-Г. Липс. 1799–1800.

Фронтиспис немецкого издания
«Писем русского путешественника»

Н. М. Карамзина: «Wer sind
Ihr?» («Кто Вы?») – художник
Ф. Кюнель, гравер И.-Г. Липс.

ется, и чувствовать неоцененную свободу человека, по которой он подлинно может назваться царем земного творения»¹⁶⁸. А въезжая в Париж 27 марта 1790 года, восклицал: «...Вот город, который в течение многих веков был образцом всей Европы, источником вкуса, мод – которого имя произносится с благоговением учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невеждами, в Европе и в Азии, в Америке и в Африке – которого имя стало мне известно почти вместе с моим именем... Ах, друзья мои! Сия минута была одною из приятнейших минут моего путешествия!»¹⁶⁹. Но вот из Парижа Карамзин переехал в Лондон и снова восторг: «*Лондон прекрасен! Какая разница с Парижем! Там огромность и гадость, здесь простота с удивительною чистотою;*

там роскошь и бедность в вечной противоположности, здесь единообразие общего достатка... *Здесь есть люди: я найду себе место, найду знакомство и приятности* – вот чувство, которое делает его (путешественника – Т. П.) беззаботным гражданином вселенной!», ведь всякий англичанин, помня Великую хартию вольностей, подписанную Иоанном Безземельным в 1215 году, «*скажет: я живу, где хочу; уверен в том, что имею; не боюсь ничего, кроме законов*»¹⁷⁰.

Находясь в Европе, Карамзин примечал там все, что связано с Россией: в Потсдаме русскую церковь «под надзором старого русского солдата, который живет там со времен царствования императрицы Анны» и уже почти не говорит по-русски; в «Лейпциге, где многие из наших единоплеменников искали просвещения, и, надеюсь, не тщетно», и где немецкий поэт и писатель Х. Ф. Вейсе показывал ему рукопись И. Дмитриевского «История русского театра», хранимую им «как редкость в своей библиотеке»; в Лозанне при кафедральной церкви «из черного мрамора сооруженный памятник княгине Орловой, которая в цветущей молодости скончала свои дни» там;

в Париже поставленную итальянским театром мелодраму «Петр Великий», посмотрев которую Карамзин записал: «Я отираю слезы свои – и радуюсь, что я русский»; а также «Славянскую Библию и Наказ Императрицы» Королевской библиотеки Парижа и даже его теплые бани, среди которых «самые лучшие и дорогие называются русскими»; наконец, в Лондоне, восхитившую его в Виндзорском дворце картину, изображавшую московского царя: «Я долго смотрел на портрет нашего Великого Петра, написанный во время Его пребывания в Лондоне живописцем Неллером. Император был тогда еще молод: это Марс в Преображенском мундире!», – восклицал Карамзин, – и следом рассказал о «русском парикмахере Федоре, который здесь живет семь или восемь лет, женился на миловидной англичанке, написал над своею лавкою: Fedor Ooshakof (Федор Ушаков), салит голову лондонским щеголям, и доволен как царь. Он был в России экономическим крестьянином, и служит всем русским с великим усердием»¹⁷¹.

Путешествуя, Н. М. Карамзин постоянно сравнивал то, что видел в Германии, Франции, Англии, с тем, что знал в России. Даже идея написания «Истории Государства Российского» родилась у него за границей, после встреч с Кантом и Гердером, Гёте и Мирабо, а также Пьером-Шарлем Левеком (Pierre-Charles Levesque), который по рекомендации Дидро некоторое время преподавал в Петербурге, изучил русский язык, собрал в России богатый материал о ее прошлом и по приезде во Францию написал и опубликовал в 1782 году «Histoire de Russie...»¹⁷². Это пятитомное сочинение долгое время служило в Европе основным учебным пособием по русской истории и не раз переиздавалось, а позже было дополнено двухтомником «История различных народов, находящихся под властью русских», который в России получил известность под названием «История Российской империи и народов, входящих

Кюнель Ф. Иллюстрация
к «Письмам русского
путешественника»
Н. М. Карамзина.

в ее состав»¹⁷³.

Помимо трудов Левека, на Западе имелись и другие исторические работы на русскую тему, например сочинения Филиппа Иоганна фон Страленберга (Philip Johan von Strahlenberg), шведского офицера, взятого под Полтавой в плен и более десяти лет проведшего в Сибири, где он изучил «чемодан документов» и после возвращения на родину на их основе написал и опубликовал на немецком языке работы «Предварительное сообщение о Великой Татарии и Сибирском царстве» и «Историко-географическое описание Северной и Восточной частей Европы и Азии», которые вышли в Стокгольме в 1726 и 1730 годах¹⁷⁴. В Европе они вызвали большой интерес, были переведены на европейские языки и в том или ином виде неоднократно издавались. В частности, в Амстердаме в 1757 году вышло его двухтомное «Description Historique de l' Empire Russien» («Описание истории Российской империи»)¹⁷⁵, которое в Париже пять лет спустя приобрел русский студент, будущий писатель Ф. В. Каржавин.

Популярен был и трехтомник работавшего в России французского врача Н.-Г. Леклерка (Nicolas-Gabriel Le Clerc) «Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne» («История естественная, нравственная, гражданская и политическая современной России»), вышедший в 1783 году и имевший в качестве приложения альбом с гравюрами, выполненными по рисункам Николя Луи де Леспинасса (Nicolas Louis de Lespinnasse)¹⁷⁶. Пользовался спросом также «Курс по истории России» страсбургского профессора К.-Г. Коха (Christophe-Guillaume Koch), который в 1760–1770 годы исполнял обязанности надзирателя за русскими студентами (Голицыными, Разумовскими, Строгановыми), приезжавшими в Страсбург на учебу в университет и «дипломатическую школу»¹⁷⁷. Лекции Коха по русской истории не были изданы, но тем не менее были хорошо известны не только в Страсбурге, но и за его пределами, на что указывает наличие их рукописных копий в библиотеке Мазарини в Париже и в городской библиотеке Нанта¹⁷⁸.

Несмотря на все эти работы, Карамзин, однако, выделял именно труд П.-Ш. Левека: «Тут же узнал я Левека, автора Российской истории, которая, хотя имеет много недостатков, однакожь лучше всех других. Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием»¹⁷⁹. И встреча с Левеком в Париже в мае 1790 года навела Карамзина на мысль о возможности самому написать русскую историю так, как он

ее видел и понимал: «Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло вытти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев. Родословная князей, их ссоры, междоусобие, набег половцев, не очень любопытны: соглашаюсь; но зачем наполнять ими целые томы? Что не важно, то сократить, как сделал Юм в Английской истории; но все черты, которые означают свойства народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные описать живо, разительно»; конечно, «Левек, как писатель, не без дарования, не без достоинств...; но... может ли он говорить о русских с таким чувством, как русской?»¹⁸⁰.

Ответ был однозначным – не может. Так в Париже Н. М. Карамзин открыл в себе русского историка, а Россия получила своего национального великого историографа, труды которого и главный из них – «История Государства Российского» – стали настольной книгой в ученых кабинетах многих стран земного шара. На прошлое своего отечества Карамзин смотрел сквозь мировую историю и культуру и в их проблемах видел проблемы России, которые, в свою очередь, рассматривал как проблемы всего человечества. «... Искусства и науки необходимы, – писал Карамзин в работе «Нечто о науках, искусствах и просвещении», которая была опубликована в 1794 году в альманахе «Аглая». – Успехи их показывают, что духовная натура наша в течение времен, подобно как злато в горниле, очищается и достигает большего совершенства... и если бы какой-нибудь дух тьмы мог теперь в одну минуту истребить все плоды ума человеческого, жатву всех прошедших веков, то потомки наши снова найдут потерянное, и снова воссияют искусства и науки как лучезарное солнце на земном шаре... Меня не будет – но память моя не совсем охладет в мире; любезный, нежно-образованный юноша, читая некоторые мысли, некоторые чувства мои, скажет: он имел душу, имея сердце!»¹⁸¹.

Примечания

- ¹ Пушкин А. С. Медный всадник // Собр. соч. : в 10 т. Т. 3 : Поэмы. Сказки. М. : Худ. лит., 1975. С. 255, 268 ; *Примеч. Пушкина: «Альгаротти где-то сказал: “Petersbourg est la fenetre par laquelle la Russie regarde en Eugore”»; в пер. с фр. яз. данная фраза Франческо Альгаротти звучит так: «Петербург – это окно, через которое Россия смотрит в Европу».
- ² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 623.
- ³ Голиков И. И. Деяния Петра Великого мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Изд. 2. Т. X. М. : Тип. Николая Степанова, 1839. С. 113.
- ⁴ Миних Бурхард-Христоф // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. Т. 13. – СПб. : Просвещение, 1909. С. 189.
- ⁵ Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. Т. IV. Курс русской истории. Ч. IV. М. : Мысль, 1989. С. 21.
- ⁶ Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб. : Культ.-просветит. О-во «Пушкинский Фонд», 1993. С. 322.
- ⁷ Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. Т. IV. Ч. IV. С. 196.
- ⁸ См.: Смирнов И. Б. Культурологическое содержание этнонимов в австрийской исторической традиции (Steirische Völkertafel начала XVIII века) // XVI Царскосельские чтения: Человек – гражданин – гражданское общество – правовое государство : материалы междунар. науч. конфен. (24–25 апр. 2012 г). Т. III. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. С. 411–415.
- ⁹ Цит. по: Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. Т. IV. Ч. IV. 1989. С. 196.
- ¹⁰ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М. : Наука, 1983. С. 198.
- ¹¹ Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. Т. IV. Ч. IV. С. 197.
- ¹² Там же. С. 219, 221.
- ¹³ Княжецкая Е. А. Связи России с Далмацией и Бокой Которской при Петре I // Советское славяноведение. № 5. 1973. С. 46–59.
- ¹⁴ Голицын Н. Н. Род князей Голицыных. Материалы родословные. Т. I. СПб. : Л. С. Голицын, 1892. С. XIII.
- ¹⁵ Русский вестник-Черногория. 2017. 5 июн.
- ¹⁶ Княжецкая Е. А. Указ. соч. С. 59.
- ¹⁷ Лабутина Т. Л. Восприятие английской культуры в России в эпоху Петра I // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 23 ; Копанев Н. А. Французская книга и русская культура в середине XVIII века. (Из истории международной книготорговли). Л. : Наука, 1988. С. 16.
- ¹⁸ Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого / пред. Д. А. Толстого // Русский архив. 1988. Кн. 1. Вып. 2–4; Кн. 2. Вып. 5–8; Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699. М. : Наука, 1992. – 387 с.

- ¹⁹ *Brückner, Alexander*. Die Europaisirung Russlands. Land und Volk. Gota, 1888; *Brückner, Alexander*. Geschichte Russland bis zum Ende des XVIII Jahrhunderts. B. I. Überblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Grossen. Gota, 1896; *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1882. – 686 с.
- ²⁰ *Полуденский М.* Петр Великий в Париже // Русский архив. 1865. Вып. 6. С. 678–679.
- ²¹ См., например, статью в «Revue Contemporaine» Эдуарда де Бартеlemi «Петр Великий во Франции в 1716 году».
- ²² *Полуденский М.* Петр Великий в Париже // Там же. Вып. 5–6. С. 684–685, 691.
- ²³ Там же. С. 676–697.
- ²⁴ Там же. С. 686.
- ²⁵ См.: *Kotzsch, Lothar*. Peter der Große öffnet mit Leibniz den Wissenschaften in Rußland das Tor zum Westen // Kotzsch Lothar. Königsberg in Preußen seit Peter dem Großen. Berlin, 2001. S. 35–37.
- ²⁶ *Штелин Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. М. : Решетников, 1830. Изд. 3-е. Ч. 2. С. 62.
- ²⁷ См.: *Рогожин Н. М.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – нач. XVIII в.). М. : Ин-т истории СССР, 1990. – 237 с. ; РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Ед. хр. 1619. Л. 2–297.
- ²⁸ *Подалко П. Э.* Романовы в Японии. Из истории августейших контактов // Япония 2003–2004. Ежегодник. М. : МАКС Пресс, 2004. С. 300.
- ²⁹ *Рогожин Н. М.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – нач. XVIII в.). М. : Ин-т истории СССР, 1990. – 237 с. ; РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Ед. хр. 1619. Л. 2–297.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Алексушина Т.* Новое о старинных портретах // Наше Наследие. 1991. № II (20). С. 12.
- ³² *Ключевский В. О.* Соч. : в 9 т. Т. IV. Курс русской истории. Ч. IV. М. : Мысль, 1989. С. 101–102.
- ³³ *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен. Книга пятая. Т. 21. М. : Т-во «Общественная польза», 1861. С. 146.
- ³⁴ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М. : Наука, 1981. С. 194.
- ³⁵ *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. С. 199.
- ³⁶ *Копанев Н. А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII века. С. 24.
- ³⁷ *Шавыркина Н. А.* Личная библиотека как социально-культурное явление. М. : РИК, 2000. С. 33–34.
- ³⁸ Там же. С. 38.
- ³⁹ *Поленов Д. А. Я.* Поленов. Русский законовед XVIII века // Русский архив. 1865. Вып. 5–6. С. 725–726, 732.

- ⁴⁰ Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времен Павла I. Пг. : Сенатская типография, 1916. С. 176—177.
- ⁴¹ Эразм Дезидерий Роттердамский, «Разговоры дружеские». С приложениями общими некими,... от различных авторов избранными во употреблении хотящим языка голландского учиться юношам» (на русском и голландском языках). СПб., 1716. Эта книга была даже в личной библиотеке Петра I.
- ⁴² Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. С. 91 ; Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. IV. Ч. IV. С. 231.
- ⁴³ Мартынов И. Ф. О библиотеке екатерининского паж. Каталог книг Алексея Оленин, 1775 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1977. М. : Наука, 1977. С. 158—159.
- ⁴⁴ Там же. С. 155—159.
- ⁴⁵ Первые борцы за свободу. Декабрист Михаил Сергеевич Лунин. Пг. : Художественная печатня, 1917. С. 1
- ⁴⁶ Там же. С. 2.
- ⁴⁷ Соловьёв В. С. Смысл любви : Избранные произведения. М. : Современник, 1991. С. 208.
- ⁴⁸ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Книга пятая. Т. 21. С. 214.
- ⁴⁹ Письмо В. К. Тредиаковского И. Д. Шумахеру 18 января 1731 г. // Письма русских писателей XVIII века. Л. : Наука, 1980. С. 46.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Письма русских писателей XVIII века. С. 63.
- ⁵² Фридрихтейн Ю. Вольтер. Жизнь в России // Вопросы литературы. 1995. № 6. С. 224—225.
- ⁵³ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Книга пятая. Т. 21. С. 145—146, 150.
- ⁵⁴ Описание... столичного города С.-Петербурга... / пер. Е. Э. Либталь; пред., науч. ред. и коммент. С. П. Луппова // Белые ночи. Л., 1975. С. 217—220.
- ⁵⁵ *Haven P. von. Reise in Russland / Aus dem Danischen ins Deutsche übersetzt von H.A.R. Coppenhagen, 1744. — 512 S.*
- ⁵⁶ Эрнмальм Л. Ю. Описание города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями // Беспярых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. М. : Наука, 1991. С. 95—101.
- ⁵⁷ Записки Вебера (Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера) // Русский архив. 1872. № 6. С. 1057—1168 ; Беспярых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. М. : Наука, 1991. С. 102—138.
- ⁵⁸ Барсов П. Записки Вебера // Русский архив. 1872. № 6. С. 1058.
- ⁵⁹ Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань : Типография Имп. Ун-та, 1882. С. 5, 35.

- ⁶⁰ Там же. С. 25–26, 20.
- ⁶¹ Там же. С. 84–85.
- ⁶² Там же. С. 174.
- ⁶³ Описание о Японе: Содержащее в себе три части, то есть: Известие о Японе и о вине гонения на христиан, Историю о гонении христиан в Японе и Последование странствования Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено. СПб. : Печ. при Акад. наук, 1734. – 359 с.
- ⁶⁴ *Леценко Н. Ф.* История – это воскрешение // Невские чтения : Международный симпозиум в честь 120-летия со дня рождения Н. А. Невского. СПб. : Ин-т восточных рукописей РАН, 2012. С. 52.
- ⁶⁵ *Подалко П. Э.* Романовы в Японии. С. 300.
- ⁶⁶ Там же. С. 301.
- ⁶⁷ Там же. С. 300.
- ⁶⁸ *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М. : Мысль, 1982. С. 209, 222–223.
- ⁶⁹ См.: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. С. 8–9.
- ⁷⁰ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб. : Издание А. С. Суворина, 1901. С. 208.
- ⁷¹ *Леонтьев К. Н.* Грамотность и народность // Леонтьев К. Н. Записки отшельника. М. : Русская книга, 1992. С. 382.
- ⁷² *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. С. 8.
- ⁷³ *Ключевский В. О.* Соч. : в 9 т. IV. Ч. IV. С. 102, 228.
- ⁷⁴ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1984. С. 149.
- ⁷⁵ Письма русских писателей XVIII века. С. 235.
- ⁷⁶ Литературное наследие Б. И. Куракина в России было издано его потомком Федором Алексеевичем Куракиным: Архив князя Ф. А. Куракина / под ред. М. И. Семевского. Т. 1–10. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890–1902.
- ⁷⁷ *Лабутина Т. Л.* Указ. соч. С. 25.
- ⁷⁸ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 275.
- ⁷⁹ Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. Ч. 1. СПб. : Морская типография, 1831. С. 71.
- ⁸⁰ Там же. С. 72.
- ⁸¹ Там же. С. 101.
- ⁸² *Красилин М.* Знаменская церковь в Дубровицах // Наше Наследие. 1991. № V (23). С. 143.
- ⁸³ См. подробнее: *Малафеева С. Л.* Специфика столичных дворцово-парковых ансамблей России как объект культурного наследия (XVIII – нач. XX вв.) : автореф. Дис. ... кан. ист. наук. М. : РИК, 2000. – 34 с.
- ⁸⁴ *Алексушина Т.* Указ. соч. С. 6.
- ⁸⁵ *Маркина Л.* «Счастливая звезда» придворного живописца в России // Русское искусство. 2006. № 3. С. 10 ; *Она же.* Придворный живописец в России: раб или творец? // Труды Государственного Эрмитажа

- XXXVI. Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур : Избр. матер. конференций. (Гос. Эрмитаж, 18–20 октября 2005 г.). СПб., 2007. С. 231–238.
- ⁸⁶ Маркина Л. «Счастливая звезда» придворного живописца в России. С. 11.
- ⁸⁷ Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. Т. IV. Ч. IV. С. 185.
- ⁸⁸ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского : Т. 1–12. Т. IX. СПб. : Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1884. С. 112.
- ⁸⁹ Маркина Л. «Счастливая звезда» придворного живописца в России. С. 10–21.
- ⁹⁰ Белавская К. П. Художник Ф. Виоллье и его работы в Павловске // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1977. М. : Наука, 1977. С. 311.
- ⁹¹ Neues allgemeines Künstler-Lexicon oder Nachrichten aus dem Leben und den Werken der Maler, Bildhauer, Baumeister, Kupferstecher, Formschneider, Lithographen, Zeichner, Medailleure, Elfenbeinarbeiter, etc. Bearbeitet von Dr. G. K. Nagler. Bd. 22. München: Verlag von E. A. Fleischmann, 1835–1852.
- ⁹² Sawinow A. N. Ausländische Kunstler in Russland // Geschichte der russischen Kunst. Bd. VI. Dresden: Verlag der Kunst, 1976. S. 323–331.
- ⁹³ Романов П. Мои гравюры и книги // Наше наследие. 1991. № III (21). С. 18.
- ⁹⁴ Каск А. Н. Жанровая структура, сюжетики, эстетика журнальной иллюстрации в России XVIII – XIX вв. : автореф. дис. ... кан. искусств. М. : РИК; Росс. Академия художеств, 2011. С. 15.
- ⁹⁵ Маркина Л. А. Немецкая «россика» XVIII – начала XX века // Изобразительное искусство российских немцев XVIII–XX веков. М. : Варяг, 1997. С. 7–41.
- ⁹⁶ См.: Штелин Я. Записки об изящных искусствах в России : в 2 т. М. : Искусство, 1990.
- ⁹⁷ Маркина Л. А. Портретист Георг Христоф Гроот и немецкие живописцы в России середины XVIII века. М. : Памятники исторической мысли, 1999. – 296 с.
- ⁹⁸ Письмо Екатерины II к князю М. М. Голицыну о посылке детей его в Немецкие училища // Русский архив. 1865. Вып. 9. С. 1138.
- ⁹⁹ См.: Currus triumphales ad adventum clarissimorum Moschoviae principum Pauli Petrovitz et Mariae Theodorownae conjugis regali ornandum spectaculo in Divi Marci Venetiarum foro die 24. Januarii anno MDCCLXXXII ... Venezia, si vende alla casa di Fossati in Castelforte a S. Rocco, 1782.
- ¹⁰⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. М. : Артель писателей «Круг», 1928. Т. 1. С. 77.
- ¹⁰¹ Рогинский В. Дневник финляндского студента // Наше Наследие. 1991. № V (23). С. 66 ; Эрстрём Эрик Густаф. Историческое описание общин Св. Екатерины и Св. Марии, или шведская и финская общины в С.-Петербурге с краткими сведениями о всех общинах в Российской

- империи, подчиняющихся евангелическому соборному капитулу в С.-Петербурге. Або, 1829 (*Erich Gustaf Ehrström: Historisk Beskrifning öfwer S:t Catharina och S:t Maria Församlingar, eller Swenska och Finska Församlingarna i S:t Petersburg. Åbo : J. C. Frenckell & Son, 1829*).
- ¹⁰² Цит. по: *Алексушина Т.* Указ. соч. С. 12.
- ¹⁰³ *Haven P. von.* Op.sit. S. 349–350.
- ¹⁰⁴ Письма русских писателей XVIII века. С. 216.
- ¹⁰⁵ *Плисс М.* Вольтер и Россия // Партнер (Германия). 2008. № 7 (130). С. 81.
- ¹⁰⁶ *Брянцев М. В.* Круг чтения и литературные интересы русского купечества в первой половине XIX в. // Книга. Культура. Общество : Сб. науч. трудов по материалам 12-х Смирдинских чтений. Т. 154. СПб. : СПГУ культуры и искусства, 2002. С. 98.
- ¹⁰⁷ См.: *Королёв С. В.* Библиотека Дидро: опыт реконструкции. СПб. : Российская национальная библиотека, 2016. – 223 с.
- ¹⁰⁸ Записки Д. И. Ростиславова // Русская старина. 1888. Т. 59. № 7–9. С. 82.
- ¹⁰⁹ *Баренбаум И. Е.* Французская политико-экономическая литература в русских переводах (вторая половина XVIII века) // Книга. Культура. Общество : сб. науч. трудов по материалам 12-х Смирдинских чтений. Т. 154. СПб. : СПГУ культуры и искусства, 2002. С. 5.
- ¹¹⁰ *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. С. 96.
- ¹¹¹ См.: *Степанова Е. В.* Итальянское искусство книги в собрании НИО редких книг Российской государственной библиотеки // Медиатека и мир. 2011. № 4. С. 14–25.
- ¹¹² *Gottlieb Georgi Johann.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich 1772–1774. Т. 1–2. St. Petersburg: Kaiserl. Academie der Wissenschaften, 1775 ; *Idem.* Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidung und übrigen Merkwürdigkeiten. Т. 1–4. Санкт-Петербург : Müller, 1776–1780 ; *Idem.* Geographisch-physikalische und Naturhistorische Beschreibung des Russischen Reiches. Bd. 1–9. Königsberg, 1797–1802 ; Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях оного / Сочинение И. Г. Георги, врачебная науки доктора, Российско-императорской и Королевской Прусской академии наук, Римско-императорской академии испытателей естества, Курфирстского Майнцского, Санктпетербургского Вольного экономического и Берлинского общества испытателей естества, члена. С планом. Санктпетербург: При Имп. Шляхет. сухопут. кад. корпусе, 1794. – 124 с.
- ¹¹³ *Pallas P. S.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Т. 1–2. St. Petersburg, 1771–1773 ; *Idem.* Merkwürdigkeiten des Morduanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc. Т. 1–3. Frankfurt Leipzig, 1773–1777 ; *Idem.* Flora Rossica. Т. 1–2. St. Petersburg, 1784–1788 ; *Паллас П. С.* Краткое физическое и топографическое описа-

- ние Таврической области». СПб., 1795.; *Он же*. Перечень дикорастущих растений Крыма. СПб., 1795 ; *Он же*. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II. Т. 1–2. СПб., 1787–1789.
- ¹¹⁴ См.: *Conze W. Leibniz als Historiker*. Berlin: Akademie der Wissenschaften, 1951. – 85 S. ; *Richter L. Leibniz und sein Russlandbild*. Im Auftrage der Akademie der Wissenschaften zu Berlin zum 300. Geburtstage ihres Gründers. Berlin: Akademie der Wissenschaften, 1946. S. 80 ; *Hoffmann P. Deutsche Publikationen aus der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts zur Geschichte des vorpetrinischen Russlands* // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin*. R. XVII. 1968. 2.
- ¹¹⁵ *Готлиб Зигфрид Байер* – академик Петербургской Академии наук. Санкт-Петербург: Европейский Дом. 1996. – 80 с.
- ¹¹⁶ *Г. Ф. Миллер* – выдающийся ученый России XVIII века // *Исторический архив*. 2006. № 1. С. 3–63 ; *Миллер Г. Ф.* Опыт новейшей истории о России // *Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие*. СПб., 1761, январь. С. 8–11 ; *Он же*. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1750 ; *Он же*. О начале и происхождении козаков // *Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие*. СПб., 1760, апрель и др.
- ¹¹⁷ *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721–1725 год / пер. И. Аммон: [в 4 ч.]. М., Ч. 1: 1721-й год. 1857. – 271 с. Ч. 2: 1722-й год. 1858. – 358 с. Ч. 3: 1723-й год. 1860. – 292 с. Ч. 4: 1724-й и 1725-й годы. 1862.
- ¹¹⁸ Записки графа Эрнста Миниха, сына фельдмаршала, писанные им для детей своих в Вологде в 1758 году. СПб.: Тип. Н. Греча, 1817. – 233 с.
- ¹¹⁹ *Motraye A. de la. Voyages en Anglois et en Francois en diverses provinces et places de la Prusse ducale et royale, de la Russie, de la Pologne etc...* La Haye; Londres ; Dublin, 1732 ; *Беснятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. М.: Наука, 1991. – 284 с.
- ¹²⁰ *Штелин Я.* Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом: изображающие истинное свойство сего премудрого государя и отца отечества. Собранные в течение сорока лет действительным статским советником Яковом Штелиным. Изд. Вторым тиснением. СПб.: М. Овчинников, 1787. – 468 с.; *Он же*. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Л.: АТУС. 1990 ; *Он же*. Записки о Петре III, императоре Всероссийском // *Чтения Императорского общества истории и древностей российских*. Кн. 4. [СПб.], [1866]. С. 67–118.
- ¹²¹ *Алпатов М. А.* «История, или анекдоты о революции в России в 1762 году» Клода Карломана де Рюльера // *Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки*. М.: Наука, 1981. С. 322–326.
- ¹²² Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М.: Наука, 1981. С. 346–351.

- ¹²³ *Орфелин З.* Житие и славные дела Петра Великого : в 2-х т. Венеция, 1772 ; Второе издание под редакцией и с примечаниями историка М. М. Щербатова : в 2-х т. СПб. : Издание Императорской Академии наук, 1774.
- ¹²⁴ *Chappe d'Auteroche.* Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les moeurs et les usages des Russes, et l'état actuel de cette puissance; la description géographique & le nivellement de la route de Paris à Tobolsk; l'histoire naturelle de la même route; des observations astronomiques et des expériences sur l'électricité naturelle. Vol. 1–2. Paris, Debure, père, 1768.
- ¹²⁵ *Проскурина В.* Ландшафт империи: «Антидот» Екатерины II против «Путешествия в Сибирь», или границы европейской цивилизации // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 9–32.
- ¹²⁶ *Kapper d'Ankos Э.* Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / пер. с фр. О. А. Павловой. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 225–424.
- ¹²⁷ *Берков П. Н.* Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке // Язык и литература. Т. 5. Л., 1930. С. 87–136.
- ¹²⁸ Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла Короля Испанского. 1727–1730 годов. СПб. : Гутенбергова типография, 1845. – 226 с.
- ¹²⁹ Россия при Петре Великом по рукописному известию Иоганна-Готтгильфа Фоккеродта и Оттона Плейера. М. : Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. 1874. – 122 с.
- ¹³⁰ См.: Неистовый реформатор / Иоганн-Готтгильф Фоккеродт, Фридрих-Вильгельм Берхгольц. М. : Фонд Сергея Дубова, 2000. – 560 с.
- ¹³¹ *Венгеров С. А.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб. : Семен. типо-лит. (И. Ефрона), 1891. Т. II. С. 70–73 ; *Геннади Г. Н.* Литература русской библиографии. СПб. : Имп. Акад. наук, 1858. С. 10.
- ¹³² *Russische Bibliothek, zur Kenntniß des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Rußland* (Русская библиотека для познания современного состояния литературы в России) / Hrsg. von H. L. C. Bacmeister. Bd. 1–11. St. Petersburg; Riga; Leipzig, 1772–1787.
- ¹³³ *Бакмейстер Л. И.* Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб. : Имп. Акад. наук, 1771–1774 ; *Bacmeister H. L.Ch.* Kurze Geographie des Russischen Reiches. Revel, 1773.
- ¹³⁴ *Lomonossow M.* Alte Russische Geschichte von dem Ursprunge der Russischen Nation bis auf den Tod des Großfürsten Jaroslaw des Ersten, oder bis auf das Jahr 1054 / Aus dem Russischen ins Deutsche übersetzt von H. L. C. Bacmeister. – Riga; Leipzig : Hartknoch, 1768. – 192 S. ; *Beyträge zur Geschichte Peters des Grossen* / Hrsg. von H. L. C. Bacmeister; [übersetzt von Ch. G. Arndt, H. L. Ch. Bacmeister] : Bd. 1, 2 : Tagebuch

- Peters des Grossen in einer deutschen Übersetzung; Bd. 3 : Beilagen zu dem Tagebuch Peters des Grossen, meistens aus dem Russischen übersetzt. Riga : Hartknoch, 1774, 1776, 1784 ; *Müller G. F.* Lebensbeschreibung des General-Feldmarschalls Grafen Boris Petrowitsch Scheremetew, mit eingestreueten Erläuterungen über die Geschichte Peters des Grossen / übersetzt aus dem Russ. von H. L. C. Bacmeister. – St. Petersburg : Hartknoch, 1789. – 212 S.
- ¹³⁵ *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб. : Тип. Акад. наук, 1772. – 264 с. ; *Он же.* Опыт исторического словаря о российских писателях // Новиков Н. И. Избранные произведения. М.; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1951. С. 277–370.
- ¹³⁶ Библиографическая «Записка» Я. Я. Штелина была опубликована М. П. Погодиным в его журнале Москвитянин. 1851. № 2. С. 205–215.
- ¹³⁷ *Аделунг Ф. О.* древних иностранных картах России до 1700 года / соч. почетн. члена Имп. акад. наук Федора Аделунга. Санкт-Петербург : В тип. Имп. акад. наук, 1840. – 51 с. ; Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия, с 1801 по 1806 год / Соч. А. Шторхом и Ф. Аделунгом : [Ч. 1–2]. СПб. : Тип. Шнора, 1810–1811 ; *Он же.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений, Фридриха Аделунга, увенчанное большою Демидовскою наградою : в 2-х ч. / пер. с нем. Александра Клеванова. М. : Университетская типография, 1864.
- ¹³⁸ *Альгаротти Фр.* «Окно в Европу»: Дневник путешествия из Лондона в Петербург в 1739 году. М. : Изд-во «Старая Басманная», 2016. – 164 с.
- ¹³⁹ *Богданов А. И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга: От начала заведения его, с 1703 по 1751 год, / Сочиненное г. Богдановым, со многими изображениями перьвых зданий; А ныне дополненное и изданное надворным советником, правящим должность директора над Новороссийскими училищами, Вольнаго Российскаго собрания, при Имп. Московском университете и Санктпетербургскаго Вольнаго экономического общества членом Васильем Рубаном. СПб. : Тип. Воен. коллегии, 1779. – 496 с.
- ¹⁴⁰ Описание императорскаго, столичнаго города Москвы, содержащее в себе: звание государских ворот, казенных и деревянных мостов больших улиц и переулков монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов, и покоев, рядов и рынков фабрик, заводов и прочая. Собранное и изданное в свет, для удовольствия общества издателем Описания Санктпетербурга, г. н. с. В. Г. Рубаном. Спб., печатано при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, у содержателя типографии Х. Ф. Клеэна, 1782. – 159 с. ;
- ¹⁴¹ Описание российско-императорскаго столичнаго города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях оного / Сочинение И. Г. Георги, врачбной науки доктора, Российско-императорской и Королевской Прусской академии наук, Римско-императорской академии испытателей естества, Курфирстскаго Майнцскаго, Санктпетербургскаго Воль-

- наго экономического и Берлинского общества испытателей естества, члена. С планом. Санктпетербург : При Имп. Шляхет. сухопут. кад. корпусе, 1794. – 124 с.
- 142 *Storch H.* The Picture of Petersburg: From the German of Henry Storch. London : N. N. Longman & O. Rees, 1801.
- 143 *Страхов Н. И.* Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву старичков и старушек, невест и женихов, молодых и устарелых девушек, щёголей, вертопрахов, волокит, игроков и проч., или Иносказательные для них наставления и советы, писанные сочинителем Сатирического вестника : в 3 ч. М. : Университетская тип., 1791. – 175 с.
- 144 *Форсия де Пилес.* Прогулки по Петербургу Екатерины Великой. Записки французского путешественника: пер. с фр., англ. В прил. : Путешествие двух французов на Север Европы : отр. из кн. / Форсия де Пилес. Картина Петербурга : отр. из кн. / Х. Шторф. СПб. : Паритет, 2014. – 384 с.
- 145 Письма русских писателей XVIII века. С. 352, 377.
- 146 Локателли Джованни // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 17 А (34). С. 916.
- 147 *Дризен Н. В.* Материалы для истории русского театра. М. : А. А. Бахрушин, 1905. С. 98.
- 148 Письма русских писателей XVIII века. Л. : Наука, 1980. С. 122.
- 149 *Резанов В. И.* Парижские рукописные тексты сочинений Сумарокова // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. 1907. № 2. С. 135–169.
- 150 Письма русских писателей XVIII века. С. 123.
- 151 Письмо Екатерине II А. П. Сумарокова от 24 июля 1769 г. // Письма русских писателей XVIII века. С. 124.
- 152 *Гуревич Л.* Дмитриевский Иван Афанасьевич // Большая Советская энциклопедия /под ред. О. Ю. Шмидта. Т. 22. М. : ОГИЗ РСФСР, 1935. С. 697.
- 153 *Мамуд Хаят.* Герасим Степанович Лебедев. Бенгальская Академия Дакка. Бангладеш, 1986 (на бенг. яз.) ; *Он же.* Герасим Степанович Лебедев. Ярославль: ООО «Академия 76», 2012. – 448 с.
- 154 *Андреев А. Н.* Влияние католицизма на дворянское образование в России в XVIII в. // Уральские Бирюковские чтения : сб. науч. статей. Вып. 1. Ч. 2. Актуальные проблемы краеведения. Челябинск, 2003. С.183.
- 155 *Ключевский В. О.* Соч. : в 9 т. Т. IV. Ч. IV. С. 232.
- 156 *Андреев А. Н.* Влияние католицизма на дворянское образование в России в XVIII в. С. 187.
- 157 *Архимандрит Августин (Никитин).* Русско-голландское издание Нового Завета (1719 г.) // Христианское чтение. 2014. № 6. С. 279 ; *Oppenbusch M.* von. Religie der Muscoviters, oud-tijds en hedendaeghs, met der selver wonderlijcke ceremonien, gewooten. 1698.
- 158 *Архимандрит Августин (Никитин).* Русско-голландское издание Нового Завета (1719 г.). С. 286.

- 159 См.: *Chateagiron R.* Notice sur la mort de Paul I. Paris, 1806; *Chopin J.* Russie. Par M. Chopin, ancien secretaire et bibliothecaire du prince Kourakin, ambassadeur de Russie a la cour de France. T. I–II. Paris : Firmin Didot Freres, Editeurs, MDCCCXXXVIII (1838) ; L' empereur Paul et le père Gruber par J. Gagarin. Lyon, 1879 ; *Brückner Alexander.* Die Europaisirung Russlands. Land und Volk. Gota, 1888; *P. P. (Brückner A.).* Tod von Paul I. Stuttgart, 1897.
- 160 *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 254.
- 161 *Mon Histoire, Mémoires de la princesse Dachkoff.* London, 1840 ; *Memoiren der Fürstin Daschkoff.* Zur Geschichte der Keiserin Katharina II. Nebst Einleitung von Alexander Herzen. T. 1–2. Hamburg : Hoffmann und Campe, 1857 ; *Memoires de la Princesse Daschkoff, Dame d'Honneur de Catherine II, Imperatrice de toutes les Russies.* Vol. 1–3. *Librairie A. Franck*, 1858–1859 ; Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самою / пер. с англ. яз. Лондон, 1859 ; Екатерина Дашкова. Записки 1743–1810. Л. : Наука, 1985. – 288 с.
- 162 *Валишевский К.* Сын великой Екатерины. Император Павел I. Его жизнь, царствование и смерть. 1754–1801. СПб. : Изд. Т-ва А. С. Суворина, 1914. С. 482.
- 163 *Голицына Н. П.* Моя судьба – это я / пер. с фр. яз. М. : Русский мир, 2010. – 464 с.
- 164 *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 149.
- 165 См.: *Батшеев М. В.* Рейнские земли глазами русских путешественников в конце XVIII – первой половине XIX века. Франкфурт-на-Майне : Литературный европеец, 2016. – С. 6.
- 166 Цит. по: *Лукьянова И.* Из прерусских русских // Русский мир. Журнал о России и русской цивилизации. 2014. Декабрь. С. 49.
- 167 *Лотман Ю. М.* К иллюстрациям // Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1987. С. 715–716.
- 168 *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 93.
- 169 Там же. С. 214–215.
- 170 Там же. С. 331, 364.
- 171 Там же. С. 41, 65, 68, 149, 241, 270, 353, 385.
- 172 *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, de pieces autentiques, et des meilleurs historiens de la nation, par M. Levesque. Paris, 1782.
- 173 *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie / par Pierre-Charles Levesque. 1–8. Hambourg et Brunswick: chez Pierre-Francoise Fauche et Compagnie, 1800 ; *Idem.* Histoire de Russie, et des principales nations de l'empire russe. T. 1–7. Paris, Fournier. 1812.
- 174 *Strahlenberg von Philipp Iohan.* Vorbericht eines Druck verfertigten Werckes von der grossen Tartarey und dem Koenigreiche Siberien. Stockholm, 1726 ; *Idem.* Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tataren in sich begreifft, in ener Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und

- neuen Zeiten... Stockholm, 1730.
- ¹⁷⁵ Description Historique de l' Empire Russien. Trad. De l'ouvrage allemande par Straalenberg, Vol. 1–2. Amsterdam: se trouve à Paris : chez Desaint & Saillant, 1757.
- ¹⁷⁶ *Le Clerc, Nicolas Gabriel*. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne. T.1–3. Paris : Froullé; Versailles : Blaizot, 1783–1785.
- ¹⁷⁷ *Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М. : Знак, 2005. С. 225 ; *Боден Р.* Русская литература в «Курсе по русской истории» страсбургского профессора Кристофа-Гийома Коха // XVIII век. СПб. : Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), 2015. № 28. С. 66–67.
- ¹⁷⁸ *Боден Р.* Русская литература в «Курсе по русской истории» страсбургского профессора Кристофа-Гийома Коха. С. 69.
- ¹⁷⁹ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 252.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 252–253.
- ¹⁸¹ *Карамзин Н. М.* Нечто о науках, искусствах и просвещении // Изб. соч. : в 2 т. М.; Л. : Худож. лит., 1964. Т. 2. С. 128, 142.

Глава III

Русское зарубежье как пространство диалога XIX – начала XX века

В XIX веке Россия стала активным участником мирового культурного процесса. Импульс, заданный Петром Великим, превратил ее из инертного объекта мирового исторического развития в деятельный творческий субъект, умело перерабатывавший европейские достижения в новые формы сознания и культуры. Жизнь за границей давала русским людям богатый материал для сравнений и размышлений, способствовала взаимопроникновению опыта и идей, но главное – вела к переосмыслению российской действительности под углом зрения передовых практик зарубежных стран и поиску оптимальной модели цивилизационного устройства России. Ее национальное своеобразие и самобытность существования делали невозможным простое копирование иностранных норм и заставляли находить собственные пути развития, однако для этого необходимо было максимально овладеть мировой научной, практической и теоретической базой.

Просвещение и наука: от европейской alma mater до Нобелевской премии

Колонии русских студентов и стажеров в XIX веке превратились в непременный атрибут ведущих университетов Европы – Оксфорда, Кембриджа, Лейдена, Сорбонны, Берлина, Гейдельберга, Йены, Лейпцига, Марбурга, Фрайбурга, Гёттингена, где получали знания А. П. Бородин, Д. И. Менделеев, Н. Н. Миклухо-Маклай, А. А. Мещерский, С. А. Рачинский, П. П. Семёнов-Тян-Шанский, С. М. Соловьёв, А. Г. Столетов, К. А. Тимирязев, братья А. И. и Н. И. Тургеневы и многие другие. Особенной популярностью пользовались немецкие университеты, не требовавшие от русских поданных документов об образовании. В одном только Гейдельбергском университете русское землячество насчитывало примерно 130 человек – почти треть всех его иностранных студентов¹. При этом

молодежь России привлекало в Германии не только отсутствие бюрократических формальностей, но и вольный дух учебы: «Мы, люди двадцатого века даже отдаленно не можем представить себе чувства, с каким юноши 30-х годов переступали порог Берлинского университета, – писал учившийся в Берлине историк культуры М. О. Гершензон, – той пожирающей жажды философского синтеза, который должен осмыслить жизнь, и той непоколебимой веры, что этот синтез *может* быть найден и *уже* фактически найден, стоит только перейти к источнику и напиться»². А когда это случалось, школа и все что ее окружало превращалась в *alma mater* – постоянный духовный источник знаний, о котором студент Гейделбергского университета Ю. В. Кашкин вспоминал: «...Как хороша была тогдашняя, простая немецкая жизнь с ее высокими идеалами, с ее культом свободы, поэзии и прав человеческой личности, с ее массой выдающихся ученых сил, разбросанных по множеству мелких и средних университетов»³. Не случайно Пушкин в романе «Евгений Онегин» представляя, например, Ленского, писал, что он – «С душою прямо Геттингенской, / Красавец, в полном цвете лет, / Поклонник Канта и поэт. / Он из Германии туманной / Привез учености плоды: / Вольнолюбивые мечты, / Дух пылкий и довольно странный, / Всегда восторженную речь / И кудри черные до плеч»⁴.

Созданный немецким мыслителем и писателем И. В. фон Гёте образ доктора Фауста стал символом эпохи Нового времени, увидевшей в творческой личности ключевой субъект общественного развития, а в ее научно-философских идеях – основную движущую силу истории: «А то, что духом времени зовут, есть дух профессоров и их понятий» («Was Ihr den Geist der Zeiten heist, / das ist im Grund der Herren eigner Geist»), – писал Гёте в трагедии «Фауст»⁵. Наряду с антропологическим восприятием культуры, связанным с расцветом империи и имперского сознания, в Европе появилось понятие «фаустовской культуры-души», формирующей духовные ценности, и представление о культуре как о сложном творческом процессе, который создается редкими, порой, уникальными личностями, наделенными талантом вплоть до гениальности. Это привлекало к Гёте интеллектуалов, в том числе русских, видевших в нем величайшего гения нашего века, поклонявшихся ему, посещавших дом во Франкфурте-на-Майне, где он родился, и дом в Веймаре, в котором он прожил всю жизнь и где некоторые соотечественники, например, В. А. Жуковский, А. И. Кошелев, А. И. Тургенев беседовали с ним. Встречался с Гёте и О. А. Кипренский, написавший в 1823 году в Мариенбаде его портрет.

Кипренский О. А. Портрет
И. В. Гёте. 1823 г.
Государственный художественный
музей им. А. С. Пушкина,
Москва, Россия.

Творческий путь И. В. Гёте многим русским людям служил примером, равно как и биографии других великих европейцев. Их идеи о культуре как втором рождении человека, как основной сущности его бытия, направленной на реализацию творческой свободы и выражающейся в творениях человеческого духа, произвели переворот в русском сознании и послужили основой для создания отечественными мыслителями ряда оригинальных философских концепций. Как вспоминал, например, А. И. Тургенев об участниках Дружеского литературного общества, они в основном «пересаживали, как умели, на русскую почву цветы поэзии Виланда, Шиллера,

Гёте...»⁵. Неудивительно, что в 1864 году в Дрездене стала выходить русскоязычная газета «Европеец», просуществовавшая до 1919 года, то есть более полувека – огромный срок для периодического издания⁷. В том же 1864 году в Лондоне вышла книга философа и историка Дж. У. Дрепера «История интеллектуального развития Европы», которая в России была переведена как «История умственного развития Европы»⁸. Она немало способствовала утверждению положения о том, что интеллект, знание, идеи, культура являются двигателем общественного прогресса, и законы их развития определяют характер истории того или иного общества.

Интеллектуальное сообщество России практически все выросло на идеях европейского Просвещения: профессор-правовед П. Г. Редкин – ректор Петербургского университета, член Государственного совета, издатель «Юридических записок» и «Новой библиотеки для воспитания», основатель и глава Педагогического общества и автор первой в России работы о создателе немецкой классической философии Гегеле; член-корреспондент Российской Академии наук Н. И. Пирогов – основоположник русской военно-полевой хирургии и создатель первого в России анатомического атласа; профессор, доктор медицины Ф. И. Иноземцев – основатель

и руководитель хирургической клиники Московского университета и другие. Их эрудированность была сформирована западной образованностью и включала, как отмечал профессор А. Н. Веселовский, три слоя: немецкий, закладывавшийся в гимназиях, лицеях и университетах, французский, формировавший эстетические представления, и английский, определявший экономическую мысль⁹. Недаром А. С. Пушкин говорил: «Мы принуждены все, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом, и *мыслим мы на языке иностранном* (по крайней мере, все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода). В этом признавались мне самые известные наши литераторы»¹⁰.

Интегрированность в мировой цивилизационный контекст и особенно в европейскую жизнь позволяла россиянам вести развернутый культурный диалог с зарубежными странами, использовать их достижения и культурные богатства в интересах и на благо России. Так, А. И. Тургенев за время своего почти двадцатилетнего пребывания в Европе (1825–1845) изучил и открыл в архивах Англии, Франции, Италии и Ватикана немало документов по истории России, вошедших затем в двухтомник «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым» («*Historiae Russiae Monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. I. Turgenevio*»)¹¹. Большую ценность имели заграничные дневники А. И. Тургенева, где, в частности, имелась такая запись, сделанная в Париже 4 декабря 1825 года: «Вечеру был в центральном комитете Географического общества. Прочли письмо от нашего Крузенштерна, в котором, кажется, он дает отчет о некоторых путешествиях, нашими соотечественниками предпринятых. <...> Геогр. общество учреждено для споспешествования успехам географии: оно посылает путешественников в земли неизвестные; предлагает и назначает призы; учреждает переписку с учеными обществами, путешественниками и географами; издает не вышедшие еще в свет путешествия и другие до географии относящиеся сочинения и карты. Французы и иностранцы могут быть членами общества... Гр. Орлов, также член Геогр. общества, предложил на сей год сумму для медали»¹².

Участие россиян в работе парижского Географического общества стало для А. И. Тургенева знаменательным событием, особенно факт обсуждения материалов И. Ф. Крузенштерна, совершившего в 1803–1806 годы первую русскую кругосветную экспедицию, прославившую Россию на века. Уже в 1809 году началось издание научного описания этой экспедиции, которое получило длинное назва-

Корзухин А. Портрет
Н. Н. Миклухо-Маклая. 1886 г.
Библиотека Митчела (Mitchell
Library). Сидней.

Памятник Н. Н. Миклухо-Маклаю
на мысе Гарагаси в Папуа-Новая
Гвинея, Австралия.

ние «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. на кораблях “Надежда” и “Нева”. По повелению е. и. в. Александра Первого. Под начальством флота кап.-лейт., ныне кап. 2-го ранга, Крузенштерна, Гос. адмиралтейского деп. и Имп. акад. наук члена»¹³. Труд Крузенштерна вызвал широкий интерес в мире, и в его честь были названы остров, пролив и риф в Тихом океане. При этом Тургенев обратил внимание на то, что адмирал сообщал не только о своих достижениях, но и «о некоторых путешествиях, нашими соотечественниками предпринятых», а таких становилось все больше и больше и их результаты достойны были мирового признания.

Самым известным русским путешественником XIX века был Н. Н. Миклухо-Маклай, объездивший полсвета и снискавший себе мировую известность как биолог, антрополог и этнограф, а в культуре и мифологии папуасов Новой Гвинеи как «очень большой человек». После себя Миклухо-Маклай оставил огромное материальное и нематериальное культурное наследие: научные труды, путевые записки, зарисовки, дневники, отчеты, фотографии; его именем названы северо-восточное побережье Новой Гвинеи, залив Южного океана у берегов Антарктиды (земля Уилкса) на долготе Западной Австралии, река в заливе Астролябия провинции Маданг Папуа – Новая Гвинея и улица в административной центре Маданг,

а также многие другие объекты; о нем писали ученые и литераторы различных стран мира; ему сооружен мемориал на мысе Гарагаси в Папуа-Новая Гвинея, возведен памятник в городе Ванимо на острове Новая Гвинея, установлены бюсты у здания Музея им. У. Маклея университета Сиднея, в столице Индонезии Джакарте, в столице Малайзии Куала-Лумпур и на Украине, в городе Малин, где было родовое имение Миклухо-Маклая, а его портрет 1886 года кисти А. И. Корзухина хранится в библиотеке Митчелла в Сиднее¹⁴.

Н. Н. Миклухо-Маклай в русской и мировой культуре представлял собой исключительное явление, не случайно ЮНЕСКО в 1996 году провозгласила Миклухо-Маклая гражданином мира. Его предшественником можно считать В. М. Головнина – отважного мореплавателя, совершившего в 1807–1809 годы первое кругосветное путешествие по Атлантическому, северной части Тихого и Индийскому океанам, а в 1817–1819 годы второе кругосветное путешествие по Атлантическому, Тихому и Индийскому океанам. О своих морских экспедициях вокруг света на шлюпе «Диана» и фрегате «Камчатка» с «описанием примечательных кораблекрушений в разные времена претерпенных русскими мореплавателями» и «приключений его в плену у японцев» капитан флота Головнин рассказал в записках, научных трудах и воспоминаниях, часть которых была переведена на иностранные языки¹⁵.

Именем В. М. Головнина названы залив, лагуна и город на Аляске, а в столице республики Вануату, городе Порт-Вила в честь 200-летия установления связей с Россией ему по инициативе потомка русских эмигрантов, художника и коллекционера Н. Мишутушкина поставлен бронзовый бюст, на пьедестале которого имя В. М. Головнина выбито на четырех языках: русском, бислама, английском и французском. Не забыли Головнина и в Японии, где в 1996 году ему и японскому купцу Такатая Кахэй, способствовавшему вызволению русского мореплавателя из плена, на восьмитонном каменном монолите, доставленном с острова Кунашир, был установлен бронзовый памятник.

В 1860 году в Париже поселился русский ученый-востоковед, почетный доктор истории (*Honoris causa*) Н. В. Ханыков, сначала в качестве командировочного, посланного Императорской Академией наук в Англию, Германию и Францию для сбора и изучения ориенталистских материалов, потом как агент Министерства народного просвещения России по руководству занятиями откомандированных за границу русских молодых людей, а затем уже просто как русский француз-парижанин. За свои ученые труды Ханыков был

Памятник В. М. Головнину в Порт Вилле, Республика Вануату.

Памятник В. М. Головнину в Японии.

избран почетным членом многих зарубежных научных обществ и академий, а в 1866 году за книгу по этнографии Ирана был награжден Большой золотой медалью Парижского географического общества. В течение почти двадцати лет дом Н. В. Ханыкова в Париже являлся своеобразным русским культурным центром, который посещали писатели И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский, географ и естествоиспытатель А. П. Федченко, художник А. П. Боголюбов, скульптор М. М. Антокольский и другие. Когда в ноябре 1878 года Ханыков скончался, то при его погребении на парижском кладбище Пер-Лашез президент Географического общества Франции Катрфаж сказал: «Такие люди заставляют любить их родину за границей»¹⁶.

В 1877 году в Париже обосновался русский географ, генерал-майор М. И. Венюков, проживший за границей вплоть до своей смерти в 1901 году. Он имел обширные знакомства в местной ученой среде и был хорошо информирован о положении русской науки за рубежом. В Записке 1889 года «Русские в Парижской академии наук» Венюков отмечал: «По старому преданию, участие в трудах парижской академии наук все еще считается чем-то особенно лестным», а «напечатание одного-двух мемуаров в “Отчетах о заседаниях” этой академии – чем-то в роде диплома на название почетного гражданина в ученой республике», тем более что «“Comptes rendus” академии все еще стоят в первом ряду ученых журналов, и не только начинающие французские ученые, а даже иностранцы охотно пишут для них... Из иностранцев русские едва ли не самые усердные вкладчики в этот французский журнал. Оно и понятно: многие из них живут и работают в Париже, как городе, представляющем все удобства для ученых трудов; другие, и большинство, хоть и живут

дома в России, но не имеют средств рекламироваться в домашних изданиях, которых, начиная с публикаций С.-Петербургской академии наук, никто за границу не читает. Большинство современных русских ученых помещает свои труды в изданиях местных ученых обществ, на русском языке или в двух-трех ученых журналах, издаваемых в Германии и опять-таки в Париже. Известно, что в последнем городе была даже сделана попытка печатать по-французски особый журнал, составленный из трудов исключительно русских или, точнее, славянских ученых: это был «Славянский архив биологии». Несколько книжек его вышло и было сочувственно встречено; но где он теперь?» – задавался вопросом М. И. Венюков¹⁷.

Желая получить общую картину репрезентации российской науки за рубежом, он посчитал необходимым составить особую «Справку» по работам наших соотечественников, изданных Парижской академией наук в журнале «Comptes rendus de l'Académie des sciences de Paris» за 1881–1888 годы, время, ему хорошо знакомое и близкое. Венюков обнаружил более ста русских публикаций по различным естественнонаучным направлениям, авторами которых были Бугаев (математика), Ковалевский (зоология), Ковалевская (математика), Менделеев (физика), Мечников (география), Павлов (химия), Пржевальский (география), Столетов (физика), Тимирязев (ботаника), Яблочков (физика) и другие. Посчитав и описав всю русскую часть парижского журнала, Венюков отмечал в своей «Справке»: «Итак, в восемь лет парижская академия наук поместила в своих Comptes rendus 103 мемуара русских ученых, принадлежащих 50 авторам. Наиболее деятельным участником в академических трудах был г. Лучинин, известный химик, имеющий свою лабораторию в Париже: ему принадлежат 15 записок, все – по термохимии, затем следуют: Венюков – 8, Тилло – 5, Егоров, Мережковский, Максимович и Меньшуткин – по 4, Иностранцев, Ковалевский, Кубасов и Столетов – по 3, Коновалов, Валицкий, Тимирязев, Хрущов и Шведов – по 2 и остальные по одной. Самую любимую у русских наукою оказывается химия и в частности термохимия; за ней следует география и в частности физическая, т. е. земная физика. Замечу, что здесь мною перечислены только авторы мемуаров, но многие русские ученые представляли свои труды парижской академии наук в виде книг (Соколов, П. Венюков, Докучаев, Левинсон, Лессинг и др.) или карт (Стебницкий и др.), либо входили в ученую переписку с ее членами, которые заявляли о том академии: число их довольно значительно; но я, по необходимости их опускаю»¹⁸.

То, что опускал Венюков, подмечали другие, в частности открытие в середине 1880-х годов зоологом А. А. Коротневым в Вильфранш-сюр-Мер «Франко-российской зоологической станции», просуществовавшей почти полвека. Или другой пример, связанный с Зигмундом Фрейдом, который осенью 1885 года оказался в русском окружении Парижа, о чем подробно сообщал домой в Вену: «Я находился в обществе русского врача Кликовича, ассистента профессора Боткина. Кликович – бойкий, хитроватый, любезный молодой человек. Ему я обязан всякими практически полезными познаниями. <...> С другим моим знакомым, тоже русским, который пригласил меня сегодня на чашку чая, я собирался посетить несколько лекций»¹⁹. В общем, неполнота «Справки» М. И. Венюкова не умаляла ее значения, весь смысл которой сводился к положению об исключительной важности присутствия русской науки в мире и участия соотечественников в ведущих международных университетах и организациях.

И русским ученым удалось этого добиться, чему в немалой степени способствовала практика отправки молодых исследователей на стажировку в различные научные центры. Когда, например, редактор «Русской мысли» В. А. Гольцев в 1876 году приехал в Германию, то к своему удивлению встретил там много своих соотечественников и коллег, которые, по его словам, «умственно и духовно возвышались под влиянием немецких ученых и немецкой культуры»: правоведа, будущего министра народного просвещения Н. П. Боголепова, доцента Демидовского юридического лица Н. Д. Сергиевского, экономиста А. А. Исаева, юриста, будущего председателя Первой Государственной думы С. А. Муромцева и других²⁰.

Немало стажировалось за границей русских ученых в области медицины, естествознания и техники. Так, еще в 1833 году «Н. И. Пирогов с другими молодыми врачами получил командировку в Берлин, где в течение двух лет ознакомился с состоянием хирургии, посещая клиники крупных хирургов – Грефк, Лангебека, Диффенбаха»²¹. В 1856 году сразу после окончания Московского университета уехал в Германию И. М. Сеченов. Там он работал над диссертацией по актуальной для всех стран и времен теме «Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения», данные которой позже, уже в парижской лаборатории Клода Бернара, позволили ему совершить открытие мирового уровня – «Рефлексы головного мозга». Но сначала, в немецкой лаборатории знаменитого физиолога Гельмгольца в Гейдельберге Сеченов должен

был в течение трех лет проводить многочисленные исследования и опыты. Поддерживала его в этом русская диаспора, центром которой была квартира Д. И. Менделеева, где «велись оживленные беседы на научные темы, читались новинки русской литературы; здесь же собиравшиеся слушали игру на фортепьяно гениального русского музыканта и химика Бородина», а отчеты о встречах отправляли художнику А. А. Иванову в Рим²².

В эти же годы стажировался за границей С. П. Боткин, работавший «в лабораториях и клиниках крупнейших европейских ученых того времени – Гоппее-Зейлера и Траубе в Берлине, Людвига и Опольцера в Вене, Клода Бернара и Труссо в Париже», где им был разработан «Курс клиники внутренних болезней», который был переведен на немецкий и французский языки и трижды издан в Европе²³. В 1866 году отправился в двухгодичную командировку за границу Н. В. Склифосовский, побывавший в Германии, Франции, Англии, а затем с согласия русского правительства в качестве военного врача участвовавший в Австро-прусской и Франко-прусской войнах. Наконец, можно вспомнить и невропатолога В. М. Бехтерева. В 1884 году он получил длительную заграничную научную командировку, работал со многими известными физиологами и психологами, но больше всего с нейроморфологом Флексигом, который считал Бехтерева «подлинно врожденным исследователем», именно в Европе «начавшим этот свой славный путь целым рядом важных открытий...»²⁴.

Видный представитель русского зарубежья А. И. Герцен писал: «Для русских за границей есть еще (помимо политики – *Т. П.*) другое дело. Пора действительно знакомить Европу с Русью. Европа нас не знает; она знает наше правительство, наш фасад и больше ничего... Пусть узнают европейцы своего соседа; они его только боятся, надобно им знать, чего они боятся»²⁵. Отечественная наука играла в этом большую роль, иногда даже вопреки политической ситуации в России. Как писал в 1893 году приват-доцент Московского университета В. И. Вернадский, «право я не знаю иногда к чему проводить здесь бессмысленную жизнь раба, когда можно, ликвидировав дела, жить свободным человеком на Западе. Можно бороться там за права России и не в качестве лукавящего, связанного по рукам и ногам раба, а в качестве раба, ставшего свободным человеком и борющегося свободно за других»²⁶. И хотя, несмотря на все сомнения, В. И. Вернадский не решился оставить Россию, он начал активно развивать международные связи, став, в частности, член-корреспондентом Британской ассоциации наук, членом

Французского минералогического общества и других организаций, что позволяло ему быть в центре мировой науки.

В течение всего XIX – начала XX века русские ученые получали все большее признание за рубежом, один лишь П. П. Семёнов, названный за изучение Тянь-Шаньских гор Семёновым Тянь-Шанским, был кавалером не только двадцати российских орденов, медалей и знаков отличия, но и полутора десятков иностранных наград – Абиссинии, Австро-Венгрии, Баварии, Бельгии, Греции, Дании, Италии, Нидерландов, Португалии, Швеции и других стран. Или другой, не совсем обычный пример, связанный с русским национальным мыслителем и публицистом М. О. Меньшиковым, который во Франции имел славу одного из самых известных гидрографов России. В молодые годы М. О. Меньшиков служил на флоте и в 1891 году написал «Руководство к чтению морских карт», настолько удобное, что оно сразу же было переведено на французский язык и в 1892 году издано для использования во французскому флоте. Затем, уже в XX веке, «Руководство к чтению морских карт» М. О. Меньшикова неоднократно переиздавалось во Франции, последний раз в 1972 году²⁷.

В 1904 году Россия получила своего первого Нобелевского лауреата – физиолога И. П. Павлова, а в 1908 году и второго Нобелевского лауреата – биолога И. И. Мечникова, который с 1887 года и вплоть до своей смерти жил и работал в Париже. В 1894–1916 годы Кембридж присвоил почетные степени докторов девяти уроженцам России: А. О. Ковалевскому, А. С. Лаппо-Данилевскому, Д. И. Менделееву, И. И. Мечникову, П. И. Милюкову, И. П. Павлову, П. Б. Струве, К. А. Тимирязеву²⁸. При этом биолог Тимирязев был еще членом Лондонского королевского общества и почетным доктором университетов Глазго и Женевы, а химика Менделеева вообще «все главнейшие научные академии, начиная с Лондонской, Римской, Бельгийской, Парижской, Берлинской и Бостонской, избрали... своим сочленом, как и многие ученые общества России, Западной Европы и Америки, всего более 50-ти обществ и учреждений»²⁹.

Получавшиеся русскими учеными международные награды и премии говорили об активном участии отечественных исследователей в научной жизни Европы и мира. Большую роль в этом играли служебные, научные, познавательные поездки за границу, растягивавшиеся порой на годы и оставлявшие после себя различные артефакты, становившиеся со временем частью русского культурного наследия в России и за рубежом. Основную массу среди

них составляли письма, путевые записки, дневники, очерки, – словом, большой массив материалов, видевших мир русскими глазами и показывавших соотечественников иногда с самых неожиданных сторон, например, американские дневники и письма 1811–1813 годов секретаря русского генерального консула в Филадельфии П. П. Свиньина, который стал также автором изданных в 1813 и в 1843 годах в Америке и Англии книг «Sketches of Moscow and St. Petersburg» и «Sketches of Russia», а в 1817 году – «Ежедневных записок в Лондоне»³⁰; или путевые очерки, вылившиеся затем в книгу «Фрегат “Паллада”» писателя И. А. Гончарова, который, вопреки своему прозвищу принц де Лень, совершил в качестве переводчика адмирала Е. В. Путятина на военном парусном корабле в 1852–1855 годы масштабную экспедицию по Атлантическому, Индийскому и Тихому океанам. Побывав в различных странах и частях света (Европе, Азии, Африке, на Филиппинах, в Индонезии, Китае, Японии), И. А. Гончаров оставил насыщенные по содержанию записки, продолжившие литературную традицию «Писем русского путешественника» Карамзина и показывавшие, «что интерес к разнообразию культур, открытость “чужому” есть реальная специфика русского сознания»³¹.

При этом речь шла не только о Западе, но и Востоке, который Россия продолжала изучать: в 1855 году был основан Восточный факультет при Петербургском университете, а в 1890–1891 годы большую азиатскую поездку совершил будущий император Николай II, великий князь Николай Александрович. Цесаревич смог лично увидеть, насколько разнообразен мир и его народы и как отличаются друг от друга Запад и Восток. Поистине культурный шок ему пришлось пережить в Японии, где на него было совершено покушение местным полицейским, воспитанным в фанатичной ненависти к чужестранцам. И хотя в это время Япония уже не была

Репин И. Е. Портрет
Д. И. Менделеева в мантии доктора
права Эдинбургского университета.
1885. Государственная
Третьяковская галерея.
Москва, Россия.

terra incognita для русской власти, принимавшей у себя японские делегации и даже группу японской молодежи, отправленной в 1865 году на учебу в Россию, да и сама она в лице великих князей Алексея Александровича и Александра Михайловича посещала ее, этот инцидент стал полной неожиданностью для царского двора³².

В целях лучшего изучения азиатских народов в 1899 году во Владивостоке был открыт Восточный институт с четырьмя отделениями: китайским, корейским, монгольским и японским. На них возлагалась задача подготовки востоковедов, годных «к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях Восточно-Азиатской России и прилегающих к ней Государств»³³. К концу обучения студенты должны были не только в совершенстве владеть языками, но и детально знать географию, историю, культуру, экономику, политическое устройство их государств, для чего предусматривались обязательные «каникулярные командировки» в изучаемые ими страны. Так, студент первого набора Восточного института П. Ю. Васкевич в 1900 году был командирован в Пекин, в 1901 году в Токио, а в 1902 году в японский район от порта Цуруга до порта Ниигата, о чем им был составлен подробный отчет, опубликованный во Владивостоке в 1904 году³⁴. А на следующий год уже в Петербурге Васкевич издал «Материалы к изучению быта японцев в Приамурском крае», которые затем вышли отдельной книгой и стали важным источником по истории и культуре Дальнего Востока³⁵. Все это позволило Васкевичу в 1911 году занять должность драгомана (советника-переводчика) при русском посольстве в Токио и выступать в качестве гида для приезжавших в Японию соотечественников: поэта К. Д. Бальмонта, публицистов В. И. Немировича-Данченко и С. В. Яблоновского и некоторых других россиян³⁶.

Вместе с тем большинство россиян, имевших страсть к научным поездкам и путешествиям, в основном выбирало западное направление, например профессор Московского университета, директор Румянцевского музея и основатель московского Музея изящных искусств И. В. Цветаев, объездивший почти всю Европу, издавший книгу «Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг.» и подробно записывавший все свои впечатления от посещения разных стран и городов: «Мюнхен. “Работаю с утра и до вечера, приобретаю все лучшее, многое никогда не копировавшееся из-за размера и цен”... Берлин. “Нечего говорить о музеях Берлина: все замечательное здесь отлито и может быть получено в отлитых слепках...” Париж. “С открытия и до закрытия я в музее. Иногда два музея в день”... Флоренция. “Что

нужно было видеть – осмотрел, что возможно – заказал или купил... Все мое время от утра и до заката проходило в музеях, церквях, в палатах... в антикварных лавках с их обманами, в мастерских с их запросами без ума и совести". Рим. "В Риме мне посчастливилось получить разрешение снять слепки со всех славнейших скульптур Ватикана, Капитолия и Национального музея. Достаточно сказать, что я не получил отказа ни в чем". Неаполь. "Для московского музея отобраны были статуи, бюсты, предметы древнего быта: музыкальные инструменты, письменные принадлежности, весы, хирургические инструменты, вооружение, хозяйственные предметы. Транспорт в 300 пудов послан был из Неаполя морем в Петербург (для Москвы), что удешевляло доставку"³⁷.

Заграничная деятельность И. В. Цветаева, безусловно, была уникальной. Большая часть русских путешественников ограничивалась в основном беглым обзором увиденного за границей, но и их впечатления, отраженные в письмах и дневниках имели несомненную историко-культурную ценность. К ним относились «Европейские письма» 1820 года В. К. Кюхельбекера; «Письма из-за границы» П. В. Анненкова, печатавшиеся в начале 1840-х годов на страницах журнала «Отечественные записки»; «Италия. Письма из Венеции, Рима и Неаполя» 1847 года В. Д. Яковлева, опубликованные в Петербурге в 1855 году; зарубежные дневники и письма 1825–1845 годов А. И. Тургенева, названные Пушкиным «Хроникой русского», которые публиковались разными изданиями, например журналом «Московский наблюдатель», разместившим у себя в 1835 году его «Письмо из Флоренции в Симбирск» 1833 года, или сборником «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу», изданным в Лейпциге в 1872 году и рассказывавшим о пребывании Александра Тургенева в Германии, Франции, Англии, Италии, Швейцарии, где он вел знакомство с Гёте, Гумбольдтом, Бальзаком, Гюго, Мери-ме, В. Скоттом, Стендалем, Шатобрианом, о чем сообщал не только брату, но и А. С. Пушкину, А. Н. Голицыну, В. А. Жуковскому.

Живой интерес вызывали зарубежные впечатления А. И. Кошелева – крупного помещика, славянофила, либерального деятеля эпохи отмены крепостного права. В 1831 году он впервые выехал за границу для пополнения своих знаний в Берлинском университете, после чего объездил почти всю Европу – Германию, Швейцарию, Францию, Англию, Бельгию, Голландию – где встречался с И. Гёте, Ф. Гизо, А. Тьером, Г. Пальмерстоном, Луи Бонапартом, Л. Кавеньяком и другими мыслителями и государственными деятелями Запада. Кошелева остро интересовал образ жизни европейцев

и содержание проводившихся ими реформ в области управления, юстиции и права, армии, образования, промышленности и землепользования, о чем он подробно рассказывал в своих путевых дневниках и записках, которые были опубликованы в Берлине в 1884 году³⁸.

Знания, полученные А. И. Кошелевым в Европе, пригодились ему по приезде на родину, в его деятельности в качестве реформатора, публициста и издателя журналов «Русская беседа», «Сельское благоустройство», «Беседа», «Земство». Находясь нередко из-за цензуры перед сложным выбором: «молчать или печатать за границей», и полагая, что «молчать – мы не вправе», ибо «если слова не выражают убеждений человека, то они бесчестны», Кошелев ряд своих работ печатал за рубежом: «Какой исход для России из нынешнего ее положения», «Конституция, самодержавие и земская дума», «Об общинном землевладении в России» и другие³⁹. Мировоззрение Кошелева оказало влияние на некоторых западных ученых, в частности Августа фон Гакстгаузена, занимавшегося изучением аграрных отношений и в 1843 году совершившего почти годовое путешествие по России с целью изучения русской общины. Барон Гакстгаузен принадлежал к числу тех немногих европейцев, кто хотел «частично уменьшить зловещную ошибку, допускавшуюся до сих пор Европой, которая пренебрегала изучением России» и ее народа⁴⁰.

После возвращения в Германию барон Гакстгаузен написал несколько работ о прошлом и настоящем русской империи, ее военной мощи, церкви, аграрном устройстве и освобождении крестьян, но главное – трехтомный фундаментальный труд «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» («Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands»), который был издан в Ганновере и Берлине в 1847–1852 годы⁴¹. Он вызвал большой резонанс, много споров и «был очень полезен, так как в России в это время не было столь обширного исследования о русской общине. Правда, на русский язык оно было переведено лишь в 1870 г., а в 40-е и 50-е годы с ним могли ознакомиться читавшие по-французски и по-немецки»⁴², но таких людей было достаточно среди русской творческой элиты, например А. И. Герцен. Изучив в Лондоне труд Гакстгаузена, он счел его «глубоко интересным», хотя и очень спорным, особенно третий том, полемика с которым нашла отражение в его статье «La Russie»⁴³.

Предшественником Августа фон Гакстгаузена в деле изучения России был Александр фон Гумбольдт, всемирно известный ученый-энциклопедист, географ и натуралист, совершивший в 1829 году большое путешествие по русским землям от Дерпта до Сибири, Алтая и Астрахани, которое существенно расширило представления о физическом мире Евразии. Впоследствии оно было описано А. Гумбольдтом в ряде работ: «Фрагменты по геологии и климатологии Азии» («Fragments de geologie et de climatologie asiatiques»), «Путешествие на Урал, Алтай и Каспийское море» («Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meer») и трехтомнике «Центральная Азия» («Asie Centrale»)⁴⁴. Гумбольдт выражал также живой интерес к русскому прошлому и культурному наследию России, посетив, в частности, в 1829 году «Русский музей» П. П. Свинына, о чем в альбоме хозяйки осталась запись, в которой он отдавал дань признательности «благородному желанию осветить историю своей родины с помощью отечественных памятников»⁴⁵.

Авторитет Александра фон Гумбольдта в России был настолько высок, что правительство полностью оплатило его экспедицию и наградило орденами Святого Владимира и Святого Александра Невского; Дерптский университет избрал его почетным доктором, а Московский университет, увидев в нем «Нестора естествоведения», назвал «Прометеем наших дней» (Humboldt – Promethee de nos jours!)⁴⁶. Русских людей поражало, что Гумбольдт «при всей основательности немца отличался необыкновенною любезностью и обязательностью, какие преимущественно даны только французам. К тому же он был словоохотлив до чрезвычайности. Пушкин, встречавшийся с ним в Петербурге, сказал про него одной даме: “Не правда ли, что Гумбольдт похож на тех мраморных львов, что бывают на фонтанах? Увлекательные речи так и бьют у него изо рта”», поэтому неудивительно, что сопровождавший Гумбольдта по Сибири адъютант Тобольского губернатора при расставании с ученым сказал: «признаюсь, я готов был с ним ехать хотя кругом целого света»⁴⁷. Успех русской экспедиции Гумбольдта, являвшегося не только крупным ученым, но и прусским чиновником и другом короля Пруссии, важен был также и для Германии. Благодаря Гумбольдту Министерство культуры Пруссии начало финансировать путешествия в Россию немецких ученых, например биолога Карла Коха и ориенталиста Георга Розена 1843–1844 годов, в результате чего международная научная интеграция приобрела новые масштабы и новых участников, что содействовало в целом расширению связей между Германией и Россией⁴⁸.

Параллельно развивались и другие направления международных отношений. Так, еще в самом начале XIX века для изучения русского языка приехал в Россию финн Эрик Густаф Эрстрём, ставший затем одним из первых славистов Финляндии, автором учебников русского языка, грамматик, русско-шведского и русско-финского словарей, а также «Исторического описания шведской и финской общин С.-Петербурга» и «Дневника финляндского студента», описывавшего Москву 1812 года⁴⁹. Под влиянием Э. Г. Эрстрёма в 1828 году в Императорском Александровском университете Финляндии была учреждена должность экстраординарного профессора русского языка и литературы, положившая начало созданию кафедры финской славистики, формированию Славянской библиотеки и основанию в 1908 году Финляндского общества славистов.

Распространению знаний о России немало способствовал французский литератор Жан-Мари Шопен, издавший в 1838 году в Париже двухтомник «Россия»⁵⁰. Будучи личным секретарем русского посланника во Франции князя Куракина, а также его библиотекарем, Шопен хорошо изучил русский язык, русскую научную, историческую, справочную и художественную литературу, что позволило ему составить своеобразное энциклопедическое описание России, ломавшее поверхностное представление о ней европейцев. Отталкиваясь от древней истории славян, Шопен показывал процесс формирования России, ее климат, географическое и этническое своеобразие земель, состав народонаселения, строй жизни, характер государственного устройства, вклад правителей, особенно Петра I и Екатерины II, а также Николая I, современником которого он был. Дополняли труд Шопена многочисленные иллюстрации – карты России, гравюры с портретами русских государей, видами городов и их памятников, сценами русской жизни и так далее. Своим двухтомником Шопен старался приблизить Россию европейцам, показать, что она также богата природой, историей и культурой как все прочие страны мира. Правда, так считали единицы, и большинству Россия была чужда и непонятна. Например, вышедшая в 1856 году в Готе книга «Люди и вещи в России. Воззрения и наблюдения», которая, пыталась рассмотреть русскую цивилизацию под углом зрения «немецких элементов в России», приходила к однозначному выводу о том, что «Россия это не Германия»⁵¹.

Немало иностранцев приезжало в Россию в качестве преподавателей европейских языков, начиная с учителей-гувернеров в домах русской знати и заканчивая университетскими профессорами. В таком качестве оказался, например, в России Микеланджело

Пинто – «поэт, адвокат, журналист и издатель, чрезвычайный посол Римской республики в Швейцарии и Сардинии», который осенью 1859 года был принят в Петербургский университет лектором итальянского языка и словесности⁵². Вплоть до 1883 года Пинто читал курсы лекций по грамматике итальянского языка, переводам с итальянского языка и истории итальянской литературы, на основании которых издал в Петербурге несколько книг: «Исторические очерки итальянской литературы», «История национальной литературы в Италии», «Петрарка и его политическое значение» и другие. За четверть века, проведенных в Петербурге, М. Пинто зарекомендовал себя страстным проводником и популяризатором итальянской культуры в России и другом многих отечественных мыслителей и творцов⁵³.

Не без влияния Микеланджело Пинто в России рубежа веков широкое распространение получило итальянское направление образовательного туризма, вошедшее в отечественную культурно-просветительную практику благодаря деятельности профессора И. М. Гревса, знатока городской культуры Италии, автора очерков о Таците, Данте, культуре Флоренции, руководителя Дантовского семинара, разработавшего экскурсионный метод изучения истории, который получил широкое признание у учащейся молодежи. Так, по теме тургеневской Италии И. М. Гревс говорил студентам: «Можно нарисовать красками Тургенева яркую итальянскую картину, восстановить начертанный им мастерский портрет природного и культурного мира Италии», поэтому вам «стоит собрать и осветить весь материал, образующий “тургеневскую” Италию»⁵⁴.

Находившийся на Апеннинах литератор В. А. Десницкий как то раз не без удивления обнаружил, как «много скиталось по Европе россиян... Появились русские студенты в таких городах, где их раньше никогда не бывало», например «в Неаполе: на Вомеро образовалась целая колония русских студентов, более сотни»⁵⁵. В свою очередь газета «Русские ведомости» разъясняла, что в этой «неаполитанской русской колонии, увеличивающейся ежегодно, <...> образовано в последнее время беспартийное “Общество русских в Неаполе”. При обществе имеется библиотека и кабинет для чтения»⁵⁶.

Много русских экскурсантов приезжало в Венецию, где, как в Неаполе, удобно было сочетать изучение памятников культуры с морским отдыхом. При этом не все проходило гладко и не все заграничные порядки были россиянам по душе, в частности общие для мужчин и женщин пляжи. Так, девушки из России во

главе с профессором М. М. Ковалевским однажды «отправились на взморье – на остров Лидо – главное купальное место для всех живущих в Венеции», и с удивлением обнаружили, что купание было совместное и они, почувствовав себя неловко в такой обстановке, отказались плавать, а вот Ковалевский легко отнесся к тому, «что совместное купание в Венеции считалось за самое обыкновенное явление» и ушел в море, в результате, отечественные «провинциалки, не привыкшие к этим заграничным удовольствиям и сильно возмущенные всем виденным, не дождались Ковалевского, уехали домой», о чем потом очень сожалели⁵⁷.

Красота Италии затмевала все неудобства. Она издавна манила к себе «обеспеченных италофилов, для которых Апеннины стали местом свободного выбора»⁵⁸. «Какое богатство, какая культура», – восторженно писал литератор Е. А. Ляцкий⁵⁹. Тонким знатоком культуры Италии был Д. С. Мережковский, из-под пера которого вышли «Итальянские новеллы» и роман «Леонардо да Винчи». Годами изучал итальянские библиотеки и архивы профессор Е. Ф. Шмурло, занимавший в Риме пост ученого корреспондента Российской Академии наук и издавший много ценных материалов по истории русско-итальянских связей. «Я не первый раз в Риме весною, – писал в 1904 году Е. Ф. Шмурло, – но только теперь, живя постоянно и, так сказать, постоянно ощущая на себе действие климата, понимаешь, что для нашего брата-северянина это чуть-чуть что не рай. ...Здесь отлично работается – пока этим выражением легче всего определить мое настроение»⁶⁰. Это же отмечал и молодой М. А. Волошин, говоривший: «Под небом Италии вы рождены, мои серебристые песни!» – поэтому – «“В Италию!” громко звенело в ушах, / “В Италию!” – птицы мне пели, / “В Италию” – тихо шуршали кругом / Мохнатые старые ели», поскольку именно там он впервые открыл в себе поэта, почувствовал вкус к творчеству, «получил возможность взглянуть на всю европейскую культуру ретроспективно – с высоты азийских плоскогорий и произвести переоценку культурных ценностей»⁶¹.

В 1908 году в Рим приехал художественный критик П. П. Муратов, который вместе со своими друзьями – писателем Б. К. Зайцевым и живописцем Н. П. Ульяновым посетил также Флоренцию. Италия, ее природа, искусство ошеломили Муратова. Он превратился в страстного почитателя и знатока итальянской истории и культуры, что нашло отражение в его двухтомной книге «Образы Италии», опубликованной в 1911–1912 годы московским издательством «Научное слово». «Образы Италии» стали широко популяр-

ны и впоследствии неоднократно переиздавались, поскольку многие русские путешественники брали ее с собой, изучая Италию по Муратову, по его рассказам и описаниям. Вернувшись в Россию примерно через год, П. П. Муратов занял пост хранителя итальянской живописи Отдела изящных искусств и классических древностей московского Румянцевского музея, что дало ему возможность полнее и глубже познать творчество итальянских мастеров. В ноябре 1911 года он вновь поехал в Италию, где через год подготовил к изданию книгу «Новеллы итальянского Возрождения, собранные и переведенные П. Муратовым», которая дала основание многим считать его духовной родиной не только и не столько Россию, сколько Италию.

Большое влияние на русскую культуру оказал итальянский футуризм и его глава Ф. Т. Маринетти, который зимой 1914 года посетил Россию. Он был восторженно встречен авангардистами, считавшими, что «лучшие идеи – это футуристические идеи и социализм»⁶². Своими громкими призывами к уничтожению старого мира Маринетти произвел неизгладимое впечатление на молодежь, самозабвенно изучавшую его работы, в которых определялся новый вектор не только культуры, но и жизни – «Разрушение», – по названию вышедшей в 1903 году работы Маринетти – «Destruction».

Искусство в межкультурном диалоге стран и цивилизаций

Большую роль в развитии транскультурного диалога играло искусство. Как и в XVIII веке, Россия продолжала приглашать к себе иностранных мастеров и использовать их талант для выполнения художественных работ, например популярного французского живописца Гюбера (Юбера) Робера, которому Императорская Академия художеств в 1802 году присудила высокое звание почетного вольного общника. Робер «много работал по заказам русских императоров: Екатерины II, Павла I, Александра I, а также знаменитых меценатов» и коллекционеров – А. С. Строгонова, Н. Б. Юсупова, М. С. Воронцова, дворцы которых в Гатчине, Павловске, Архангельском, Алушке были украшены его произведениями с изображением античных руин и королевских садов⁶³. Не оставила без внимания творчество Г. Робера и княгиня З. И. Юсупова, заказавшая панно его работы для библиотеки своего петербургского дворца, который возводился Людвигом Бонштедтом в стиле венского барокко по про-

Дж. Доу. Портрет Александра I.
Виндзор, Великобритания.

екту архитектора Геральда Боссе и декорировался по рисункам как иностранных (Антонио Ринальди), так и русских (Н. А. Майкова) мастеров.

В 1819 году в Петербург приехал английский художник Джордж Доу, которому Александр I поручил создание для Эрмитажа картинной галереи участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813–1814 годов. За написание свыше трехсот живописных портретов, в том числе самого Александра I, а также его генералов – Барклая-де-Толли, Кутузова, Ермолова и других, Джордж Доу был в 1828 году удостоен звания «первого художника Императорского двора». Выполнял Джордж Доу и частные заказы русской аристократии, которая высоко ценила его талант портретиста.

Неоднократно приезжал в Петербург для работы над портретами членов русской императорской семьи и петербургской знати немецкий художник Франц Крюгер. Как один из самых популярных живописцев Берлина, он был широко востребован и в России, элита которой не жалела средств на заказы ему картин. Первой была панорама церемониального военного марша 1824 года во главе с великим князем Николаем Павловичем Романовым перед своим тестем, королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III, которая получила название «Военный парад в Берлине». За ней последовали портреты императора Николая I, императрицы Александры Федоровны, великих князей Александра Николаевича, Константина Николаевича, Николая Николаевича и Михаила Николаевича, князей А. А. Бобринского, П. М. и Д. П. Волконских, А. А. Оболенского и другие работы. Большая часть портретов русской знати и картин на русскую тему вошла в культурную сокровищницу России, но многие работы Крюгера хранятся в ведущих музеях мира и прежде всего в Национальной галерее Берлина и Немецком историческом музее.

Крюгер Ф. Военный парад на Опернплатц в Берлине. 1824–1830.
Старая национальная галерея. Берлин, Германия.

Помимо Джорджа Доу и Франца Крюгера, в России XIX века работали уроженец Парижа, живописец-баталист Адольф Ладюрнер, итальянский художник Александр Молинари, шотландская портретистка Кристина Робертсон-Сандрес, немецкий баталист Александр Зауервейд, французский маринист Филипп Таннер, австрийский художник Йозеф Грасси и другие. Их влияние на русскую художественную среду уже не было так велико, как столетие назад, но живописное мастерство созданных ими картин до сих пор вызывает восхищение у посетителей музеев России и мира.

В начале XIX века ярко проявило себя искусство гравюры и книжно-журнальной иллюстрации как особого жанра графических искусств. Впервые в русской периодике появилась портретная графика, получившая затем широкое распространение. Например, издатель П. П. Бекетов с целью «изъявить усердие ко славе Русских Писателей» в 1801 году наладил выпуск иллюстрированного журнала «Пантеон российских авторов», а литератор С. Н. Глинка, создавший в 1808 году журнал «Русский Вестник», начал иллюстрировать его портретами исторических деятелей⁶⁴. Их примеру последовали другие издания, например «Вестник Европы», «Пантеон славных российских мужей», «Русский зритель», «Телескоп».

Джованни Баттиста
Дамон-Ортолани. Портрет
Н. М. Карамзина. 1805.
Ульяновский областной
художественный музей, Россия.

Грасси Йозеф. Портрет
М. А. Нарышкиной. 1807.
Дрезденская картинная галерея,
Германия.

Исключительно популярны стали альбомы гравюр с видами русских городов. Так, «в Англии была выпущена сюита из двенадцати гравюр, выполненных акватинтой и изображавших виды Петербурга в различные времена года» и потому названная «Двенадцать месяцев»; несколько альбомов литографий в 1820-е годы отпечатал немецкий типограф и издатель Александр Плюшар: в «одних альбомах были листы с жанровыми сценами и листы с видами Петербурга, в других – только петербургские виды»; в 1825 году в Париже французский гравёр Огюст Кадолль издал два альбома (большого и среднего размеров) литографий с видами Москвы и ее окрестностей, самой знаменитой из которых стала «Панорама Москвы от Императорского дворца в Кремле», и так далее⁶⁵.

В 1856 году в Лондоне был издан альбом цветных литографий «Пейзажи и достопримечательности Крыма» («The Beautiful Scenery and Chief Places of Interest throughout the Crimea») итальянского художника Карло Боссоли, который по приглашению генерал-губернатора Новороссии графа М. С. Воронцова в 1840–1842 годы объездил весь полуостров и создал яркий цикл живописных образов Тавриды⁶⁶. Лондонский альбом включал 52 красочные литографии, отобранные к публикации самим Боссоли и размещенные

О. Кадолль. «Панорама Москвы от Императорского дворца в Кремле». Литография из альбома: «Vues de Moscou, dédiées à sa majesté Alexandre I-er, empereur autocrate de toutes les Russies, roi de Pologne». Dessinées par A. Cadolle, lithographiées par Deroy, A. Joly, Lemaitre, Fragonard, Renoux, Jacottet, Dupressoir, etc. Paris, chez l2 auteur, 1825.

им в порядке, позволявшим получить наибольшее представление о Крыме первой половины XIX века. Уникальность альбома, помимо его художественной ценности и библиографической редкости, состояла также в том, что в нем Таврида была запечатлена до Крымской войны 1853–1856 годов и всех ее разрушений, что сделало его важным документальным источником, обеспечивающим возможность проведения исторической реконструкции данного региона.

В XIX веке в России сложилась уже своя отечественная школа живописи, представители которой, овладев основами искусства в Петербургской академии художеств, затем стремились оттачивать свой талант за рубежом. Например, основоположник маринизма в русской живописи И. К. Айвазовский, в 1840 году направленный Императорской Академией художеств в Италию и затем много путешествовавший по миру. В 1841 году в Неаполе состоялась первая зарубежная выставка картин Айвазовского, на которой особое внимание публики привлекло полотно «Хаос» из серии «Сотворение мира». Оно впечатлило даже папу римского Григория XVI, который захотел приобрести «Хаос» для картинной галереи Ватикана,

Боссоли К. Вид Ялты. Цветная литография.

но Айвазовский просто подарил ему это полотно, на что понтифик в знак благодарности наградил молодого художника золотой медалью. Русская колония поздравляла Айвазовского с таким небывалым успехом, в том числе Н. В. Гоголь, говоривший ему: «Пришел ты, маленький человек, с берегов далекой Невы в Рим и сразу поднял хаос в Ватикане»⁶⁷. В 1843 году выставка картин Айвазовского прошла в Париже, и он стал первым русским художником, экспонировавшим работы в Лувре – «Море в тихую погоду», «Ночь на берегу Неаполитанского залива», «Буря у берегов Абхазии». Французская академия художеств наградила Айвазовского золотой медалью и избрала его своим почетным членом. А в 1844 году выставка полотен Айвазовского состоялась на родине морской живописи – в Амстердаме, где русский художник был удостоен звания почетного члена Амстердамской академии художеств.

Талант мариниста толкал Айвазовского на Мальту и Гибралтар, в Англию, Испанию, Португалию, Египет, Порту и Константинополь; везде он находил сюжеты для своих картин и за свою долгую жизнь написал «тысячи морских пейзажей почти во всех уголках мира», с триумфом выставлял их в столичных городах Западной Европы, являя собой наглядный пример «свободного миропонимания “гражданина вселенной”»⁶⁸. В 1892 году И. К. Айвазовский

приехал в США, где, как сообщала американская пресса, написал «несколько значительных работ», которые были выставлены в Нью-Йорке, Вашингтоне и Чикаго. Среди них были такие шедевры Айвазовского как «Высадка Христофора Колумба на американское побережье», «Лунный свет над морем», «Ниагарский водопад», «Статуя Свободы и гавань в Нью-Йорке»⁶⁹.

За свою долгую и плодотворную творческую деятельность Айвазовский был награжден не только русскими орденами Святого Владимира и Святого Александра Невского, но и французским орденом Почетного легиона, греческим орденом Спасителя, турецкими орденами Нишан-Али, Османие, Меджидие и Алмазной медалью. С XIX века картины Айвазовского украшают многие музеи дальнего и ближнего зарубежья и до сих пор вызывают повышенный интерес в мире.

Русские художественные колонии, формировавшиеся в Европе из стажеров Императорской Академии художеств, а также русской знати, любившей и почитавшей искусство, стали знаковым явлением отечественной культуры XIX века. Так, широкую известность приобрела римская вилла княгини З. А. Волконской, под сводами которой собиралась европейская элита – К. П. Брюллов, Н. В. Гоголь, А. А. Иванов, В. Камуччини, В. Скотт, Б. Торвальдсен и другие. Как писал Н. В. Гоголь в повести «Портрет», всякий русский человек, «от ранних лет носивший в себе страсть к искусству», готов «помчаться туда, где в виду прекрасных небес спеет величавый рассадник искусств, в тот чудный Рим, при имени которого так полно и сильно бьется пламенное сердце художника», восторженно добавляя: «О, Рим, Рим! Кроме Рима, нет Рима на свете! Хотел я было сказать, счастья и радости, да Рим больше, чем счастье и радость»⁷⁰. И это неудивительно, поскольку «именно Рим вплоть до второй половины XIX века считался главным, точнее единственным художественным центром, колыбелью и школой великого искусства...»⁷¹.

Айвазовский И. К. Автопортрет.
1874. Галерея Уффици, Флоренция,
Италия.

Творческое сообщество России всегда считало себя частью мировой культуры. Средневековая формула – «Москва – третий Рим», то есть третий центр христианской цивилизации – на все последующие века определила вектор развития не только русского православия, но и отечественной культуры. Как писал философ В. Ф. Эрн, «для православного христианский Рим представляет богатейшее поле вдумчивого и глубокого изучения, неисчерпаемый источник религиозно-эстетического наслаждения», поэтому «для русского он становится умопостигаемым центром, и его пристальное изучение делается и долгом православного, и самым высоким и привлекательным времяпрепровождением в Риме»⁷². Тема Рима «в русской культуре есть особая тема, ускользающая, таящаяся под спудом, но иногда внезапно, то здесь, то там, всплывающая из глубины», и «из тех многих дорог, что ведут в Рим, есть и тропа русской мысли и религиозного поиска»⁷³. А также искусства. По мнению, например, Б. Л. Пастернака, Италия «кристаллизовала то, чем мы бессознательно дышим с колыбели. Италия не только в Италии. Италия – и в наших корнях... Боровицкая башня. Кто построил эту русейшую башню? Итальянский зодчий Солари! А вот <...> Беклемишевская башня. Кто создал ее? Итальянский зодчий Руффо!.. Для меня, – заключал Пастернак, – Италия и Россия связаны знаком равенства»⁷⁴.

Основателем русской художественной колонии в Италии можно считать живописца Ф. М. Матвеева. В 1810 году к нему присоединился О. А. Кипренский, который в 1828 году окончательно осел в Риме, принял католичество и женился на итальянке. Во флорентийской галерее Уффици хранится автопортрет Кипренского 1820 года. Полотна художника украшают также многие другие коллекции мира, в том числе ближнего зарубежья: Национальной картинной галереи Армении в Ереване, Национального музея изобразительного искусства Молдовы в Кишиневе, Киевского национального музея русского искусства, Галереи изобразительного искусства Узбекистана в Ташкенте, Бишкекского Музея изобразительных искусств в Киргизии и других.

Одновременно с Кипренским в Риме, а затем и в Неаполе поселился другой русский художник – С. Ф. Щедрин. В 1818 году он как золотой медалист был направлен Петербургской академией художеств на стажировку в Италию, после завершения которой им было принято решение остаться за границей навсегда. «В этих летах сидеть дома, – объяснял он, – да еще ландшафтному живописцу, – это лучшее время моей жизни, что я нахожусь в чужих краях

Кипренский О. Автопортрет. 1820.
Галерея Уффици. Флоренция,
Италия.

Кипренский О. Неаполитанская
девочка с плодами. 1831.
Национальный музей
изобразительного искусства
Молдовы, Кишинев.

между хорошими художниками всех наций... А в Петербурге что бы я был? Рисовальный учитель, таскался бы из дома в дом и остался бы навсегда в одном положении, нимало не подвигаясь вперед»⁷⁵. В Италии Сильвестр Щедрин, с детства воспринимавший Каналетто ближе, чем русские поля, в видах Рима, Неаполя, Сорренто открывал тончайшие стороны пейзажной живописи, недоступные многим его итальянским современникам и соотечественникам»⁷⁶. Благодаря этому С. Ф. Щедрин приобрел большую популярность, отмеченную даже особым королевским указом, удостоившим его звания почетного профессора Неаполитанского королевского института изящных искусств.

Исключительную роль Италия сыграла в творчестве Карла Брюллова. Его биография включала два итальянских периода 1822–1835 и 1850–1852 годов, в течение которых он написал большое число картин, портретов и самую известную свою работу – «Последний день Помпеи». Она вызвала восхищение в Риме, получила золотую медаль в Париже и наполнила гордостью россиян. Привезенная в 1834 году в Петербург, эта картина «гордого олимпийца» более полувека висела в кабинете ректора Академии художеств, служа источником вдохновения и примером высшего мастерства. Многие полотна Брюллова находятся за рубежом

Брюллов К. П. Итальянское утро. 1823. Кунстхалле, Киль, Германия.

Брюллов К. П. «Портрет Ю. П. Самойловой с Джованниной Пачини и арапчонком». 1832–1834. Музей Хиллвуд, США.

и составляют золотой фонд россики. Умер К. П. Брюллов в 1852 году в Италии и похоронен на римском некатолическом кладбище Тестаччо (Cimitero acattolico al Testaccio), где находили последнее упокоение многие уроженцы России.

Работы великих «русских итальянцев» имели большую популярность: им подражали, с них делали повторения и копии, ими украшали дворцы и особняки, их приобретали музеи и галереи, государственные, царские и частные собрания. Так, в открытой 26 января 1862 года первой Московской публичной картинной галерее, созданной купцом 1-й гильдии, первым экспортером уральского железа, первопромышленником бакинской нефти, миллионером В. А. Кокоревым, было выставлено почти пять десятков картин К. П. Брюллова и свыше двадцати полотен И. К. Айвазовского. Великолепие экспозиции настолько поражало воображение, что его в 1864 году перенес на холст ученик Московского училища живописи, ваяния и зодчества, художник А. Н. Гребнев, назвавший его «Интерьер картинной галереи В. А. Кокорева. Зал № 7», центральной картиной которого был портрет «Портрет графини Ю. П. Самойловой, удаляющейся с бала с приемной дочерью Амаилией Паччини» кисти Карла Брюллова⁷⁷.

Гребнев А. Н. «Интерьер картинной галереи В. А. Кокорева. Зал № 7». 1864.
Донецкий областной художественный музей, Украина.

В 1830 году в Рим приехал Александр Иванов. Он прожил в Италии почти тридцать лет и написал там свои знаменитые картины на тему «Явление Христа», которые заняли едва ли не главное место в сакральном пространстве русской классической живописи. За эти полотна А. А. Иванов был удостоен в России звания академика, а в Италии местное население стало почтительно величать его «синьоро Алесандро», а не просто «форестьеро», то есть чужой иностранец⁷⁸. А. И. Герцен, познакомившийся с Ивановым в Риме в 1847 году и десять лет спустя встречавшийся с ним в Лондоне, писал, что «такое благочестие к искусству, религиозное служение ему, с недоверием к себе, со страхом и верою, мы только встречаем в рассказах о средневековых отшельниках, молившихся кистью, для которых искусство было нравственным подвигом жизни, священнодействием, наукой. Молодым человеком принялся Иванов за свою картину “Иоанна Предтечи” и состарился с нею; кисть, взятая юношеской рукой, ослабела на том же полотне, целая жизнь была употреблена на созерцание, обдумывание, изучение своего предмета...», и хотя на склоне лет он все же пришел к мнению, что

«живопись должна получить новое направление», однако к этому времени его «мир души расстроился» и вера покинула его, а писать без веры религиозные картины художник считал безнравственным и не хотел, уподобляться французам и итальянцам, которые, «разбирая по камню католическую церковь, наперехват пишут картины для ее стен»⁷⁹.

Италия стала для А. А. Иванова, являвшегося «одним из самых ярких провозвестников нового вселенского мироощущения», вторым отечеством, порывать с которым было для него смерти подобным; он писал: «Мысль о возвращении вышибает у меня палитру и кисть»...⁸⁰. Тем не менее в мае 1858 года он, «полный надежд и дум», с картиной «Явление Христа народу» все же решил приехать в Петербург, но встретил там давно забытое северное равнодушие и холодную отстраненность. Не прожив на родине и двух месяцев и не дожив до своего 52-летия двух недель, А. А. Иванов внезапно заразился холерой и умер.

Душеприказчиком Иванова был молодой художник М. П. Боткин, познакомившийся с ним в Италии и после его смерти написавший о нем книгу «Александр Андреевич Иванов: его жизнь и переписка 1806–1858 гг.», которая была издана в 1880 году в Петербурге. В Италии М. П. Боткин провел более двадцати лет, написал там свои лучшие картины, давшие ему звание академика исторической живописи, и начал собирать «редкую по художественному качеству» коллекцию, первыми предметами которой стали этюды А. А. Иванова к картине «Явление Христа народу»⁸¹. В дальнейшем коллекция М. П. Боткина вошла в число крупнейших частных собраний памятников искусства; она содержала древние расписные вазы, терракотовые статуэтки, маски, светильники, византийские эмали, итальянскую майолику XV–XVII веков, художественную резьбу по дереву эпохи Возрождения и многое другое⁸². Во время Первой мировой войны и революции коллекция Боткина была расформирована, часть вещей попала в Эрмитаж и Русский музей, часть оказалась за границей – в Нью-Йоркском Метрополитен-музее, в Германском национальном музее Нюрнберга, Тбилисском музее и так далее.

В Италии существовало несколько русских учреждений культуры, в том числе Общество поощрения художников и Общество поощрения молодых художников в Риме, содействовавшие итальянским поездкам живописцев из России. В начале XIX века участником Общества поощрения художников и покровителем русских стажеров в Риме был К. Н. Батюшков, писавший в феврале

1819 года президенту Академии художеств А. Н. Оленину: «Виделся с художниками... Воспитанники Академии ведут себя отлично хорошо и меня, кажется, полюбили... Скажу Вам решительно, что плата, им положенная, так мала, так ничтожна, что едва они могут содержать себя на приличной ноге. Здесь лакей, камердинер получает более. Художник не должен быть в изобилии, но и нищета ему опасна. Им не на что купить гипсу и нечем платить за натуру и модели», да и «число четырех пенсионеров столь мало, что нельзя и ожидать Академии великих успехов от четырех молодых людей. Болезни, обстоятельства, тысячи причин могут совратить с пути или похитить от художеств; что я говорю, есть сушая правда. Желательно иметь более десяти в Риме. Из десяти два, три могут удаться... и я от чистого сердца желаю, чтобы казна не пожалела денег»⁸³.

Опасения К. Н. Батюшкова были небеспочвенны, и денег у государства всегда не хватало, но благодаря меценатам и просто дружеским связям многим русским людям удавалось приобщиться к шедеврам мировой культуры. Например, молодому И. В. Цветаеву, который в 1875–1876 годы находился в командировке в Италии, где его радушно принял скульптор М. М. Антокольский, возбудивший в нем острый интерес к искусству ваяния и пластики, который в дальнейшем оформился в главное дело его жизни. Цветаев писал о том времени: «На чужбине соотечественники сходятся скорее, приятельские отношения там устанавливаются быстро. А отсутствие всех обременительных условий, которыми обставлена жизнь каждого из нас дома, способствует тому, что простое знакомство нередко превращается после в серьезную и прочную дружбу. <...> Русским домом, о котором невольно вспоминаешь теперь с искренним удовольствием, был дом Антокольских» в Сорренто⁸⁴.

Большинство известных живописцев России XIX века десятилетиями работали за рубежом, оставаясь при этом истинно русскими художниками: К. Е. Маковский, Г. Г. Семирадский, В. И. Суриков, В. Г. Перов, И. И. Левитан и другие. Так, после окончания с большой золотой медалью Академии художеств в 1853 году около семи лет провел за границей А. П. Боголюбов, шлифовавший искусство баталиста у французских мастеров А. Франсуа и К. Жирарде, работавший в парижской студии Т. Кутюра и Э. Изабе, бравший уроки у итальянца С. Корроди, посещавший в Дюссельдорфе ателье А. Ахенбаха, а в Женеве – А. Калама, и в общей сложности «познакомившийся с художественными собраниями чуть ли не всех европейских стран: Германии, Бельгии, Швейцарии, Италии, Испании, Греции, Франции...» и так далее⁸⁵. В 1874 году А. П. Бого-

любов поселился в Париже, где прожил вплоть до своей смерти в 1896 году, став за эти годы кавалером Командорского креста ордена Почетного легиона Франции.

«В Париже... искусству учат», – наставлял своих учеников Н. Н. Ге, на собственном примере знавший, как важно для художника посещение французской столицы, которая по богатству и разнообразию музейных коллекций, полноте и наглядности собраний произведений искусства всех стран, народов и времен занимала первое место в мире⁸⁶. Немалой популярностью у выходцев из России пользовалась частная Академия художеств (школа-мастерская) Рудольфа Жульена (*Académie Julian*), привлекавшая своей демократичностью, тем, что в ней «не было муштры, которая изводила всех в государственной художественной школе»⁸⁷. Академию Жульена посещали П. П. Кончаловский, Е. Е. Лансере, Л. С. Бакст, И. А. Пуни и другие. Так, М. К. Тенишева, занимавшаяся в Академии Жульена у Ж.-П. Лорана и Б. Констана, вспоминала: «Нигде нельзя так хорошо сосредоточиться и работать, как в Париже. Он дает все для работы: обстановку, художественную среду, прекрасных мастеров-учителей, интересные выставки и богатейшую историю искусств в своих бесчисленных сокровищницах – музеях и памятниках старины»⁸⁸. Это позволило ей в 1914 году на Римской выставке художественной инкрустации получить за свои эмали диплом итальянского Министерства народного просвещения и стать почетным членом Римского археологического общества.

В Академии Рудольфа Жульена училась также юная М. К. Башкирцева, на которую во второй половине XIX века смотрели как на «одну из исключительно феноменальных личностей» и «одну из ярких представительниц “женской силы мысли и творческой отзывчивости”»⁸⁹. Работы Башкирцевой имеются во многих художественных собраниях мира, а оригиналы ста с лишним тетрадей ее дневников, написанных по-французски, хранятся в Национальной библиотеке Франции.

Большое значение зарубежным командировкам придавал И. Е. Репин, учившийся в 1863–1871 годы в Академии художеств и полагавший, что он ее должен «не просто окончить, а с золотой медалью. С правом шестилетнего пансионерства за границей. И тогда то, чего не смогли добиться от Репина академические профессора, сделает за них небо Италии и воздух Франции»⁹⁰. Именно в Париже в 1876 году Репин написал совершенно необычную для русской живописи того времени картину «Садко», за которую ему было присуждено звание академика. А свою признательность

Башкирцева М. Портрет брата.
1876. Музей изящных искусств.
Ницца, Франция.

Башкирцева М. Парижанка
(Портрет Ирмы). 1882. Музей
Петит Палас. Париж, Франция.

Репин И. Е. «Парижское кафе». 1875. Частная коллекция.

Васнецов В. М. Балаганы
в Париже. 1877. Государственная
Третьяковская галерея.
Москва, Россия.

Франции Репин выразил французскими полотнами, например «Продавец новостей в Париже» 1873 года или «Парижское кафе» 1875 года, принесшими ему славу одного из самых дорогих русских художников в Европе.

В 1876 году в Париж приехал В. М. Васнецов, написавший там картину на чисто французский сюжет «Балаганы в окрестностях Парижа».

Картина о парижских балаганах не удовлетворила художника, который считал, что «мы тогда только внесем свою лепту в сокровищницу всемирного искусства, когда все силы свои устремим на развитие своего родного русского искусства, то есть когда с возможным для нас совершенством и полнотой выразим красоту, мощь и смысл наших родных образов – нашей русской природы и человека, нашей настоящей жизни, нашего прошлого...

и сумеем в своем истинно национальном отразить вечное, непреходящее»⁹¹. В результате, именно в Париже В. М. Васнецов создал свой первый акварельный эскиз к ставшей впоследствии всемирно знаменитой картине «Три богатыря».

В декабре 1877 года в Париже по инициативе А. П. Боголюбова, М. М. Антокольского, Г. О. Гинцбурга было создано Общество взаимного вспомоществования русских художников, находившееся в доме банкира Гинцбурга на Рю де Тильзит, 18. Высочайшим покровителем Общества стал великий князь Александр Александрович, президентом – русский посол в Париже князь Н. А. Орлов, председателем А. П. Боголюбов, а секретарем – И. С. Тургенев. Общество ставило своей целью создание благоприятных условий для творчества и поддержку приехавшим во Францию россиянам, организацию выставок и пропаганду русского искусства за рубежом. Оно имело мастерскую, библиотеку, клубный зал, в котором устраива-

лись литературно-музыкальные вечера с участием И. С. Тургенева, П. Виардо, А. Г. Рубинштейна. Нуждающимся русским художникам Общество выдавало ссуды и пособия, предоставляло бесплатно мастерскую, а когда в 1883 году умер И. С. Тургенев учредило для художников стипендию его имени и взяло на себя заботу по увековечиванию памяти писателя, установлению надгробного памятника с серебряным венком.

В 1878 году на Всемирной выставке в Париже 1878 года российские художники получили 16 наград – М. М. Антокольский, А. П. Боголюбов, Г. Редлих, Г. И. Семирадский, А. И. Сомов, В. И. Якоби. Кроме того, М. М. Антокольский стал кавалером французского ордена Почетного легиона и почетным членом нескольких европейских академий. Почетным членом академий живописи Берлина, Неаполя, Рима, Стокгольма был Г. И. Семирадский, являвшийся также членом-корреспондентом Французской академии изящных искусств. За одну только картину «Светочи христианства», которую Семирадский писал в течение ряда лет в Риме в собственном доме-мастерской, он стал кавалером сразу двух высших наград Европы – ордена Короны Италии и ордена Почетного легиона Франции. В 1881 году Семирадский подарил эту картину Кракову, и она легла в основание созданной в этом городе польской Национальной художественной галереи⁹².

Творчество всех этих мастеров связывало Россию и христианский мир в единое художественное пространство, основанное на общих представлениях об искусстве и красоте, эстетических и этических ценностях. В качестве примера можно привести еще одного русского художника – К. Е. Маковского. В 1877 году он написал картину «Болгарские мученицы», которая никого не оставила равно-

Маковский К. Е. «Болгарские мученицы». 1877. Минск, Национальный художественный музей Республики Беларусь.

Верещагин В. «Въезд принца Уэльского в Джайпур в 1876 г.»
Мемориал Виктории в Калькутте. Индия

душным и вызвала массовое движение в поддержку национально-освободительной борьбы балканских народов.

В 1889 году К. Е. Маковскому за картины «Демон и Тамара», «Суд Париса», «Смерть Ивана Грозного» на Всемирной выставке в Париже была присуждена Большая золотая медаль. Особый интерес у европейской публики вызвало полотно «Смерть Ивана Грозного», писавшееся на основе «Записок о России» английского дипломата Джерома Горсея, который был в Московии, в том числе во время кончины Ивана IV, и полагал, что русский царь умер насильственной смертью от рук Бориса Годунова и Богдана Бельского. Картина производила сильное впечатление, в нее пристально всматривались, пытаясь понять сюжет, а вместе с ним и Россию. Правительство Франции наградило Маковского орденом Почетного легиона, после чего художник открыл в Париже собственную мастерскую, на что русская пресса тут же отозвалась статьей с характерным названием: «Наши таланты в Париже»⁹³.

Яркий след в культуре русского зарубежья оставил В. В. Верещагин, своими картинами связавший русскую культуру с историей

Мост Александра III в Париже.
Архитектор Joseph Cassien-Bernard. 1896–1900.

Франции, Германии, Британии, Индии, Китая, Японии и других стран. Пребывание в чужих краях было для Верещагина не просто заграничной поездкой, но прежде всего «путешествием... в самого себя, наполнением своих замыслов – иногда еще предчувствий, еще неясной дали живыми картинами незнакомой действительности»⁹⁴. Переноса их на мольберт, Верещагин затем в своих мастерских Москвы, Парижа, Мюнхена создавал из массы путевых набросков и зарисовок масштабные полотна, которые становились достоянием многих отечественных и зарубежных музеев, в том числе таких далеких от России, как Мемориал Виктории в Калькутте, где его картина «Въезд принца Уэльского в Джайпур в 1876 г.» стала самым крупным художественным произведением, написанным маслом на холсте.

Блестящие результаты отечественная культура показала на Всемирной выставке в Париже 1900 года, главным эмиссаром Русского отдела которой был князь В. Н. Тенишев, получивший золотую медаль от жюри за его организацию. К открытию Всемирной выставке в Париже были сооружены два архитектурных шедевра –

Фаянсовый иконостас, произведенный в России на фабриках Кузнецова;
Марьянски Лазни, Чехия.

Эйфелева башня и мост Александра III, являющиеся ныне ценными памятниками инженерной мысли, зодчества и градостроительства.

Россия на этой выставке получила полторы тысячи наград. В «Каталоге Русского Отдела Всемирной Парижской Выставки 1900 г.» значились скульптура Н. А. Лаврецкого «Россия», украшавшая вход в ажурный чугунный павильон каслинского литья, художественные панно К. А. Коровина, представлявшие жизнь многочисленных народов Российской империи, предметы прикладного искусства – кружева, вышивки, позументы, изделия фарфоровых мануфактур Кузнецова и среди них уникальный фаянсовый иконостас, ныне находящийся в чешском городе Марьянски Лазни, и многое другое.

К XX веку заграничный поток русских художников значительно возрос. Жажда приобщения к европейской культуре толкала их в Италию, Испанию, Германию, Францию. Особенно манил Париж, где, как говорил В. А. Серов, «один рабочий сезон <...> равен трем нашим»⁹⁵. Начинающие русские художники посещали в Париже академии «Гранд-Шомьер», «Ла Палетт», «Коларосси», «Модерн»,

художественную мастерскую Е. С. Кругликовой на улице Буассонад, Академию Фернана Леже и Свободную русскую академию художеств М. И. Васильевой (Academie Vassilieff) на Монпарнасе, не говоря уже о посещении различных выставок и салонов. Русскими парижанами, кто на время, а кто навсегда стали К. Коровин, А. Лентулов, А. Остроумова-Лебедева, К. Первухин, Н. Симонович-Ефимова, С. Шаршун, А. Шервашидзе, С. Яремич, даже И. Я. Билибин, парижская квартира которого была местом притяжения Е. К. Святополк-Четвертинского, М. К. Тенишевой, С. А. Щербатова и других. Художник А. Н. Бенуа, впервые приехавший в Париж в 1896 году, писал: «я ведь оказался в городе, который меня с самых детских лет <...> непреодолимо притягивал и притяжение которого с годами все усиливалось. Мне казалось, что еще и не побывав в нем, я изучил его досконально. Такие названия, как Лувр, Нотр-Дам, Клюни, Сен-Жермен-л'Оксеруа и т. д. были мне столь же близки, как Зимний Дворец, Исаакий, Эрмитаж, Николай Морской»⁹⁶.

Важным центром для русских мастеров искусства была Германия. Туда еще в 1862 году в качестве пенсионера Императорской Академии художеств приехал пейзажист И. И. Шишкин, сначала учившийся в Мюнхене, а потом в Дюссельдорфе. За картину «Вид в окрестностях Дюссельдорфа» Шишкину было присвоено звание академика живописи, и он вошел в число «видных представителей дюссельдорфской художественной школы»: «...Я теперь сделался здесь известным, – писал Шишкин И. В. Волковскому 27 февраля 1865 г., – где и куда нейдешь, везде показывают, пошел вот этот русский, даже в магазинах спрашивают, не вы ли тот русский Шишкин, который так великолепно рисует, и можешь себе представить эту картину – словом, успех неожиданный и вдобавок один рисунок еще куплен на здешнюю постоянную выставку, рядом с Андр. Ахенбахом и Лессингом, рисунки которых тоже там красуются, следовательно, и мой будет там же. Жаль цену назначил весьма ничтожную – 50 талеров. Заметь, что здесь [у] иностранцев не покупают – это так редко, а особенно у русских»⁹⁷.

Приехавший в Германию через сорок лет после Шишкина И. Э. Грабарь писал в 1896 году: «Здесь можно учиться. Вы знаете, что это блаженство так учиться и так ясно чувствовать свое движение вперед»⁹⁸. Речь шла о мюнхенской школе австро-венгерского живописца Антона Ажбе, в которой, помимо Грабаря, оттачивали свой талант Д. Бурлюк, М. Веревкина, М. Добужинский, В. Кандинский, Д. Кардовский, К. Петров-Водкин, А. Явленский

Шишкин И. Вид в окрестностях Дюссельдорфа. 1865.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия.

и другие. Они создали в Мюнхене русскую художественную колонию, часть которой посещала также Мюнхенскую академию художеств: Б. Владимирский, В. Кандинский, С. Меркуров, Л. Пастернак, Ф. Рубо, а также крымский художник Михаил Казас, отразивший свои немецкие впечатления в серии «Старый Мюнхен». В 1909 году М. Веревкина, А. Явленский, В. Кандинский создали «Новое Мюнхенское художественное объединение», а два года спустя творческое объединение «Синий всадник», положившие начало новому «общеевропейскому абстрактно-экспрессионистическому направлению в искусстве XX века»⁹⁹.

Исключительную роль в жизни российских художников по-прежнему играла Италия: в Милане в мастерских Баркальи и Базарро занимался П. П. Трубецкой, в Риме у скульптора А. Ривальти учился Л. А. Бернштам, а у художника Бампами осваивал мастерство Л. М. Браиловский и так далее. В 1906 году при поддержке художника-мецената Д. Тринелли приехал в Италию скульптор-мордвин С. Д. Эрзя, проживший там почти четыре года, после чего переехал во Францию. Европейский период творчества стал

для Эрзи очень плодотворным и успешным, его работы получили признание на выставках в Венеции, Милане, Ницце, Париже, Риме, Мюнхене, он участвовал в возведении католического собора в Специи и Дома итальянского рабочего объединения в Милане, мировая пресса писала о нем как о «русском Родене», частные коллекционеры и музейщики охотно приобретали его произведения.

Большое влияние на творчество Эрзи оказал «русский итальянец» П. П. Трубецкой, у которого он учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Паоло Трубецкой «в отечественном искусстве сделал то, что Роден в европейском – ввел реальность, современность в скульптуру, сделал пластику жгуче интересной обществу»¹⁰⁰.

Неудивительно, что произведения Трубецкого украшали художественные собрания многих стран мира: России, Франции, Германии, США и, конечно же, Италии, где, например, на римском «Seccisione» 1913 года целая комната была отведена его работам. Помимо дара ваятеля, таланта живописца и безграничной любви к искусству он обладал удивительной работоспособностью, о которой говорили «лепить à la Трубецкой» – энергично, легко, свободно. Ему позировали Лев Толстой, Исаак Левитан, Федор Шаляпин, Огюст Роден, Бернард Шоу, Анатоль Франс, а также многие представители аристократии и правящей элиты России и мира. Известен Паоло Трубецкой и как автор памятников историческим деятелям: русскому императору Александру III, Гарибальди, Данте и другим. Более 400 работ П. П. Трубецкого представлены в Музее пейзажей в итальянском районе Палланца города Вербании, где жил и умер скульптор.

Иван Шишкин
в Дюссельдорфе. 1865.
Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург, Россия.

Paolo Troubetzkoy (1866–1938).
Lev Tolstoy. 1898.
Verbania-Pallanza, Italy.

Трубецкой П. П. Огюст Роден.
Cantor Arts Center
of Stanford University
in Palo Alto, California.

В 1913 году в Рим приехали пенсионеры Петербургской академии художеств А. Е. Яковлев и В. И. Шухаев. «Боже мой, как я буду счастлив, когда попаду в Италию от этой действительности», – говорил перед поездкой на Апеннины Шухаев, считавший, что только в Италии он может «прояснить побольше и выявить все те мысли, что есть в голове», а оказавшись там, восклицал: «Ах, какая красота!»¹⁰¹. Вместе с Яковлевым Шухаев много работал и активно путешествовал по Италии, «вынес очень много поучительного от посещения незнакомых галерей», копирования итальянской живописи и ее переосмысления в своем творчестве¹⁰².

Под влиянием двух великих эпох – Возрождения и Просвещения – в русское сознание внедрялся идеал культурного человека – любящей искусство, образованной и всесторонне развитой личности, а также представление о культуре как о «втором рождении человека», основной сущности его бытия, направленной на реализацию творческого потенциала и выражавшейся в творениях человеческого духа. Стремление к этому идеалу рождало в высших слоях русского общества страсть к коллекционированию и превращению своих домов в раритетные библиотеки, музеи, картинные галереи, в том числе и за рубежом. И с конца XVIII века, «на фоне интен-

сивного освоения европейской культуры, коллекционирование в России приобретает целенаправленность и определенные формы», наряду с любителями появляется тип коллекционера – знатока, с хорошо развитым чувством вкуса и пониманием прекрасного, создаются комплексные коллекции, «вырабатываются формы отношений между произведениями искусства и публикой: выставки, каталоги, аукционы»¹⁰³.

Европейски образованный слой обеспеченных людей из числа знати, интеллигенции, купечества, буржуазии накапливал огромные культурные богатства, родовые и семейные художественные собрания, оказывавшие, порой, существенное влияние на развитие отечественного и мирового искусства. Например, художественное собрание князей Юсуповых, хранившееся в различных дворцах, в том числе зарубежных (усадьба Керболе в Бретани на западе Франции, вилла «Татьяна» на Женевском озере в Швейцарии и т. д.), «уступало в Европе, пожалуй, только Лувру, Эрмитажу и Дрезденской галерее»¹⁰⁴. Мировую славу коллекционеров в XIX веке снискали русские флорентинцы – сенатор Д. П. Бутурлин и горнозаводчики Демидовы. Во Флоренции до сих пор хранят память о России палаццо Д. П. Бутурлина с фамильным гербом графа на его фасаде, палаццо Н. Н. Демидова, в котором был создан художественный музей с картинной галереей, впоследствии перевезенный в Петербург, Демидовская школа и Демидовская площадь с возведенным нашему соотечественнику признательными флорентинцами памятником из белого мрамора. В 1870 году потомок Николая Никитича П. П. Демидов приобрел в пригороде Флоренции Муджелло замок с садом Пратолино, превращенный им в свою парадную резиденцию. За благотворительную деятельность и крупные пожертвования городу, в том числе на облицовку кафедрального собора Санта-Мария-дель-Фьоре Павел Павлович Демидов был избран почетным гражданином Флоренции и его герб стал украшать фасад этого главного флорентийского храма.

Предметом коллекционирования были картины, гравюры, гобелены, вазы, ювелирные изделия, оружие, книги, древние рукописи и многое другое. Так, английский дипломат Ч. Грэнвилл, навещая в Европе княгиню Е. И. Голицыну, писал, что она «и генерал Хитрово говорили часами о хламидах и туниках, о статуях и драпировках, спорили об изменении вкуса. В Италии и Париже, – утверждал он, – Аполлон [Бельведерский] является образцом совершенства, а она уверяла, что последние два месяца ни о чем не может думать, кроме Антиноя...»¹⁰⁵. Дом генерал-майора Н. Ф. Хитрово в Париже,

Бартолини Л., Романелли П. Памятник Н. Н. Демидову.
1871 г. Флоренция, Италия.

Фамильный герб П. П. Демидова
на фасаде собора Санта-Мария-дель-Фьоре. Флоренция, Италия.

а потом во Флоренции, где он в 1815–1817 годы занимал пост русского поверенного в делах при Тосканском дворе, был настолько полон разного «антиквариара», что притягивал к себе взоры не только мастеров искусства, например Кипренского, но и королевских особ, завороченных богатствами русской знати. Одно только «Описание резных камней коллекции генерала Хитрово», составленное в 1804 году Э. К. Висконти и хранящееся в Национальной библиотеке Франции в Париже, содержало сведения о 600 геммах – египетских, персидских, сасанидских, ренессансных, владельцами которых в разное время были Венецианская республика, императрица Жозефина, художник П. П. Рубенс¹⁰⁶. Помимо резных камней, генерал Хитрово собирал декоративные вазы, картины, скульптуры, даже треножники и колонны, которые потом были куплены императором Александром I для Эрмитажа.

В конце XIX века в Берлине при Свято-князь-Владимирском братстве благодаря стараниям протоиерея Алексея Мальцева в 1897 году возник музей русской истории, собравший уникальные по своей значимости произведения искусства и старины: скульптуры, картины, гравюры, медали, монеты, документы и фотографии, а также предметы религиозного культа. Наконец, нельзя не сказать и о русском дипломате А. П. Базилевском, прославившемся в Париже коллекцией раритетов, которые настолько поражали воображение, что их в 1870 году запечатлел на холсте художник В. В. Верещагин под названием «Галерея древностей А. П. Базилевского на улице Бланш в Париже».

В 1878 году собрание Александра Базилевского было выставлено на Всемирной выставке в Париже, посетители которой восторгались памятниками раннехристианского и византийского искусства, церковной утварью романской и готической эпохи, изделиями из резной кости XIII–XIV веков, рейнскими и лиможскими эмалями XII–XVI веков, венецианским и немецким стеклом, итальянской майоликой, испано-мавританскими и французскими фаянсами. В 1884 году Базилевский решил расстаться со своим собранием, часть которого на аукционе была куплена французской стороной для Лувра, другая, основная часть, была приобретена императором Александром III для Эрмитажа, а все оставшееся разошлось по частным собраниям¹⁰⁷.

Для развития отечественной культуры, просвещения, музейного дела коллекционирование имело большое значение, что хорошо понимали как правители России, начиная с Петра I и Екатерины II и заканчивая всеми русскими царями XIX века, так и сами

Верещагин В. «Галерея древностей А. П. Базилевского на улице Бланш в Париже». 1870.

коллекционеры, например З. А. Волконская. Она, «живя в Риме, горячо мечтала о создании для Москвы коллекции образцов скульптуры и много хлопотала в правительственных кругах Петербурга и Москвы об осуществлении своей идеи... Она составила программу этого Музея, которая и была напечатана ею в Москве в 1831 г.», однако реализовать ее не удалось¹⁰⁸. Но другим повезло больше: И. К. Айвазовскому, основавшему в 1880 году Феодосийскую картинную галерею, А. П. Боголюбову, создавшему в 1885 году саратовский Радищевский музей, Н. П. Румянцеву, открывшему в 1831 году в Петербурге Румянцевский музей, который тридцать лет спустя переехал в Москву, М. К. Тенишевой, в 1898 году сделавшей доступным для публики свой смоленский Музей русской старины, П. М. Третьякову, подарившему в 1892 году свою художественную галерею Москве, А. А. Бахрушину, основавшему в 1894 году московский частный Литературно-театральный музей, С. И. Щукину, организовавшему в Москве частный Музей французской живописи.

Многие коллекционеры, не создавая отдельных художественных галерей и музеев, передавали свои собрания уже существо-

вавшим музейным учреждениям, например: граф А. С. Уваров, завещавший все Российскому Историческому музею имени Александра III в Москве, искусствовед С. М. Волконский, отдавший свою «декабристскую» коллекцию в Пушкинский Дом в Петрограде, дипломат М. С. Щепкин, подаривший свое собрание итальянской живописи XIV–XVI веков Музею изящных искусств имени императора Александра III в Москве, купец П. И. Щукин, передавший свое собрание древностей Российскому Историческому музею, ученый П. П. Семёнов-Тян-шанский, продавший свою уникальную коллекцию картин голландской и фламандской школы XVI и XVII веков Эрмитажу, и другие.

Их трудами, равно как и талантами отечественных деятелей искусства, много учившихся и подолгу оттачивавших свое мастерство за пределами родины, в России была сформирована национальная художественная культура мирового уровня. Как писал Аполлон Григорьев, «Из Флоренции... я привез с собою живую, глубокую веру в национализм живописи и пластики или, лучше сказать, веру в то, что художество – архитектурное, или живописное, или ваятельное – живет только верою, а вера в свою очередь живет национальностью типов»¹⁰⁹. Самобытность русского искусства сделала его востребованным на мировом художественном рынке, особенно в США. В 1904 году в Сент-Луисе состоялась первая крупная русская выставка-распродажа, на которой было выставлено «более шестисот произведений изобразительного искусства, представлявших все его направления и жанры, начиная от блестящего репинского портрета мадам Корево и кончая серией картин “Древняя Русь” Николая Рериха. В марте 1906 года состоялся крупный аукцион в Нью-Йорке, потом еще несколько распродаж, последняя из которых прошла в Калифорнии в октябре 1916 года»¹¹⁰.

В сближении народов большую роль играло музыкальное искусство, тонко действовавшее на чувства и в основном не требовавшее знания языков. Как говорил поэт Н. Ф. Щербина, «иностранцы знают нас только с военной и политической стороны, а народ считают животными и не любят нас. Узнавши, хоть чрез распространение песен (я разумею музыку), какое *богатое содержание у русской души*, – они получают о нас иное, лучшее понятие, которое, может быть, будет нам со временем в пользу, в *житейскую* пользу»¹¹¹. Во многом так и случилось, правда, касалось это преимущественно высокой музыкальной культуры и ее творцов.

К ним принадлежали А. Г. Рубинштейн, с 1854 года постоянно гастролировавший по Европе, а затем и в США, и в 1870 году

ставший членом Шведской королевской музыкальной академии; его брат Н. Г. Рубинштейн, с 1872 года выступавший как пианист и дирижер в Вене, на Всемирной выставке в Париже и других городах; много гастролировал за границей ученик Н. Г. Рубинштейна А. И. Зилоти, особенно после ухода из Московской консерватории в 1891 году; П. И. Чайковский, который в 1888 году был торжественно принят в Гамбурге немецкими музыкальными деятелями во главе с дирижером, профессором Юлиусом фон Бернутом, а пять лет спустя был удостоен степени почетного доктора музыки Кембриджского университета.

Для отечественных музыкальных деятелей признание их творчества за рубежом служило мощным стимулом к работе. Так, П. И. Чайковский в Венеции сочинял Четвертую симфонию, в Сан-Ремо – оперу «Евгений Онегин», в Кларане – «Орлеанскую деву», во Флоренции – «Пиковую даму», в Риме – «Итальянское каприччио» и оперу «Мазепа», работу над которой продолжил в Париже. При этом особое звучание в инокультурной среде получала русская тема. Как писал М. И. Глинка, сочинивший за границей свою знаменитую оперу «Жизнь за царя», которая почти двести лет присутствует в театральном репертуаре России, «все написанные мною в угождение жителей Милана пьесы, <...> убедили меня только в том, что я шел не своим путем, и что я искренно не мог быть итальянцем. Тоска по отчизне навела меня постепенно на мысль писать по-русски»¹¹². Потом, уже в Германии композитор окончательно утвердился в своем мнении, начал разрабатывать отдельные эпизоды своей оперы и сочинять русские романсы: «Дубрава шумит» на слова В. А. Жуковского, «Не говори, любовь пройдет» по Дельвигу, вариации на тему «Соловей» Алябьева, а также попури на темы русских песен¹¹³.

Мировое признание, правда, уже после смерти композитора, получила музыка М. П. Мусоргского. В 1896 году французский писатель и музыкальный деятель барон Пьер д'Альгейм, являвшийся большим поклонником творчества Мусоргского, написал и издал в Париже первую, посвященную ему книгу¹¹⁴. Д'Альгейм перевел на французский язык тексты всех вокальных произведений Мусоргского и сделал их непременной частью концертов, в том числе в созданном им московском «Доме песни». Высоко ценил композиторский талант Мусоргского Клод Дебюсси, считавший, что «никто не обращался к лучшему, что в нас есть, с большей нежностью и глубиной», чем он¹¹⁵. В 1881 году Дебюсси в качестве домашнего пианиста Надежды фон Мекк сопровождал ее в поездке по Европе, а затем по ее приглашению дважды бывал в России.

В XX веке русскую музыку за рубежом прославляли композитор Н. А. Римский-Корсаков, ставший в 1906 году членом Шведской королевской музыкальной академии; профессор, а с 1907 года директор Петербургской консерватории А. К. Глазунов, избранный в 1907 году почетным доктором музыки Кембриджского и Оксфордского университетов; дирижер С. А. Кусевицкий, который в 1905–1909 годы постоянно жил в Европе, выступал в концертах как контрабасист и устраивал гастрольные поездки Р. М. Глиэра в Берлине; ректор Московской консерватории В. И. Сафонов, в 1906 году занявший пост директора Национальной консерватории Америки и дирижера Нью-Йоркского филармонического оркестра, и некоторые другие.

Восторженно встречал мир Ф. И. Шаляпина, о котором в 1909 году литератор А. В. Амфитеатров писал из Милана: «Великую победу одержало русское искусство “Борисом Годуновым”. Успех был огромный, неслыханный в чинной и сдержанной “Skala”. Итальянцы ходили в антрактах восторженные и ошалелые и – что удивительно – поняли дух и значение Бориса. <...> Федор был превосходен»¹¹⁶. Это же отметила и газета «Речь», двенадцатый номер которой за 1909 год вышел с громкой статьей «Победа “Бориса Годунова”». Италия прославила Федора Шаляпина, который после миланского триумфа приобрел всемирную известность, но и Шаляпин прославил Россию, и Амфитеатров не без гордости восклицал: «Сколько русской музыки стали в Италии играть!»¹¹⁷.

В то же время немало итальянских мастеров работало в России – Ф. Бернанделли, А. Бруни, П. Леньяни, К. Розати, Ф. и М. Тальони, А. Феррарис, которые способствовали расцвету русского исполнительского искусства. Одна лишь хореографическая школа Э. Чековичи в Петербурге подготовила Т. Карсавину, В. Нижинского, С. Лифаря, М. Фокина, ставших гордостью русского балета. Известный театральный деятель Серебряного века С. М. Волконский вспоминал: «Я был гимназистом, когда приехал в Петербург знаменитый итальянский трагик Эрнесто Росси. Это было в 1877 году, и с тех пор – мой интерес к вопросам театра»; кроме того, «приезду Росси я обязан не одним пробуждением театрального интереса. Через него я узнал Шекспира: он играл “Отелло”, “Макбета”, “Короля Лира”, “Кориолана”, “Ромео и Джульетту”, “Венецианского купца”. Через него я узнал итальянский язык... Наконец, через него я увидел и познал смысл и художественную силу технических приемов»; а в 1882 году в Россию приехал итальянский трагик Томмазо Сальвини, наполнивший Александрийский театр «высоким духом высокой трагедии»¹¹⁸.

В ходе такого диалога культур шло формирование самобытности и уникальности отечественного искусства, выделение его из общеевропейского контекста и превращение в «русскую оперу», «русский театр», «русский балет», привлекавшие иностранцев своей загадочной русскостью. Достаточно вспомнить уроженца Марселя Мариуса Петипа, поставившего в России свыше 60 балетов, «создавшего свод правил балетного академизма» и достигшего вершины творчества благодаря сотрудничеству с русскими композиторами Чайковским и Глазуновым¹¹⁹. К началу XX века русская школа уже самостоятельно выступала на мировой сцене. В 1903 году во Францию переехал балетмейстер И. Н. Хлюстин, оставивший Большой театр ради Парижской оперы и основавший там свою балетную школу. А шесть лет спустя в Париже появился С. П. Дягилев. В 1909 году он из-за острого конфликта с дирекцией императорских театров перенес свою деятельность за границу, начал устраивать «Русские сезоны» и формировать «Русский балет». Его активно поддерживал А. Н. Бенуа, который писал о «Русском сезоне» 1909 года в Париже: «В сущности, я западник. Мне в “настоящей”, на запад от России лежащей, старой Европе все дорого, и, несомненно, на свете нет места, которое было бы мне дороже Парижа, этого “гениального” города, в котором вот уже сколько столетий не переводятся и бьющая ключом жизненная энергия, и удивительное чувство красоты, и всевозможные откровения науки, и романтика общественных идеалов. И все же, затаивая где-то на дне души досаду на готовившуюся победу “нагрянувших варваров”, я чувствовал с первых же дней нашей работы в Париже, что русские варвары, скифы, привезли на “гениальный экзамен в столицу мира” то, что есть *лучшего в искусстве* в данный момент *на свете*. И сразу образовался вокруг нашего дела сначала небольшой, а затем все ширившийся круг фанатических поклонников, “les fervents des russes”, состоявший из французских критиков, литераторов и художников, которые лучше всяких реклам и рецензий понесли по городу благовест о том, что в Шатлэ готовится нечто удивительное и прекрасное. Оказывалось, что русские спектакли нужны были не только для нас, для удовлетворения какой-то “национальной гордости”, а что они *нужны* были для всех, для “общей культуры”. Наши французские друзья только это и повторяли: вы-де приехали в самый надлежащий момент, вы нас освежаете, вы наталкиваете нас на новые темы и ощущения. И я лично уже тогда был убежден, что с русского сезона 1909 г. может начаться нечто вроде новой эры во французском и общезападном театральном искусстве. И такая новая эра стала было

действительно вырисовываться. Впечатление от русских спектаклей и больше всего от русского балета стало расти и сказываться во всевозможных явлениях не только в театральных»¹²⁰.

Вместе с Дягилевым и Бенуа на Западе работало много талантливых исполнителей – балетмейстер М. М. Фокин, художники Б. И. Анисфельд, Л. С. Бакст, Н. К. Рерих, танцовщики Л. Н. Новиков, Т. П. Карсавина, В. Н. Немчинова, а с 1911 года и Вацлав Нижинский. Он был уволен из Мариинского театра за то, что в спектакле «Жизель» самовольно надел новый модернистский костюм по эскизу А. Н. Бенуа, после чего ему,

а также его сестре – танцовщице Брониславе Нижинской ничего не оставалось, как покинуть Россию и под руководством Дягилева выступать в театрах Парижа, Монте-Карло, Лондона, Рима. Как писал Дягилев про свой балет, «это создание не русского театра, а небольшого кружка новаторов, которые пошли против театральных традиций – и русских и европейских... Если бы мы привезли действительно русский балет из Петербурга или Москвы, он не только не имел успеха в Париже, но и не был бы замечен, потому что он ничем не отличается от балета французского или итальянского»¹²¹. Тем не менее балет С. П. Дягилева вошел в историю мировой культуры именно как русский балет, хотя сам Дягилев был, безусловно, человеком мира.

Человеком мира был и режиссер, актер, художник Г. И. Питовев, вместе с отцом Иваном Питоевым создавший в Париже Русский артистический кружок, а за ним актерскую труппу и Театр Жоржа Питоева. Как вспоминал о Г. И. Питоеве А. Б. Мариенгоф, Франция после Армении и России «стала его третьей родиной. Но и вторая – Россия Толстого и Чехова – навечно осталась в нем. Питоев мечтал, чтобы ее – эту его вторую родину – полюбила Франция» и считал своим долгом ставить на парижских театральных подмостках произведения русских классиков¹²².

Робер П. Композиторы России.
1903 г.

В то же самое время, когда артистическая семья Питовых обживала Париж, в Петербурге поселился швейцарец Поль Робер, оставивший по себе память не столько как даровитый артист французской драматической труппы Императорского Михайловского театра, сколько как талантливый художник-карикатурист, автор сотен шаржированных портретов иностранных артистов Петербурга, а также творческой и политической элиты России – целой художественной галереи, являющейся в настоящее время уникальным изобразительным памятником эпохи заката императорской России¹²³.

Русское зарубежье: приют вольнодумцев и путешественников

Взгляд на зарубежье как на способ оптимального решения творческих, политических, экономических, познавательных задач получил в XIX веке широкое распространение: «то, что за границей избито, как общее место, у нас может приводить в бешенство своей новизной», говорил своим соотечественникам И. С. Тургенев, поэтому «возьмите науку, цивилизацию и лечите этой гомеопатией мало-помалу»¹²⁴. Уже начало нового столетия ознаменовалось широким отъездом русских людей за рубеж, и газеты едва успевали сообщать об этом в своих ежедневных выпусках, например каждый мартовский номер «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1801 год «содержал 35–40 фамилий отъезжающих за границу, и (учитывая правило трехкратного упоминания в газете о каждом отъезде) выходило, что 12–15 семей, иностранных и русских, желали каждый день покинуть» Петербург¹²⁵.

Многие из них потом рассказывали о своих заграничных впечатлениях в письмах, путевых заметках, дневниках, воспоминаниях, публиковавшихся как отдельными изданиями, так и на страницах литературных сборников и журналов: «Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах» и «Заметки за границею в 1840 и 1843 годах» Ф. П. Лубяновского, «Записки русского путешественника, с 1823 по 1827 год» А. Г. Глаголева, «Записки и воспоминания о путешествии по Англии, Франции, Бельгии и Германии в 1842 году» И. М. Симонова, «Год в чужих краях. Дорожный дневник» М. П. Погодина, «В волшебной стране песен и нищеты» Н. Л. Лухмановой и другие. Как писал, например, из Италии в 1819 году К. Н. Батюшков – «Русских туча... и я в Неаполе не сделался

неаполитанцем», тем не менее «по приезде моем жарко принялся за язык итальянский», но «чтобы не вовсе забывать своего... я пишу мои записки о древностях окрестностей Неаполя»¹²⁶.

Стремление к перемене мест в XIX веке охватило разные слои русского общества, даже император Александр I мечтал о том, «чтобы, по отречении от этого трудного поприща, поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно честным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и в изучении природы»¹²⁷. За мечтой императора следовали все остальные – от аристократии до самых простых людей: «За границу всех пускайте. Мужик там много дельному научиться может, – говорилось в «Слове князю Сергею Павловичу Голицыну вяземского мужичка Петра Артамонова», написанного в середине XIX века. – Быт русского мужика супротив заморского есть поругание Богу, посмеяние человечеству, есть отрицание веры, уничтожение любви, заглушение надежды», а ведь «знаю я многих оставшихся (за границей – *Т.П.*) подобных мне русских крепостных людей, что вышли в люди во Франции, в Италии, в Англии. ...И в Неметчине так бессовестно не грабят, и так бесчеловечно не бьют, как вы то делаете на святой Руси», там «везде народ, словно баре, своим делом занимается. И управляется как знает, ездит куда угодно, о паспортах и помину нет. <...> Впрочем знаем и мы, как вы дворяне-помещики за границу ездите» и чтобы иностранцы «в долг вам давали, корчите с ними либералов, клянясь на чем свет стоит, что вы их братья, и живете и думаете только о свободе, о равенстве и о братолюбии. Потом, позадолжавши порядком, понашивши несколько дюжин брюк, жилетов да пальто, отравивши бороду да волосы, возвращаетесь восвояси, где снова дуete мужиков», поэтому одна надежда на государя, «лишь бы царь про-изнес одно единственное слово: “Будьте мужички свободны!”»¹²⁸.

Не чувствуя свободы на родине, русские люди полагали найти ее за границей, но власть практически всегда рассматривала выезд за рубеж в качестве особой привилегии и царской милости. Российские императоры часто освобождали другие народы и широким жестом давали им конституцию, как, например, в 1800 году грекам Ионических островов (Республика Семи Островов) после победы адмирала Ф. Ф. Ушакова над французами, или Великому княжеству Финляндскому в 1809 году, а шесть лет спустя и Царству Польскому. Но собственному русскому народу власть отказывала в свободе передвижения, причем не только при выезде из России, но и при въезде на родину, как-то было, в частности, с Н. Ф. Хитрово, которому Александр I в 1817 году «выразил свое неудовольствие

его непомерными тратами, расформировал Тосканское посольство и воспретил... являться в Россию», в результате чего оказавшийся не у дел Хитрово заболел и через два года умер во Флоренции¹²⁹.

Отсутствие свободы передвижения сильнее всего проявилось в эпоху правления императора Николая I, законодательство которого относилось к эмиграции, трактовавшейся как «оставление отечества на неопределенное время (часто – навсегда)» с целью переселения в другие страны, отрицательно и вводило срок дозволенного пребывания за границей в пять лет с одновременным правом государства в любой момент прекратить пребывание российского подданного за рубежом, возвратить его на родину и не дать ему возможности обосноваться на чужбине¹³⁰. В 1835 году император Николай I издал указ, допускавший выезд из страны и длительное пребывание за границей только с его личного разрешения, что привело к значительному сокращению числа русских людей за рубежом. Этим же указом 1835 года Николай I определил, что россияне-эмигранты, не пожелавшие подчиниться его воле и вернуться на родину, лишаются всех прав и состояний. Российское Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в главе «О недозволенном оставлении отечества» жестко определяло, что самовольное, без позволения правительства, пребывание за границей карается «лишением всех прав состояния и вечному из пределов государства изгнанию, или в случае самовольного потом возвращения в Россию, ссылке в Сибирь на поселение», а «буде он по закону не изъят от наказаний телесных, наказанию розгами... и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного года до двух лет»¹³¹.

От таких юридических норм пострадало немало россиян, скованных жесткими рамками николаевского режима. Так, А. Пушкин, не выпущенный за границу даже на лечение, писал П. А. Вяземскому: «Петербург душен для поэта. Я жажду краев чужих...»; а жившей в Италии Е. М. Хитрово объяснял: «Я по горло сыт Москвой с ее татарским убожеством!.. Ваши письма – единственный луч, проникающий ко мне из Европы!»¹³². Не случайно маркиз А. де Кюстин в своей книге «La Russie en 1839» («Россия в 1839 году»), говоря о Николае I и режиме его правления, акцентировал внимание на том, что он «под предлогом укрепления порядка укрепляет тиранию», и «одно из главных бедствий, от которых страждет Россия, отсутствие свободы, отражается даже на лице ее повелителя: у него есть несколько масок, но нет лица. Вы ищите человека – и находите только Императора... Этот самодержец, возвышающийся благодаря своему росту над прочими людьми, подобно тому как трон его воз-

Н. В. Гоголь среди русских художников в Риме. 1845.
Фотограф С. Л. Левицкий.

вышаается над прочими креслами, почитает слабостью на мгновение стать обыкновенным человеком и показать, что он живёт, думает и чувствует как простой смертный»¹³³. Впрочем, были и исключения.

Наиболее известным из них являлся отъезд в Италию летом 1836 года Н. В. Гоголя, которому Николай I не только разрешил выехать за рубеж, но и выделил ему на поездку из казны пять тысяч рублей. Пребывание Гоголя в Европе длилось более десяти лет, из которых почти половину он прожил в Риме, где работал над главным своим сочинением «Мертвые души». В начале XX века русская диаспора Италии установила в Риме на доме 126 на улице Strada Felice (ныне Via Sistina – ул. Систина) мраморную доску со словами о том, что здесь в 1838–1842 годы жил Н. В. Гоголь, а еще через сто лет, в 2012–2013 годы, квартира писателя была выкуплена у ее хозяев и превращена в музей. В 1838 году Гоголь на римской вилле З. А. Волконской познакомился с художником А. А. Ивановым, написавшим его портрет; два года спустя писателя запечатлел на холсте русский живописец Ф. А. Моллер, который после окончания петербургской Академии художеств оттачивал мастерство в Италии; в 1845 году Гоголь был заснят фотографом С. Л. Левицким в составе группы русских художников в Риме, а в 1847 году уже в Венеции портрет Гоголя был выполнен Антонио Дзона¹³⁴.

В 1836–1843 годы находился за границей на лечении поэт Н. М. Языков, который вместе с Н. В. Гоголем много ездил по Европе, в результате чего родились стихотворения «К Рейну», «Ницца Приморская», «Переезд через Приморские Альпы», «Море», «Иоганнисберг», «Крейцнахские соловарни», «Альпийская песня», вошедшие в сборник 1845 года «Новые стихотворения Н. Языкова»¹³⁵. В 1839 году Н. М. Языков писал из Ниццы:

Благословенный край! Отрада для больных!
Зимовье, праведно хвалимое врачами!
И много здесь гостей! Их целыми семьями
Сюда из дальних стран сгоняет аквилон;
Здесь и российский князь, здесь и немецкий фон,
И английский милорд, их жены, дети, слуги
Проводят мирные приморские досуги
На теплом берегу, на ясном свете дня;
Житьё здесь хоть куда, для самого меня!
Здесь есть и для меня три сладостные блага:
Уединенный сад, вид моря и малага¹³⁶.

В 1841 году поэт и наставник цесаревича Александра Николаевича В. А. Жуковский получил от Николая I дозволение на бессрочное пребывание за границей, которое продлилось вплоть до его смерти в Баден-Бадене в 1852 году. В 1842 году уехал в Европу поэт А. Н. Майков, путешествовавший по Австрии, Германии, Италии, Франции и вернувшийся в Россию в 1844 году. Долго работал за рубежом горный инженер Е. П. Ковалевский, ставший автором таких книг, как «Четыре месяца в Черногории» (СПб., 1841), «Путешествие во внутреннюю Африку» (СПб., 1849), «Путешествие в Китай» (Ч. 1–2. СПб., 1853).

Вместе с тем благосклонное отношение императора к пребыванию на Западе отдельных представителей элиты не отменяло общей политики неприятия эмиграции и ужесточения визового режима. По указу о выдаче заграничных паспортов 15 марта 1844 года, никто из россиян моложе 25 лет не имел право отправиться за границу, жена без мужа не могла выехать из России, документы оформлялись только в Петербурге, и пошлина за выдачу загранпаспорта стоила очень больших денег. В итоге, например, в конце 1840-х годов было отказано в выдаче заграничного паспорта композитору М. И. Глинке, который с 1830 года много путешествовал по Европе, жил в Германии, Италии, Австрии, Франции, Испании,

вдохновлявших его на сочинение произведений по народным мотивам – «Венецианская ночь», «Арагонская хота», «Ночь в Мадриде» и другие. Правда, в 1852 году он смог все же выехать из России и почти два года прожить в Париже, однако Крымская война заставила его приехать на родину, но в 1856 году он вновь отправился за границу, остановился в Берлине, где и умер 15 февраля 1857 года.

В 1844 году вернулся в Россию Ф. И. Тютчев, до этого более двадцати лет проживший за границей, сначала как внештатный атташе Российской дипломатической миссии в Мюнхене, а потом просто как частное лицо, выражавшее в публицистических «Письмах русского» свое «русское мнение, но *свободное* и совершенно *бескорыстное*»¹³⁷. Обращая внимание на то, что «о России много говорят; в наши дни она стала предметом жгучего, беспокойного любопытства» и «сделалась одной из самых больших забот нынешнего века», Тютчев вместе с тем замечал, что забота эта «скорее угнетает, нежели возбуждает современную мысль», которая, как «дитя Запада, видит в России если и не враждебную, то совсем чуждую и не зависящую от нее стихию. ...Что такое Россия? Каков смысл ее пребывания в мире, в чем ее исторический закон? Откуда пришла она? Куда идет? Что представляет собою? На земле, правда, ей предоставлено место под солнцем, однако философия истории еще не сообразовала найти его для нее», так что «длительное время своеобразие понимания Западом России походило в некоторых отношениях на первые впечатления, произведенные на современников открытиями Колумба, – то же заблуждение, тот же оптический обман»¹³⁸.

На Западе было распространено тогда немало односторонних, крайне субъективных представлений о России, которая обвинялась в «стремлении захватить весь мир, в желании задушить цивилизацию и превратить Европу в казачий или башкирский стан»¹³⁹. Например, упоминавшаяся уже книга маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году» или «Драматическая, живописная и карикатурная история России» («*Histoire dramatique, pittoresque et caricaturale de la Sainte Russie*»), изданная в Париже в 1854 году, или написанное В. Гюго в 1852 году стихотворение «Карта Европы»: «Россия! Ты молчишь, угрюмая служанка / Санкт-петербургской тьмы, немая каторжанка... / Россия и Сибирь – два лика у кумира: / Одна личина – гнет, отчаянье – в другой»¹⁴⁰.

Ф. И. Тютчев, «русский сердцем и душой», пытался изменить подобную ложную оптику, исправить заблуждение, сводящееся главным образом к тому, что Россия «представляет собою лишь материальную силу, и ничего более», мощь которой собственно и

вызывает безотчетный страх¹⁴¹. Да, писал он в 1866 году: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная статья – / В Россию можно только верить», но это все потому, что она не столько обычная страна, сколько «целый особый мир» со своей, отличной от Запада, историей, самобытной культурой и бескрайней географией¹⁴². Еще на рубеже 1848–1849 годов в стихотворении «Русская география», посвященном духовным границам России и православного царства, Тютчев писал:

Москва и Град Петров, и Константинов Град –
Вот царства Русского заветные Столицы.
Но где предел ему? и где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат.
Грядущим временам судьбы их обличат.
Семь внутренних морей и семь великих рек.
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная.
Вот царство Русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух, и Даниил предрек¹⁴³.

Желая оградить россиян от влияния Запада и его революций, царская власть в конце 1840-х годов ужесточила требования к отправлявшимся за рубеж. Так, было отказано в кругосветном путешествии на фрегате «Диана» славянофилу И. С. Аксакову, который в марте 1849 года «был арестован Третьим отделением за неосторожные высказывания в письмах о французской революции 1848 года и о внутренней обстановке в России»¹⁴⁴. И хотя через десять дней, благодаря «великодушию» Николая I, Аксаков получил свободу, он в период его правления оставался невыездным: «Я был выпущен с великим почетом, но его система преследовала меня до самой его кончины, – вспоминал Иван Сергеевич, – т. е. созданные им жандармы тяготели на мне надзором, доносами и т. д. Не ведая, что творит, он сгубил, заморозил наше поколение; лучшие годы жизни ушли безвозвратно, проведены в самой удушливой атмосфере»¹⁴⁵.

В то же время многие россияне жесткие юридические нормы николаевского режима научились обходить, в чем им помогали особые агенты и посредники, которые правдами и неправдами доставали загранпаспорта или вовсе перевозили людей без документов под покровом ночи и при подкупе солдат пограничной стражи¹⁴⁶. Даже А. И. Герцену в 1847 году удалось покинуть Россию, чему активно

способствовала светская львица и родная сестра последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова О. А. Жеребцова, хлопотавшая о получении им заграничного паспорта. Оседали за границей и благодаря бракам с иностранцами, некоторые из которых оказались очень удачными, например замужество дочери московского губернатора Софии Ростопчиной с графом Эженом де Сегюром. Во Франции Ростопчина прославилась в качестве талантливой детской писательницы, и ее портрет кисти О. Кипренского ныне украшает парижский музей Карнавале.

Громкую славу имел союз княгини Зинаиды Волконской с итальянским графом Миньято Риччи, ради которого она приняла католичество и в 1829 году переехала в Рим, где прожила более тридцати лет вплоть до своей смерти в 1862 году. К неудовольствию Николая I Волконская смогла не только покинуть Россию, но и, вопреки закону о конфискации имущества новообращенных русских католиков, сохранить родовую собственность путем передачи всех своих владений сыну – князю А. Н. Волконскому. В Риме княгиня купила роскошное палаццо Поли, ставшее на долгие годы местом притяжения творческой элиты России и мира.

Среди известных союзов с иностранцами были также брак овдовевшей З. И. Юсуповой с французским капитаном Луи Шово, ради которого княгиня купила во французской провинции Бретань усадьбу с замком Кериоле, где супруги прожили более четверти века; союз жившего в Париже представителя одного из богатейших династий русских заводчиков Анатолия Демидова с дочерью брата Наполеона Жерома Бонапарта – Матильдой; брак французского писателя Александра Дюма-сына с русской аристократкой Надеждой Нарышкиной, державшей в Париже русский салон или, как говорил Андре Моруа, «нечто вроде неофициального посольства красавиц»¹⁴⁷; супружество русской певицы М. А. Олениной

Кипренский О. Портрет
С. Ростопчиной, графини де Сегюр.
1823. Музей Карнавале (Musée
Carnavalet). Париж, Франция.

Портрет З. А. Волконской.
Гравюра М. Майера с утраченной
акварели К. Брюллова. 1830 г.
Собрание музеев замка Сфорца,
Милан, Италия.

с французским бароном Пьером д'Альгеймом и другие. При этом смешанные браки в большинстве своем не вели к забвению русских корней и становились очагами распространения русской культуры в мире. Как писала родившаяся в Tobolske Мария Каспаровна Эрн, вышедшая замуж за немецкого музыканта и композитора Адольфа Рейхеля, «проживши более пятидесяти лет за границей, я так же люблю Россию и так же близко сердцу все, что до нее касается...»¹⁴⁸.

После смерти Николая I в 1855 году русское правительство объявило амнистию лицам, «находящимся за границей с просроченными паспортами и без них», что, впрочем, не заставило

многих из них вернуться на родину, например, А. И. Герцена, за время своей эмиграции ставшего гражданином Швейцарии¹⁴⁹. Тем не менее, как отмечал Герцен в очерке «Августейшие путешественники», благодаря новому царю «уничтожилось постыдное стеснение в праве русским путешествовать за границей. Добрые дела редко проходят даром; едва Александр II отрезал веревку, на которой нас держал его отец, как собственная семья его воспользовалась больше всех дарованным правом – удободвижимости. Снова на всех дорогах в Европе (кроме английских!) показали великие князья, охотящиеся по немецким невестам, и бывшие немецкие невесты в русском переводе с патронимическими именами», и «снова всякие немецкие князья потащились mit Weib und Kind* <...> на русские хлеба в Ниццу»¹⁵⁰.

Пример подала вдовствующая императрица Александра Федоровна, летом 1857 года выехавшая из России в Берлин, посетившая Рим и остановившаяся в Ницце с «табунами – лошадей, фрейлин, экипажей, штатс-дам, камергеров, камердинеров, лакеев, генералов, наших послов, идущих с Востока и Запада на поклонение, и не наших принцев, с своими durchlauchtige Gemahlinen!»¹⁵¹ Европа наполнилась богатыми русскими, которым вдруг стало тесно

Памятная доска с бюстом Ф. М. Достоевского, установленная на фасаде второго этажа дома на улице Гернсбахерштрассе в Баден-Бадене (Германия), где был написан роман «Игрок».

на родине, и они перенесли свой «праздник жизни» за ее пределы. Мировая пресса внимательно следила за жизнью русского зарубежья, в красках сообщая, например, о состоявшейся в Париже 21 мая 1858 года свадьбе Н. А. Орлова и Е. Н. Трубецкой, на которой праздновало «все русское население, гулявшее в Париже» – от князей, графов, посланников и сенаторов до литераторов¹⁵².

За царской элитой отправились все остальные: «Русских новых бездна – есть и хорошие и так себе», – отмечал А. И. Герцен в 1857 году, поясняя: «бездна – военных и штатских...», – Н. А. Некрасов с П. М. Грибовским уехали в Рим, Л. Н. Толстой приезжает в Париж и так далее¹⁵³. При этом Толстой стремился увидеть не только столицу Франции, но и другие города и страны. В 1857–1861 годы он много путешествовал по Европе, и эти поездки оставили в его душе глубокий след. Так, в письме из Дрездена 6 апреля 1861 года Толстой сообщал Т. А. Ергольской: «...Попав в Европу и не зная, когда снова попаду сюда, вы понимаете, что я всячески стараюсь как можно больше воспользоваться моим путешествием. И, кажется, мне это удалось. Я везу с собой столько впечатлений и столько знаний, что мне придется долго работать, чтобы уместить все это в порядке в голове»¹⁵⁴.

Заграничные путешествия во второй половине XIX века совершали И. С. Аксаков, А. Н. Апухтин, П. А. Вяземский, Д. В. Григорович и многие другие литераторы. В 1862–1863, 1867–1871 годы в Европе жил Ф. М. Достоевский, что впоследствии было увековечено рядом мемориальных досок и памятников, установленных в Баден-Бадене, Вильнюсе, Висбадене, Дрездене, Женеве, Таллине, Флоренции и других городах.

Жизнь за границей давала богатую пищу для размышлений и творчества. Русские мастера культуры многие свои произведения писали за границей: И. А. Гончаров роман «Обломов», Н. В. Гоголь поэму «Мертвые души», Ф. И. Тютчев любовно-трагедийную лирику, Ф. М. Достоевский романы «Преступление и наказание» и «Игрок», М. Горький роман «Дело Артамоновых»; даже В. М. Васнецов свои знаменитые картины «Витязь на распутье» и «Три Богатыря» задумал в Париже, там, где другой великий русский художник И. Е. Репин на сюжет новгородской былины создал сказочно-фантастичное, крайне необычное для академической живописи полотно «Садко в подводном царстве», для которого ему позировал в шубе с чужого плеча все тот же В. М. Васнецов.

Вместе с тем практически все произведения, созданные русскими творцами за рубежом, говорили о России: Так, Гоголь, по меткому замечанию Е. Н. Трубецкого, среди России «почти не увидел России», тогда как «искание России составляло цель его жизни, всю задачу его творчества. Но найти Россию он мог только за границей. В известном лирическом месте I тома “Мертвых душ” он говорил: “Русь, Русь, вижу тебя; из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу”»¹⁵⁵. Или романы Ф. М. Достоевского, в которых все главные события являются «развязками того, что произошло за границей. Началось, завязалось за границей»¹⁵⁶. Такая же тенденция была характерна и для творчества И. С. Тургенева, в частности, его роман «Дым» начинается с описания немецкого города Баден-Бадена, который под именем «Рулеттенбург» присутствовал также в романе Достоевского «Игрок».

Правда, за красочной картинкой Западной Европы, описывавшей «светлые дома уютного города», в котором «все празднично» и «все улыбалось», непременно следовал анализ сугубо русских проблем, поскольку, как верно заметил Е. А. Баратынский, «жизнь в чужих краях тем особенно прекрасна, что начинаешь больше любить свое отечество!»¹⁵⁷. Это ярко подтверждала, например, заграничная переписка Ф. М. Достоевского, адресатом которой был А. Н. Майков, вспоминавший потом о ней на вечере памяти Федора Михай-

Репин И. Е. «Садко». Париж, 1876.
Русский музей, С.-Петербург.

ловича в Славянском обществе 14 февраля 1881 года: «Годы, проведенные им за границей с 1867 года по 1871 включительно, вызвали между нами постоянную переписку, которая еще более закрепила в нас общность идей и взглядов, симпатий и антипатий, так что по возвращении его из-за границы в Петербург видеться часто сделалось нашею взаимною потребностью»¹⁵⁸.

Главным предметом переписки Достоевского и Майкова была тема «Россия и Запад», которая в XIX веке будоражила русское общественное сознание, особенно в связи с сочинениями П. Я. Чаадаева, в которых он задавался вопросом, почему любовь ко всему тому, что «заключает в себе тайну русского величия», сочетается с «какой-то скрытой злобой против всего нерусского, как будто нашу добрую терпимую милосердную Россию нельзя любить, не ненавидев всего прочего создания» и не испытывая «сильную вражду ко

всему человечеству»¹⁵⁹. Ответом на эту мысль Чаадаева, высказанную им в «Письме из Ардатова в Париж» 1845 года, стали работы славянофилов и панславистов, мечтавших о создании огромной славяно-православной империи, противостоявшей всему миру и писавших о Западе почти в тех же красках, в каких Запад нередко рисовал Восток. В 1869 году журнал «Заря» начал публикацию книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», которая сразу же вызвала жаркую дискуссию и разговоры о возможной войне со всей западной цивилизацией, о том, «чтоб на сей случай иметь все у себя, ибо из-за границы взять будет негде...»¹⁶⁰. О месте России в мире, значении ее экономики, идеологии, веры, культуры и шла речь в переписке путешествовавшего по Европе Достоевского и жившего в Петербурге Майкова.

Славянофил А. Н. Майков полагал, что «во всей истории проходят два врага России Азия и Европа», и нам «нечего нам соваться в Европу. У нее свои судьбы, ибо семена в ней посеяны другие... Ежеминутно готовые составить коалиции держав против нас доказывают, что в Европе понимают дело исторически верно, это свой мир. У нас только не хотят понять, что у нас свой и что нам быть не может в Европе друзей. Нужна им Россия только тогда, когда надо, в частном быту, позвать городского. Экая всемирно-историческая роль – городovým быть для совершенно чужих людей! Бог не для этого нас создал...», – говорил Майков Достоевскому¹⁶¹. Аполлон Николаевич был уверен в том, что нужно развивать исключительно «русское направление», которое «по самой своей сущности, есть по истине исповедание коренных основ русской жизни, силы, целостности и величия России», а эти основы – престол и вера и самостоятельность России как народа. Об эти основы разбиваются все конституционные фантазии западников», «все республиканские и социалистические глупости герценистов, все посягательства на разделение и ослабление России»¹⁶².

Ф. М. Достоевский придерживался несколько иных взглядов. Ему, много работавшему в Европе, переезжавшему из одного ее города в другой, близка была идея не вражды, а сближения народов: «Да, – говорил Достоевский, – назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским может быть и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*... Для настоящего русского Европа и удел всего арийского племени так же дороги как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность... О, народы Европы и не знают как

они нам дороги!»¹⁶³. Такой подход заставлял анализировать проблему русского народа не только в качестве ключевой проблемы истории и культуры России, но и мира. С этим, как ни странно, соглашался и А. Н. Майков, в одном из писем, в частности, укорявший Достоевского в том, что он «уклоняется *русских за границей*. Какой интересный предмет: *Россия вне России*», – писал он 21 сентября 1869 года¹⁶⁴. Майков даже советовал Достоевскому съездить в Венецию к историку и слависту В. И. Ламанскому, разрабатывавшему тему греко-славянского и романо-германского миров на основе изучения славянских рукописей и европейских источников, написавшего такие работы, как «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании», «Национальности итальянская и славянская в политическом и культурном отношениях», «О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене, с филологическими и историческими примечаниями», «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе».

Вобщем, переписка Майкова и Достоевского показала, насколько важным для русского образованного общества был вопрос о месте России в Европе и мире, о том, к какому культурному типу она принадлежит и какую роль может и должна сыграть в истории человечества. При этом для многих очевиден был общий с Европой вектор развития, и они вопреки модным тогда рассуждениям о ее чуждости и даже враждебности России, например Н. Я. Данилевского¹⁶⁵, обосновывались на Западе основательно, а порой и капитально. Так, в 1863 году купил дворец в Париже и виллу в Довиле промышленник П. П. Демидов, позже сменивший их на итальянские виллы Сан-Донато и Пратолино; в том же 1863 году поселился на Апеннинах в собственном доме города Мессина бывший саратовский губернатор Е. И. Барановский, ушедший в отставку из-за несогласия с мерами подавления польского восстания, а в 1893 году там же в Италии поселился профессор истории В. И. Модестов; большую виллу в Ницце выстроил для своей семьи банкир Л. С. Лившиц, а неподалеку на Лазурном берегу в небольшом и тихом городке Болье-сюр-Мер в 1900 году обосновался с дочерью драматург А. С. Сухово-Кобылин, проживший в ней вплоть до своей смерти в 1903 году.

В Болье-сюр-Мер жил также профессор М. М. Ковалевский, после увольнения из Московского университета купивший себе на французской Ривьере виллу Ботава с великолепной, в 50 тысяч томов, библиотекой, где «он мог работать спокойно, без помех. Вилла эта, приобретенная в 1889 году выходила на море и стояла

на крутом склоне», представляя собой «очень уютный двухэтажный дом», где Ковалевский старался проводить все зимние месяцы¹⁶⁶. В конце XIX века дом в Париже купили супруги В. Н. и М. К. Тенишевы – «изящный, в строго выдержанном стиле Ренессанс. Потолки были расписаны по золотому фону, очень красивый зимний сад и конюшни, прелестный, выложенный плитками двор и все современные удобства», что позволило князю и княгине «зажить в Париже по-петербургскому, т. е. муж ходил в какие-то социологические общества, на какие-то заседания, много работал у себя по интересовавшим его научным вопросам», а жена «усердно, аккуратно посещала каждый день академию Жюлиан», кроме того, супруги «часто бывали в опере, театрах, устраивали у себя вечера камерной музыки...»¹⁶⁷.

Но чаще всего виллы не покупали, а брали в аренду, что делал, в частности, М. Горький, полагавший, что «все брошенные нами лучи будут указывать дорогу на Запад, в атмосферу культуры наиболее разработанной, наиболее ценной и дорогой нам», отправивший своего сына и жену учиться во Францию, первого в школу Фидлера в Chantellen под Парижем, вторую на курсы Сорбонны, а сам поселившийся в Италии на Капри и писавший своему адвокату О. О. Грузенбергу в 1910 году: «Я глубоко благодарен Вам за предложение Ваше похлопотать о моем возвращении, я уверен, что Вам это несомненно удалось бы, но – не надо! <...> Мне полезно побыть здесь, мне надо многому научиться, и я понемножку учусь. У меня более трех тысяч книг, я читаю восемь газет, все журналы и не чувствую себя оторванным от родины. <...> Верю в себя, верю, что моя работа полезна, а где работать – все равно!»¹⁶⁸.

Живя за границей, деятели русского зарубежья приобретали бесценный опыт существования в инокультурной среде. «Я так хорошо чувствовал себя у немцев, что все время мечтал о переезде в Германию жить», – писал известный земский деятель, член ЦК кадетской партии М. В. Челноков, пояснявший – «культура полная»¹⁶⁹. Особенно это бросалось в глаза при возвращении в Россию, о котором Н. А. Гольцева (жена В. А. Гольцева) вспоминала – «Тяжелое впечатление произвела на нас Москва своею грязью и некультурностью после Запада. Эти грязные дома с облупленной штукатуркой, проваливавшиеся тротуары и масса пьяных и оборванных людей, лежащих на них, наводили ужас на нас. <...> Все казалось нам крайне грязным и неудобным для жизни»¹⁷⁰. И хотя некоторые европейцы, в том числе немцы, в частности поэт Райнер Мария Рильке порой указывали нашим соотечественникам на то,

что не только в России, но и повсюду можно найти «одинаковое количество грязи, и если она не на виду, – как в нашей культуре, – то, значит, она ушла в глубину – что еще хуже!»¹⁷¹, это не меняло общего восторженного отношения россиян к достижениям западной цивилизации.

Темные стороны европейской жизни русские люди предпочитали не замечать. Как писал А. И. Герцену в Рим из Ниццы интеллигент-западник И. П. Галахов, «За Св. Петра с площадью и фонтанами, за Ватикан и вид на город с Monte Pincio можно простить сор улиц, тесноту Corso и убогость магазинов» Италии¹⁷², – словом, простить то, чего дома не прощали никогда, несмотря на красоту московского Кремля, петербургского Исаакиевского собора или владимирских Золотых ворот. Правда, сам Герцен скептически смотрел на Европу и говорил, что мы «верим в нее так, как христиане верят в рай», что «мы вообще знаем Европу школьно, литературно... по книжкам и картинкам, как дети... Наше *классическое* незнание западного человека наделает много бед, из него еще разовьются племенные ненависти и кровавые столкновения. Во-первых, нам известен только один верхний, *образованный* слой Европы... Во-вторых, и тот слой, который нам знаком, с которым мы входим в соприкосновение, мы знаем исторически, несовременно. Поживши год, другой в Европе, мы с удивлением видим, что вообще западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они *гораздо ниже* его. В идеал, составленный нами, входят элементы верные, но или не существующие более, или совершенно изменившиеся»¹⁷³.

Все эти логические рассуждения, однако, для среднестатистического русского человека не имели никакого значения и затмевались его безграничной верой в западный рай. Тот же Герцен утверждал: «Европа нам нужна, как идеал, как упрек, как благой пример; если она не такая, ее надобно выдумать»¹⁷⁴. И выдумывали, поскольку очень хотели жить в Европе или перенести Европу в Россию и жить на родине так, как живут в Европе. Русский эмигрант, философ В. С. Печерин внушал своим лондонским соотечественникам, опасавшимся, что царская полиция достанет их и на Западе: «...Не забывайте, что вы находитесь на классической почве свободы и что ни один волос с головы вашей не может упасть, пока вы под охраной английской конституции»¹⁷⁵. Также считала и Н. А. Гольцева, которая в 1876 году вместе с мужем посетила английский парламент: «В то время для русского интеллигента Англия казалась примером и идеалом для строительства политической свободы.

Поэтому какое-то чувство благоговения охватило нас при виде этого здания. Мы вошли туда как будто в какое-то святилище. Все мужчины, осматривавшие парламент, обнажили головы и молчали, как будто боялись нарушить величавую тишину, царившую там. Мы с грустью перенеслись в свое несчастное отечество, задавленное царской властью...»¹⁷⁶. Подобные чувства испытали они и во французском парламенте, один из членов которого – знаменитый социалист Луи Блан, получив записку: «Двое русских – один оставленный при университете и приехавший в Париж заниматься науками, просит пропустить его с женой в Парламент», моментально откликнулся на эту просьбу совершенно незнакомых ему иностранцев и выдал им пропуска¹⁷⁷.

Европейская цивилизация формировала из русской интеллигенции «людей мира» с двойной идентичностью, сочетавшей «любовь к отеческим гробам» с привязанностью к западной *alma mater*, которая закладывала в них дух творческой независимости, не случайно В. А. Панаев, решивший в 1876 году вместе с Луи Бланом издавать в Париже журнал, назвал его «*L'homme libre*», то есть «Свободный человек». И хотя издание спустя год прогорело, сам факт его организации свидетельствовал о наличии в России слоя отечественных космополитов, о которых религиозный философ В. С. Соловьёв говорил: «Что такое *русские* – в грамматическом смысле? Имя прилагательное. Ну а к какому же существительному это прилагательное относится? ...Настоящее существительное к прилагательному *русский* есть *европеец*. Мы русские европейцы, как есть европейцы английские, французские, немецкие», поясняя: «Европеец – это понятие с определенным содержанием и с расширяющимся объемом», наполненным «европейским культурным миром» и равнозначным понятию культура¹⁷⁸. Конечно, полагал В. С. Соловьёв, Россия «как великая окраина Европы в сторону Азии», гораздо «более прочих европейских стран испытывает воздействие азиатского элемента», который вошел в нашу природу и сделался второю душою, но важно, чтобы у нас «решительно ододела и возобладала одна душа, и, разумеется, лучшая, то есть умственно более сильная, более способная к дальнейшему прогрессу, более богатая внутренними возможностями. Так оно и вышло при Петре Великом», и «на самом же деле мы *бесповоротные европейцы*, только с азиатским осадком на дне души»¹⁷⁹.

Владимир Соловьёв в этих своих утверждениях был не одинок. Еще Н. М. Карамзин в предисловии к первому, 1818 года, изданию своей «Истории Государства Российского» отмечал, что «истин-

ный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии, личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя», и «имя русское имеет для нас особенную прелесть»¹⁸⁰. Спустя почти сто лет о том же говорил и поэт В. Я. Брюсов: «Я – междумирок... Мне Гёте – близкий, друг – Вергилий, / Верхарну я дарю любовь... / Но... / Я – твой, Россия, твой по роду! / Мой предок вел соху в полях. / Люблю твой мир, твою природу, / Твоих творящих сил размах!»¹⁸¹.

Стремление стать человеком мира привело к появлению в России путеводителей по разным зарубежным странам и городам. Сначала это были немецкие путеводители Карла Бедекера, который в 1827 году основал в Кобленце специальное издательство путеводителей, печатавшихся на разных языках, в том числе русском, а потом и отечественные под маркой «Русского бедекера», созданной издательствами П. Копельмана и Г. Москвича¹⁸². Спрос на путеводители был высокий, поскольку все больше и больше уроженцев России путешествовало по миру. Как сообщала, например, газета «Русское слово» 25 мая 1908 года: «Никогда не наблюдалось такой массовой тяги за границу, как теперь. Столичные обыватели даже в годы треволнений, которые не так давно пережила Москва, не бежали за границу в таком огромном количестве. Канцелярия генерал-губернатора, выдающая заграничные паспорта, осаждается тысячами лиц», узнавших, «что за границу ездить значительно дешевле, чем на наши отечественные курорты».

В XIX веке жители России открыли для себя Америку. Путь, проложенный морскими экспедициями и дипломатическими миссиями, быстро заполнился искавшими острых впечатлений и лучшей жизни россиянами. Так, переехавший в 1864 году из России в США врач В. Ф. Нефтель, рассказывал: «По приезде в New-York я совершенно было растерялся, не знал, с чего начать; да и сам город и его население произвели на меня дурное впечатление. К тому же заболели жена и ребенок. Тогда, не думая ни минуты, пока еще не истощились последние гроши, мы пустились дальше на запад и поселились в Цинциннати, городе с 250 000 жителей, с большими фабриками и цветущей торговлей. После излечения нескольких трудных больных, несправедливо считавшихся неизлечимыми, и после нескольких удачных операций (американцы судят о достоинстве врача только по успешному и скорому лечению – другого критерия у них нет) я очень скоро не только приобрел самую боль-

шую и прибыльную практику в городе, но и из других штатов стали многие приезжать ко мне за советом. Приходилось очень сильно работать, и я во все время моего пребывания в Цинциннати ни разу не выспался, так что здоровье мое значительно пострадало. Если бы у меня было побольше выдержки и я мог бы остаться безвыездно еще несколько лет в Цинциннати, то я и мое семейство были бы обеспечены в денежном отношении на всю жизнь. Но мы решительно не в состоянии выдержать больше... В Америке все так различно от того, к чему мы привыкли с детства, – от климата до нравов, – что никак нельзя привыкнуть сразу»¹⁸³.

В 1870 году Петербург и Москву посетил русский американец Н. С. Попов, читавший публичные лекции на тему «Америка и американцы. Более выдающиеся особенности из американской жизни». Его рассказ, изложенный на 32 листах убористого текста, строился на сравнении Америки и Европы с одновременным подробным описанием американских реалий: «Главная разница между Европой и Америкой в управлении страной состоит в том, – говорил Попов, – что европейские правительства, так сказать, находятся в положении опекуна над их народами. Вредные члены общества преследуются самим правительством, всякое предприятие, основанное на обмане, подавляется в самом зародыше. В Америке, напротив, правительство старается держать себя совершенно в стороне от народа. Только при прямой апелляции к нему оно вмешивается в дела», а так «ему нет никакого дела», и если «в отеле, на улице, в театре нечаянно или умышленно сделан выстрел, ранивший человека» и «если раненый не принесет на это жалобы, правительство не имеет право вмешиваться в это частное дело», что «породило преступления, немыслимые по сю сторону Атлантического океана»¹⁸⁴.

Многое в американском образе жизни Н. С. Попову было чуждо: «Деньги, деньги... добытые все равно каким бы то ни было способом... Продается все: места, правосудие, влияние», и если «на слово фермера или ремесленника вы можете положиться, на слово же адвоката, судьи, губернатора, министра, президента – нет! Давление политических партий, а также и корысть делают слово этих лиц и их обещания весьма ненадежными» – восклицал Попов¹⁸⁵. Осуждал он также отсутствие «родственных чувств» у американцев, раннее вступление во взрослую жизнь детей, «неприличное» поведение молодежи, эмансипацию женщин, безнравственность спектаклей, цинизм прессы и литературы: «Такие скандальные книги, какие издаются в Америке, – говорил Попов, – можно найти только в Америке, где всякий, кто

хочет, может иметь свою литографию и типографию – гравировать и печатать, что ему угодно»¹⁸⁶.

Вместе с тем неприятие многих черт жизни в США перевешивалось восхищением от величия Америки: «Со дня независимости этой великой республики нет еще и ста лет, и взглянем на сеть железных дорог и телеграфов, на предприимчивость, на изобретения, на быстрое заселение края американцев – мы невольно почувствуем величайшее удивление и уважение к этому народу»¹⁸⁷. Именно эти чувства Н. С. Попов и хотел передать русским слушателям, рассказать им, что «в Америке нет высших и низших классов, есть только люди богатые и бедные, образованные и невежественные», что каждый из них волен выбирать любую веру, и наличие в США большого числа сект от мормонов до методистов служит «доказательством, до какой степени право исповедовать какую вам угодно религию предоставлено каждому гражданину Америки», наконец, что «все язвы, раздирающие в настоящую минуту необыкновенно здоровый организм страны, породила война», гражданская война, последствия которой вполне преодолимы¹⁸⁸.

В 1874 году в центральной части Северо-Американских Соединенных Штатов образовалась русская колония графства Элмис штата Канзас, насчитывавшая свыше четырех тысяч человек. Как сообщал о ней петербургский Сборник консульских донесений, «вначале русские жили в мазанках, крытых соломой, и представляли разительный контраст со своими соседями-американцами», но затем стали «строить дома на американский лад, употреблять усовершенствованные орудия земледелия» и подобно американкам носить «суконные платья. Особенно бросается в глаза перемена, произошедшая в женщинах... Старухи еще повязаны платками и одеты в сарафаны; молодежь же тщательно следит за модами. Колония, как говорят, процветает и распродает очень много хлеба», поскольку «работает в поле, не покладая рук»¹⁸⁹.

Ярко проявил себя в Америке бывший тверской предводитель дворянства, русский офицер П. А. Дементьев. В 1878 году он вышел в отставку и уехал к своей дальней родственнице А. Погоской во Флориду, которая владела там апельсиновой рощей, а он занялся прокладкой западно-восточной железной дороги и установкой платформ, называвшихся им чисто по-русски: «Москва», «Одесса», «Санкт-Петербург». Железнодорожная станция «Санкт-Петербург» со временем выросла в город Сент-Питерсберг, который сто лет спустя в память о своем русском основателе поставил ему гранитный постамент с надписью: «In honor of Peter Demens

(Dementieff), the founder of St.Petersburg in 1888. Erected by Congress of Russian Americans, 1979», то есть: «В честь Петра Деменса (Дементьева), основавшего в 1888 году город Санкт-Петербург. Данный памятник воздвигнут Конгрессом русских американцев, 1979». Одновременно Дементьев прославился и как литератор, автор книг: «Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов», «Десять лет в Америке», «Моя жизнь в Америке», «Очерки истории Соединенных штатов Америки», а также статей в журналах «Современник», «Вестник Европы», «Неделя», печатавшихся под псевдонимом П. А. Тверской. Поддерживая связи с Россией, просвещая ее относительно американского прошлого и настоящего, Дементьев в то же время много сделал и для популяризации русской культуры в США, в частности путем перевода отечественной классики на английский язык¹⁹⁰.

В. Г. Короленко, путешествовавший в начале 1890-х годов по Америке, лично наблюдал за тем, как к острову Манхэттен «в последние годы корабль за кораблем привозит множество наших: поляков, духоборов, евреев. Они расходятся отсюда по всему побережью, пробуют пахать землю в колониях, нанимаются в приказчики, работают на фабриках. Иным удастся, иные богатеют, иные пристраиваются к земле, и тогда через несколько лет уже не узнаешь еврейских мальчиков, вырастающих в здоровых фермерских работников. Но многие также терпят неудачи; ... и по всему сразу узнаешь нашего еврея, только еще более несчастного на чужой стороне, где жизнь дороже, а удача встречает не всех»¹⁹¹. Тем не менее это не останавливало эмигрантов из России, которые знали, в том числе и от Короленко, издавшего в 1895 году свой «американский» рассказ «Без языка», что «свобода в этой стране большая. Земли довольно... Человека с головой и руками уважают и ценят...» независимо от того, «какого он может быть звания»; в Америке «все мистеры, и уже не отличишь ни жида, ни холопа, ни барина... Их звать господами»¹⁹². Поэтому неудивительно, что в начале XX века число русских переселенцев еще более возросло, и, как сообщала, например, 23 июня 1907 года газета «Русское слово», опиравшаяся на информацию своего рижского корреспондента, «эмиграция в Америку достигла небывалых размеров – 2000 человек в неделю», то есть примерно 96 тысяч человек в год, и это лишь из одного рижского порта.

В начале XX века проблема русского зарубежья и эмиграции стала настолько актуальной, что о ней заговорило большинство отечественных газет, журналов и даже энциклопедических изданий.

Так, Большая энциклопедия» под редакцией С. Н. Южакова подчеркивала, что эмиграция «бывает тем сильнее, чем более неблагоприятные условия жизни на родине совпадают с благоприятными в чужой стране» и что «продолжительность дурных условий жизни заставляет иногда жителей данной страны эмигрировать массами»¹⁹³. Другая отечественная энциклопедия – «Брокгауза и Ефрона» – статью об эмиграции снабдила многочисленными статистическими данными, которые показывали, что если в период 1856–1890 годов иммиграция в Россию значительно превышала эмиграцию, то «затем наблюдалось обратное явление, и за последние 13 лет», то есть в 1891–1903 годы, эмиграция преобладала, за исключением лишь 1895 года¹⁹⁴. Например, в 1890 году в США из России прибыло 60 665 человек, а в 1902 году – уже 107 347 человек, из которых около трети приходилась на еврейских эмигрантов¹⁹⁵. Особенностью этого периода было и то, что все больше женщин стало оседать за рубежом. Петербургская газета «Новое время» 13 октября 1907 года сообщала, например, о некой «госпоже Миропольской», которая уехала вместе с отцом-врачом из России на учебу во Францию, там натурализовалась и, «выдержав экзамен, записалась в число парижских адвокатов». К началу XX века женская эмиграция, в том числе трудовая, стала настолько привычным явлением, что она нашла отражение в литературе, в частности в романе Л. Ф. Достоевской (дочери Ф. М. Достоевского) «Эмигрантка», дважды изданном в 1912 и 1913 годах.

Расширение русского присутствия в мире привело к тому, что в различных странах появились русские названия городов, улиц, станций, магазинов и так далее. Только населенных пунктов с названием «Петербург» на карте мира XIX – начала XX веков имелось более двух десятков – в США, Канаде, Австралии, Швейцарии, Чехии... Оседавшие на чужбине выходцы из России хотели хоть что-то иметь свое, родное, знакомое, в результате чего в некоторых странах возникало сразу несколько «Петербургов», особенно в этом плане выделялись Соединенные Штаты Америки, где существовало шестнадцать мест с таким наименованием¹⁹⁶. Вместе с русскими названиями иностранных городов появились за рубежом русские улицы и православные храмы (в Афинах, Берлине, Висбадене, Каннах, Лейпциге, Ницце, Париже, Пирее, Риме и других городах), русские памятники и мемориалы: в австрийском городе Мельк в память погибших в 1805 году солдат Суворовского Альпийского похода (1891г.), в столице Болгарии Софии – «Медицинским чинам, павшим в русско-турецкую войну 1877–1878 гг.»

Надгробие Карла Брюллова на кладбище Тестаччо. Рим.

Мавзолей Марии Башкирцевой на кладбище Пасси. Париж.

(1884 г.) и императору Александру II (1905–1907 гг.), в румынском селе Гарвэн (1888) – Русским воинам, павшим в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, в голландском Заандаме царю Петру Великому: «Царь – корабельный плотник» (1912 г.) и другие.

Вместе с русским присутствием в мире формировался и русский заграничный некрополь, состоявший из гражданских и военных захоронений, и включавший как единичные русские захоронения, расположенные между могилами местных жителей, так и отдельные православные участки кладбищ зарубежных стран, например, захоронения О. А. Кипренского в римской церкви Сант-Андреа-делле-Фратте (Sant'Andrea delle Fratte) и З. А. Волконской в римской церкви Св. Викентия и Анастасия (Chiesa dei SS. Vincenzo ed Anastasio), могилы декабриста Н. И. Тургенева на парижском кладбище Пер-Лашез (Pere-Lachaise) и анархиста М. А. Бакунина в Берне, не говоря уже о таких крупных русских заграничных кладбищах как Тегель в Берлине (Russische Friedhof in Berlin-Tegel) или Тестаччо в Риме (Cimitero acattolico al Testaccio).

Многие представители русской элиты заканчивали свои дни на чужбине: в Риме скончался профессор В. И. Модестов, в Соррен-

то умер художник С. Ф. Щедрин, в Неаполе оборвалась жизнь поэта Е. А. Баратынского, в Париже умерли А. И. Герцен и И. И. Мечников, в Болье-сюр-Мер на юге Франции скончался драматург А. В. Сухово-Кобылин и так далее. Русских могил на чужбине из года в год становилось все больше и больше, что породило практику перезахоронений и возвращений останков деятелей культуры России на родину – М. И. Глинки, В. А. Жуковского, Н. П. Огарёва, Х. С. Леденцова, И. С. Тургенева, А. П. Боголюбова и других. Однако она не привела к сокращению русского заграничного некрополя, который активно прирастал все новыми и новыми могилами соотечественников.

Революционная смута в России лишь усилила эту тенденцию. Как писал «вяземский мужик» П. Артамонов князю С. П. Голицыну, «Вы ездите в Рим с попами понибрататься, да с иезуитами заговаривать противу всего рода человеческого, а мы не смеем иначе и верить как по указам царским... Вы дворяне учитесь у французов, да немцев, по цензурным книжкам, нам же Бог привел учиться у своих стариков по старым непечатным рукописям... Вы идете во всем худом с XIX веком, а нас во всем добром оставили на XVI столетии», но «время недалеко, и вас всех на разум наведем, а не то да в шею да и вон из святой, православной Руси», в общем, «послушайте последнего доброго слова: убирайтесь-ка куда-нибудь подальше из России»¹⁹⁷. Такой взгляд говорил не просто о глубоком расколе русского населения на массы и элиту, а о наличии в русском пространстве двух несхожих миров, что стало одной из основных причин гибели Российской империи и начала совершенно новой истории Отечества.

Литературная россика

Большая заслуга в развитии межнационального диалога принадлежала русской литературе, которая стала частью мирового культурного процесса и в середине XIX века ярко заявила о себе вне границ России¹⁹⁸. Отечественная беллетристика вызывала немалый интерес у иностранных периодических изданий, например немецких журналов «Magazin fur die Literatur des Auslandes» («Журнал иностранной литературы») и «Literatur-Blatt des Deutschen Kunstblates» («Бюллетень литературы и немецкого искусства»), постоянно печатавших обзоры русских новинок. В частности, «Журнал иностранной литературы» в 47 номере за 1852 год поместил статью

«Новая русская литература» («Neuere russische Literatur») с детальным разбором сочинений авторов из России.

Профессиональный интерес к русской литературе проявляли зарубежные исследователи. Так, Август Больц, выступавший в Берлинском научном обществе на тему «О русской литературе», перевел на немецкий язык и издал «Слово о полку Игореве»; Жюль Мишле выпустил книгу «Мученики России» («Les martyrs de la Russie»), посвященную судьбам Грибоедова, Лермонтова, Пушкина, Пестеля, Рылеева; Ксавье де Местр занимался переводами на французский язык произведений русского фольклора и басен И. А. Крылова, Жан-Мари Шопен перевел на французский язык поэму А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», которая потом была опубликована им отдельным изданием, а Райнер Мария Рильке перевел на немецкий язык «Песни крестьянина» С. Д. Дрожжина и в 1909 году даже посетил его в России и так далее.

Весомый вклад в пропаганду отечественной беллетристики вносила зарубежная Россия. Ее центральной фигурой был И. С. Тургенев, служивший своего рода мостом между западноевропейской и русской литературой. О вкладе Тургенева «в развитие французской культуры говорили в свое время братья Гонкуры, Флобер, Мопассан, Доде», Андре Моруа, написавший книгу «Тургенев» и отмечавший, что «французские писатели 60–80-х годов видели в Тургеневе мастера стиля и композиции», который «оказал очень большое влияние на своих французских друзей»¹⁹⁹. Примерно о том же говорила и Полина Виардо. В 1853 году она привезла Герцену в Лондон «Записки охотника» Тургенева со словами: «Мы составляем всю публичность Руси; муж переводит, я пишу, а она поет Русь»²⁰⁰.

За границей Тургенев занимался переводами произведений иностранных и русских авторов, работал над сборником рассказов «Записки охотника», романами «Дым», «Новь», «Отцы и дети», «Литературными и житейскими воспоминаниями», «Стихотворениями в прозе», рассказами «Пожар на море» и «Конец», многие из которых стали классикой мировой литературы. Зарубежные издания его сочинений, например «Записок охотника» в Париже в 1854 году, романов «Дым» в переводе П. Мериме в 1867 году и «Новь» в 1877 году или «Отцов и детей» в Лейпциге в 1880 году, превращались в важные события культурной жизни Европы. Поэтому совсем не случайно, что именно Тургенева избрали в Париже вице-президентом международного литературного конгресса 1878 года и что именно он в XIX веке возглавлял отечественную культуру зарубежья. Тургенев устраивал у себя концерты и вечера «в пользу рус-

И. С. Тургенев с Э. Золя, Г. Флобером и А. Доде.

ской молодежи, учащейся в Париже», о чем, например, с восторгом писала Е. В. Дягилева²⁰¹, стоял у истоков создания и входил в правление Общества взаимного вспомоществования русских художников, заботился о Русской общественной библиотеке, основанной в Париже в 1875 году, которая после его смерти стала носить его имя – Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева (*Bibliothèque russe Tourguenev*). Вклад Тургенева в мировую культуру нашел признание в Кембридже, устроившем ему в 1878 году торжественный прием, и в Оксфорде, который в 1879 году избрал его почетным доктором²⁰².

Соратником И. С. Тургенева по зарубежью был литературный критик, публицист и переводчик В. П. Боткин, говоривший своим друзьям: «я могу жить только или в Париже, или в Риме»²⁰³. Проведя большую часть жизни в Западной Европе, восхищавшей его своей культурой, он вместе с тем старался приобщить к ней как можно больше россиян и публиковал в разных отечественных изданиях многочисленные очерки и статьи: «Русский в Париже», «Отрывки из дорожных заметок по Италии», «Итальянская и германская музыка», «Германская литература», «Шекспир как человек и лирик» и другие. Однако самым известным сочинением Боткина стали «Письма об Испании», которые в 1847–1851 годы публиковались в журнале «Современник», а в 1857 году вышли в Петербур-

ге отдельной книгой²⁰⁴. «Мы уже так поставлены судьбою, – писал В. П. Боткин в 1858 году И. И. Панаеву, – что нам принятие в себя европейского содержания требует больших усилий и самоотречения; только совершенно потерявши себя, мы снова можем найти себя; русскими мы от этого быть не перестанем, напротив – но зато не будем смотреть на Европу, как гуси на гром. Дело не в том, чтобы оканчиваться только европейской цивилизацией, а внутренне скрапиться ею, и в этой-то внутренней окраске и состоит задача нашей русской жизни, да еще и многих будущих поколений. Увлечшись окружающею нас напряженною внешностью, мы не шутя вообразили себя умнее Европы и что наша жизнь сложилась совсем по другим законам, а на деле оказывается, что мы находимся только на самых низших ступенях ее развития»²⁰⁵.

Другим видным представителем зарубежной России второй половины XIX века был Г. Н. Вырубов, о котором писатель П. Д. Боборыкин вспоминал: «Он с молодых лет покинул отечество (куда наезжал не больше двух-трех раз), поселился в Париже, пустил там глубокие корни, там издавал философский журнал, там вел свои научные и писательские работы; там завязал обширные связи во всех сферах парижского общества, сделался видным деятелем в масонстве и умер в звании профессора *College de France*, где занимал кафедру истории наук. Все это проделал по доброй воле, без малейшего давления внешних обстоятельств; мой долголетний приятель и единомышленник по философскому *credo* Г. Н. Вырубов, русский дворянин, помещик, дитя Москвы, сначала лицеист, а потом кандидат и магистрант Московского университета. Очень редко бывает у нас, чтобы русский, не будучи беглецом, эмигрантом, нелегальным жителем, не имеющим гражданских прав в чужой стране (я таких в Париже не знал ни одного на протяжении полувека), кто бы, как Вырубов, решив окончательно, что он как деятель принадлежит Франции, приобрел звание гражданина республики и сделал это даже с согласия русского правительства. Еще незадолго до того в турецкую войну он приезжал в Россию и заведовал санитарным отрядом на Кавказе, за что получил орден Владимира, а во Франции был, кажется, еще раньше награжден крестом Почетного легиона. О нем следовало бы поговорить в разных смыслах, а здесь я привел его имя потому, что и он фактически принадлежал к эмигрантам, если посмотреть на этот термин в более обширном значении. Можно только искренно пожалеть, что такая замечательная личность была слишком малоизвестна в России, даже и в нашей пишущей среде»²⁰⁶.

Зарубежье избавляло творческих людей от чиновничьих и цензурных ограничений, рождало у них чувство интеллектуальной безопасности, а порой и безграничных возможностей. Как признавался литератор С. С. Кондурушкин, проживший пять лет (1898–1903) в Палестине, «вне России вольнее дышится. А в России давит»²⁰⁷. Быть может, именно этим объяснялась тонко подмеченная М. И. Цветаевой «тяга Руси – из Руси вон», но именно творческой Руси, для которой «ничего нет лучше свободы, ничего нет счастливее свободы, ничего нет благороднее свободы. И все потому, что **в ней одной** может вырасти безгранично индивидуальность»: «Я по стихам и всей душой своей – глубоко русская, – говорила Цветаева. Поэтому мне не страшно быть вне России. Я Россию в себе ношу, в крови своей. И если надо, и 10 лет здесь проживу», имея в виду Францию²⁰⁸.

В 1906 году в Париже приобрели квартиру Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус. «Париж... – писала Зинаида Николаевна, – мы приехали сюда “жить!”. Очень скоро нашли мы и квартиру. ...У нас было три главных интереса: во-первых, католичество и модернизм (о нем мы смутно слышали в России), во-вторых, европейская политическая жизнь, французы у себя дома. И наконец – серьезная русская политическая эмиграция, революционная и партийная. <...> Была у нас какая-то полудомашняя, смешанная среда. ...Это старые наши друзья-писатели, конечно, неудачные эмигранты, поэт Минский, поселившийся здесь после бегства с “порук” от страха за две свои “мэонические надстройки” в газете Ленина в 1905 году, и Бальмонт»; он «быстро уехал из России после своего стихотворения “Кинжал”, за которое, как его пугали, его могли арестовать. Бывали и просто русские интеллигенты, давно почему-нибудь в Париже застрявшие», наконец, «были и русские богатые, жившие, даже порой совсем прижившиеся, в Париже. Не старого типа “прожигатели жизни”, если они еще водились – мы их не знали, – но другие, скептики, случайные европеисты, неудачники на родине, коллекционеры, меценаты... Одного из сыновей московского миллионера Щукина мы хорошо знали. Жена профессора Аничкова жила здесь с дочерьми постоянно. Написала даже французский роман под именем “Ivan Strannik”. У нее мы познакомились с Анатолем Франсом», а «самостоятельно сблизились мы с тогдашним “Mercure de France”, я даже писала там ежемесячно о русской литературе – “Lettres russes”...»²⁰⁹.

В. В. Розанов писал о творческих деятелях круга Мережковского-Гиппиус: «“Античные люди” – так хочется назвать

всех их – целую колонийку людей, зябнувших в России. Зина, Митя, и потом около них Дима, с Бакстом и проч., – все это были какие-то “заморыши” в европейской цивилизации, – и они расцветали и были “собою” лишь около Таормино и Сиракуз, своей древней и вечной родины, своей ноуменальной родины. Не Мережковский был холоден, а Мережковскому было холодно»²¹⁰. И они уезжали туда, где им было комфортно: «Европа, это все!.. – писал А. И. Эртель. – Влейте в наши одряхлевшие жилы Европу, и мы спасены»²¹¹. О том же говорил и Л. Н. Андреев, поясняя: «старая Европа так богата талантами!», а на Востоке «тьма и огни варварски грубы и слишком ярки»²¹².

В XIX веке возник такой культурный феномен зарубежья, как русская заграничная печать с собственной обширной полиграфией: лондонской «Вольной русской книгопечатней» А. И. Герцена, прославившейся альманахом «Полярная звезда», газетой «Колокол», сборником «Голоса из России»; цюрихской типографией «Русское братство» М. П. Сажина, публиковавшей труды отечественных вольнодумцев, прежде всего М. А. Бакунина, лондонским «Фондом Вольной русской прессы» С. М. Степняка-Кравчинского, типографией «Свободное слово» В. Г. Черткова, который в 1897 году осел в Англии и вместе с переводчиком Эмилем Диллоном издавал запрещенные русской цензурой произведения Л. Н. Толстого, издательством И. П. Ладыжникова, основанным в 1905 году в Женеве, но почти сразу же переехавшим в Берлин, где оно печатало сочинения М. Горького, и другие.

Распространение работ отечественных авторов за пределами России способствовало не только их популяризации, но и развитию русистики и славяноведения. Так, мировую известность во второй половине XIX века получило творчество Л. Н. Толстого, всесторонне изучавшееся зарубежными исследователями – филологами, философами, историками. В 1887 году английский литературный критик Мэтью Арнольд опубликовал в Лондоне статью «Граф Толстой», под влиянием которой в 1889 году Оксфорд ввел преподавание русского языка, а в 1893 году было создано Англо-русское литературное общество, содействовавшее переводам и изданию за границей произведений русских писателей²¹³.

Публикацией сочинений русских авторов за рубежом занимались также иностранные издательства, например Ф. Боденштедта в Берлине, которое в 1852 году выпустило двухтомник «Поэтическое наследие Михаила Лермонтова» («*Michail Lermontoffs poetischer Nachlaß*»), или немецкое издательство Г. Штейница, публиковав-

шее в серии «Собрание лучших русских произведений» сочинения Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Герцена. Такой культурный диалог имел два важных последствия. Во-первых, иностранная критика нередко оказывала серьезное влияние на восприятие Россией своих талантов, что, случилось, в частности, с Достоевским, творчество которого «тогда только начало находить себе достодожную оценку у нас, когда оно приковало к себе взоры Западной Европы (где и вызвало таких подражателей, как Гауптман, Бурже etc.)»²¹⁴. А во-вторых, русское зарубежье внесло заметный вклад в то, чтобы «впервые читающая Россия познакомилась с творчеством Гёте, Шиллера, Гейне, Байрона, Гофмана, Дюма... в переводах Жуковского, Тютчева, Тургенева» и других уроженцев России²¹⁵.

Среди них можно назвать профессора С. А. Рачинского, переведшего на немецкий язык «Семейную хронику» С. Т. Аксакова, а на русский язык книгу Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», или слушательницу парижской Сорбонны З. А. Венгерову, которая, с одной стороны, публиковала в русской прессе «Новости иностранной литературы» и переводы сочинений зарубежных писателей, а с другой стороны, издавала в европейских журналах обзоры русской литературы – в «Revue des revues», «Saturday Review», «Mercure de France» и органах печати²¹⁶. Немалый вклад в популяризацию творчества русских писателей во Франции внес живший в Париже на рубеже XIX–XX веков И. Д. Гальперин-Каминский, которому принадлежали работы «Руссоведение во Франции» («Русская мысль». 1894. № 9), «Письма И. С. Тургенева к г-же Полине Виардо и его французским друзьям...». Пер. с франц. (М., 1900), «Ivan Tourgueneneff d'après la correspondance avec ses amis français» (Paris, 1901), «Tolstoi par Tolstoi. Biographie epistolaire» (Paris, 1912). И. Д. Гальперин-Каминский был также автором переводов на французский язык романа Л. Н. Толстого «Воскресенье», пьесы М. Горького «На дне» и других русских произведений.

В 1908 году впервые в Европе появился памятник русскому писателю – А. П. Чехову, который в 1904 году, находясь на лечении в немецком курортном городе Баденвайлер, умер от чахотки. Благодаря стараниям русского посланника Д. А. фон Эйхлера, а также друзьям и почитателям Чехова в городском парке Баденвайлера была установлена бронзовая статуя Чехова работы скульптора Н. Г. Шлейфера, которая, однако, простояла недолго и десять лет спустя, в тяжелые годы войны, была переплавлена на нужды армии.

Торжественное открытие памятника А. П. Чехову в Баденвейлере.
Германия, 1908 г.

В начале XX века Россия открывала новую страницу своей истории и культуры, пересматривавшую многие представления соотечественников о своем прошлом и будущем. В 1906 году во Франкфурте-на-Майне на немецком языке издателем Йозефом Мельником был выпущен сборник «Русские о России», доводивший до европейцев мнение русских писателей, философов, ученых и художников о своей стране – А. Амфитеатрова, А. Бенуа, В. Набокова, В. Розанова, П. Струве, Е. Трубецкого и других, – о ее экономике, финансах, полиции, земстве, церкви, образовании, культуре, рабочем и крестьянском вопросах, жизни русских окраин и малых народов, положении женщин и так далее²¹⁷. Сборник был оформлен И. Билибиным и посвящен памяти А. П. Чехова, а открывался предисловием Й. Мельника, написанным в октябре 1905 года, в самый разгар первой русской революции, вызвавшей у его автора полные оптимизма слова: «Может “страна рабов, страна господ” (Лермонтов) стать страной свободных людей!»²¹⁸.

Но революция 1905–1907 годов потерпела поражение, и тогда Мельник приступил к изданию в Берлине немецкоязычного журнала «Neuland», первый номер которого, также оформленный И. Я. Билибиным, вышел в 1908 году²¹⁹. Название «Neuland» явно имело несколько смыслов: новая страна, неисследованная террито-

рия, незнакомая земля или даже «белое пятно» на карте мира. И хотя у журнала имелся подзаголовок, пояснявший, что он посвящен «духовной и экономической культуре России и Дальнего Востока», это лишь говорило о неизведанности именно русского культурного пространства и стремлении его изучить. Еще в сборнике «Русские о России» Й. Мельник приводил слова А. И. Герцена о том, что «Цезарь знал галлов лучше, чем Европа русских», что недопустимо, ибо мешает пониманию происходящих в современной России исторических событий²²⁰. Исправить данную ситуацию и призван был журнал «Neuland».

Во вступительной статье его первого номера Мельник писал, что трагедия России – «огромной империи, говорящей на 111 языках и диалектах», состоит в том, что ее «любовь к свободе, самая несчастная и самая сильная среди всех современных стран, не находит опоры в твердых внешних формах, которые бы отвечали внутренним потребностям и душевным качествам русского народа», поэтому важно понять, почему так происходит и в чем причина того, что русские люди «больше чувствовали сердцем, нежели думали головой, больше страдали, чем действовали»²²¹. Особенно заинтересованы в этом понимании именно европейцы, которым, как считал Мельник, из чисто практических соображений должна быть совсем небезразлична судьба России, связывающая Европу с Азией не только внешне – территориально, но и внутренне – культурно. Судьба Европы зависит от того, чем заполнена эта связь – европейскими идеями либерализма и демократии или азиатской созерцательностью и пренебрежением к жизни или их синтезом и поиском высшей духовной истины. Издатель «Neuland» полагал, что разрушить страх европейцев перед Россией и Востоком можно только путем их изучения и сотрудничества с ними, особенно в области культуры.

Обложка первого номера журнала «Neuland» за 1908 г.

Наряду с Европой русское печатное слово получило распространение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и прежде всего в Северной Америке. Еще в 1789 году иностранным членом Американского философского общества была избрана княгиня Е. Р. Дашкова, занимавшая тогда пост директора Петербургской Академии наук и стремившаяся к включению России в интеллектуальное пространство мира. Развитие русско-американских культурных связей и отношений привело к тому, что, например, «к 1822 году в фондах библиотеки Американского философского общества числилось 62 тома трудов Петербургской Академии наук. Значительное число русских книг, включая многотомные собрания Петербургской Академии наук, “Труды” за 1794–1836 годы, имелось и в библиотеке Американской академии искусств и наук», а Смитсоновский институт содействия науке в 1870-е годы вел книгообмен с Россией на уровне 150–160 названий в год²²². Кроме того, Смитсоновский институт получил большое собрание русских материалов от главы американской миссии в России Г. В. Фокса, которому они были подарены в ходе его торжественного визита 1866 года в Петербург, Москву, Нижний Новгород, Кострому и Тверь: 179 томов в дорогом переплете, 16 атласов и альбомов как приложение к книгам, 72 карты, 12 памфлетов и многое другое²²³. Как писал из Филадельфии А. И. Герцену в 1858 году публицист и издатель газеты «Daily Evening Bulletin» Чарльз Г. Лиленд, интересовавшийся русской литературой, «Россия для меня, как для каждого мыслящего американца, глубоко интересна», ведь «мы – две огромнейшие страны в мире, населенные народами, предназначенными достигнуть великого могущества, – мы становимся, движимые быстрыми событиями немногих годов, лицом друг к другу, – между нами Тихий океан, это “Средиземное море будущего”»²²⁴.

Во второй половине XIX века в США было широко налажено издание русских книг, прежде всего русской художественной литературы, переводов сочинений И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и других писателей²²⁵. В 1860–1870-е годы в Америке возникли русские книжные магазины и русская книжная торговля, что было вызвано возрастанием эмиграционного потока из России. Наплыв выходцев из России привел к тому, что во второй половине XIX – начале XX века сбором материалов зарубежной россики активно занялись американские университеты – Гарвардский, Йельский, Калифорнийский, Корнельский, Чикагский и другие, сотрудники которых не только приобретали россику, но и получали ее путем книгообмена и дарения. Так, Колумбийский

университет получил в дар от доктора С. Абеля несколько тысяч томов русских книг, а от барона М. А. Таубе его обширный архив с рукописями работ по русской истории. Как вспоминал, например, П. Н. Милюков, который в 1903–1905 годы изучал в США университетские фонды, «мои розыски в Гарварде увенчались неожиданным успехом. Я нашел комплект революционных русских газет, издававшихся за границей в 1880–1890 гг. Надписи на комплектах свидетельствовали, что собрал их русский эмигрант Панин (кажется, Владимир по имени). По этому материалу гораздо лучше я мог восстановить историю русского революционного движения в одном из переходных его фазисов – в 90-х годах. Отдел об эволюции русского социализма тех лет в моей книге составлен главным образом по этому гарвардскому материалу... Библиотека Harvard University лучше Yale'я по отделу русской истории, так что я хорошо и с пользой позанимался там»²²⁶. Комплектование университетских библиотек США русскими изданиями дало возможность ввести в американские учебные программы преподавание русского языка, а затем и русской литературы и истории.

Большую роль в развитии русско-американского культурного диалога сыграла практика приглашения университетами и научными учреждениями США специалистов из России для чтения лекций. Так, в 1896–1897 годы курсы лекции по русской истории, литературе и искусству в Гарвардском, Колумбийском, Корнуэльском и Чикагском университетах читал историк культуры С. М. Волконский, который затем опубликовал их отдельной книгой, переведенной на английский и немецкий языки²²⁷. Ознакомившийся с ней философ В. С. Соловьёв писал в журнале «Вестник Европы», что «Волконский с большим успехом исполнил в Америке интересную задачу: показать Россию лицом. Это человеческое лицо американцам было мало знакомо – и тем более интересно»²²⁸. Под влиянием лекций Волконского в Гарварде была создана кафедра славянского языка и наречий, способствовавшая росту интереса молодежи США к изучению России, ее прошлого и настоящего.

В конце XIX века формированием русского книжного фонда в Америке занялись общественные библиотеки крупных американских городов – Детройта, Кливленда, Миннеаполиса, Огайо, Сан-Франциско, Сиэтла, Питтсбурга, Филадельфии, в которых были образованы русские отделы. Так, библиографический указатель Чикагской публичной библиотеки 1890 года включал 32 русских названия, а Бостонская библиотека в 1895 году издала даже отдельный указатель русскоязычной литературы объемом в тринадцать

листов²²⁹. В 1895 году русский отдел открылся в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Инициаторами его возникновения стали 58 «жителей города Нью-Йорка, русских по происхождению и образованию», которые обратились к директору библиотеки с просьбой «оказать содействие в создании каталога русских публикаций, отражающих знания о России, ее литературе, истории, институтах власти»²³⁰. К 1909 году русский отдел Нью-Йоркской публичной библиотеки выписывал 89 «текущих русских газет и журналов» и собрал 8 тыс. томов, часть которых была преподнесена ему в качестве дара: коллекция русских книг и памфлетов Юджина Скьюлера – американского дипломата и автора книги по истории России, собрание документов первого секретаря Министерства иностранных дел, графа М. М. Петровского-Петрово-Соловово и другие²³¹.

Крупнейшим русским собранием в начале XX века обладала Библиотека Конгресса США, в чем большую роль сыграл библиограф А. В. Бабин²³². Выпускник Петербургского историко-филологического института, Бабин в 1889 году приехал в Америку. В 1891 году он поступил в университет Корнелла города Итака штата Нью-Йорк, где в течение ряда лет работал библиотекарем и одновременно получал степень бакалавра и магистра американской истории. В 1896 году Бабин устроился на место библиотекаря в Индианском университете в Блумингтоне, а спустя два года перешел на работу в университет Стэнфорда, где совмещал должность библиотекаря с преподаванием русского языка. Наконец, в 1902 году, уже имея за плечами десятилетний опыт библиотечной работы, А. В. Бабин стал сотрудником престижной Библиотеки Конгресса США, которая благодаря его стараниям смогла приобрести уникальное собрание книг (до 100 тыс. томов) и рукописей (до 500 тыс. единиц) купца Г. В. Юдина: комплекты русских журналов, собрания сочинений русских писателей, работы русских историков и сборники Русского исторического общества и многое другое²³³. Коллекция Юдина, двуязычное описание которой было также подготовлено и издано Бабиным, превратила русский отдел Библиотеки Конгресса США в крупнейший за пределами России. Помимо библиотечной деятельности, Бабин занимался написанием «Истории Северо-Американских Соединенных Штатов», изданной в Петербурге в 1912 году²³⁴. Она стала «первым исследованием русского ученого, посвященным истории США» и прославила А. В. Бабина в качестве «пионера русской американистики»²³⁵.

Религиозно-этническое зарубежье и русское духовное наследие в мире

Значительную часть культурного наследия русского мира составляли памятники церковного зодчества и духовной литературы, созданные религиозным зарубежьем. Оно состояло из двух разных групп: собственно эмигрантов, выступавших против православного самодержавия и самодержавного православия, и русских духовных миссий, создававшихся по решению Синода в различных частях земного шара – в Иерусалиме, на Аляске, в Китае, Японии. Их миссионерская деятельность не ограничивалась только сферой религии, а включала всю область культуры, что превращало их в важные центры распространения русского влияния в мире. Например, глава русской духовной миссии в Китае (Пекинской духовной миссии) архимандрит Иннокентий для оказания помощи раненым в русско-японской войне основал в 1904 году Братство православной церкви в Китае, наладил выпуск журналов «Известия Братства православной церкви в Китае» и «Китайский благовест», собрал коллекцию уникальных книг и построил для библиотеки двухэтажное здание с большим читальным залом и несколькими библиографическими отделами: справочным со словарями, в том числе санскритским, богословским, историческим, востоковедения, естественнонаучным, журнальным и книг «на всех европейских языках, которыми митрополит Иннокентий владел совершенно свободно. Средний зал занимал архив миссии. В крайнем были собраны все издания миссии», а также «многие святыни: старинные Евангелия, кресты, облачения и другие реликвии»²³⁶.

Важным результатом деятельности русских духовных миссий стало формирование корпуса уникальных памятников архитектуры и церковного зодчества. Многие из них впоследствии вошли в число особо ценных объектов русского культурного наследия в мире, например на Аляске, которая вплоть до 1867 года являлась Русской Америкой. Там в городе Ситка в 1842 году был выстроен Миссионерский дом с часовней, а шесть лет спустя и собор Архангела Михаила, входящие в настоящее время в Национальный реестр исторических мест США.

На противоположном берегу Тихого океана в XIX веке были выстроены такие архитектурные шедевры русского зарубежья, как кафедральный собор Воскресения Христова в Токио (1891), имеющий официальный статус важного памятника культуры Японии, или Русская церковь в честь св. князя Александра Невского

Православный миссионерский дом в г. Ситка, 1842 г. –
старейшая постройка на Аляске. США.

Михаило-Архангельский собор в г. Ситка, 1848, США.

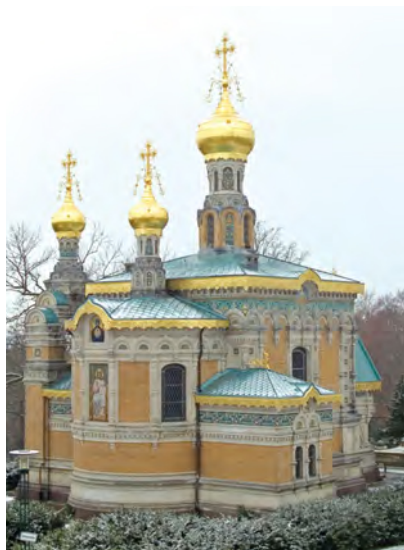
в районе Ханькоу города Ухань провинции Хубэй (1893), которая признана значимым памятником архитектуры и находится под охраной Китайской Народной Республики.

Помимо русских духовных миссий, православные церкви за рубежом в XIX веке возводились также дипломатическими миссиями России при посольствах, Российским императорским домом и русскими общинами в местах заграничного проживания русской элиты, например, церковь Св. Елизаветы в Висбадене (1855), церковь Св. мученицы царицы Александры в Бад-Эмсе (1876), церковь Преображения Господня в Баден-Бадене (1882), церковь Св. Марии Магдалины в Дармштадте (1899), Собор Святого Николая Чудотворца в Ницце (1912) или храм Христа Спасителя в Сан-Ремо (1913)²³⁷. Их строительство и деятельность были тесно связаны с общей историей России и с такими знаковыми именами отечественной культуры, как Л. Н. Бенуа, В. М. Васнецов, П. А. Вяземский, Т. А. Нефф, А. В. Щусев.

Важно и то, что русские православные церкви за рубежом являлись местом взаимодействия и культурного диалога с местным населением. Так, храм Рождества Христова и Николая Чудотворца во Флоренции, заложенный в 1888 году и освященный в 1903 году, для многих «служил примером сотворчества российских и итальянских мастеров, над его строительством и внутренним убранством трудились Дж. Боччини, Ф. Рейман, Дж. Пачарелли, П. Шарварок, А. Новоскольцев, Д. Киплик, Дж. Нови, А. Блазанов, Р. Фанфани, М. Васильев и др.»; кроме того, при храме был флорентийский православный церковный хор или, как его называли шутя выходцы из России, хор «макаронников», состоявший из «9 итальянцев с прекрасными голосами и 3 русских – тоже не из второразрядных, при этом спевшихся и основательно изучивших наши напевы и сочинения наиболее известных наших духовных композиторов»²³⁸.

Православный храм в Ханькоу, в Китае. По фотогр. рис. Суслова, грав. М. Раппапи

Церковь Св. равноапостольной
Марии Магдалины
в Дармштадте, Германия.

Церковь Рождества Христова
и Николая Чудотворца
во Флоренции, Италия.

Говоря о религиозном присутствии России в мире нельзя не сказать и о русском монашестве Афона. Первое письменное упоминание о русской обители на Афоне относится к началу XI века, а спустя полтора столетия там возник Русский Свято-Пантелеимоновский монастырь. Его братство вместе со скитами пророка Илии и Святого Андрея, а также несколькими десятками келлий, входивших в созданное в мае 1896 года Братство русских келлий на Афоне, к концу XIX века насчитывало свыше трех тысяч монахов – половину всех афонских насельников. Велико было и число русских паломников на Афон, среди которых встречались как члены императорской фамилии, так и простые жители России. Многие паломники оставили воспоминания о своем пребывании на Святой горе: профессора И. Красовский и А. Дмитриевский, священники А. Капустин и П. Успенский, иеромонах П. Агеев и другие. Посещали Афон и с научными целями, например искусствовед и филолог А. Л. Волынский, работавший там в библиотеках и имевший «грамоту константинопольского патриарха, разрешавшего это, и его, как патриаршего посланца, а верней, эту грамоту встречали колокольным звоном»²³⁹. Афон наряду с Иерусалимом и Константинополем являлся третьим

духовным центром православия, занимавшимся изучением, переводом, копированием древних христианских текстов и служивший русскому миру бесценным источником знаний по церковной литературе и истории. Особенно в этом отношении выделялся XIX век, ставший временем расцвета русского монашества на Афоне.

Особую страницу истории русского религиозного зарубежья составляла эмиграция противников самодержавного православия. Как отмечалось в одном берлинском журнале, «Россия – страна противоречий и грубейших противоположностей. Ни религиозно, ни социально она не достигла того порядка, который бы выражал ее волю и чувства. В религиозной сфере русский народ угнетался византийскими представлениями, чуждыми его природе и характеру, в политическом плане страдал от государственных форм и бюрократии, противоположных его темпераменту и социальным ощущениям. И только в русском искусстве русская душа, сбросив все насильственно наложенные на нее оковы, создала бессмертный отпечаток самой себя. Образы русских мастеров ярко возвышаются из тумана русской жизни и сияют над всем миром»²⁴⁰.

Первое массовое религиозное бегство за границу было вызвано церковным расколом и указом 1685 года о преследовании староверов, их сторонников и укрывателей путем битья кнутом, конфискации имущества, ссылки в монастырь или смертной казни через пытки и сожжение. От опалы раскольники, делившие на беспоповцев и приемлющих священство, бежали в Литву, Польшу, Пруссию, турецкие владения на Балканах и даже Америку. С собой на чужбину старообрядцы, свято хранившие традиции древлеправос-

лавного христианства, в том числе в области религиозного искусства, увозили древние богослужебные книги, церковную утварь и иконы, к которым относились с величайшим почитанием. Со временем многие из них вошли в число шедевров русской иконописи.

Крупным центром поселения старообрядцев поповского толка была Буковина, давшая раскольникам земли (за небольшую плату), освободившая их на 20 лет от налогов и на 50 лет – от воинской повинности (по патенту 1783 года), гарантировавшая им свободу вероисповедания (по указу о веротерпимости 1781 года) и признавшая за ними гражданские права. Это дало возможность старообрядцам основать в селе Белая Криница Северной Буковины русский мужской монастырь, на базе которого в 1844 году была создана епархия с епископской кафедрой, а спустя два года и митрополия во главе с митрополитом Амвросием. Белокриницкая митрополия управляла всеми староверами-поповцами, жившими за пределами России.

Другим старообрядческим центром русского зарубежья была Румыния. В 1805 году румынский князь Александр Морузи предоставил всем раскольникам, называвшимся в Румынии липованами, свободу вероисповедания при условии отказа от пропаганды староверческой религии за пределами своих общин. Старообрядческая церковь в Румынии была организована в двух епископствах: епархия (экзархат) в молдавских районах Васлуй и Брэиле для верующих липован из Нижнего Дуная и Молдовы и епископство в монастыре Успения в деревне Слава Русэ для липован из Добруджи, находившейся под вассалитетом Османской империи, которая признала епископство в 1851 году²⁴¹. Видным главой старообрядческой общины в Добрудже был атаман О. С. Гончаров – потомок донских казаков атамана Игната Некрасова, участвовавших в восстании Кондратия Булавина и после его подавления в 1708 году бежавших в Турцию, которая предоставила беглецам землю, освободила их от податей и повинностей, разрешила иметь свой суд, но обязала ходить на войну, в том числе с Россией.

О. С. Гончаров, родившийся в 1793 году в одном из русских селений Османской империи, что называется, с молоком матери впитал в себя, с одной стороны, дух сопротивления государственному гнету, а с другой стороны, чувство солидарности с соотечественниками, боровшимися за религиозную и политическую свободу, как в России, так и за ее пределами. Например, летом 1863 года А. И. Герцен и Н. П. Огарёв обратились к Гончарову с такими словами: «Другу нашему Осипу Семеновичу Памятный листок.

1) Надо нам сообща приложить все старания о созвании старообрядческого Собора. 2) Надо учредить между нами правильную переписку. 3) Надо, чтобы московские и иные старообрядцы присылали все сведения, которые они желают, чтобы были напечатаны, и таким путем, чтобы мы знали, что все присланное нам достоверно. 4) Людей, вами рекомендованных, – мы, а людей, нами рекомендованных, – вы и все ваше в России и вне России живущее общество будемте принимать братски и посильно оказывать им всяческую помощь. 5) С обществом “Земли и воли”, имеющим целью свободу веры и выборное управление, через нас в сношение входить по нашему обоюдному усмотрению, когда нужно. 6) Для усиления общества нашего мы просим старообрядцев участвовать в денежном сборе, хотя бы самым малым размером: 1) на помощь гонимым и ссыльным, 2) на поддержание взаимных сношений через посылаемых людей. Общество, с своей стороны, будет везде поддерживать и оказывать помощь гонимым старообрядцам»²⁴².

Благодаря союзу религиозной и политической эмиграции русское зарубежье становилось мощной оппозиционной силой, а лондонская Вольная русская типография Герцена и Огарёва – центром издания и распространения запретной в России литературы, не только политической, но и религиозной. Так, в 1860 году в Лондоне вышел нецерковный первый русский перевод Библии, осуществленный революционным мыслителем В. И. Кельсиевым, который на шестнадцать лет опередил первый синодальный русский перевод Библии. А через год Вольная русская типография издала Стоглав, снова в переводе Кельсиева. Тогда же в русском зарубежье были опубликованы «два секретных издания Министерства внутренних дел о положении старообрядцев и преследовании их русским правительством», вошедшие в «Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленным В. Кельсиевым» (Ч. 1–4. Лондон, 1860–1862) и «Сборником постановлений по части раскола» (Ч. 1–2. Лондон, 1863), которые вызвали в мире большой интерес, в том числе Карла Маркса, делавшего в них пометки и выписки. А с июля 1862 года в Лондоне в качестве приложения к газете «Колокол» специально для старообрядцев стал выходить журнал «Общее вече», который готовили Герцен, Огарёв и Кельсиев. И хотя журнал просуществовал всего два года, он вместе с вышеназванными «Сборниками о раскольниках» сыграл важную роль в актуализации проблемы существования старообрядцев, как в России, так и за рубежом.

В 1863 году В. И. Кельсиев приехал в Турцию к местным старообрядцам в надежде организовать среди них социалистическую коммуны на базе идеи общинного социализма. Раскольники настоятельно отнеслись к агитации Кельсиева, и чтобы лучше узнать суть нового течения их глава О. И. Гончаров отправился в Лондон к Герцену. После тесного общения с ним он вернулся в Турцию и в конце 1863 года создал в Тульче социалистическую колонию, но просуществовала она менее двух лет. Общинный социализм не увлек старообрядцев, они отказались участвовать в мятежах и всецело подчинились белокриницкому митрополиту, установившему запрет на отношения с революционно настроенными колонистами. Их глава Кельсиев, в течение двух лет представлявший интересы русских казаков-раскольников в турецкой административно-судебной системе, остался не у дел и в 1865 году вернулся из Турции в Европу. Но старообрядческие поселения в Турции остались и существовали еще почти век: «Насчет безопасности здесь нечего сомневаться, – объяснял Кельсиев Герцену, – откуда турки – турки, до тех пор мы обеспечены Кучук-Кайнарджийским трактатом, по которому Россия и Турция выдают только разбойников, воров и фальшивых монетчиков, а сектантов и политических преступников, прибегших под высокую руку белого царя или под сень престола наместника аллахова, не выдают»; и «Паша расхохотался, когда я ему сказал, что мы, эмигранты, боимся консула (русского – *Т. П.*). “Прежде чем вас арестовать, он должен отнестись ко мне, а я в Стамбуле. Припомните, что на это нужно время, и припомните нашу ненависть к Московии. Вы лучше вот что сделайте, если вы дорожите нашим гостеприимством, – наблюдайте, чтоб он не сманивал здешний народ на выход в Россию. Эмиграция здесь в абсолютной безопасности, будьте в этом уверены”»²⁴³.

В XIX веке старообрядцы расселились по всему миру, и их общины можно было встретить в Калифорнии, Орегоне, Пенсильвании, Питтсбурге и других районах Северной Америки, а также в таких экзотических для русского человека странах Южной Америки как, например, Парагвай или Боливия. Их правительства, заинтересованные в притоке рабочей силы, на льготных условиях выделяли старообрядцам земли и кредиты, позволявшие им развивать в субтропическом, тропическом и субэкваториальном поясах Земли традиционные для русской жизни формы натурального хозяйства – земледелие и животноводство. Строго следуя своим обычаям, староверы в расшитых рубахах, подпоясанных кушаками, в сарафанах и лаптях среди банановых деревьев пасли скот и пололи грядки под

старые русские песни, в том числе «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...». Так в зарубежье выкристаллизовывалась духовная культура старообрядцев, представлявшая собой «исторически сложившуюся цельную систему, сохранившую древнерусское наследие и устойчивую перед лицом иноязычного и инокультурного окружения»²⁴⁴.

Образ жизни староверов резко отличался от всего русского зарубежья, особенно трудовой эмиграции, хлынувшей в Южную Америку из России в конце XIX столетия. Русский посланник в Рио-де-Жанейро, например, так описывал ее положение в начале XX века: «Число поселившихся в Бразилии русско-подданных определяется приблизительно в 60 000 человек. <...> Начало русского переселенческого движения в страну относится к 1888 году, когда после произошедшего в этом году в Бразилии политического переворота правительство новой республики стало принимать меры к замене освобожденных законом 13 мая 1888 года рабов-негров рабочими, привлекаемыми из Европы. Меры эти выразились в установлении безвозмездной перевозки эмигрантов и в ассигновании значительных сумм на пропаганду переселения и на командирование в Европу эмиграционных агентов. <...> В настоящее время в штате Парана русско-подданных колонистов насчитывается около 30 000, в штате Санта-Катарина – около 5 000, в штате Рио-Гранде-до-Сул – около 10 000. Они занимаются обработкой отведенных им земельных участков под кукурузу, черные бобы, рожь, гречу, картофель, свекловицу, матэ (парагвайский чай) и табак. В последнее время колонисты также стали сеять пшеницу. Но процветанию колоний, несмотря на благоприятные почвенные и климатические условия, препятствует, по крайней мере в Паране, затруднительность сбыта сельскохозяйственных продуктов. Если с внешней стороны колонизация может быть признана удовлетворительной, то нельзя сказать того же о внутренне-бытовом строе поселенцев. Он расшатан пьянством мужчин и широким распространением проституции среди женщин. Командируемые в страну агенты благотворительных галицких обществ стараются противостоять этому злу, поддерживая между колонистами религиозные начала и при помощи надежного элемента среди самих поселенцев, занимаясь образованием, как детей, так и взрослых», однако «последние относятся к прилагаемым в этом отношении заботам о них, как и вообще ко всему, что не затрагивает непосредственно их материальных интересов, с полным равнодушием»²⁴⁵. Именно поэтому трудовые колонии русских эмигрантов довольно быстро распадались, а их участ-

ники либо ассимилировались, либо возвращались в Россию, тогда как зарубежные старообрядческие общины продолжали сохранять свое единство и приверженность древнерусскому духовному наследию.

Особую роль в русском зарубежье играли приверженцы западного христианства и в первую очередь католическая эмиграция, порожденная жесткой борьбой Русской ортодоксальной церкви с «отпадением от православия» и «сворачиванием в католичество», которая сопровождалась конфискацией имущества и ссылкой верототступников в Сибирь. Чтобы не попасть под репрессии, русские католики уезжали на Запад, защищавший их от гонений и открывавший перед ними широкие возможности для духовных исканий. Как писал В. В. Розанов в сборнике «Русские о России», изданном в 1905 году в Милане, а спустя год во Франкфурте на Майне, «русские последовали за Византией в тихую бухту, закрытую от бурь, но и всех проявлений жизни, в то время как западные народы были направлены кораблем Рима в водоворот непредсказуемого движения, опасностей, поэзии и унижений. Разница между спокойствием и движением, созерцательностью и работой, пассивным терпением и активной борьбой со злом – это то, что, психологически, а также метафизически, отделяет греко-православную церковь от католицизма и протестантизма; и поскольку религия – это душа нации, то эти противоположности также отделяют Россию от западноевропейских народов»²⁴⁶.

Желание преодолеть этот разрыв толкало русских людей в католицизм. Так, в 1815 году приняла католичество внучка историка И. Н. Болтина, дочь сенатора П. А. Соймонова и жена генерала Н. С. Свечина, писательница С. П. Свечина, в 1818 году осевшая в Париже. Ее французский дом стал центром русской культуры, а находившаяся при нем домашняя капелла – местом перехода соотечественников из православия в католицизм. Близкой подругой С. П. Свечиной была «католическая богомолка» М. А. Свистунова – мать декабриста П. Н. Свистунова, которая после отправки сына на каторжные работы в Сибирь оставила Россию и уехала в Париж. За границей обосновалась и сестра Свечиной, княгиня Е. П. Гагарина, также принявшая католичество и благодаря своему мужу, статс-секретарю Г. И. Гагарину, организовавшая в Риме русский литературно-художественный салон, завсегдатями которого были К. Брюллов, В. Жуковский, О. Кипренский, Ф. Тютчев.

В 1820 году русское католическое зарубежье пополнилось иезуитами, высланными из Российской империи указом Александ-

ра I от 13 марта. Все их имущество было конфисковано, храмы и учебные заведения закрыты. В Уставе о паспортах Российской империи появилось примечание о том, что «иезуиты ни под каким видом и наименованием не впускаются в Россию», а «высланным же из России иезуитам, хотя бы они и представили свидетельства об оставлении ими иезуитского ордена, выдавать паспорта на возврат в Россию вовсе запрещается»²⁴⁷. Так за границей оказалось более трех сотен российских подданных, из-за принадлежности к Обществу Иисуса Римско-католической церкви навсегда лишенных права жительства у себя на родине.

Некоторые русские католики вели за рубежом активную миссионерскую деятельность. Одним из первых был князь Д. Д. Голицын, который окончил католическую семинарию в Балтиморе и в 1795 году стал католическим священником США. Отвергнув все требования власти России вернуться на родину, за что она лишила его русского подданства, Д. Д. Голицын под именем Августина Смита сорок лет прослужил приходским священником в основанном им поселении Лоретто штата Пенсильвания. Там в 1840 году и закончилась его жизнь. В память о Д. Д. Голицыне и в его честь недалеко от Лоретто был назван один из населенных пунктов Пенсильвании – Галлицин (Gallitzin), а сам князь был удостоен статуса «слуги Божьего». Католиком был и другой представитель рода Голицыных, сын русского посланника в Риме Ф. А. Голицын, который за отказ вернуться в Россию был лишен на родине всех прав состояния и заочно приговорен к каторге. В зарубежье Федор Александрович прославился как национальный герой Италии, борец за ее освобождение, погибший в сражении в Болонье 25 июня 1848 года.

В 1836 году покинул Россию и спустя четыре года стал католическим священником, борцом за права ирландских католиков, профессор греческой словесности и древности Московского университета В. С. Печерин. Объясняя причину своей эмиграции, он говорил: «Я бежал, не оглядываясь, чтобы сохранить чувство человеческого достоинства»²⁴⁸. Найдя в католичестве «новую форму независимости духа», Печерин был верен ей всю свою жизнь, даже тогда, когда параллельно начал исповедовать «веру в науку, литературу и в промышленность»²⁴⁹. В 1848 году Печерин был лишен русского подданства, что, однако, лишь сильнее укрепило его в неприятии самодержавия.

С Печериным в Лондоне поддерживал отношения А. И. Герцен: «Меня он очень интересует», – говорил Александр Иванович, поэтому «потребность сердца звала меня увидеть русского эми-

гранта, в другом стану стоящего...»²⁵⁰. В. С. Печерин не соглашался с программой Герцена, нацеленной на торжество «материальной цивилизации», однако это не мешало их «дружбе без притворства», основанной на обоюдном желании свободы для своей «несчастной родины». Для Печерина основой государства и общества была религия, а для атеиста Герцена – философия и литература. Печерин писал Герцену: «Я вообще вижу какой-то меланхолический отблеск на вас и на ваших московских друзьях. Вы даже сами сознаетесь, что все Онегины, т. е. что вы и ваши – в отрицании, в сомнении, в отчаянии. Можно ли перерождать общество на таких основаниях?», на что Герцен объяснял свое душевное «состояние Онегина» – «тоской сумерек, тоской перехода, предчувствия» рождения нового мира²⁵¹. Интерес Герцена к Печерину был вызван еще и тем, что он собирался издавать в своей Вольной русской типографии сочинения Печерина, в частности его поэму «Торжество смерти».

Имя Владимира Сергеевича Печерина прочно вошло в историю русского религиозного зарубежья, однако он был не одинок в своем протестном католичестве. В Париже существовал кружок русских католиков, в который входили Ю. К. Астромов, Е. П. Балабин, С. С. Джунковский, М. Д. Жеребцов, И. М. Мартынов, обсуждавшие вопросы церковной истории и древних славянских рукописей, религии и политики, церковной музыки и многое другое. Некоторые из членов кружка активно публиковались, например И. М. Мартынов и Е. П. Балабин. Яркой личностью кружка был князь И. С. Гагарин, который в 1838 году в качестве сотрудника русской дипломатической миссии обосновался в Париже, через пять лет оставил службу, перешел в католичество и вступил в орден иезуитов. А. И. Герцен писал, что Гагарин «бежал в католицизм, чтобы не задохнуться», и его «понять можно: аристократ, вероятно, не получивший серьезного образования, ни сильного таланта, между тем, ум и горячее сердце, – бог привел взглянуть на Францию, на Европу. Дома-то черно, страшно. Путь человечества неизвестен... А тут случайная встреча с иезуитом, с безумным католиком; перед непривычным глазом разворачивается в первый раз учение, мощно развитое из своих начал... – и удивленный человек предается» новой вере²⁵².

Интеллектуализм католических деятелей (Ламенне, Монталамбера, Фаллу), с которыми И. С. Гагарин встречался в парижском салоне С. П. Свечиной, на фоне безыскусной защиты православия митрополитом московским Филаретом и обер-секретарем Синода А. Н. Муравьевым определил весь дальнейший сорокалетний путь

князя – католического священника, богослова, литератора, преподавателя церковной истории в иезуитских учебных заведениях Европы. Перемена веры дала основание царскому правительству лишить И. С. Гагарина в России всех прав и состояний, но это никак не повлияло на его отношение к родине, наоборот, интерес к ее прошлому, к истории русской церкви и культуры на чужбине лишь возрос. В 1855 году Гагарин при поддержке своих земляков, прежде всего И. М. Мартынова и Е. П. Балабина, ставших, как и он, католическими священниками, основал в Версале Общество св. Кирилла и Мефодия, которое начало выпускать «Кирилло-Мефодиевские сборники». Главной их идеей была мысль о том, что «та вера, которую первоначально насадили у славян св. Кирилл и Мефодий, была латинская, и сами они были латиняне», поэтому необходимо вернуться к тем временам и восстановить единство Восточной и Западной церквей²⁵³.

Видя спасение России в католицизме, И. С. Гагарин в 1856–1857 годах издал в Париже на французском и русском языках остро полемические работы «Россия, станет ли она католической?» («La Russie sera-t-elle catholique?») и «Староверы, Русская Церковь и папа» («Les staroveres, l'église russe et le pape»), в которых развивалась мысль о том, что принятие католицизма Россией «будет способствовать “обоюдновыгодному” возвышению России и Римско-католической Церкви: обращение России в католичество позволило бы католич. Церкви достичь Азии и Дальн. Востока, обратить в христианство Китай и Индию и тем самым нанести поражение исламу, в то время как Русская Церковь, сохранив при воссоединении с католицизмом свои древние обряды и устройство, обрела бы в лице Римского папы защитника от “притязаний светской власти”», и «если Россия не выберет путь католицизма, ее в ближайшем будущем будут ожидать неизбежный переворот или революция»²⁵⁴. Такая неординарная, но, как выяснилось впоследствии, пророческая постановка вопроса вызвала острую полемику за рубежом и бурю негодования в России.

Однако критика не остановила князя, продолжавшего вместе со своими соратниками разрабатывать церковную историю христианства и публиковать свои выводы и рассуждения в «Теологических, философских и исторических исследованиях» («Études de théologie, de philosophie et de l'histoire»), шесть томов которых вышли в конце 1850-х годов. В 1862 году они были переименованы в «Études religieuses, historiques et littéraires», но их содержание осталось прежним. Перу И. С. Гагарина принадлежит также науч-

ное исследование о гимнах греческой церкви «*Les hymnes de l'église grecque*», изданное в Париже в 1868 году.

Ярко проявил себя И. С. Гагарин и как публицист, выступавший на страницах газет и журналов в защиту иезуитов и собственных взглядов. Для этого он завел переписку с И. С. Аксаковым, который в 1862 году опубликовал одно из его «Полемических писем» в своей еженедельной газете «День». Другое письмо из Парижа – «Оправдание иезуита Гагарина по поводу смерти Пушкина» было напечатано в восьмом номере журнала «Русский архив» за 1865 год²⁵⁵. Помимо своих работ, Гагарин издал в 1862 году на французском языке сочинения П. Я. Чаадаева – своего друга и единомышленника, мировоззрение которого оказало большое влияние на его переход в католицизм. Публикация за границей «Философических писем» и «Апологии сумасшедшего» Чаадаева стало важным событием интеллектуальной жизни не только русского зарубежья, но и мира в целом. Издавал И. С. Гагарин и работы других авторов: мемуары папского нунция в С.-Петербурге, архиепископа Дж. А. Аркетти, материалы по истории иезуитов в России, исторические анекдоты, собранные сардинским посланником в России Жозефом де Местром о религии и нравах русских, и другие.

Снискал себе славу И. С. Гагарин и как библиофил, собиратель и хранитель литературы по западному и восточному христианству. Его уникальная библиотека заложила основу созданного в Париже Славянского музея (*Musée slave*) и Славянской библиотеки (с обширным русским отделом), которая позже переехала в пригород Парижа Медон, а затем в город Лион. Большую работу вел Гагарин в качестве миссионера: на Ближнем Востоке участвовал в организации Общества школ Востока (*Sŕuvre des Écoles d'Orient*), занимавшегося созданием и финансированием католических учебных заведений, преподавал церковную историю в иезуитских коллегиях и в католическом университете св. Иосифа в Бейруте, а также во французских школах Парижа и Версаля.

Видной фигурой в кругу русских католиков последней четверти XIX века была Елизавета Григорьевна Волконская, которая родилась и первые двадцать лет своей жизни провела в Риме. Она была дочерью служившего в русской миссии при Папском Престоле князя Г. П. Волконского и являлась внучатой племянницей З. А. Волконской, которая еще в конце 1820-х годов приняла католичество и жила в Риме. Зинаида Волконская оставила по себе славу не только «царицы муз и красоты» (А. С. Пушкин), но и княгини «благочестивой», причисленной католической церковью к лику

блаженных за сострадание ко всем обездоленным и огромные пожертвования на нужды монастырей, храмов и прихожан. На склоне лет католиком стал и муж Волконской – Н. Г. Волконский, похороненный вместе с женой в римской церкви Santi Vincenzo e Anastasio a Trevi, о чем сообщает надгробная плита с их именами.

Духовное подвижничество З. А. Волконской оказало большое влияние на Е. Г. Волконскую – «женщину редкой силы ума и сердечной прямоты, вечно пламенеющей духом в искании высшей правды», как характеризовал ее религиозный философ В. С. Соловьёв²⁵⁶. Впрочем, так считали не все, и например, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев после издания в Берлине в 1888 году книги Волконской «О Церкви. Исторический очерк» назвал ее «самой опасной женщиной в России»²⁵⁷. Страх был вызван обоснованием приоритетности католичества, которое княгиня Волконская основывала на тщательном источниковедческом разборе текстов Священного Писания, выявившем в их русских переводах значительные искажения и подмены. Проблема разночтений богословской литературы на Руси, поставленная еще в начале XVI века Максимом Греком и ставшая одной из причин его почти 25-летнего заточения, угрожала самому существованию русского православия, поэтому книга «О Церкви. Исторический очерк» сразу же была запрещена к распространению в России, а ее автор обвинена в неблагонадежности и антипатриотичности. Отечественные ортодоксы в различных изданиях поспешили опровергнуть все доводы Волконской, что заставило ее написать вторую книгу «Церковное предание и русская богословская литература: Критическое сопоставление», которую Синод, опасавшийся развертывания широкой публичной дискуссии, оставил без ответа.

Ромилли Данс и Амели.
Портрет княгини З. А. Волконской,
1831. Акварель.
Государственный музей
А. С. Пушкина.

Е. Г. Волконская вместе со своим единомышленником В. Соловьёвыми, издавшим в Париже в 1889 году книгу «La Russie et l'Eglise Universelle» («Россия и Вселенская церковь»), стремилась к преодолению раскола Вселенской Церкви Христовой на Римско-католическую и Греко-кафолическую церкви путем восстановления их единства, первым шагом к которому была ее попытка создания Общества молитв о соединении церквей. Княгиня надеялась, что совместные богослужения помогут сплотить русских католиков и православных, но этого не произошло. Тем не менее дело Е. Г. Волконской не пропало, и после ее смерти в 1897 году его продолжил выпускник московской Духовной академии граф Н. А. Толстой, в 1894–1904 годы живший в Риме и ставший первым русским грекокатолическим священником, а также сын княгини – А. М. Волконский. В 1898 году он во Фрайбурге опубликовал книгу Е. Г. Волконской «Церковное предание и русская богословская литература: Критическое сопоставление», а в 1909 году переиздал ее первую книгу «О Церкви. Исторический очерк». Затем, в 1920–1930 годы А. М. Волконский принял сан католического священника восточного обряда и написал книгу «Католичество и священное Предание Востока», которая вышла в Париже в 1933 году и явилась продолжением богословского дискурса его матери. Католиками были и другие дети Е. Г. Волконской – старший сын, известный театральный деятель Серебряного века С. М. Волконский, который еще в 1893 году выступал с религиозно-философскими докладами на Конгрессе религий в США, и единственная дочь – М. М. Волконская, переводившая на русский язык католические сочинения и сама писавшая на религиозные темы.

Другой поток религиозной эмиграции из России составили протестанты. Наиболее заметной группой среди них были штундисты, начавшие покидать Киевскую губернию Российской империи на рубеже 1880–1890-х годов. Конечным местом их беженского пути были Соединенные Штаты Америки, бесплатно предоставлявшие крестьянам-штундистам земельные наделы (гомстеды) в Виргинии, Дакоте, Кентукки, Пенсильвании, Филадельфии. Несмотря на огромные трудности, связанные с переселением и жизнью на чужбине, южнорусские штундисты со временем смогли адаптироваться к местным условиям и стать крупными фермерами, особенно в Южной и Северной Дакоте.

Помимо штундистов, в США из Закавказья Российской империи стали приезжали молокане. Эмигрировали они группами по несколько десятков человек на пароходах из Батума и Одессы через

Бремен в Нью-Йорк, иногда их путь лежал через Панаму, Аргентину, Чили, а затем уже в Северную Америку. В 1914 году общее число русских молокан, прибывших в США из Закавказья, не превышало 4,5 тыс.²⁵⁸ В эмиграции молокане стремились создавать сельскохозяйственные колонии, но не всегда это удавалось из-за отсутствия бесплатных земельных участков и средств на их приобретение. Приходилось работать грузчиками, рабочими, шоферами. Крупнейшая община молокан сформировалась в Калифорнии; она имела свою молельню, школу, газету «Тихий океан». Некоторые группы молокан «ушли на землю» в Мексику, где они создали самоуправляющиеся сельскохозяйственные коммуны, которые превратили малоплодородные почвы Мексики в цветущие оазисы, как, например, русская община молокан в Гваделупской долине. Память о «Русской Гваделупе» жива до сих пор, ее хранит краеведческий музей молокан в городе Франсиско-Смарко и молоканская церковь, в которую и поныне водят экскурсии. Наконец, отдельные группы молокан обосновались в Австралии, где живут и в настоящее время.

Большой резонанс в мире вызвала эмиграция духоборов (духоборцев), начавшаяся в конце XIX века из-за гонений царской власти, порожденных отказом духоборов от воинской службы и ношения оружия. В 1897 году Л. Н. Толстой со своими сторонниками написал воззвание «Помогите!», в котором говорилось, что «гонение это было очень жестоко: были истязания, заключения в тюрьмы, ссылки в худшие места Сибири, выселение целых деревень из их жилищ в грузинские и татарские поселения, где эти выселенные вымирали и вымирают от нужды и болезней», поэтому, чтобы прекратить издевательства над людьми, нужно их переселить за границу²⁵⁹. При активной организационной и материальной поддержке Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова, П. И. Бирюкова, П. А. Кропоткина, Л. А. Сулержицкого, а также английских квакеров первая партия духоборов в количестве тысячи ста человек была вывезена на Кипр. За ней последовала вторая партия, уже восьмитысячная, переправленная в Канаду и США. Одновременно за содействие в эмиграции духоборов царская власть выслала в 1897 году из России В. Г. Черткова и П. И. Бирюкова, что лишь укрепило ряды русского зарубежья и ослабило позиции православного самодержавия как внутри страны, так и в мире.

На Кипре духоборы оказались в очень сложной ситуации из-за болезней, скудости земли и неподходящего для земледелия климата: «Положение их там так дурно, – писал Л. Н. Толстой К. С. Станиславскому, – что им тоже предстоит переехать в

Канаду»²⁶⁰. В результате, русские духоборы в основном осели в Канаде, где их освободили от воинской повинности и дали право каждому мужчине старше 17 лет или вдове бесплатно занять свободный, принадлежавший правительству, участок земли и леса – гомстед (Homstead) – 160 акров или почти 53 десятины, с которых можно было кормиться и жить²⁶¹. По вопросу образования детей было установлено, что если духоборы создают и содержат школы за свой счет, то власти не вмешиваются в их устройство и систему преподавания, но если школы строятся и содержатся на деньги правительства (до 70%), то тогда оно определяет характер обучения с государственными учебниками и дипломированными учителями, обязательными уроками английского языка и так далее. В отношении веры правительство Канады предоставило духоборам свободу, позволившую им создать в западной прерии Христианскую общину всемирного братства, которая постоянно расширялась за счет русских переселенцев, и, например, только в 1905 году в Канаду из Якутии прибыло 200 духоборов, а всего в начале XX века из России выехало около десяти тысяч духоборов – трудолюбивых русских крестьян, очень нужных родине, но не царскому правительству, которое ввело даже запрет на их возвращение²⁶².

В общем, основной принцип канадских законов в отношении переселенцев «формулировался так: делай, что хочешь, но то, что не мешает другому»²⁶³. Такая толерантность политики канадских властей, помноженная на трудолюбие, бережливость, взаимную поддержку и трезвость духоборов, привела к тому, что к середине двадцатых годов они, как отмечал посетивший их в 1923 году П. И. Бирюков, имели в Канаде уже хорошо организованные русские поселения с развитой инфраструктурой – школами, библиотеками и так далее. Как и в истории со старообрядцами, духоборами очень интересовалась русская политическая эмиграция, например, живший на рубеже XIX–XX веков в США народоволец В. Г. Богораз-Тан, видевший в общинном образе жизни духоборов основу для крестьянского социализма, или большевик В. Д. Бонч-Бруевич, с 1896 года учившийся в Швейцарии и из-за границы помогавший духоборам эмигрировать в Северную Америку.

Бонч-Бруевич изучал веру и быт духоборов, издал в 1909 году их псалмы под названием «Животная книга духоборцев», а также стал автором (иногда под псевдонимом Владимир Ольховский) нескольких работ по истории религиозно-общественных движений в России²⁶⁴. Писал о духоборах и В. Г. Богораз-Тан, сначала

для прессы Америки и России, а потом в отдельной книге «Духоборы в Канаде»²⁶⁵. Наконец, нельзя не сказать и о книге Джозефа Элкинтона «Духоборы», изданной в Филадельфии в 1903 году. Джозеф Элкинсон, будучи сыном известного квакерского пастора Д. С. Элкинтона, который был одним из главных деятелей комитета американских друзей для помощи духоборским переселенцам, в 1902 году посетил большую часть поселков духоборов, о чем потом рассказал в своей книге²⁶⁶.

Таким образом, то, что запрещалось в России, получало развитие за ее пределами, в результате чего формировался огромный русский мир с русской, но многоконфессиональной и полицентричной культурой. Так, в начале 1860-х годов родину покинула известная теософ Е. П. Блаватская, которая десятилетие спустя отказалась от русского подданства и стала американской гражданкой. Деятельность Блаватской во второй половине XIX века приобрела международный размах и включала в себя организацию в Египте, США, Индии, Франции, России и других странах теософических обществ, стремившихся к созданию «всемирного братства без различия расы, цвета кожи, пола, касты и вероисповедания» и проповедовавших «освобождение мысли из-под гнета внешних форм» под лозунгом «нет религии выше истины»²⁶⁷.

Блаватская являлась редактором международных журналов «The Theosophist» («Теософ») и «Lucifer» («Люцифер»), а также автором ряда книг, главной из которых стала «Тайная доктрина» с подзаголовком «Синтез науки, религии и философии». Учение Блаватской после ее смерти в 1891 году получило дальнейшее развитие и признание. Как писал в книге 1910 года «О духовном в искусстве» В. В. Кандинский, «Е. П. Блаватская, пожалуй, первая, после долголетнего пребывания в Индии, установила крепкую связь между этими “дикарями” (индусами – *Т. П.*) и нашей культурой. Этим было положено начало одного из величайших духовных движений, которое объединяет сегодня большое число людей в “Теософском Обществе”. Общество это состоит из лож, которые путем *внутреннего* познания пытаются подойти к проблемам духа. <...> В духовной атмосфере это движение является сильным фактором и в этой форме оно, как звук избавления, дойдет до многих отчаявшихся сердец, окутанных мраком ночи, оно будет для них рукой, указующей и подающей помощь. Когда потрясены религия, наука и нравственность (последняя сильной рукой Ницше) и внешние устои угрожают падением, человек обращает свой взор от внешнего *внутрь самого себя*»²⁶⁸.

На рубеже XIX–XX веков религиозная эмиграция из России стала заметным явлением мировой политики и культуры. Так, согласно сообщению в Петербург из Гамбурга русского вице-консула, «например, в 1900 году из общего числа русских эмигрантов в 41 108 человек около 48% приходилось на долю католиков, остальные 52% распределялись приблизительно поровну между евреями и сектантами, как то менонистами, духоборами, штундистами, молоканами, субботниками и проч.; православных оказалось между ними самое незначительное число, выражающееся лишь в долях процента»²⁶⁹. И это были очень удивительные православные, наприме Андрей Гончаренко – бывший дьякон русской посольской церкви в Афинах, который в начале 1860-х годов работал наборщиком лондонской Вольной русской типографии Герцена и Огарёва, а после ее переезда в Женеву перебрался в Америку, купил в предместье Сан-Франциско землю и назвал ее «Украйна». В этом «Украйном» предместье Гончаренко построил гостиницу для приезжих русских и завел небольшую типографию, где издавал листок с символичным названием «Свобода».

К религиозному зарубежью тесно примыкала этническая эмиграция – украинских штундистов, белорусских староверов, немцев-меннонитов, поляков, иудеев и других. Причина отъезда была, как правило, одна – изменение законодательства и связанные с этим притеснения. Так, немцы Поволжья начали уезжать в середине 1870-х годов в страны Северной и Южной Америки после введения Правил 4 июня 1871 года, отменявших привилегии, «дарованные их прародителям», и введения в 1874 году всеобщей воинской повинности, от которой ранее они как меннониты, которым вера не позволяла служить, были освобождены; сыграло свою роль и то, что земля, обрабатывавшаяся ими, не являлась их собственностью, и они надеялись, что «основав в Америке новое отечество», они станут полными хозяевами заселенной ими земли²⁷⁰. В результате, только в Аргентине осело боле 106 тысяч немцев Поволжья, основавших там свои поселения с церквями и школами²⁷¹.

Но масштабнее всего была еврейская эмиграция, вызванная бытовым антисемитизмом и политикой дискриминации евреев, которая корнями своими уходила в Средние века. Как считал, например, Иван Грозный, «сии люди привозили к нам отраву телесную и душевную; продавали у нас смертоносные зелия и злословили Христа Спасителя; не хочу об них слышать»²⁷². За три столетия отношение к евреям в России мало изменилась. Но особенно нетерпимым оно стало в период правления Александра III, когда были приняты

«майские законы» 1882 года о лишении евреев ряда гражданских прав, в том числе права для некоторых категорий еврейского населения жить в крупных городах страны, в результате чего они были в принудительном порядке высланы из них в зону «черты оседлости». А в 1886 году для евреев была введена процентная норма при поступлении в высшие учебные заведения, что лишило многих из них возможности получения достойной специальности и работы. И все это на фоне постоянных еврейских погромов, сотрясавших Российскую империю в последние десятилетия ее существования.

В конце XIX – начале XX века антисемитизм в России вылился в так называемый еврейский вопрос, которым занималось и русское правительство, и русское общество. Первое пыталось решить его запретами и ограничениями, второе – пониманием его значения и сути. Так, Л. Н. Толстой считал, «что нравственное учение евреев и практика их жизни стоит без сравнения выше нравственного учения и практики жизни нашего quasi-христианского общества, признающего из христианского учения только выдуманные богословами теории покаяния и искупления, освобождающие их от всяких нравственных обязанностей, и что поэтому еврейство, держащееся нравственных основ, которые оно исповедует, во всем, что составляет цели стремлений нашего общества, берет верх над quasi-христианскими людьми, не имеющими никаких нравственных основ, и что от этого происходят зависть, ненависть и гонения. <...> Так и делают и будут делать и перестанут только тогда, когда усвоят истинные христианские основы жизни. Оставляющие далеко за собой архаические, отжитые еврейские основы нравственности...»²⁷³.

Дискриминационная политика русского правительства и погромы еврейских местечек вынуждали их население бежать из страны. Одни надеялись найти за границей работу, и трудовая эмиграция евреев, в основном в Америку, к XX веку достигла внушительных размеров; другие стремились получить высшее образование, и создававшиеся на Западе студенческие колонии выходцев из России превращались в этнические диаспоры и землячества; третьи вливались в ряды политического зарубежья, четвертые совмещали работу, учебу и политику. Например, в 1897 году из Тульской губернии в Париж перебрался А. Я. Коц, окончивший во Франции горный институт и ставший там революционером, прославившимся переводом «Интернационала» на русский язык, который в 1902 году был опубликован в Лондоне русским журналом «Жизнь» и затем получил популярность в России.

Некоторые представители еврейской эмиграции смогли достичь выдающихся успехов. Так, пальма первенства в создании вакцин против холеры и чумы принадлежит биологу В. А. Хавкину, выпускнику Новороссийского университета, ректорат которого согласился взять его на научную работу только при условии перехода в православие, что Владимир Аронович счел для себя невозможным, и в 1888 году навсегда покинул Россию. По приглашению своего учителя И. И. Мечникова, возглавлявшего лабораторию в парижском Институте Луи Пастера, Хавкин в 1889 году стал его научным сотрудником. После нескольких лет лабораторных анализов он создал первую действенную вакцину против холеры, которой болел тогда почти весь мир. Испытав ее на себе и оценив ее эффективность, Хавкин при поддержке руководства Великобритании в 1893 году отправился в Калькутту. Там он, назначенный главным бактериологом индийского правительства, вакцинировал от холеры и спас от смерти десятки тысяч человек, однако спустя три года во втором по величине городе Индии Бомбее произошла вспышка другой, еще более опасной эпидемии – чумы. Она заставила «русского доктора», как его называли индийцы, в октябре 1896 года срочно создать в губернаторском доме на окраине Бомбея противочумную лабораторию, где за три месяца им был разработан и опробован на себе необходимый препарат. В результате, «к началу XX века в Индии число вакцинированных по методу Хавкина достигло четырех миллионов», его лаборатория в Бомбее превратилась в крупный бактериологический центр, названный Институтом Хавкина, а сам он в 1899 году стал кавалером «Выдающегося ордена Индийской империи» – одного из рыцарских орденов Великобритании, который лично вручала ему королева Виктория; кроме того, он был также «избран почетным членом многих научных обществ и академий многих стран Европы и Азии», кроме России...²⁷⁴. Участвовал В. А. Хавкин и в сионистском движении в качестве защитника гражданских прав евреев, мецената и просветителя, члена центрального комитета Всемирного еврейского союза и участника Еврейского колонизационного общества.

Ученым мирового уровня стал Давид Сарнов, уехавший в США на самом переломе XIX–XX веков. Начав в 1906 году скромно работать в акционерном обществе «Маркони и К°», он через двадцать лет основал Национальную радиовещательную компанию (NBC), в 1930 году стал президентом Радиовещательной корпорации Америки (RCA), а в 1939 году организовал в США регулярное телевидение, сначала черно-белое, а затем и цветное. Сарнов являл-

ся советником нескольких президентов США и почетным доктором ряда американских университетов, а Международный институт инженеров-электриков учредил премию имени Давида Сарнова за достижения в области электроники.

Немало выходцев из России вошло в число основателей и деятелей Голливуда: Лазарь Майер (Луис Майер) и Шмуэль Гельбфиш (Сэмьюэл Голдвин), учредившие кинокомпанию «Metro-Goldwin-Mayer», братья Джозеф и Николас Шенк, участвовавшие в создании кинокомпании «XX век – Фокс», режиссер Лев Мильштейн (Льюис Майлстоун), ставший одним из первых лауреатов «Оскара» за картины «На западном фронте без перемен» и «Два арабских рыцаря». Всемирную известность получили также скрипачи Яша Хейфец, родившийся в 1901 году в городе Вильно (Вильнюсе) Российской империи и с 1917 года живший в США, и Иегуди Менухин, появившийся на свет в 1916 году в семье эмигрантов из России и прославившийся не только в качестве скрипача, но и дирижера. Наконец, нельзя не сказать и о таком известном театральном-музыкальном продюсере как Сол Юрок (Соломон Израилевич Гурков), который в 1906 году обосновался в США, где занялся организацией американских гастролей крупных мастеров культуры: Анны Павловой, Федора Шаляпина, Айседоры Дункан. С 1907 года стал жить в Европе Л. С. Бакст – художник, сценограф, театральный декоратор дягилевских «Русских сезонов», который не смог получить в России вида на жительство вне еврейской черты оседлости. Европа дала Льву Баксту свободу передвижения и творчества, что позволило ему войти в историю культуры в качестве новатора разработки театральных костюмов и декораций, многие из которых ныне бережно хранятся в Милане (галерея Леванте), в Лугано (в коллекции Тиссен-Борнемиса) и других собраниях.

Достичь успеха вне родины, безусловно, суждено было единицам, за ним стоял каторжный труд, но и он многим казался лучше жизни в России, о которой скульптор Н. Л. Аронсон, поселившийся в Париже, а затем и в Америке, писал: «Я убежден, что, будучи евреем, не могу рассчитывать на справедливый художественный суд в России, ни даже на культурное отношение к себе. <...> Когда прекратится нынешняя свистопляска черносотенных лжепатриотов, когда правда и справедливость, идеи свободы и прогресса не будут больше преследоваться на родине, тогда я буду рад принести свою скромную лепту и принять участие в общей работе на славу дорогого отечества»²⁷⁸. Такого же мнения придерживался и поэт, переводчик, хореограф Валентин Парнах (старший брат поэтессы Софии

Парнок), который в знак протеста против антисемитизма в России в 1916 году уехал в Париж, прожил в эмиграции четырнадцать лет, а затем, когда в стране утвердился интернационализм, вернулся на родину.

В общей сложности, в 1881–1906 годы из Российской империи выехало более миллиона евреев – 100 5767 человек, при этом если, например, в самом начале XX века ежегодно эмигрировало 37–38 тыс., то в 1906 году эта цифра возросла втрое и составила свыше 125 тыс.²⁷⁶ Основную их часть составляла трудовая миграция, разбрасывавшая людей по всему свету, но более всего через океан в Америку, которая, как писал посетивший ее в начале 1890-х годов В. Г. Короленко, «не трогает ничьей веры», а «берет себе человека. Ну, а когда человек станет другой, то и вера у него станет уже другая», и сердце «станет другое, и иная душа, и чужая молитва...»²⁷⁷. Америка будет видаться ему «как земля обетованная, как вторая родина, которая должна быть такая же дорогая, как и старая родина. Такая же, как и старая, только гораздо лучше»²⁷⁸. Конечно, не всем из переселенцев удавалось прижиться в новой стране, поскольку, как говорил один из них, «на родине мне хочется того, что есть здесь... Свободы, своей... Не чужой... А здесь... Здесь мне хочется родины», и это двойственное желание, с одной стороны, подталкивало к отъезду из Америки, а с другой стороны, говорило о том, что «если бы он не отвернулся сразу от этой страны, от ее людей, от ее города, если бы он оказал более внимания к ее языку и обычаю, если бы он не осудил в ней сразу, заодно, и дурное и хорошее», то «и ему нашлось бы место в этой жизни...»²⁷⁹.

Перевалочным пунктом на пути из России в Америку была Англия, где оседало немало российских евреев: если в 1871 году их на Альбионе было 51 250 человек, то в 1911 году уже 95 541²⁸⁰. Но все же основная масса религиозно-этнических эмигрантов на рубеже XIX–XX веков стремилась дальше за океан и не только в Северную, но и в Южную Америку. Так, побывавший в Аргентине агроном Н. А. Крюков писал: «За последние 20 лет (1889–1909) выходцев из России осталось в Аргентине около 85 000 человек. Но само собой разумеется, это не русские люди, а главным образом евреи, частью поляки и только ничтожное количество приходится на собственно русских», при этом «евреи вспоминают о России очень хорошо, нигде я не заметил ни злобы, ни ненависти. Все их заявления на этот счет можно выразить словами одного из колонистов: “Хорошая страна Россия, никакая Аргентина ничего не стоит в сравнении...”. Все евреи привозят в числе необходимых вещей

самовары, все они любят чай. “Скучаем по России, – говорили почтенные хозяева. – Как хотите, все-таки родина, а родину всякий любит. Здесь хоть и свободно жить и никто тебя не трогает, но только все какое-то чужое, ко всему надо привыкать”. Вновь прибывшие переселенцы, в особенности женщины, поражаются дороговизной в Аргентине; они, конечно, невольно все сравнивают с местами, где жили, но при этом забывают, что и заработки в Аргентине сравнительно громадные. Одна женщина говорила: “У нас в Минской губернии башмаки стоят 2 рубля, а нужно починить, так гривенник или пятиалтынный, а здесь башмаки 8 пезо (6 рублей 50 копеек), да и чинить негде”... Однако, обжившись, сами же потом видят, что хотя башмаки стоят 8 пезо, но люди могут добыть столько, что легко им купить 3–4 пары таких башмаков в год. Характерно также заявление недавно прибывшего колониста. “Служил я в военной службе беспорочно пять лет, пришел домой, хотел заняться чем-нибудь, а урядник мне говорит: тебе здесь жить нельзя. Как! Почему? А он отвечает: такая полоса вышла. Думал, думал, что тут делать, ну и решил ехать в Аргентину”. Когда евреи прибывают в Буэнос-Айрес, то все поражаются их странным изношенным видом: длиннополые сюртуки, грязные, в заплатках, странные какие-то шапки, пейсы, на худых лицах уныние и гнет. Но в Аргентине они скоро преображаются: одежда как у всех аргентинцев, пейсов более не носят, лица открытые, смелые. В особенности молодое поколение, успевшее уже пройти школу и говорящее по-испански, становится настоящими аргентинцами; молодежь быстро усваивает образ жизни, манеры, обычаи и интересы аргентинцев»²⁸¹.

В XIX веке эмиграция из России достигла берегов Австралии, где по переписи 1891 года жил 2881 россиянин, в основном иудейской веры, а ко времени создания Австралийского союза в 1901 году их насчитывалось уже 3358 человек²⁸². Еще через десять лет выходцев из России стало в Австралии на тысячу больше, однако это уже были преимущественно русские крестьяне, перебивавшиеся из Сибири и Дальнего Востока через Японию и Китай на новые земли. Правда, не всегда процесс их адаптации шел успешно, в результате чего некоторые эмигранты возвращались обратно на родину. При этом реэмиграция имела место не только на дальних континентах, но и в странах, граничивших с Россией. Так, зимой 1913 года военный министр В. А. Сухомлинов «вошел с представлением в Совет министров о разрешении принять обратно в подданство России возвратившихся из Турции карачаевцев, в числе 34 семейств, выселившихся, с Высочайшего соизволения, в 1905 году. Совет министров

не встретил препятствий к удовлетворению означенного представления»²⁸³. Для малого народа Российской империи, насчитывавшего по переписи 1897 года всего 26 877 карачаевцев, такое пополнение было существенным.

От декабристов до революционеров Русская политическая эмиграция и ее наследие

Русская политическая эмиграция XIX века оставила заметный след в мировой истории и культуре. Одним из первых ярких ее представителей был декабрист Н. И. Тургенев – «изгнанник особого рода, который, проведя почти полстолетия в отдалении от родины, жил, можно сказать, только Россией и для России», постоянно «следил за всем, что совершалось в России хорошего и дурного, радостного и печального, – и отзывался живым словом и печатной речью на все жизненные вопросы нашего быта», в результате чего появились работы «О России и русских» («La Russie et les Russes»; Paris, 1847), «Россия и современный европейский кризис» («La Russie en presence de la crise Europeenne»; Paris, 1848), «О суде присяжных и о судах полицейских в России» (Русский заграничный сборник, ч. IV, тетр. 1. Лейпциг, 1860), «О нравственном отношении России к Европе» (Лейпциг, 1869) и другие²⁸⁴. Писатель И. С. Тургенев говорил о Н. И. Тургеневе, что «беллетристика и художество его интересовали мало: он был человек по преимуществу политический, государственный, в высокой степени одаренный чувством равновесия и меры»; «Он говорил охотно; но все мысли его до того были обращены на современное или на будущее, что о прошедшем он распространялся мало», ибо «в душе Николая Ивановича жила несокрушимая любовь к правосудию, к справедливости, к разумной свободе – и такая же ненависть к угнетению и кривосудию», поэтому его пример, «пример человека, неуклонно преданного тому, что он признал за правду, полезен и нужен всем нам, русским!»²⁸⁵

Поскольку в царской России распространение сведений о декабристах, кроме официального «Донесения Следственной комиссии», запрещалось, постольку ее обнародование за границей приобретало большое значение, особенно в связи с тем, что число сохранившихся произведений декабристов было невелико, а их важность для понимания русской истории и культуры огромна. Как отмечал Ю. М. Лотман, «декабристы проявили значительную творческую энергию в создании особого типа русского человека, резко

отличного по своему поведению от всего, что знала предшествующая история. В этом смысле они выступили как подлинные новаторы»²⁸⁶. Поэтому в зарубежье старались издавать как можно больше материалов, касавшихся декабристов.

Особенно много в этом плане сделал А. И. Герцен, считавший, что для событий 14 декабря 1825 года уже «настала история» и пора обратиться к ним «с серьезной и покойной мыслию и постараться понять их смысл»²⁸⁷. Лондонская Вольная русская типография Герцена публиковала в книгах «Полярной звезды» и «Исторического сборника» скрытно доставлявшиеся в Европу материалы декабристов: «Разбор донесения Тайной Следственной комиссии» М. С. Лунина (1858), «14 декабря 1825 и император Николай» (1858), «Записку о Сибири В. И. Штейнгеля» и «Письмо барона Штейнгеля к императору Николаю» (1859), «Обозрение проявлений политической жизни в России» М. А. Фонвизина (1861) и другие²⁸⁸. Как писал Герцену декабрист И. Д. Якушкин по поводу первой книги журнала «Полярная звезда», ее «с великим чувством читают в Сибири, особенно люди, которые сочувствуют вашим убеждениям и ценят вполне прекрасное ваше направление и благородный труд»; Вы «говорите, как свободный русский человек, и свободная ваша речь для всякого русского человека как будто летящий от родины глас»²⁸⁹.

Наследие декабристов печаталось также издательством В. Гергарда в Лейпциге в многотомной серии «Русской библиотеки», основанной в 1857 году Г. И. Миклашевским, представлялось в «Русских заграничных сборниках» парижского издателя А. Франка, публиковавшего их в лейпцигской типографии Бера, освещалось лондонским журналом «English Republic», в пятом номере которого за 1851 год вышла, например, статья «Наши мученики. III. Пестель и русские республиканцы» («Our Myrtyrs. III. Pestel and Russian Republicans»), наконец, распространялось польской политической эмиграцией, изучавшей традиции декабристского движения и выступавшей «за вашу и нашу свободу», например, на торжественном собрании в Брюсселе, которое состоялось в феврале 1848 года и было «посвящено погибшим в царской России революционерам и приурочено к девятой годовщине казни руководителя Содружества польского народа Шимона Конарского», или в польском воззвании 1853 года «Революционный долг России» («Revolucyjny obowiazek Rosji»), призывавшим «объединить силы русского и польского народов в борьбе против царского самодержавия»²⁹⁰.

В 1840 году в Берлин приехал будущий «отец революции» (по выражению А. В. Амфитеатрова) М. А. Бакунин. Первоначально он планировал лишь пополнить свое образование, «без помех, со всей серьезностью изучить современные немецкие общественные науки и прежде всего философию», для чего поступил в Берлинский университет и вошел в круг немецкой профессуры²⁹¹. Однако вскоре увлечение наукой прошло, уступив место острому интересу «к жизни и борьбе». Как писал Герцен, давший Бакунину деньги на поездку в Европу и следивший за его судьбой, «Бакунин не видел другого средства разрешить антиномию между мышлением и действительностью, кроме борьбы, и он все более и более становился революционером»²⁹². Считая, что «правительство, государь, государство кроме зла ничего народу не делали и сделать не могут», он страстно окунулся в работу по их устранению²⁹³. На родине ее вести было невозможно, поэтому Бакунин решил навсегда поселиться за границей: «Я не гождусь теперешней России, я испорчен для нее, — объяснял он, — а здесь я чувствую, что я хочу еще жить, я могу здесь действовать, во мне еще много юности и энергии для Европы», именно «здесь мое место» и «здесь я яснее всех вижу, чувствую и знаю, что нужно...»²⁹⁴. Однако русское правительство думало иначе и потребовало от Бакунина возвращения в Россию, а получив отказ, лишило его дворянского достоинства, всех прав и состояний.

Бакунин полагал, что на Западе он сможет в полной мере реализовать свой главный постулат — «Страсть к разрушению есть творческая страсть»²⁹⁵. Но власти Европы не менее царизма опасались «страсти разрушения», и за участие в восстаниях 1848–1849 годов в Праге и Дрездене его подвергли аресту, суду, а затем и выдачи правительству России. На родине Бакунин был заточен в Петропавловскую крепость, где написал свою знаменитую «Исповедь», адресованную императору Николаю I: «Когда обойдешь мир, везде найдешь много зла, притеснений, неправды, а в России, может быть более чем в других государствах, — объяснял он царю. — Не от того, чтобы в России люди были хуже, чем в Западной Европе; напротив, я думаю, что русский человек лучше, добрее, шире душой, чем западный; но на Западе против зла есть лекарство: публичность, общественное мнение, наконец, свобода, облагораживающая и возвышающая всякого человека. Это лекарство не существует в России. Западная Европа потому иногда кажется хуже, что в ней всякое зло выходит наружу, мало что остается тайным. В России же все болезни входят во внутрь, съедают самый внутренний состав общественного организма. В России главный двигатель страх, а страх

убивает всякую жизнь, всякий ум, всякое благородное движение души... Русская общественная жизнь есть цепь взаимных притеснений: высший гнетет низшего; сей терпит, жаловаться не смеет, но за то жмет еще низшего...»²⁹⁶.

Николай I оставил «Исповедь» без ответа, но решил все же перевести Бакунина в «секретную тюрьму» Шлиссельбургской крепости, из которой он в 1857 году уже по указу Александра II был отправлен на «вечное поселение» в Сибирь. Однако в 1861 году Бакунину удалось бежать из ссылки через Японию и Америку в Лондон к Герцену и Огарёву, оказавших ему всяческую поддержку и подключивших к изданию «Колокола», что вызвало у беглеца-признательные слова: «Вы оба моя окончательная совесть»²⁹⁷. Уже через год Бакунин примкнул к польскому восстанию, а в 1864 году на лондонском митинге в поддержку национально-освободительной борьбы поляков вместе с К. Марксом принял участие в создании Первого Интернационала – Международного товарищества рабочих. И хотя впоследствии Бакунин как противник марксизма, диктатуры пролетариата и государственности был из него исключен, его вклад в интернациональное сплочение трудящихся ценится до сих пор.

В 1864 году М. А. Бакунин поселился в Италии. Художник Н. Н. Ге вспоминал, что он «производил впечатление большого корабля без мачт, без руля, двигавшегося по ветру, не зная, куда и зачем. Около него стояла молодая, чрезвычайно красивая полька, его жена, целый круг польских и русских эмигрантов, затем простых граждан, знакомых»²⁹⁸. В Италии Бакунин создал Международный альянс социалистической демократии и тайное «Интернациональное братство», для которого им был написан «Революционный катехизис», ставший на десятилетия вперед программным документом многих радикалов мира. А спустя два года уже в Швейцарии, являвшейся центром сосредоточения русских народников – Н. И. Утина, А. Д. Трусова, А. А. Серно-Соловьевича, О. С. Левашёва, Н. И. Жуковского – Бакунин наладил выпуск «Народного дела» (с сентября 1868 по сентябрь 1870 года), в первом номере которого говорилось: «Мы хотим полного умственного и социального освобождения народа... I. Умственного освобождения, потому что без него политическая и социальная свобода не могут быть ни полными, ни твердыми... II. Социально-экономического освобождения народа, без которого всякая свобода была бы отвратительной и пустой ложью...»²⁹⁹.

Ге Н. Н. Портрет М. А. Бакунина.
1871. Государственный музей
изобразительных искусств
Кыргыстана, Бишкек.

Для себя Бакунин выбрал первый пункт, полагая, что революционная борьба есть удел молодых, а он значительно больше пользы принесет на идейном и литературном поприще. На состоявшемся в сентябре 1867 года в Женеве первом конгрессе Лиги мира и свободы Бакунин вместе с Огарёвым был избран от России вице-президентом ее постоянного комитета, что позволило ему использовать заседания конгресса в качестве трибуны для пропаганды своей анархистской программы. Ей же он посвятил и все последние годы жизни, тесно общаясь с русскими студентами цюрихского университета, среди которых была В. Н. Фигнер³⁰⁰, и работая над своим главным фунда-

ментальным трудом – «Государственность и анархия. Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих» (Цюрих, 1873). Эта книга стала одним из самых популярных революционных сочинений XIX – первой половины XX века, также как и «Манифест коммунистической партии» и «Капитал» К. Маркса, которые переводились Бакуниным на русский язык по заказу петербургского издателя Полякова. Умер Бакунин летом 1876 года в Швейцарии, о которой говорил: «Хорошо здесь! Тихо, мирно – думай, сколько хочешь и делай на свободе»³⁰¹. Могила М. А. Бакунина находится на Бремгартенском кладбище в Берне, а память о нем как о выдающемся мыслителе, теоретике анархизма и борце за свободную федерализацию народов (федерацию вольных общин, в том числе славянских), сохраняется во всем мире до сих пор³⁰².

Другим не менее знаменитым эмигрантом, товарищем Бакунина, был А. И. Герцен, знавший Запад «задолго до 21 января 1847 года, когда покинул Россию», и приехавший за границу уже «политическим мыслителем, располагавшим огромным материалом, пестрым и разнообразным арсеналом фактов, аргументов, конкретных примеров, которыегодились ему и для идейной борьбы, и для внутренней аналитической работы» и литературной

деятельности³⁰³. Герцен с семьей (женой, матерью, детьми) зимой 1847 года сначала прибыл в Берлин, потом уехал в Париж, где провел весну и лето, затем посетил Ниццу, на зиму 1848 года переехал в Рим, откуда съездил в Неаполь, а затем снова вернулся в Париж.

В охваченной революцией Европе Герцен столкнулся с двойной драмой: масштабной социальной борьбой масс и семейной трагедией, вызванной изменой жены, гибелью на море матери и сына и последовавшей за этим скоропостижной смертью супруги. Все это давало Герцену богатую пищу для размышлений, но, как писал академик Е. В. Тарле, в том-то и состояла «тайна герценовского таланта, что он делает нам одинаково близкой и историю, и личную жизнь свою, и читателю ничуть не странно, ему даже в голову не придет удивляться этой внешне причудливой мешанине листов из записной книжки, заметок, набросков мыслей, где так тесно сплелись две печальные повести, где “ума холодные наблюдения” и “сердца горестные заметы” так дополняют друг друга; горе личное и разочарование общественное тяжким гнетом и долгие годы давили этого необыкновенного человека, а он записывал симптомы и течение этих двух болезней своей души и сделал то, что поколения читателей одинаково волнуются обеими»³⁰⁴.

На Западе Герцен прожил двадцать три года вплоть до своей смерти в Париже в 1870 году. Как и в случае с Бакуниным, по «невозвращенцу Герцену» Правительствующий сенат России весной 1851 года утвердил заключение Петербургского надворного суда и уголовной палаты о лишении его прав состояния и вечном изгнании из страны. Но перестав быть по воле русской власти подданным своего отечества, он почти сразу же стал гражданином Швейцарии, поскольку «жители общины Шатель округа дю Ляк Фрибурского кантона выразили согласие принять Герцена и его семью в число своих сограждан» с условием, что он сделает взнос общине Шатель в 1500 фр., положит во Фрибурский кантональный банк 25 тыс. фр. до совершеннолетия своих детей, представит документ о покупке в Париже дома стоимостью в 100 тыс. фр. и принесет «свидетельство о доброй нравственности», выданное ему бургомистром (синодиком) Ниццы, где он последнее время жил³⁰⁵.

Все было полностью исполнено, и 27 апреля 1851 года Государственный совет Фрибурского кантона известил федеральные министерства иностранных дел, внутренних дел и финансов Швейцарии о предоставлении гражданства русскому эмигранту Александру Герцену, что позволило властям выдать ему 11 июня швейцарский

паспорт: «Ступивши на швейцарскую землю, я почувствовал, действительно, себя свободным, – говорил Герцен; да, здесь, до военного занятия всей страны, опасности нет...»³⁰⁶. А приехав в общину Шатель с целью выражения благодарности ее жителям за приют, Герцен говорил: «Я, любезные граждане, не за тем оставил родину, чтобы искать себе другой: я всем сердцем люблю народ русский, а Россию оставил потому, что не мог быть немым и праздным свидетелем ее угнетения; я оставил ее после ссылки, преследуемый свирепым самовластием Николая», и «Вы, граждане Шателя, вы, эти несколько человек, вы смогли, принимая меня в вашу среду, остановить занесенную руку русского императора, вооруженную миллионном штыков. *Вы сильнее его!*»³⁰⁷.

Царское правительство навсегда закрыло Герцену путь домой, где в случае возвращения его ждала каторга, однако придворная знать в лице, например, князя Волконского все равно считала его эмигрантство «чем-то недопустимым» и полагала, «во-первых, что человек должен иметь мужество своих убеждений в своей стране, не выезжать за границу», а «во-вторых, он находил, что сидеть в Лондоне и на глазах Европы выносить сор из избы, как делал Герцен в своем “Колоколе”, не достойно человека, который любит родину»³⁰⁸. Также думал и Н. И. Греч, обвинявший Герцена в «неуважении к святыне и власти»³⁰⁹. Однако подобные выпады не останавливали Герцена: «Есть одна вещь, которую я люблю до безумия в своей жизни, – это независимость, – говорил он в 1853 году. – Единственное, что мне остается, – это еще энергия борьбы, и я буду бороться. Борьба – моя поэзия»³¹⁰. Она не только способствовала расширению протестной деятельности Герцена, как он сам писал, «с другого берега» («Vom anderen Ufer»), но и толкала его к объединению с европейскими оппозиционерами, например, с анархистом П.-Ж. Прудоном и его газетой «Voix du Peuple» («Глас народа»), с румынским политиком К.-А. Россети, написавшим под влиянием Герцена книгу «Russia» (Paris, 1852), обличавшую русское самодержавие, и другими³¹¹.

Герцен писал из Парижа 1 марта 1849 года своим соратникам в России: «Наша разлука продолжится еще долго – может, всегда... Я подожду до тех пор, пока усталая власть... не признает *чего-нибудь* достойным уважения в русском человеке! Пожалуйста, не ошибитесь; не радость, не рассеяние, не отдых, ни даже личную безопасность нашел я здесь... Зачем же я остаюсь? Остаюсь затем, что борьба *здесь*, что, несмотря на кровь и слезы, здесь разрешаются общественные вопросы, что здесь страдания болезненны, жгучи, но

гласны, борьба открытая... с свободной речью. Где не погибло слово и дело еще не погибло»³¹². И хотя царизм пытался как-то повлиять на Герцена, в том числе посредством зарубежного официозного издания «Le Nord», печатавшегося на деньги правительства России, это вызывало лишь глубокий сарказм: «В Норде сквозь все тонкости / Языка французского / Так вот так и чувствуешь / Погань поля русского», – писал Н. П. Огарёв³¹³. Некоторые представители властной элиты, обеспокоенные тем, что русская молодежь увлечена сочинениями Герцена, «изучает их, заучивает наизусть и относится к ним, чуть ли не как к Евангелию», предлагала даже подкупить Герцена, а если он на это не пойдет, то... «вернуть в Россию, даровав ему полную амнистию» и тем самым лишить его ореола изгнанника³¹⁴. Но Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии не согласилось с этим и, как писал начальник штаба корпуса жандармов А. Е. Тимашев, «уничтожить значение писаний Герцена совершенной свободой печатания, какова она в Англии, при монархическом неограниченном правлении невозможно и *значило бы убить себя из опасения быть убитым*»³¹⁵.

Герцен, отвечая всем противникам эмиграции, объяснял, что она – «мое право, мой долг; это единственный протест, который может у нас сделать личность, эту жертву она должна принести своему человеческому достоинству. Ежели вы назовете мое удаление бегством, это будет значить, что *вы* еще не совершенно свободны»; ведь «в самые худшие времена европейской истории мы встречаем некоторое уважение к личности, некоторое признание независимости – некоторые права, уступаемые таланту, гению. ...Спинозу не послали на поселение, Лессинга не секли или не отдали в солдаты», и «в Европе никогда не считали преступником живущего за границей и изменником переселяющегося в Америку. У нас нет ничего подобного... Свободное слово у нас всегда считалось за дерзость, самобытность – за крамолу», но «я остаюсь здесь не только потому, что мне противно, переезжая через границу, снова надеть колодки, но для того, чтобы работать», ибо «я здесь полезнее, я здесь бесценная речь ваша, ваш свободный орган», ведь когда «свободная речь раздавалась *издали*, самое это издали придавало словам их силу и власть, потому что за словами виднелись действия, жертвы», и «эмиграция – первый признак приближающегося переворота»³¹⁶.

В зарубежье Герцен много работал и активно публиковался. У него вышли «Письма из Франции и Италии» («Briefe aus Italien und Frankreich») в разных редакциях и переводах³¹⁷; книга «С другого берега» («Vom anderen Ufer»), которая появилась в немецком

(Гамбург, 1850), русском (Лондон, 1855) и французском (Женева, 1870) изданиях и, по словам автора, представляла «логическую исповедь» о восприятии им заграничной жизни сквозь «философию революции»³¹⁸; работа «О развитии революционных идей в России» («Von der Entwicklung der revolutionären Ideen in Rußland. Aus dem russischen Manuscripte»), почти одновременно выпущенная брошюрой по-французски в Париже и Ницце, и частями по-немецки в «Немецком ежемесячнике политики, науки, искусства и жизни» («Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben») за 1851 год; брошюра «Русский народ и социализм», изданная в Париже в 1852 году³¹⁹; книга «Социальные условия России» («Rußlands soziale Zustände von Alexandre Herzen»), вышедшая в Гамбурге в 1854 году³²⁰; повести и рассказы («Трагедия за стаканом грога», «Скуки ради», «Доктор Крупов» и др.), изданные на русском и немецком языках³²¹; мемуары «Былое и думы», выходившие отдельными томами, частями и главами в разных странах и на разных языках, а также многочисленные публикации в мировой прессе: «Daily News», «Evening Star», «Journal des Débats» и других изданиях.

Кроме этого, Герцен был автором предисловий к им же изданным в Европе «Запискам» Екатерины II («Мемуарам Екатерины II, написанным ею самой») и мемуарам Екатерины Дашковой³²², которые вызвали огромный интерес на Западе и в России, интерес не столько исторический, сколько политический. Как писал Герцену Ж. Мишле, эти публикации – «с вашей стороны – настоящая заслуга и большое мужество. Династии помнят такие вещи больше, чем о какой-либо политической оппозиции»³²³. Неудивительно, что сразу после публикации «Записок» Екатерины II ее внук Александр II в сентябре 1858 года распорядился купить за границей все их экземпляры. В общем, тематически разнообразная творческая деятельность Герцена, по его словам, была направлена на то, чтобы «сообщить миру о двух вещах. Во-первых – что Россия не только казарма и царская канцелярия, но что она носит в себе глубоко революционные элементы, *анархические* в дворянстве, коммунистические в народе. Во-вторых – что Запад вовсе не так дьявольски революционен, как он воображает», и Николай I на Запад «не может принести ничего, кроме иноземного бонапартизма» и «виселицы с распятием»³²⁴.

Европейская критика внимательно следила за трудами А. И. Герцена и откликалась на них многочисленными рецензиями и критическими статьями. Так, в предисловии к немецкому изда-

нию 1851 года работы «Кто виноват?» («Wer ist schuld?») ее переводчик В. Вольфзон писал о Герцене: «Высокоидеальное и нравственное содержание его сочинений выступает еще сильнее в его личности. <...> Искренность и правда – основные черты его характера; у него нет тайн», и «что у него на уме, то и на языке. Это не только ясный ум, но и прозрачная душа. Ему чуждо лицемерие во всяком виде»³²⁵. В том же 1851 году парижский журнал «Liberte de penser» в сороковом номере напечатал статью Э. Освальда «Очерки о России» («Etudes sur la Russie»), разбиравшую книгу Герцена «С другого берега» и отмечавшую ее большое значение для понимания русского народа и России. В 1854 году «Revue des Deux Mondes» в № 7 второго выпуска опубликовал статью А. Делава «Современный роман в России. Г-н Александр Герцен» («Le roman contemporain en Russie. M. Alexandre Herzen»), утверждавшую, что Герцен «уже занял место среди самых талантливых продолжателей Гоголя», а в № 9 первого выпуска того же издания Делава в статье «Годы тюрьмы и ссылки одного русского писателя» («Les annes de prison et d'exil d'un ecrivain russe») дал анализ сочинения Герцена «Тюрьма и ссылка»³²⁶. Конечно, консервативная часть западного общества негативно оценивала деятельность Герцена, так же как и левые радикалы вместе с К. Марксом, который писал о «мазне Герцена» и говорил о том, что «не хочет никогда и нигде фигурировать рядом с Герценом, так как не придерживается мнения, будто старая Европа должна быть обновлена русской кровью»³²⁷. Все это, однако, заглушалось отзывами демократов, например редактора «People's Paper» («Народной газеты») Э.-Ч. Джонса, утверждавшего в № 146 за 1855 год, что «Герцен стоит во главе русской демократической литературы, он является самым выдающимся из эмигрантов его страны», или переводчицы Т. Пульской, которая в предисловии к английскому изданию «Героя нашего времени» Лермонтова назвала Герцена «замечательным русским изгнанником, который стремится гармонически слить немецкую философию, французские политические теории и здравый английский политический смысл со своей самобытной русской натурой»³²⁸.

Читали сочинения Герцена и в России. Профессор Т. Н. Грановский писал по этому поводу: «Есть негодяи, бранящие тебя, – потому – бедны умом и подлы сердцем. Книги твои («Vom anderen Ufer», «Briefe aus Italien und Frankreich») дошли до нас. Я читал их с радостью и с горьким чувством. <...> Ты стоишь одиноко. Ты, скажу без увлечения, значительный писатель, у тебя есть условия сделаться великим писателем, но то, что было в России живого и

симпатичного для всех в твоём таланте, как будто исчезло на чуждой почве. Ты пишешь теперь для немногих, способных понять твою мысль и не оскорбиться ею»³²⁹. При этом Грановский сообщал Герцену, что «должен был раздать все бывшие у меня портреты твои (кроме одного, парижского) разным юношам», настолько его личность была притягательна для молодежи³³⁰. Ответ Грановскому пришел почти сразу: «Я не любить научился здесь, а ненавидеть, не смеяться, а оскорблять. Я страшно одинок, — писал Герцен в июне 1851 года. — Зачем вы жалеете об том, что я остался здесь. <...> Что я сделал бы в России с железным намордником?»³³¹.

Герцен был убежден в том, что за рубежом «служил на пользу России словом и делом» и «не старался о возвращении, чтоб знакомить Европу с Россией и быть свободным ее органом», но всякий раз это нужно было объяснять своим оппонентам как в России, так и на Западе³³². В критическом отношении Герцена к царскому режиму они видели «оскорбление родины» и считали, что «патриотизм — добродетель, для него необязательная»³³³. Но были и другие мнения. Так, «*Berner Zeitung*» в статье «*Rußland, das russische Volk*» («Россия, русский народ»), опубликованной в марте 1855 года, отмечала, что демократ Герцен стремится «реабилитировать русский народ <...> низшие классы в общественном мнении Европы», которое считает их «варварами, игнорирующими законы и мораль», а он относится к ним «с той патриотической теплотой, которая свидетельствует о благородном убеждении»; об этом же писала и «*Allgemeine Zeitung*» в приложении к № 73 за 1855 год, говоря, что Герцен «имеет высокое понятие о значении и призвании своей нации»³³⁴.

В феврале 1853 года Герцен на свои средства и с целью «пробуждения умственного движения» в отечестве приступил к созданию при лондонской типографии польских эмигрантов Вольной русской типографии и русской бесцензурной печати за границей. В воззвании «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси» он сообщал «всем свободомыслящим русским», что с первого мая 1853 типография будет открыта и необходимо присылать для публикации запрещенные в России или искаженные цензурой сочинения А. Пушкина, К. Рылеева, М. Лермонтова, В. Печерина и прочих авторов. А до их получения Герцен издавал на русском языке свои сочинения: «Письма из Франции и Италии», «С того берега», «Тюрьма и ссылка», листовки «Юрьев день! Юрьев день!», «Крещенная собственность» и другие. В 1855 году Герцен приступил к выпуску первого периодического издания Вольной русской типографии «Полярная звезда». О готовности сотрудничать в нем

заявили Л. Блан, Ж. Мишле, П.-Ж. Прудон и даже В. Гюго, писавший Герцену: «Вы совершаете дело европейское, вы совершаете дело человеческое, вы совершаете дело умное... *Обозрение*, которое вы основываете, будет одним из самых благородных знамен идеи. Я вам рукоплещу, благодарю вас и поздравляю»³³⁵. В 1856 году к альманаху «Полярная звезда» прибавилось издание периодического сборника статей «Голоса из России», а в 1857 году и газеты «Колокол», которая выходила в течение десяти лет. На все эти издания был большой спрос, например один только берлинский магазин М. Шлезингера на улице Унтер ден Линден за неделю 1857 года продал 33 экземпляра «Полярной звезды», и Герцен с гордостью сообщал своим корреспондентам, в том числе И. С. Тургеневу, о том, что «все книги до единой проданы», и «мы едва справляемся, так как работаем только вдвоем: я, Огарёв и типограф. Мои книги продаются превосходно, издержки полностью покрываются»³³⁶.

Организация бесцензурной печати находила поддержку в широких слоях образованного общества, выражавших Герцену, а также его другу Н. П. Огарёву, эмигрировавшему в 1856 году, глубокую признательность за создание зарубежной «сокровищницы свободной русской мысли», за то, что они «самоотверженно ставят свое знамя на берегах Темзы и, обрекая себя изгнанию, звонят в набатный колокол, не давая заснуть родине»³³⁷. Как говорил Герцену литератор Н. А. Мельгунов, «ведь ты наш язык, наш вечевой колокол»³³⁸. А историк К. Д. Кавелин писал Герцену из России: «Роль твоя, друг, велика и благотворна. Влияние твое *безмерно*» и «в твоих руках огромная власть... По твоим статьям поднимаются уголовные дела, давно преданные забвению, твоим “Колоколом” грозят властям. <...> Немногим выпадает такая достойная и высокая роль в жизни, как тебе, друг! Сравнивая тебя с Курбским, нельзя не порадоваться и тому, насколько мы нравственно выросли в этот промежуток времени. Будь же выборным Русской земли, пусть благовест твоего “Колокола” широко раздается в ней, пробуждая мертвых и живых на общее дело»³³⁹.

Правда, звон «Колокола» слышало и русское правительство, следившее за Герценом, собиравшее и изучавшее его материалы. Так, директор Публичной библиотеки М. А. Корф писал в 1854 году из Петербурга в Берлин: «Часть мерзостей Герцена, из русской его типографии, дошла уже до нас и хранится в б-ке за *моей печатью*. <...> Но как у нас еще *не все*, а именно нет и повестей, то препровождение сюда этих пьес, равно как и всего другого» легче всего осуществить «через берлинское наше посольство. По давнишнему

моему условию с бароном Будбергом и кн. Лобановым, они не откажутся запечатать все это в официальный от посольства конверт на адрес б-ки и доставить сюда»³⁴⁰. Одновременно русские посланники пытались запретить продажу сочинений Герцена в различных городах и странах мира – Франции, Германии, Турции, и когда получали отказ от местных властей, то, подобно посланнику в Вюртемберге князю А. М. Горчакову, просто скупали все имевшиеся у торговцев экземпляры, чем лишь повышали на них спрос и приводили к тому, что они, например во Франкфурте, по меткому замечанию графини А. А. Толстой, вообще стали «продаваться возами»³⁴¹.

В «Письмах к противнику» 1864–1865 годов, адресатом которых был служивший в МВД славянофил Ю. Ф. Самарин, Герцен утверждал: «Мы не рабы любви нашей к родине, как не рабы ни в чем. Такого языческого, азиатского поглощения своей воли и своего разума племенем, народом не только нет больше в *новом* мире, но никогда не было в мире христианском...»³⁴². Позиция Герцена не была близка Ю. Ф. Самарину, что, впрочем, не помешало ему со временем стать, так же как и Герцен, активным участником русского зарубежного литературного процесса и издать в Берлине в конце 1860 – начале 1870 годов серию своих работ, в частности «Окраины России» и «Революционный консерватизм», которые получили широкую популярность в России и за ее пределами. Как писал А. Н. Майков 17 сентября 1868 года Ф. М. Достоевскому, «Посреди непостижимого затишья в политике, литературе и вообще нашей жизни <...> вдруг появилась книга, которая как брошенный камень, возмутила тишь и гладь русских салонов... это книга Самарина «Окраина России», о Балтийском Поморье нашем. <...> Написана со знанием дела, горячо. Трудно себе представить, чтоб она осталась без влияния. Никогда еще русское государство не имело такого могучего защитника в умственной сфере, на политическом поприще и по вопросу специальному. ...Это книга для русских государственных людей как настольная, которую они должны выучить наизусть, и если бы от поступающих на высшие государственные должности нужно было установить экзамен, то от них бы я потребовал зазубрения книги Самарина. Это уже зрелый плод русского народного самосознания...»³⁴³.

А. Н. Майков ошибался и его взгляд на сочинение Самарина не нашел понимания в верхах русской государственной власти. Уже первые выпуски «Окраин России» вызвали у императора «высочайшее неудовольствие» и в 1868 году Самарину пришлось даже под давлением московского генерал-губернатора писать на имя

Александра II объяснительную записку, но это не остановило его решимости довести свое заграничное издание до конца, тем более что двадцать лет назад он уже переживал царскую опалу из-за своих «Писем из Риги», в марте 1849 года был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, но после «необыкновенно ободряющей беседы» с ним Николая I освобожден³⁴⁴. Поэтому «Окраины России» продолжали регулярно выходить за границей вплоть до шестого выпуска, появившегося уже после смерти мыслителя в 1876 году, что многие расценили в качестве его гражданского подвига. Да и умер Ю. Ф. Самарин не на родине, а в Берлине, который считал «новым Иерусалимом, говорящим по-немецки» и который сыграл в его творческой жизни большую роль³⁴⁵.

Словом, отнюдь не вся околоцарская элита была солидарна с князем Волконским в неприятии эмиграции и заграничной жизни. И хотя некоторые, как, например, профессор Т. Н. Грановский, выражали сожаление по поводу «утечки мозгов» и писали в Лондон: «Какой огромный талант у тебя, Герцен, какая страшная потеря для России, что ты должен был оторваться от нее и говорить чужим языком»³⁴⁶, это не мешало им быть в центре мировой культуры, более того, подобно Грановскому закладывать прочные основы русской школы историософии, общественной мысли и политики. «Если б вы знали, *что* вы для русских! – говорилось в одном из посланий Герцену 1858 года. – Вы не знаете, до какой степени на вас надеются дома, мы признаем Александра, но имя ему не Романов, а Герцен, и в этом Александре наша надежда, наша вера, наша любовь... Прошлого года первые нумера “Колокола” похожи были на полночный трезвон светлого воскресенья после тридцатилетнего великого поста», и «вы для русского мира – принцип жизни, биение пульса, пальма в пустыне...»³⁴⁷.

В середине XIX века Герцен являлся одним из зарубежных центров не только русской оппозиции, но и русской культуры, и соотечественники к нему в Лондон «пребывали толпами»: были И. С. Аксаков, П. В. Анненков, А. А. Иванов, М. Ф. Корш, И. С. Тургенев, А. Н. Пыпин, Б. И. Утин, Б. Н. Чичерин, М. С. Щепкин, ждал встречи Н. А. Некрасов, но так и не был принят, и так далее. Многие, подобно Пыпину, считали пребывание в Лондоне «одним из лучших воспоминаний», некоторые, как Чичерин, даже уехав от Герцена, продолжали вести с ним спор: «Вы правы: мы офицеры, стоящие в различных армиях», но «знамя у обеих армий одно: свобода, цель одна – освобождение крестьян с землею, свобода совести, свобода от цензуры, всеобщая гласность, независимость обще-

ственного мнения, гарантии личности и т. д.», и хотя «мы глубоко разделены и разделены тактикой», скорее всего, «тут скрывается различие между либерализмом и радикализмом»³⁴⁸. Большое число соратников было у Герцена в России. Так, только в Москве, по данным Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, отправляли «за границу в журналы эмигранта Герцена статьи» такие «вольномудцы», как: кн. Н. Н. Голицын и его сын, студент, В. А. Кокорев, А. И. Кошелев, Н. Ф. фон Крузе, кн. Ю. А. Оболенский, Н. Ф. Павлов, М. П. Погодин, Ю. Ф. Самарин, И. В. Селиванов, П. К. Щебальский³⁴⁹.

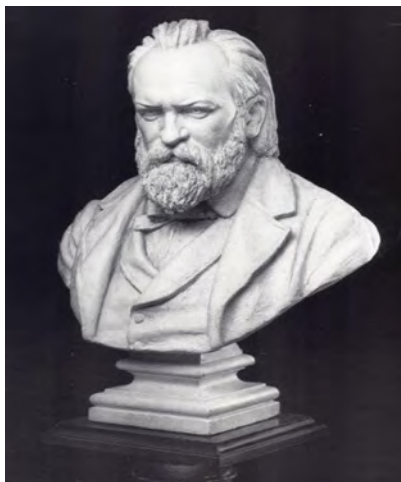
Активная общественно-политическая и литературная деятельность Герцена за рубежом привела к формированию обширного творческого наследия, которое отложилось во многих архивах, библиотеках, музеях, исследовательских центрах мира: Англии, Голландии, Италии, Франции, Швейцарии и, конечно же, России. «Искандер теперь властитель дум наших, предмет разговоров, – писала Е. А. Штакеншнейдер в 1857 году. – Что изречет он в Лондоне, то подхватывается в Петербурге и комментируется, а больше смакуется, как нечто сладкое, когда оно в сущности горько... “Колокол” прячут, но читают все; говорят, и государь читает. Корреспонденции получает Герцен отовсюду, из всех министерств, и, говорят, даже из дворцов. Его боятся и им восхищаются», так что «имеем мы теперь две цензуры и как бы два правительства, и которое строже – трудно сказать»³⁵⁰. Такая популярность Герцена вела к тому, что художники разных стран стремились запечатлеть его образ: Л. Ноэль писал Герцена в Париже, скульптор Ф. Грасс лепил его в Лондоне, живописец Н. Н. Ге работал над его портретом во Флоренции, скульптор Н. П. Забелло трудился в Ницце.

Все это объясняет, почему именно Герцену в Лондоне в 1857 году саратовский помещик П. А. Бахметев, собиравшийся отплыть на «Маркизовы острова» для обустройства там «колонии на совершенно социальных основаниях», передал через банк Л. Ротшильда 800 фунтов стерлингов своих средств на закупку «канадских билетов, гарантированных британским правительством», которые предназначались для нужд типографии и «для русской пропаганды вообще»³⁵¹. Эти деньги постоянно росли в цене и со временем превратились в солидный капитал «Бахметевского фонда», финансировавший русскую политическую эмиграцию во всем мире. Как писал Герцену и Огарёву в 1864 году революционер Н. И. Утин, «...необходимо, чтоб был *заграничный центр*, центр, который бы относился, конечно, к центру в самой России, но на сию минуту,

когда в самой России *нет центра* (!!!), вы должны понять, какую важность получает здесь заграничный, очевидный центр – это *оплот силы, оплот веры в силу*. ... Мы должны сгруппироваться в *маленький центр, несколько не имеющий притязания* руководить деятельностью в России, но всегда готовый служить живым узлом для связи различных, не сходящихся между собою кружков и даже личностей»³⁵².

Собрать их в центр было непросто, поскольку все «они расползлись – кто в Италии, кто в Швеции, а я в Турции, – сообщал Герцену В. И. Кельсиев. – Я думал бежать – но куда? В Америку? В Австралию? На Сандвичевы острова? В Белград? В Черногорье? Но ведь мир мне чужой: где могу я вольно дышать и вольно и честно работать во имя наших заветных убеждений?... Я бродяга, я потерял свое отечество, потому что крепко любил его, но я не сумел сделаться ренегатом собственных убеждений... и потому мне нет места в России – меня ждут там или тюрьма или пули. Но я люблю русский народ», и мне, как и «партии “Колокола”, к которой я принадлежу, необходимо иметь на земле уголок, заселенный русскими, но не подвластный России»³⁵³. Им стала политическая эмиграция русского зарубежья Европы, города которой в те или иные периоды превращались в центры русского оппозиционного движения: Лондон, Париж, Берлин, Лейпциг или Женева, где в середине 1860-х годов, как сообщал Утин Герцену, «собрались общие друзья наши – из разных мест. Действительно, Мечников приехал из Италии, известный вам деятель в польской революции Якоби бросил свои спешные занятия в Цюрихе для того, чтоб приехать сюда на общий съезд... Здесь Соловьевич, Жуковский, Гулевич и все остальные»³⁵⁴.

В Женеве в это время существовал славянский кружок, ставший русским политическим клубом, тесно связанным с русской библиотекой Цюрихского пансиона Фрауэнфельд, а также с политзарубежьем других европейских центров, например с политическим клубом Гейдельбергского университета, созданным на базе русской

Грасс Ф. Бюст А. И. Герцена.
1859. Лондон.

библиотеки-читальни. В 1874 году русская эмиграция Швейцарии пополнилась видным революционером-народником, бунтарем и террористом С. М. Кравчинским, носившим псевдоним Степняк. Будучи человеком дела и действия, он с головой окунулся в политическую борьбу Европы, примкнул к восстаниям в Боснии и Герцеговине, а также итальянской провинции Беневенто, создал в Женеве вместе П. Аксельродом и Л. Дейчем журнал «Община», который призван был сплотить разрозненные силы народников, занимался переводами и писал книги, издававшиеся в различных европейских странах: «Сказка о копейке» (Женева, 1874), «О правде и кривде» (Женева, 1875), «Из огня да в полымя! или Вот тебе бабушка и Юрьев день!» (Лондон, 1876), «Подпольная Россия» / «La Russia sotteranea» (Милан, 1882), «Россия под властью царей» / «Russia under the Tsars» (Лондон, 1885), «Жизнь нигилиста» / «The Career of a Nihilist» (Лондон, 1888) и другие.

В 1865 году из Лондона в Женеву переехала Вольная русская типография, продолжившая выпускать альманах «Полярная звезда» с газетой «Колокол», которая затем трансформировалась во франкоязычную газету «Kolokol» с русским приложением, а в 1867 году впервые издала в русском переводе знаменитую книгу Д. Флетчера «О Государстве Русском, или образ правления Русского Царя (обыкновенно называемого Царем Московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны», которая была опубликована в Лондоне в 1591 году и тогда же запрещена, причем сразу двумя государствами: английской королевой Елизаветой I, не желавшей из-за этой книги осложнять отношения с Русью, и московскими властями, расценившими описание республиканца Флетчера как поклеп на русский народ и его правителей. Но то, что невозможно было в течение двух с половиной веков издать в России, оказалось возможным выпустить в эмиграции, хотя и минимальным тиражом.

В июле 1866 года в Женеве с выпуска журнала «Подпольное слово» начала работу русская типография М. К. Элпидина, с которой сотрудничали революционеры-демократы Н. Я. Николадзе и Л. И. Мечников. Через год типография М. К. Элпидина приступила к изданию 12-томного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, открыв публикацию романом «Что делать?», а весной 1868 года стала печатать журнал «Современность», который призван был освещать «действительное положение вещей и ход общественных дел в России и в Европе»³⁵⁵. Но популярности журналу это не принесло. Более того, из-за статьи Николадзе «Русская эмиграция (Из материалов для изучения современного общества)», вышедшей

в третьем номере «Современности» и дававшей «уничжительную оценку русской революционной эмиграции 60-х годов», которой автор «отказывал в политическом значении», этот журнал вообще попал в изоляцию и вынужден был сменить женевскую типографию Элпидина на лондонскую типографию Л. Чернецкого, где на седьмом номере закрылся³⁵⁶.

Яркой фигурой русской политической эмиграции был опальный князь-республиканец П. В. Долгоруков. Покинув родину в 1859 году, он развернул за границей активную публицистическую деятельность, которую вел вплоть до своей смерти в 1868 году: написал книгу «Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым», изданную в 1860–1861 годы на французском и русском языках, выпускал журналы «Будущность» и «Правдивый», излагавших его либерально-конституционалистское *credo*, и так далее. Характерно, что одним из ключевых пунктов программы реформ П. В. Долгорукова было требование свободы выезда за границу и пребывания на чужбине в течение любого времени, что лишний раз подчеркивало остроту эмигрантского вопроса в России. Царское правительство настойчиво добивалось возвращения князя на родину, однако он, прекрасно зная, что его там ждет, всякий раз отвечал отказом. «...Вы требуете меня в Россию, – писал Долгоруков начальнику III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, – но... я не так глуп, чтобы явиться на это востребование. Впрочем, желая доставить вам удовольствие видеть меня, посылаю вам при сем мою фотографию, очень похожую», но «сам я – уж извините – в руки вашей полиции не попадусь и ей меня не поймать»³⁵⁷. Самодержавная власть, ставя русских эмигрантов перед выбором между тюрьмой на родине и свободой на чужбине, вольно или невольно делала их вечными изгнанниками. Исключения были крайне редки, и в среде русского политзарубежья они вызывали осуждение и подозрение в работе на царскую охранку.

Так случилось с коллегой П. В. Долгорукова по либеральной эмиграции Л. П. Блюммером. Покинув в 1861 году Россию, он сблизился с русскими оппозиционерами и в 1862 году стал издавать в Берлине журнал «Свободное слово», первый выпуск которого провозглашал: «Мы желаем полной свободы совести и мысли, политической и гражданской безопасности лица, равенства всех перед законом и выборного управления, а, следовательно, необходимого для этого уничтожения самодержавия, перемену его на конституционную монархию»³⁵⁸. Несмотря на реформистский запал, журнал «Свободное слово» просуществовал недолго,

однако это не остановило Блюммера. 7 февраля 1864 года он начал выпускать в Дрездене газету «Европеец» – крупноформатный еженедельник, ставший трибуном русского либерального западничества. Решительно выступая против царизма и его теории официальной народности, Блюммер писал: мы «смело говорим, что наша цель не народность и самобытность, а свобода и просвещение», и, сознавая «все хорошие стороны русской самобытности, мы откровенно высказываем желание, чтобы все русские, оставаясь своеобразными, были европейцами», ибо «всматриваясь пристально в существующие улучшения и перемены, каждый беспристрастный человек поймет, что лучшие из этих перемен суть те, при введении которых мы широко пользовались уроками и опытами Западной Европы»³⁵⁹.

Почти полгода Л. П. Блюммер вел свою агитацию и пропаганду, но потом, бросив все и никому ничего не сказав, даже своему дрезденскому издателю и книгопродавцу Бруно Винеке, вдруг вернулся на родину, где его ждал суд и ссылка в Сибирь. Русская диаспора пребывала в растерянности, ведь она хорошо помнила первые «свободные слова» Блюммера на чужбине: «Начинается жизнь за границею... И русскому почти становится стыдно самих себя. Где у них эта жизнь?», и «За что же меня, на минуту сбросившего свои путы, снова заставят принижаться, падать, снова терять полную человеческую личность. За что? ... Тут о выборе думать нельзя: дорога одна – борьба с самодержавием»³⁶⁰. Но борьба завершилась раскаянием, поселением на Алтае и в Сибири и работой в качестве управляющего золотыми приисками, а затем адвокатской практикой и литературным творчеством.

В 1867 году добровольно сдался пограничным властям России В. И. Кельсиев, почти десять лет проживший в эмиграции и по приговору Сената лишенный дворянского достоинства и имущества. На родине Кельсиев был арестован, но через три месяца выпущен на свободу и восстановлен во всех правах. Причиной прощения Кельсиева стала написанная им в кишиневской тюрьме «Исповедь», которая своим полным и искренним раскаянием тронула Александра II, повелевшего освободить некогда мятежного эмигранта, разрешить ему жить в столице России и заниматься творческой деятельностью. Русская политическая эмиграция отнеслась к этой истории негативно; в поведении Кельсиева она увидела предательство, а в поступке царя – фарс. Она не верила в либерализм самодержавия, который являлся главной причиной отъезда русских подданных за границу.

Во второй половине XIX века число их увеличивалось из года в год. Так, во избежание ареста в 1862 году уехал за границу участник петербургских революционных кружков Н. И. Жуковский, который в России был заочно осужден и лишен всех прав состояния, а в 1870 году из вологодской ссылки в Париж бежал идеолог народничества П. Л. Лавров, использовавший для этого паспорт своего друга и соратника по борьбе Г. А. Лопатина, который, быстро выправив себе другой паспорт и на другое имя, догнал Лаврова в Париже. Стремясь к единству русской политической эмиграции и сплочению ее с революционно-освободительным движением в России, Г. А. Лопатин находился в постоянных разъездах между родиной и зарубежьем, сопровождавшихся неоднократными арестами и бегствами из заключения, пока в 1887 году по делу о революционных народниках он не был заключен на «вечную каторгу» в Шлиссельбургскую крепость, из которой его смогла освободить лишь первая русская революция 1905 года. Находясь на лечении в Ницце, Г. А. Лопатин писал в 1908 году: «Прежде тоска по родине никогда не позволяла мне остаться за границей целый год. Но теперь, когда я подумаю, что возвращение означает переход из положения свободного, взрослого человека на положение несовершеннолетнего и раба, то поневоле почесываешь в затылке при мысли о возвращении...»³⁶¹. Это настроение еще тридцать лет назад было точно охарактеризовано сборником стихов «Из-за решетки», изданным в Женеве в 1877 году, который открывался предисловием Г. А. Лопатина и содержал произведения «русских заключенников по политическим причинам»³⁶².

В середине XIX века русское политическое зарубежье Европы стало активно прирастать женщинами, чему в немалой степени способствовал принятый в России университетский устав 1863 года, запрещавший им посещение занятий даже в качестве вольнослушательниц. Как писали газеты того времени, «русские студентки разбросаны по всем университетам Европы, где только допускаются женщины, и повсюду составляют подавляющее большинство между учащимися женщинами», только в Цюрихском университете во второй половине XIX века из 748 учащихся женщин 560 были из России³⁶³. Самыми известными революционерками среди них были Софья Бардина, Ольга и Вера Любатович, Вера Фигнер. В Швейцарии они познакомились с М. А. Бакуниным и П. Л. Лавровым, которые вовлекли их в народническую группу, положившую начало созданию Всероссийской социал-революционной организации. В 1873 году царское правительство указом от 21 мая обязало всех

студенток-россиянок покинуть Западную Европу и до 1 января 1874 года вернуться в Россию, что привело к переносу их борьбы на русскую почву. Но в Европе оставалось еще немало свободолобивых женщин, например феминистка А. П. Философова, про которую Александр II говорил: «...Она должна уехать, иначе она будет арестована»³⁶⁴, или математик С. В. Ковалевская, защитившая в 1874 году в Гёттингенском университете диссертацию на степень доктора философии и ставшая автором ряда литературных произведений, название которых говорило само за себя – «Нигилистка» и «Борьба за счастье. Две параллельные драмы».

Крупной фигурой русского политического зарубежья был П. А. Кропоткин, в 1876 году сбежавший за границу прямо из арестантской больницы, в которую попал после двухлетнего заключения в каземате Петропавловской крепости. На Западе Кропоткин прожил 41 год: вел революционную агитацию среди народных масс, за что был лишен политического убежища в Швейцарии; посажен в тюрьму во Франции (1882–1886) и потом выслан из нее; изучал материалы Национальной библиотеки Парижа и Британского музея, позволявшие ему сравнивать русскую и мировую историю; публиковал пламенные статьи и приходил к таким практическим выводам, которые делали его в глазах любой власти вечным изгнанником, а «у царской бюрократии, не забывшей измену князя российского трону и своему классу», вызывало настолько сильное чувство страха и мести, что «Кропоткин был один из немногих, на кого не распространилась амнистия политическим заключенным, последовавшая после первой русской революции»³⁶⁵.

За время эмиграции Кропоткин снискал себе мировую славу не только бунтовщика и одного из виднейших теоретиков анархизма, издателя газет «Бунтарь» («Le Révolté») и «Свобода» («Freedom»), автора книг и брошюр «Анархия, её философия, её идеал», «Нравственные начала анархизма», «В русских и французских тюрьмах», «Хлеб и воля», «Поля, фабрики и мастерские», «Террор в России», «Записки революционера», но и пытливого ученого, написавшего такие работы, как «Государство и его роль в истории», «Современная наука и анархия», «Взаимная помощь как фактор эволюции», «Земля и люди» (вместе с Э. Реклю), «Великая Французская Революция 1789–1793», «Идеалы и действительность в русской литературе» и другие. Сочинения Кропоткина вызывали большой интерес у европейского читателя, например книга «Записки революционера» только во Франции имела два десятка изданий, а первое, 1909 года, издание его книги «Великая Французская Революция 1789–

1793» вышло одновременно на английском, немецком и французском языках, а затем – на испанском, итальянском, польском, шведском и русском языках³⁶⁶.

Осуществляя синтез естественных наук с гуманитарными дисциплинами и прежде всего историей и социологией, П. А. Кропоткин приходил к выводам, которые служили ему обоснованием и подтверждением его «философии анархизма», но одновременно были также «очень важны для теоретического естествознания», в частности установленный им «закон взаимопомощи как фактор в борьбе за существование»³⁶⁷. В «Записках революционера» он объяснял: «Известно, к каким выводам пришло большинство последователей Дарвина, даже таких умных, как Гексли, в толковании его закона “борьбы за существование”. Нет такого насилия белых народов над черными или же сильных по отношению к слабым, которого не старались бы оправдать этими словами – “борьба за существование”», но «я чувствовал, что необходимо вполне пересмотреть само понятие “борьба за жизнь” в мире животных, а тем более его приложение к миру человеческому» и начал собирать материалы для работы, «которая печаталась в “Nineteenth Century” под заглавием «Взаимная помощь у животных», затем «у дикарей, у варваров, в средневековом городе и в современном обществе», а потом я издал все это книгою “Mutual Aid: a Factor of Evolution” (“Взаимная помощь как фактор эволюции”). Изыскания, которые мне пришлось сделать в этой работе, чтобы ознакомиться с учреждениями варварского периода и вольных средневековых городов, привели меня к другим интересным исследованиям, а именно к изучению роли государства в течение трех последних веков со времени новейшего его выступления в Европе в XVI веке. С другой стороны, изучение учреждений взаимопомощи в различные фазисы цивилизации привело меня к изысканиям о развитии в человечестве идей справедливости и нравственности. Я изложил эти работы в двух лекциях. Одна из них озаглавлена “Государство и его роль в истории”, другая называется “Справедливость и нравственность”»³⁶⁸.

Из «закона взаимопомощи» выводилась и теория анархизма, которую Кропоткин строил исходя из четкого разделения государства, управляющего силой и подавлением «личной и местной свободы», и общества, опутанного властными отношениями принуждения и подчинения и навязанной ему «борьбой за существование». На богатом историческом материале он показал, что «через всю историю нашей цивилизации проходят два течения, две враждебные традиции: римская и народная, императорская и федералист-

Афиша митинга 1912 г. в Париже
в честь 70-летия П. А. Кропоткина.

ская; традиция власти и традиция свободы», что «государство — лишь одна из форм, которые принимало общество в течение своей истории» и общество вполне может функционировать без него, путем самоорганизации на основе солидарности и взаимопомощи, примером чего могут служить общины, цехи, гильдии, братства, вольные города, кооперативы и так далее³⁶⁹. Наилучшей формой общественного устройства Кропоткин считал вольный федеративный союз самоуправляющихся единиц — территорий, городов, общин, трудовых коллективов — так называемый анархический безгосударственный коммунизм. Он может быть установлен толь-

ко в ходе революции, которая уничтожит частную собственность и государство: «Одно из двух, — писал П. А. Кропоткин в 1896 году. — Или государство должно быть разрушено, и в таком случае новая жизнь возникнет в тысяче центров, на почве энергической личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения. Или же государство раздавит личность и местную жизнь, завладеет всеми областями человеческой деятельности, принесет с собою войны и внутреннюю борьбу из-за обладания властью, поверхностные революции, лишь сменяющие тиранов и, как неизбежный конец, — смерть! Выбирайте сами!»³⁷⁰.

В 1880 году оставил Россию идеолог народничества Г. В. Плеханов, руководивший организациями «Земля и воля» и «Черный передел». Осев в Швейцарии, он вместе с П. Б. Аксельродом, Л. Г. Дейчем, В. И. Засулич, В. Н. Игнатовым создал в Женеве в 1883 году первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда», которая положила начало развитию в России социал-демократического движения. За границей Плеханов перевел на русский язык все основополагающие труды К. Маркса и Ф. Энгельса, сам написал ряд работ по «программе русских социал-демократов» и развернул широкую пропаганду марксизма и «научного социализма» путем издания «Библиотеки современного социализма»,

«Рабочей библиотеки» и сборников «Социал-демократ». На рубеже 1894–1895 годов Плеханов основал «Союз русских социал-демократов за границей», а шесть лет спустя – «Заграничную лигу русской социал-демократии». В 1900 году русское политическое зарубежье пополнилось В. И. Лениным, который вместе с Г. В. Плехановым и другими марксистами наладил в Европе (Мюнхене, Штутгарте, Лондоне, Женеве) выпуск социал-демократических изданий: газеты «Искра», журнала «Заря» и других.

На пороге XX века русская политэмиграция стала мощным центром международной борьбы с царской Россией. Например, только во Франции, по данным ее правительства, «число организованных партийных активистов» составляло 1500 человек, которые были «готовы ко всему» и являлись «источником постоянной революционной пропаганды, ведущейся в самой разнообразной форме среди аморфной массы эмигрантов. Численность последних составляет от 10 до 18 тысяч человек, а их “умеренность” относительна, так как многие из этих “умеренных” готовы на любые жертвы для того, чтобы содействовать самому преступному максималисту или анархисту»³⁷¹. Особое внимание при этом обращалось на «приверженцев различных видов насилия», среди которых были: «анархисты-индивидуалисты – 100, коммунисты – 450, максималисты – 200, социалисты – 700, меньшевики (ультра) – 800, большевики (умеренные) – 2000, Бунд – 300»³⁷². Они жили в основном колониями, представлявшими собой «сравнительно небольшие островки», почти изолированные от внешнего мира и «походившие скорее всего на колонии ссыльных», и хотя, «казалось бы, ничего общего не могло быть между свободным Западом и сибирской неволей», тем не менее в них царили партийная «узость, нетерпимость и удивительная способность вариться в собственном соку, не замечая окружающей жизни. Та же атмосфера была характерна и для царской ссылки», за исключением, пожалуй, «очень беспорядочной и беспутной жизни», которую можно было вести в Европе³⁷³.

Подобный тип отношений, по мнению французских властей, объяснялся тем, что многие «русские приезжают в Париж с фальшивыми паспортами и с их помощью регистрируются под чужими именами в службе регистрации иностранцев. Последняя выдает им справки, предусмотренные Законом 1893 г. и подтверждающие новое гражданское состояние мошенников. Сами по себе эти справки также являются объектом махинаций, которые не всегда удается отследить. В частности, изготавливаются дубликаты, которые можно одолжить или продать, поскольку русские предпочитают не

заполнять декларацию. Справка же является единственным документом, требуемым от иностранцев во Франции. ... Декрет 2 октября 1888 года предписывает всем иностранцам, постоянно проживающим во Франции, заполнять декларации в мэриях провинций и в Префектуре полиции в Париже. С тех, кто уклоняется от исполнения этой нормы, взимается штраф от 5 до 15 франков. Закон 8 августа 1893 года увеличивает размер этого штрафа до 50 франков в отношении тех иностранцев, кто работает во Франции, и вводит штраф от 5 до 15 франков для тех работодателей, кто нанимает иностранцев, не заполняющих декларации. Большая часть иностранцев исполняет эти предписания, являющиеся общепринятыми во всех странах Европы. Лишь русские, все более уклоняются от выполнения данной формальности»³⁷⁴.

Политэмигранты шли на это вполне сознательно, поскольку находились на нелегальном положении, были в розыске, опасались любых юридических формальностей и старались по возможности обходиться без них. Так, Л. Д. Троцкий писал в своем дневнике: «...На последнем (43-м) номере издаваемого мною Бюллетеня русской оппозиции я не без удивления увидел пометку: 7-ой год издания. Это значит: 7-ой год третьей эмиграции. Первая длилась два с половиной года (1902–1905), вторая – десять (1907–1917), третья... сколько продлится третья? Во время первой и второй эмиграции до начала войны я свободно разъезжал по Европе и беспрепятственно читал доклады о близости социальной революции. Только в Пруссии нужны были меры предосторожности: в остальной Германии царило полицейское благодушие. О других странах Европы, в том числе и Балканах, нечего и говорить. Я ездил с каким-то сомнительным болгарским паспортом, который у меня спросили, кажись, один-единственный раз: на прусской границе. То-то были блаженные времена! В Париже на открытых митингах разные фракции русской эмиграции сражались до полуночи и за полночь по вопросу о терроре и вооруженном восстании... Два ажана стояли на улице..., в зал никогда не входили и входящих никогда не проверяли. Только хозяин сабё после полуночи тушил иногда электричество, чтоб унять разошедшиеся страсти, – иного контроля разрушительная деятельность эмиграции не знала»³⁷⁵.

Именно марксисты и социал-демократы типа Троцкого или Ленина, активно использовавшие Запад для проведения съездов и конференций, организации революционных школ и кружков, издания листовок и прокламаций, газет и журналов, теоретических трудов и практических пособий на одну единственную тему

«Как сделать революцию», оказались в политическом отношении наиболее успешными деятелями, достигшими в 1917 году своей цели. Самыми опасными считались опиравшиеся на террор социал-революционеры, а самыми известными являлись либералы, имевшие широкие связи на Западе и в России, а также среди всей русской эмиграцией, «постоянно собиравшие деньги и многим помогавшие бежать за границу»³⁷⁶. Русская политэмиграция при всей своей идейной разобщенности фактически представляла собой одну анти-самодержавную силу, направленную на борьбу с царизмом и смену государственного строя, характер которого должен был определиться лишь после революции, готовившейся ее участниками под всех объединявшим лозунгом «свободы, равенства и братства».

Наглядным примером этого была Русская высшая школа общественных наук в Париже, созданная в 1901 году видным либералом, профессором М. М. Ковалевским. В 1887 году он был уволен из Московского университета «за отрицательное отношение к государственному строю России» и год спустя эмигрировал во Францию, где прожил восемнадцать лет. Его школа, входившая на правах автономного учебного заведения в состав французской Свободной Высшей школы общественных наук, была открыта для всех желающих независимо от гражданства, пола, возраста, уровня подготовки и идейных убеждений. Такая публичность парижской Русской Высшей школы общественных наук очень скоро превратила ее в политическую трибуну, лекторы которой, начиная с материалиста В. И. Ленина и заканчивая идеалистом Н. О. Лосским, давали самые разные рецепты исцеления России и мира, а учащиеся готовы были начать революцию прямо в ее стенах. Это привело к закрытию школы в начале 1906 года и перенесению деятельности в Россию, где благодаря революционной борьбе началось реформирование царизма на началах конституционной монархии. М. М. Ковалевский, избранный весной 1906 года депутатом Первой Государственной думы, а затем и членом Государственного совета России, вернулся в Петербург, снискав себе славу не только крупного ученого, академика Санкт-Петербургской академии наук, но и видного политического деятеля.

В 1906 году руководство «Кассы парижских эмигрантов» в одной из своих листовок отмечало: «Число русских политических эмигрантов возросло как никогда ранее. Тому подтверждением является революционная деятельность, развернувшаяся на протяжении последних двух лет. В декабре 1905 года разразилась реакция, со всеми сопутствующими ей ужасами Белого Террора,

массовыми экзекуциями, военными трибуналами. Чтобы избежать этих ужасных репрессий, тысячи революционеров вынуждены были спасаться бегством, и покинули поле недавней битвы. Париж по своему географическому положению и всяческой открытости представляется лучшим местом жительства для эмигрантов. Это обуславливает потребность в «Кассе парижских эмигрантов»³⁷⁷. С апреля 1906 по февраль 1907 годов Эмигрантская касса собрала и истратила 5600 франков, что удалось осуществить благодаря не только и не столько пожертвованиям (всего 798 франков), сколько организации всякого рода мероприятий, начиная с конференций и заканчивая балами³⁷⁸. Средства шли на поддержку политэмигрантов и их организаций, а также на издание эмигрантских газет: «Русская трибуна», «Знамя труда», «Голос», «Социал-демократ», «Наше слово» и другой прессы.

В 1910 году к «Кассе парижских эмигрантов» прибавился Комитет помощи политическим каторжанам в Париже. Его организаторами были жена Горького Е. П. Пешкова и народоволка, отсидевшая двадцать лет в Шлиссельбургской крепости В. Н. Фигнер, которая в зарубежье стала автором работ о русской карательной системе, в том числе книги «Jes Prisons Russes» («Русские тюрьмы»), переведенной на многие европейские языки и продолжившей дело А. И. Герцена, более полувека назад написавшего работу «Тюрьма и ссылка»³⁷⁹. Со временем Парижский комитет помощи политкаторжанам стал центром создания подобных организаций по всей Европе – в Антверпене, Берлине, Брюсселе, Женеве, Кракове, Лозанне и других городах³⁸⁰. К ним примыкали общества и союзы помощи политическим ссыльным и заключенным, оказывавшие поддержку всем политосужденным россиянам.

В декабре 1911 года в Париже на совещании большевистских групп был возрожден Комитет заграничной организации РСДРП, созданный в марте 1905 года в Женеве на учредительном съезде заграничных большевистских групп и просуществовавший до марта 1906 года. Парижский комитет заграничной организации РСДРП, в который входили М. Ф. Владимирский, Н. А. Семашко, И. Ф. Арманд, ведал партийной кассой большевиков, занимался издательской деятельностью и распространением партийной литературы, выпускал «Бюллетень КЗО», проводил различные политические и культурно-просветительные мероприятия. Наконец, в 1911 году в Париже совместными усилиями социал-демократов А. В. Луначарского, А. К. Гастева, М. П. Герасимова была создана Лига пролетарской культуры, которая шесть лет спустя, уже

в России, оформилась в знаменитый Пролеткульт, прославившийся фанатичным культурным самоутверждением пролетариата.

К началу XX века русская социал-демократическая политэмиграция накопила столько материалов, что в 1901 году заговорила о необходимости создании музея с библиотекой и архивом и основания Общества попечения о Русском музее в Женеве. Перед ним ставились задачи «сохранения, розыска и привидения в порядок материалов, записок, мемуаров, изданий рукописей, писем русских писателей, общественных деятелей, чтобы представить возможно более полную картину русской жизни во всех ее проявлениях: в области науки, искусства, истории, литературы, в политико-экономическом и других отношениях»³⁸¹. И хотя попытка создания Общества попечения о Русском музее в Женеве в 1901 году не удалась, она послужила началом проведения большой работы в этом направлении.

Активным ее участником был Г. А. Куклин, в 1901 году переехавший из Москвы в Лондон вместе со своей библиотекой и значительным капиталом, позволившим ему создать типографию и наладить выпуск журнала «Жизнь», а через год уже в Женеве организовать «Русскую библиотеку-читальню», насчитывавшую семь тысяч томов, среди которых было немало литературы по истории освободительного движения³⁸². Одновременно Куклин приступил к изданию серии брошюр «Библиотека русского пролетария», а также сборников документов «Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862–1902)» и «Материалы к изучению истории революционного движения в России», охватывавшие период 1800–1854 годов³⁸³.

В лице Г. А. Куikliна женевская политэмиграция приобрела ценного помощника и соратника. Когда в 1904 году в Женеве на улице Каруж при участии большевиков В. Д. Бонч-Бруевича, В. В. Воровского, М. Н. Лядова, М. С. Ольминского был основан партийный архив с библиотекой, который 7 февраля 1904 года решением В. И. Ленина стал именоваться «Библиотекой и архивом при ЦК РСДРП», то Куклин сначала передал в собственность ЦК РСДРП свою типографию со складом изданий, а потом, уже после смерти от туберкулеза в мае 1907 года, по завещанию и свою обширную библиотеку. Это позволило организовать при партийном архиве и библиотеке «Издательство Бонч-Бруевича и Ленина» с типографией и редакцией газеты «Вперед».

«Библиотека и архив ЦК РСДРП» распространяли по всему миру «Обращение», говорившее: «Наша цель собрать литературу

всех стран и народностей по разным отраслям знания, о положении и жизни крестьянских и рабочих масс, истории, статистике и этнографии и т. п.», а также бумаги революционных обществ, «издания и документы, относящиеся к истории их организации и деятельности»³⁸⁴. Началось формирование крупного собрания заграничных и русских оппозиционных материалов, авторами которых были народники, нигилисты, либералы, анархисты, социал-демократы, толстовцы, раскольники, сектанты, ученые и литераторы, издательства и многие, многие другие. В 1906 году в связи с отъездом на родину многих политэмигрантов, стремившихся влиться в ряды участников первой русской революции, «Библиотека и архив ЦК РСДРП» подверглись разделению. Одна часть их фондов была отвезена в Стокгольм, другая часть переправлена в Париж и в ящиках хранилась в Тургеневской общественной библиотеке, третья часть передана в «Русскую библиотеку-читальню» Г. А. Куклина, которая в 1907 году стала называться «Библиотекой РСДРП им. Г. А. Куклина».

Для этой женеvской библиотеки и ее архива по поручению главы большевиков В. И. Ленина по всему миру был организован сбор материалов, в котором активное участие принимал М. Горький, опубликовавший в разных изданиях русской прессы письмо «с просьбой *помочь библиотеке* Куклина в Женеве присылкой газет эпохи революции и материалов к ее истории»³⁸⁵. Горький писал: «В настоящее время предпринимается ряд коллективных работ по истории общественных движений в России за последние годы. Для успешного выполнения этих работ необходим огромный материал, который может быть добыт только на местах» и который «характеризует все действовавшие или действующие в настоящее время течения, группы и партии, т. е. включая и крайне правые»³⁸⁶.

Максим Горький был очень нужен большевикам, поскольку как пролетарский писатель «объединял вокруг партии широкие круги русской демократической интеллигенции, организуя их на решение революционно-просветительных задач, а также задач собирания материалов по истории революционного движения в России»³⁸⁷. Творчество Горького в начале XX века получило мировую известность. Так, его пьеса «На дне», переведенная на немецкий язык и изданная в Мюнхене в 1902 году, ставилась почти во всех театрах Германии, в Берлине же вообще шла несколько сот раз, а роман «Мать», начатый Горьким в Америке и первоначально изданный там, но потом переделанный, дописанный и в новой редакции опубликованный русским издательством

В. И. ЛЕНИН НА КАПРИ В ГОСТЯХ У ГОРЬКОГО

В. И. Ленин (сидит слева) играет в шахматы с А. А. Богдановым (сидит справа). В центре за столом — Горький. В прессе — М. Ф. Андреев. Слева: сидит — В. А. Базаров (Руднев), стоит — В. К. Таратута

Фотография Ю. А. Ждановского. Капри, между 23 и 30 апреля 1908 г.
Музей Горького, Москва

И. П. Ладыжникова в Берлине, был переведен на несколько иностранных языков, что сделало его одной из самых популярных книг нового столетия.

В 1906 году М. Горький поселился на Капри, который благодаря ему стал важным центром русской политической эмиграции, притягивавшим к себе многих деятелей оппозиционного зарубежья. В январе 1908 года Горький сообщал И. П. Ладыжникову: «...Луначарский здесь уже. Затеваем мы с ним устроить маленький литературный съезд для комбинаций действий и дележа мыслями. Завлекаем сюда Ильича, Богданова, Базарова, думаем о Троцком и о реформе сборников “Знания”, – проектов – горы!»³⁸⁸ А спустя три месяца он говорил Е. П. Пешковой: «...Сейчас здесь – Елпатьевский, Гусев, Измайлов, Трейшер, Винниченко. А у меня живет Богданов с женой, да еще пара людей, да художница Боткина – дочь знаменитого Сергея Петровича. На днях жду Базарова и Степанова – приедут они, – явится Ленин и – недели на две затянется длинный разговор на темы чрезвычайно сложные и “мудрые”. К сему прибавь – Луначарского»³⁸⁹. От того каприйского периода эмиграции осталось несколько фотографий, в том числе 1908 года: Ленин в кругу соратников сидит за шахматным столом и тщательно продумывает свои ходы. Писали Ленина с Горьким на Капри и художники.

Италия в начале прошлого столетия была «привлекательной «ареной борьбы» для российских бунтарей»³⁹⁰ всех мастей и оттенков: члена ЦК партии эсеров В. М. Чернова, купившего себе дом в Аляссио, сотрудника «Знания» Д. Я. Айзмана, жившего в 1906–1909 годы в Кави ди Лаванья, писателя П. А. Ширяева, поселившегося во Флоренции, и многих других. Они устраивали в Италии каприйскую школу рабочих пропагандистов, миланскую секцию Всемирного объединения русских рабочих-эмигрантов, Общество Герцена в Риме, Русский институт, а также постоянные собрания и съезды – политические, философские, литературные. Итальянская полиция вкупе с русскими шпионами едва успевала отслеживать всех радикально настроенных россиян, особенно осенью 1909 года, когда в Раккониджи прибыл Николай II, договорившийся с итальянским королем Виктором-Эммануилом III о внешнеполитическом сотрудничестве. Как писал живший в Кави ди Лаванья литератор эсеровского толка А. В. Амфитеатров, «по случаю царского проезда мы проводим здесь жизнь, окруженную шпионами (поставлены с полною откровенностью – семь штук) и секретным дознанием»³⁹¹. Но виноват в этом был прежде всего сам Амфитеатров, еще в России прославившийся антицарскими фельетонами, а в Европе, куда он перебрался после вологодской ссылки в 1904 году, «затевавший, – по его собственному признанию, – целый ряд мелких брошюр на итальянском и французском издавать с целью пакостить Романову дому», так как полагал, во-первых, что «без опоры на Европу всяческая восточная революция, в том числе и наша – швах», а, во-вторых, потому, что «не интересуется Европа Россией иначе как жандармом – хоть ты плюнь!»³⁹²

Все это – активная публицистическая деятельность (в журналах «Красное знамя», «Современник», «Secolo», «L'Egoica») и контроль полиции – сохранилось и в последующие годы, так что летом 1913 года Амфитеатров вынужден был даже послать в газеты «Avanti» и «Биржевые ведомости» негодующее письмо «по поводу установленной за ним агентами русской полиции слежки», заявляя, что его «возмущает то, что власть русской полиции доходит до Италии, до этой действительно конституционной и либеральной страны»: «Мы, русские эмигранты, – отмечал он, – к этому, увы, привыкли. За мной следили в Риме, Специи, в Париже и в Кави-Лаванья, о чем я в свое время уже писал, напечатав на столбцах «Avanti» текст телеграммы, с которой я обратился к министру президенту Джолитти, с просьбой защитить меня от русских шпионов»³⁹³. Но этот «крик души» не был услышан властями, и за Амфитеатровым, соби-

равшим в своем доме всех видных оппозиционеров России – Г. А. Лопатина, П. А. Кропоткина, М. Горького, так что, по его словам, «остается только антихристу прийти разделить компанию», постоянно велся контроль³⁹⁴.

Вместе с тем твердая республиканская позиция Амфитеатрова снискала ему популярность среди местного итальянского населения, решившего даже выбрать его от района Феццано в синдики, который представлял бы их интересы при ведении государственных дел. Помимо политической деятельности Амфитеатров, отличавшийся удивительной литературной плодовитостью, сочинял в зарубежье рассказы и романы о русской жизни XIX столетия («Восьмидесятники», «Девятидесятники», «Закат старого века», «Издали», «Притчи скептика» и другие), а также художественные этюды на темы античного Рима, оформившиеся затем в роман о Нероне «Зверь из бездны».

В 1911 году русская колония в Италии насчитывала примерно 2300 человек³⁹⁵. Некоторые из них запечатлели ее в своих произведениях. Так, А. В. Луначарский в «Письмах из Италии», которые отправлялись в Россию и печатались на страницах газеты «Киевская мысль», а также журнала «Театр и искусство», рассказывал об итальянской культуре и о выступлениях русских мастеров искусства за рубежом, в частности С. П. Дягилева, чисто по-большевистски названного им «“развлекателем” позолоченной толпы»³⁹⁶. Однако сами оппозиционеры отнюдь не сторонились развлечений, о чем в стихотворной форме поведал Саша Чёрный, живший на Капри в 1912 году:

Там внизу синее море.
Даль – как сон.
Сколько нас сегодня в сборе?
Три, четыре, семь персон.
У художницы Маревны
Роза в желтых волосах.
Я бедней:
У меня дрожит плачевно
Только крошка на усах...
Эй, синьор, графин ваш пуст!
После жирных макарон
Надо пить!
Тихих волн дремотный хруст,
Даль – как сон.³⁹⁷

Фалилеев В. М. М. Горький.
Офорт.1912.

Саша Чёрный был восхищен Горьким, говорил ему, что готов даже «отрезать руку (левую)» ради него, и если это ему «когда-нибудь понадобится», если он «напишет – я отрежу»³⁹⁸. Друживший с поэтом живописец В. Д. Фалилеев, который в 1912 году также жил на Капри в качестве стипендиата Академии художеств, написал портреты и С. Чёрного и М. Горького, ставшие ценными артефактами итальянской жизни зарубежной России³⁹⁹.

Яркие впечатления о каприйской жизни остались у М. М. Коцюбинского, который 15 июня 1909 года писал жене: «Публика здесь необычная, ведь

почти каждый второй-третий – это художники, писатели, артисты, как паломники в Мекку, едут отовсюду на Капри. Остров стал модой. О Капри знают в разных концах света» и «если на Капри спорят двое философов, то их двоих описывают четверо беллетристов, их шестерых изображают восемь художников, а над ними, четырнадцатью, посмеиваются шестнадцать владельцев гостиниц»⁴⁰⁰. И среди них Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, И. И. Бродский...

Жизнь в Италии, где, по словам Горького, «тепло и благодатно», «хорошая погода и прекрасное настроение», позволявшее «глядеть на окружающих с восторгом», создавало среди русских эмигрантов атмосферу дружбы и взаимопонимания, в которой, как писал А. В. Амфитеатров, «чувствуешь себя человеком по образу и подобию Божию»⁴⁰¹. Неудивительно поэтому, что именно на Капри были восстановлены отношения между М. Горьким и Ф. Шаляпиным, о чем фотографировавший их обоих сын М. Ф. Андреевой Ю. А. Желябужский вспоминал: «Вечерами художники часто рисовали шаржи. Помню, Бродский сделал их очень много и по совету Алексея Максимовича устроил на террасе дома выставку карикатур. Там было много удачных, мне запомнились шаржи, посвященные Шаляпину. Один из них изображал его примирение с Алексеем Максимовичем после разлада их дружбы из-за “коленопреклоне-

Фалилеев В. Д. Офорт и портрет Саши Чёрного. 1912–1915.

ния Шляпина перед царем»⁴⁰². А сам Горький писал в 1910 году: «Живу я – интересно; Все больше и больше люблю Италию – страну великих людей, прекрасных сказок, страшных легенд, землю праздничную, благодатную, добрую к людям, люблю ее с тоской, с завистью и... думал о родных Кологривах, Арзамасах, о Пошехонье и других городах несчастной, ленивой, шаткой родины. <...> Около меня – хорошие люди, мое уважение к человеку не падает, а растет, принимая все более ясные формы»⁴⁰³. Горький был буквально очарован Капри, и это его настроение очень точно отразила посвященная ему итальянская книга – «Горький писатель в “сладкой” стране», которая была издана на Капри в 2006 году.

Помимо общения с русской диаспорой, Горький с удовольствием погрузился в жизнь местного населения, выражавшего ему чувства искреннего признания. Пресса часто сообщала о писателе в газетах «Avanti» («Вперед»), «La tribuna» («Трибуна»), в журнале «Primavera» («Весна») и других органах печати. Итальянцы охотно издавали сочинения Горького, ставили его пьесы, и для писателя, привыкшего в России к строгости поведения, особенно к людям посторонним, это казалось удивительным. Ответом на их теплый прием стало обращение Горького «К итальянцам», его слова о том, что мы «не знаем как, чем благодарить за такое милое, трогательное

до слез внимание! Хорош здесь народ!»⁴⁰⁴. А когда в декабре 1908 года на юге Италии произошло землетрясение, от которого пострадало 23 города, то Горький тут же отправился на место трагедии, где уже помогал справиться с катастрофой Балтийский отряд Русского военно-морского флота. Моряки и гардемарины военных судов эскадры адмирала Литвинова – «Слава», «Адмирал Макаров» и других – одними из первых начали спасать уцелевших людей, оказывать им медицинскую помощь, перевозить в Неаполь, им удалось даже сберечь кассу сицилийского Banca Italia в сумме 20 миллионов франков золотом и банкнотами⁴⁰⁵. Горький сочинил воззвание о помощи пострадавшим, организовал сбор пожертвований, в том числе и в России, а через месяц написал очерк «Землетрясение в Калабрии и Сицилии», ставший впоследствии основой одноименной книги (в соавторстве со швейцарским ученым В. Мейером), весь доход от продажи которой также пошел в пользу жертв стихийного бедствия. В этой работе, вышедшей в Петербурге в издательстве «Знание» в 1909 году, акцентировалось внимание на присущих итальянцам чувствах солидарности и собственного достоинства, а также мужества, которые помогли им выстоять в беде, но в то же время говорилось и о подвиге русских моряков, их самоотверженной деятельности по спасению людей там, где «было опаснее всего, куда никто не решался идти», а «они шли и спокойно делали свое дело»⁴⁰⁶.

Дружеская атмосфера Италии стимулировала Горького к активной творческой деятельности; именно на Капри он «закончил повесть “Мать”»; написал автобиографическую повесть “Детство”; повести “Городок Окуров”, “Жизнь Матвея Кожемякина”, “Лето”, “Исповедь”, “Жизнь ненужного человека”; рассказ “Романтик”, циклы – “Жалобы”, “По Руси”, “Сказки об Италии”, “Русские сказки»⁴⁰⁷. Также на Капри М. Горький начал вести русскую «Хронику заграничной жизни», учитывавшую все более или менее значимые события, происходившие за пределами России и частично публиковавшуюся в петербургском журнале «Современник», редактором которого был А. В. Амфитеатров, и организовал работу по созданию Музея-библиотеки русского освободительного движения путем «повсеместного сбора изданий, документов и вещей, относящихся к истории борьбы за освобождение России на протяжении всего XIX в. и по сей день»⁴⁰⁸. В письме от 11 сентября 1912 года, адресованном И. П. Ладыжникову, который по заданию РСДРП держал в Берлине собственное издательство («Buchverlag russischer Autoren J. Ladyschnikow»), Горький подчеркивал, что мы «имеем возмож-

ность на первых же порах получить, с ничтожной затратой денег, ценные архивы частных лиц и партий. ...Можно достать следственные производства и обвинительные акты по политическим делам. Очень важна реакционная литература, тайные циркуляры губернаторов, доклады губернаторов и сенаторов, ревизующих губернии и учреждения»⁴⁰⁹. О том же спустя два месяца Горький говорил и Л. Н. Андрееву: «Но вот что, Леонид: хорошая компания затеяла доброе и нужное дело – организовать музей по истории борьбы России за освобождение... В России такое дело – частью – выполняет Академия наук, но целиком, широко поставить его – невозможно, при наших политических общественно-партийных условиях. – Решили делать дело – пока – за границей. <...> Я очень прошу тебя – помоги, дай денег! А если есть какие-либо документы, письма, книги – давай и это»⁴¹⁰.

Тогда же М. Горьким было написано воззвание от лица Комиссии по устройству Музея-библиотеки русского освободительного движения, в котором подчеркивалось, что «Комиссия полагает чрезвычайно важным собирание всех материалов о жизни и деятельности русских общественных деятелей за границей, как-то: писателей, ученых, художников...»⁴¹¹. Это воззвание, положенное затем в основу проекта устава Исторического музея русского освободительного движения, было принято на Съезде русских культурных и экономических общественных организаций в Италии, который собрался в Риме 27–30 марта 1913 года. И хотя сам музей русского освободительного движения в виду разразившейся через год Первой мировой войны так и не был создан, работа М. Горького по сбору документов об оппозиционной деятельности, в том числе заграничной, являлась важным шагом на пути формирования истории русской политической эмиграции. А память о Горьком на Капри хранится до сих пор: его именем названа улица, украшенная мозаикой с его портретом, стоит монумент в его честь, на вилле, где он жил, висит мемориальная доска.

Постепенно русская политическая эмиграция вышла за границы Европы и стала создавать центры в других частях света и на других материках, даже в Австралии. Там, преимущественно в штате Квинсленд и его столице Брисбен, в начале XX века осели беглые моряки, каторжники, политические ссыльные, марксисты, большевики, меньшевики эсеры, анархисты, бундовцы, участники Первой русской революции 1905–1907 годов и стачек на приисках «Лензолото» во главе с членом Центрального забастовочного комитета ленских рабочих П. И. Подзаходниковым, в общей сложности, при-

мерно 500 человек⁴¹². Многие из них влились в рабочее движение Австралии, были членами Австралийской социалистической партии, Союза русских рабочих в Австралии, австралийского отделения международной организации «Индустриальные рабочие мира». Лидером политэмиграции Австралии был большевик Ф. А. Сергеев (Артем), который установил связь с Комитетом заграничных организаций РСДРП, основал в Австралии общество помощи политическим ссыльным и каторжанам, создал передвижную библиотеку общественно-политической литературы, наладил в 1912 году выпуск первой русской газеты «Эхо Австралии», издававшейся от имени Союза русских эмигрантов Австралии и впоследствии менявшей название на «Известия Союза русских эмигрантов» и «Рабочий путь». «Нас здесь почти не знали раньше, – писал Артем из Австралии. – ...Нас здесь, в городе, русских какая-нибудь сотня, а шуму и суеты больше, чем от десяти тысяч англичан»⁴¹³. С началом в России Февральской революции 1917 года русские политэмигранты покинули Австралию, перенесли борьбу на родные просторы.

Крупным центром политической эмиграции была Северная Америка, ставшая в XIX веке прибежищем для многих уроженцев России. Так, по донесению русского посланника в Вашингтоне Э. А. Стёкля министру иностранных дел России А. М. Горчакову от 28 августа 1861 года, в Гражданской войне США на стороне антирабовладельческого Севера «среди солдат, расположенных лагерем в окрестностях Вашингтона, было несколько русских добровольцев. Среди офицеров находится Струве – тот самый, который принимал участие в германской революции 1848 года. Я узнал также из газет, что некий Турчанинов, бывший русский офицер, командует полком иллинойских добровольцев»⁴¹⁴. Это был гвардии полковник, а потом и бригадный генерал армии США Иван Васильевич Турчанинов (Джон Турчин), который ради торжества свободы и демократии принял активное участие в американской войне Севера против Юга 1861–1863 годов. Вместе с ним сражалась и его жена – Н. Д. Турчанинова, ведавшая медицинской частью. Еще перед отъездом в Америку в июне 1856 года Турчаниновы посетили в Лондоне Герцена, а затем переписывались с ним по вопросам устройства социалистических коммун. Скончался И. В. Турчанинов в 1901 году, через три года умерла и его жена. Супруги были похоронены на военном кладбище Маунт-Сити в штате Иллинойс среди могил погибших в Гражданской войне северян.

Победа над Конфедерацией рабовладельческих штатов и последовавшая за ней отмена рабства в Америке были положитель-

но встречены как внутри России, так и за ее пределами. Причиной тому было неизбежно возникавшее сопоставление с бескровной отменой крепостного права в России, которое произошло на четыре года раньше, чем в США. «Откуда берет свое начало этот животворный родник взаимных братских чувств, это светопротение дружбы, открывшееся с такой силой? – задавался вопросом купец первой гильдии В. А. Кокорев на торжественном обеде, данном Русским купеческим обществом взаимного вспоможения американскому посольству в Петербурге 7 августа 1866 года, и отвечал: – Причина, породившая такие дружелюбные чувства, исходит из однородности и одновременности великого подвига, подъятого в Америке и России, – доставления человечеству прав вольного труда. В этом отношении американцы и русские ровесники»⁴¹⁵. А глава американской миссии в России Г. В. Фокс полагал, что «Россия всегда была дружественна по отношению к США, и наши чувства отвечают ей взаимностью»⁴¹⁶.

В дальнейшем США стали активно поддерживать свободолюбивые устремления людей, что сделало их привлекательным в глазах русских оппозиционеров самого разного толка: либералов, анархистов, нигилистов, легальных и нелегальных народовольцев, социалистов, марксистов. Так, в конце 1860-х годов приехал в Америку демократически настроенный офицер П. И. Огородников, желавший познакомиться с образом жизни местного населения, пониманием им свободы и демократии. Его впечатления от увиденного в течение всего 1870 года публиковал журнал «Заря» под заголовком «От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию», после чего, в 1872 году, они вышли отдельной книгой в Петербурге, а затем, дополненные и доработанные, были изданы уже двухтомником под новым названием «В стране свободы»⁴¹⁷. П. И. Огородников критически отнесся к увиденному в США и пришел к выводу, что там демократия на разные слои населения распространяется неравномерно и не позволяет всем стать свободными, поэтому «в стране

Могила И. В. и Н. Д. Турчаниновых
на военном кладбище Маунт-Сити
в штате Иллинойс, США.

свободы» существует «ложное понимание свободы», которое очень многих ведет не к освобождению, а закабалению⁴¹⁸. Огородников не задержался в Америке и вернулся в Россию, посвятив себя путешествиям и литературную работу.

Вместе с тем именно во второй половине XIX века приезд русских оппозиционеров в США стал настолько заметным явлением, что в 1891 году для оказания им помощи было создано Общество американских друзей русской свободы по примеру английского Общества друзей русской свободы, возникшего годом ранее в Лондоне. Оба общества издавали журналы под названием «Свободная Россия» («Free Russia»). Редакторами лондонского издания были С. М. Степняк-Кравчинский, создавший в 1891 году в Лондоне Фонд Вольной русской прессы, и его товарищ Ф. В. Волховский, а американского – Л. Б. Гольденберг, который к этому времени имел уже богатый опыт политэмиграции и руководства в Швейцарии русской типографией, в Лондоне – Обществом еврейских социалистов, а в Нью-Йорке – Российско-американской национальной лигой. Среди корреспондентов «Свободной России» было немало беглых противников царского режима, например участник знаменитого «хождения в народ» Е. Е. Лазарев, который в 1890 году бежал из русской ссылки в США, где трудился на заводе простым рабочим и одновременно вел революционную агитацию и пропаганду, или член марксистской группы «Освобождение труда» С. М. Ингерман, в 1889 году переехавший из Швейцарии в США, вступивший в Американскую социалистическую партию и основавший Русское социал-демократическое общество Нью-Йорка, отделения которого затем возникли в Балтиморе, Бостоне, Бруклине, Филадельфии.

Именно благодаря таким революционным деятелям как Волховский, Гольденберг, Лазарев, Ингерман, тонко и умело подававшим информацию о русском протестном движении, издания «Свободной России» сумели склонить на сторону русской политэмиграции общественное мнение Запада и в то же время настроить его против правительства Российской империи как гонителя русской свободы. Правда, немало способствовал этому и сам царизм, дававший своими злоупотреблениями богатый материал для подобных утверждений, в частности по содержанию заключенных в сибирской каторге и ссылке, о чем говорил и писал, например, американский журналист Джордж Кеннан, рисовавший страшные картины из жизни русских каторжников, которые он увидел во время своих путешествий по Сибири. В 1891 году в Нью-Йорке и Лондоне вышла его богато иллюстрированная книга «Сибирь и система

ссылки» («Siberia and the Exile System»), ставшая в определенной степени знаменем развернувшегося на Западе движения за свободную Россию и создания в том же 1891 году Общества американских друзей русской свободы.

В 1899 году в США прибыл известный русский народоволец В. Г. Богораз (Тан). В Америке он сменил революционный пыл на научный азарт этнографа, участника северных экспедиций, куратора этнографической коллекции Американского музея естественной истории в Нью-Йорке и автора англоязычного фундаментального труда «Чукчи», получившего мировую известность и выдержавшего несколько изданий⁴¹⁹. Одновременно для русской прессы США Богораз писал статьи о поселившихся на американском континенте духоборах, общинный образ жизни которых считал очень важным для осуществления крестьянского социализма, что впоследствии нашло отражение в его книге «Духоборы в Канаде»⁴²⁰. С началом первой русской революции Богораз вернулся на родину, занялся пропагандой народнических идей и организацией «Крестьянского союза», а также литературной работой, в том числе над книгой «Люди и нравы Америки»⁴²¹.

Крупным событием для русской диаспоры и мирового сообщества стал приезд в Америку весной 1906 года М. Горького. Цель его поездки была проста и сложна одновременно – собрать денег для РСДРП (б) и заработать их для себя. Америка восхитила Горького. В мае 1906 года он писал А. В. Амфитеатрову из Нью-Йорка: «Америка – это страна, в которой хочется иметь четыре головы и 32 руки, чтобы работать, работать, работать! Чувствуешь себя бомбой, которая постоянно разрывается, но так, что содержимое вылетает, а оболочка – цела. Ей-богу – это чудесная страна для человека, который может и хочет работать»⁴²². Однако пробыл Горький в Америке всего полгода, и на исходе лета 1906 года он вместе с Марией Андреевой вынужден был покинуть эту страну.

Причиной отъезда стало громкое выселение «четы Горьких» из отеля в связи с отсутствием у нее свидетельства о браке – церковного или гражданского. Пуританская Америка устроила писателю шумный скандал, который вызвал полное недоумение в революционно-демократических кругах эмиграции и России, давно считавших открытый супружеский союз вне религиозных и гражданских норм естественным правом каждого свободного человека. Тем не менее ситуация была явно неоднозначной, поскольку и Андреева и Горький формально состояли в браке, но не друг с другом, да и законную, венчанную жену Горького – Е. П. Пешкову

многие хорошо знали по активной общественно-политической деятельности в зарубежье и России. В общем, Горький, написав сердитый рассказ «Город желтого дьявола», представивший Нью-Йорк чудовищем, где «не может быть места для свободной творческой мысли», а «могут цвести только идеи разрушения, ядовитые цветы мести», где «ихтиозавры капитала стерли из памяти людей значение творцов свободы» и «свободы внутренней, свободы духа – не светится в глазах людей»⁴²³, вместе с Андреевой в конце 1906 года переехал в Италию.

В 1903 году перебрался в США бежавший от тюрьмы и ссылки в России социал-демократ А. М. Краснощёков. Работая в Нью-Йорке то портным, то маляром, он вступил в Американскую социалистическую партию и профсоюз «Индустриальные рабочие мира» Американской Федерации труда, а также стал студентом Чикагского университета, который окончил в 1912 году. Как дипломированный экономист и юрист, Краснощёков выступал адвокатом по профсоюзным делам, был сотрудником партийно-профсоюзной прессы, преподавателем и ректором Рабочего университета Чикаго. Краснощёков находился в гуще отечественной политэмиграции США, которая в середине второго десятилетия XX века включала многих известных революционеров: В. Володарский работал в Американской социалистической партии и интернациональном профсоюзе портных; Н. И. Бухарин и Г. И. Чудновский сотрудничали в газете Русской федерации Американской социалистической партии; в рабочем и социалистическом движении США участвовали Н. Гуревич, А. Коллонтай, Л. Мартенс, А. Стоклицкий, в результате чего, в Америке «к уже существовавшим обществам помощи жертвам революции (Общество помощи политическим ссыльно-поселенцам в Сибири, Нью-Йоркский революционный Красный Крест) на этой волне возникло еще около двадцати организаций, объединявших сторонников нескольких партий. Общество друзей русской демократии (Чикаго), Лига защиты русских граждан (Бостон), Союз Единства (Нью-Йорк), Лига защиты русской революции (Балтимор) и другие»⁴²⁴.

В январе 1917 года в Нью-Йорк на пароходе приехал высланный из Испании Л. Д. Троцкий: «С глубокой верой в надвигающуюся революцию я покинул окровавленную Европу, – писал он. – И без всяких “демократических” иллюзий я вступил на берег этого достаточно постаревшего нового света. ...Величайший по значению экономический факт состоит в том, что Европа разоряется в самых основах своего хозяйства, тогда как Америка обогащается. И, глядя

с завистью на Нью-Йорк, я, еще не переставший чувствовать себя европейцем, с тревогой спрашиваю себя: выдержит ли Европа? Не превратится ли она в кладбище? И не перенесется ли центр экономической и культурной тяжести мира сюда, в Америку?»⁴²⁵. Почувствовав, что Нью-Йорк «полнее всего выражает дух современной эпохи», Троцкий собирался долго прожить в США, но Февральская революция в России, объявившая амнистию всем политическим эмигрантам, изменила его планы, так же как и планы других изгнанников, которые весной 1917 года поспешили вернуться на родину.

Развернулось мощное движение с двусторонним потоком: одни бежали от революции за границу, другие, наоборот, – прибывали в Россию устанавливать новый строй. Начало этому процессу было положено еще в первую русскую революцию, среди участников которой имелось немало политэмигрантов, срочно вернувшихся на родину помогать восставшим, тогда как их противники отправлялись в обратном направлении, думая лишь о том, «как бы на *последний* заграничный экспресс не опоздать»⁴²⁶. В 1917 году все повторилось, и весной вместе с паводком Россию накрыла волна реэмиграции: вернулись Г. В. Плеханов, П. А. Кропоткин, В. И. Ленин и многие другие. Так, в 1917 году «вместе с Лениным выехали из Швейцарии 10 большевиков, 6 бундовцев, 3 сторонника парижской интернациональной газеты “Наше слово”», за ними 30 апреля (12 мая) прибыла вторая группа в составе 257 человек, а 17 (30) июня – третья группа из 400 человек, в том числе Аксельрод, Луначарский, Мартов, Семашко, наконец, завершала этот политический десант четвертая группа – эшелон, добравшийся до Петрограда в канун 1918 года⁴²⁷. Процесс реэмиграции развернулся и в США, где «первая группа «политических» в составе 97 человек отправилась в Россию 15 апреля 1917 г. из Нью-Йорка. За ней последовали группы из Чикаго, Филадельфии, Детройта», всего, по оценке русского дипломатического представительства, <...> около 2 тыс. человек»⁴²⁸.

Взятый русскими политэмигрантами курс на подготовку революции в России полностью оправдал все их ожидания и усилия, что позволило им в 1917 году свободно вернуться на родину и взять власть в свои руки.

Примечания

- ¹ *Кашкин Ю. В.* Гейдельбергском университете // *Голос минувшего*. 1923. № 2. С. 45.
- ² «*Apologia pro vita mea*» Владимира Печерина // *Российская история*. 2013. № 2. С. 196.
- ³ *Кашкин Ю. В.* Указ. соч. 46.
- ⁴ *Пушкин А. С.* Евгений Онегин : Роман в стихах. Илл. М. В. Добужинского, ред. текста В. Ф. Ходасевича. М., 1999 [Paris, 1937]. С. 44.
- ⁵ *Гёте И. В.* Фауст / И. В. Гёте; пер. с нем. Б. Пастернака. М. : Эксмо, 2006. С. 74 ; *Goethes Meister-Werke*. Neuste illustrierte Aufgabe. Zweiter Band. Berlin : G.m.b.h, 1897. S. 80.
- ⁶ *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М.; Л. : Наука, 1964. С. 118.
- ⁷ *Европеец*. Политико-лит. газета. Изд-е Бруно Винеке, Гл. ред. Л. П. Блюммер. Дрезден. 1864–1919.
- ⁸ *Draper John William*. History of the intellectual development of Europe. L., 1864 / Дрэпер, Д. В. История умственного развития Европы. / [Соч.] Джона Вилльяма Дрэпера, профессора химии и физиологии в нью-йоркском университете / пер. с англ. под ред. А. Н. Пыпина: [в 2 т.] – 2-е изд. – СПб. : О. И. Бакст, 1869. – Т. 1. [6], VI. – 364 с. ; Т. 2. [4], VI. – 357 с.
- ⁹ Западное влияние в новой русской литературе. Сравнительно-исторические очерки Алексея Веселовского. М. : Тип. А. Гатцука, 1883. С. 144.
- ¹⁰ *Пушкин А. С.* Рославлев // *Соб. Соч.* : в 10 т. Т. 5 : Романы. Повести. М. : Худ. лит., 1975. С. 118–119.
- ¹¹ *Historiae Russiae Monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. I. Turgenevio*. Т. 1–2. СПб. : А. К. Vostokov, 1841.
- ¹² *Тургенев А. И.* Указ. соч. С. 72.
- ¹³ Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева»: По повелению е. и. в. Александра Первого: Под начальством флота кап.-лейт., ныне кап. 2-го ранга, Крузенштерна, Гос. адмиралтейского деп. и Имп. акад. наук члена. Ч. 1–3. СПб. : Мор. тип., 1809–1812.
- ¹⁴ *Тамаркин Д. Д.* Белый папуас: Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М. : Восточная литература, 2011. – 623 с. ; *Миклухо-Маклай Н. Н.* Соб. соч. : в 6 т. М. : Наука, 1990–1999.
- ¹⁵ Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением Замечаний его о Японском Государстве и народе. Ч. 1–3. СПб. : Морская типография, 1816 ; Путешествие российского императорского шлюпа «Диана» из Кронштата в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта (ныне капитала 1-го ранга) Головина в 1807, 1808 и 1809 годах.

- Ч. 1–2. СПб. : Морская типография, 1819 ; Головин В. М. Сочинения. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное в 1807, 1808 и 1809 гг. В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг. : С приложением описания примечательных кораблекрушений в разные времена претерпенных русскими мореплавателями. – М.; Л. : Изд-во Главморпути, 1949.
- ¹⁶ Тургенев и его современники. Л. : Наука, 1977. С. 82.
- ¹⁷ Венюков М. И. Русские в Парижской академии наук. Справка. СПб. : б. и., 1890. С. 1–3.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Фрейд З. Письма к невесте. СПб. : Азбука-классика, 2007. С. 166–167.
- ²⁰ ОР РГБ. Ф. 77 (В. А. Гольцев). Карт. 23. Ед. хр. 1. Л. 12.
- ²¹ Николай Иванович Пирогов. 1810–1881 // Люди русской науки. М. : Физматгиз, 1963. С. 497.
- ²² Иван Михайлович Сеченов. 1829–1903 // Там же. С. 135–136.
- ²³ Сергей Петрович Боткин. 1832–1889 // Там же. С. 519, 520–521.
- ²⁴ Владимир Михайлович Бехтерев. 1857–1927 // Там же С. 593.
- ²⁵ Герцен А. И. Соч. : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1986. С. 11.
- ²⁶ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М. : Наука, 1981. С. 134.
- ²⁷ Воронцов А. Михаил Осипович Меньшиков. М. : Русский мир, 2018. – 800 с.
- ²⁸ Шестаков В. П. Указ. соч. С. 132–133.
- ²⁹ Короткова З. Неизвестный Менделеев // Наука и жизнь. 2004. № 7. С. 8–10.
- ³⁰ Свиныи П. П. Взгляд на республику Соединенных Американских областей. СПб. : Типография Ф. Дрехслера, 1814. – 64 с. ; *Он же*. Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свиныина. СПб. : Типография Ф. Дрехслера, 1815. – 219 с. ; *Он же*. Ежедневные записки в Лондоне. СПб. : Тип. Имп. Воспитательного дома, 1817. – 249 с. ; *Он же*. Американские дневники и письма. (1811–1813). М. : Парад, 2005. – 559 с. ; *Svenin P. Sketches of Moscow and St. Petersburg. Philadelphia, 1813 ; Idem. Sketches of Russia. London, 1843.*
- ³¹ Лотман Ю. М. Современность между востоком и западом // Знамя. М., 1997. № 9. С. 157.
- ³² См.: Подалко П. Э. Романовы в Японии. С. 314–315.
- ³³ Подалко Э. Павел Васкевич – ученый, дипломат, путешественник: к 125-летию со дня рождения // Acta Slavica Iaponica. Т. XIX. Sapporo, 2002. P. 267.
- ³⁴ Васкевич П. Дневник поездки в Японию от порта Цуруга до порта Ниигата. С приложением таблицы японских мер, алфавитных указателей имен географических, предметных и собственных и 8 карта и планов. Владивосток : паровая типо-лит. газ. «Дальний Восток», 1904. – 607 с.

- ³⁵ Васкевич П. Материалы к изучению быта японцев в Приамурском крае // Вестник финансов, промышленности и торговли. СПб., 1905. № 39 ; *Он же*. Очерк быта японцев в Приамурском крае. Верхнеудинск : тип. А. Д. Рейфовича, 1905. 25 с.
- ³⁶ Подалко Э. Павел Васкевич – ученый, дипломат, путешественник. Р. 265–295.
- ³⁷ Цит. по: Полунина Н., Фролов А. Основатели. Российские просветители. М. : Советская Россия, 1997. С. 15.
- ³⁸ Кошелев А. И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). Берлин : В. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. – 232 с.
- ³⁹ Кошелев А. Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг : Ф. Вагнер, 1862. – 85 с. ; *Он же*. Конституция, самодержавие и земская дума. Лейпциг : Ф. Вагнер, 1862. – 59 с. ; *Он же*. Об общинном землевладении в России. Berlin : тип. П. Станкевича, 1875. – 119 с.
- ⁴⁰ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. Т. 2. 1851–1858. М. : Наука, 1976. С. 400–401.
- ⁴¹ Haxthausen A. Die Kriegsmacht Rußlands in ihrer historischen, statistischen, ethnographischen und politischen Beziehung. Berlin : Behr, 1852 ; *Idem*. Transkaukasia: Reiseerinnerungen u. ges. Notizen. Leipzig : F. A. Brockhaus, 1856 ; *Idem*. Wird Rußlands Kirche das Papstthum anerkennen? Münster: Theissing, 1857 ; *Idem*. Die ländliche Verfassung Rußlands. Ihre Entwicklungen und Feststellung in der Gesetzgebung von 1861. Leipzig : F. A. Brockhaus, 1866.
- ⁴² Дудзинская Е. А. Европа глазами русского путешественника // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. : Наука, 1981. С. 72.
- ⁴³ Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 6. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 198–202.
- ⁴⁴ Humboldt A. de. Fragments de geologie et de climatologie asiatiques. Paris : Gide, 1831. – 328 с. ; Humboldt A. de., Ehrenberg C. G., Rose G. Reise nach den Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere. Berlin : Verlag der Sanderschen buchhandlung, 1842. – 621s. ; *Idem*. Asie centrale. Recherches sur les chaines de montagnes et la climatologie comparee, 3 vols. Paris : Gide, 1843.
- ⁴⁵ Афиани В. Ю. Судьба рукописей «Русского музеума» П. П. Свиньина // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1882. Л. : Наука, 1884. С. 117, 121.
- ⁴⁶ Переезды с Александром Гумбольдтом по Сибири (1829) // Русский архив. 1865. Вып. 8. С. 1029.
- ⁴⁷ Там же. С. 1028.
- ⁴⁸ Stadelbauer Jörg. Alexander von Humboldt und Russland // Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Herausgeben von Dittmar Dahlmann, Wilfried Potthoff / Herrasowitz Verlag, 2004. S. 29–58.

- ⁴⁹ *Розинский В.* Указ. соч. С. 64–65.
- ⁵⁰ *Chopin J.* Russie. Par M. Chopin, ancien secretaire et bibliothecaire du prince Kourakin, ambassadeur de Russie a la cour de France. V. I-II. Paris : Firmin Didot Freres, Editeurs, MDCCCXXXVIII (1838); T. 1. – 384 с., 5 л. карт, 66 л. илл.; T. 2 : Contenant la fin de la Russie d'Europe, y compris la Crimée, par M. Cesar Famin ; et les provinces Russes en Asie, Circassie et Georgie, par M. Cesar Famin. Armenie, par M. Bore, orientaliste. С. 385– 672, 4 л. карт, 87 л. илл.
- ⁵¹ *Menschen und Dingen in Rußland. Anschauungen und Studien.* Gota: H. Scheube, 1856. S. 267, 1.
- ⁵² *Эймонтова Р. Г.* Профессора старые и новые на рубеже 50–60-х годов XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. : Наука, 1981. С. 131.
- ⁵³ См.: *Гвида Ф.* Микеланджело Пинто. Римский литератор и патриот между Италией и Россией. СПб. : Лики России, 2011. – 224 с.
- ⁵⁴ Цит. по: *Чистова И. С.* Тургенев и Леопарди // Тургенев и его современники. Л. : Наука, 1977. С. 144.
- ⁵⁵ *Десницкий В. А.* Статьи и исследования. Л. : Худ. лит., 1979. С. 451.
- ⁵⁶ Русские ведомости. 1910. 6 (19) февраля. № 29.
- ⁵⁷ Воспоминания Н. А. Гольцевой // ОР РГБ. Ф. 77 (В. А. Гольцев). Карт. 23. Ед. хр. 1. Л. 65.
- ⁵⁸ *Талалай М.* Русский Милан // Русская Мысль. 1998. № 4209. С. 10.
- ⁵⁹ Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М. : Наука, 1988. С. 505.
- ⁶⁰ Исторический архив. 2012. № 1. С. 131–132.
- ⁶¹ *Волошин М.* Путиами Каина. М. : Педагогика, 1991. С. 15.
- ⁶² *Пунин Н. Н.* Дневник царскосела. Дневники, письма, фотографии // Наше Наследие. 1998. № 47. С. 80.
- ⁶³ *Коваль Л. В.* Творческая деятельность Гюбера Робера и ее значение для утверждения нового художественного вкуса в культуре Франции второй половины XVIII века : автореф. ... дис. канд. искусств. М. : РИК, 1999. С. 19, 21.
- ⁶⁴ *Каск А. Н.* Указ. соч. С. 18.
- ⁶⁵ *Романов П.* Указ. соч. С. 18.
- ⁶⁶ *Bossoli Carlo.* The Beautiful Scenery and Chief Places of Interest throughout the Crimea. London: Day&Son, 1856; Превосходные пейзажи и главные достопримечательности Крыма из альбома Карло Боссолли. Лондон, 1856. М. : РГБ «Пашков дом», 2016. – 14 л.
- ⁶⁷ Вдохновленный морем // Мальтийский вестник. 2018. № 6. С. 17.
- ⁶⁸ *Дудаков В.* Русская Европа // Наше Наследие. 1991. № II (20). С. 156–157.
- ⁶⁹ Например, в газете «Ewening News Wachington», 10 января 1893 г. ; см. также: *Барсамов Н. С.* Иван Константинович Айвазовский. Симферополь : Крымиздат, 1953. – 270 с.

- ⁷⁰ *Гоголь Н. В.* Портрет // Гоголь Н. В. Петербургские повести. М., 2013. С. 135 ; *Виноградова В. В.* По римским адресам Гоголя. М. : Старая Басманная, 2014. – 182 с.
- ⁷¹ *Данилова И. Е.* Уффицы глазами русских второй половины XIX – начала XX века // Панорама искусств. Т. 8. М. : Советский художник, 1985. С. 308.
- ⁷² *Эри В.* Письма о христианском Риме // Наше Наследие. 1991. № II (20). С. 121.
- ⁷³ *Зелинский В.* Безмолвная тайна первохристианства // Наше Наследие. 1991. № II (20). С. 135.
- ⁷⁴ *Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч. М. : Захаров, 2001. С. 393.
- ⁷⁵ *Кара-Мурза А. А.* Знаменитые русские о Неаполе. М. : Изд-во Независимая газета, 2002. С. 61.
- ⁷⁶ *Дудаков В.* Указ. соч. С. 156.
- ⁷⁷ *Панова Т.* Русская и украинская живопись XVIII – начала XX века // Донецкий областной художественный музей (история создания; коллекция русского и украинского искусства). Каталог. Пояснения к каталогу. Донецк : Кардинал, 2003. С. 44–45, кат. 45.
- ⁷⁸ См.: *Степанова С. С.* Русская живопись эпохи Карла Брюллова и Александра Иванова. Личность и художественный процесс. СПб., 2011. – 288 с.
- ⁷⁹ *Герцен А. И. А. Иванов* // Собр. соч. : в 30 т. Т. 13. М. : Изд-во АН СССР, 1958. С.323, 326, 327
- ⁸⁰ *Дудаков В.* Указ. соч.156.
- ⁸¹ *Рюмин А.* На острове воспоминаний // Наше Наследие. 1991. № VI (23). С. 150.
- ⁸² Собрание М. П. Боткина. СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. – 38 с.
- ⁸³ Цит. по: *Кара-Мурза А. А* Указ. соч. С. 29–31.
- ⁸⁴ Цит. по: *Полунина Н., Фролов А.* Указ. соч. С. 7.
- ⁸⁵ Там же. С. 41.
- ⁸⁶ *Пархоменко И. К.* О том, что было. М., 1927. С. 67.
- ⁸⁷ *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. Кн. 5–6. М. : Советский писатель, 1966. С. 595.
- ⁸⁸ *Тенишева М. К.* Впечатления моей жизни. Л. : Искусство, 1991. С. 118.
- ⁸⁹ *Герро.* Мария Башкирцева. Критико-библиографический очерк с двумя портретами. М. : Типография А. Победимовой, 1905. С. 9.
- ⁹⁰ *Гиппиус Н.* Крутые ступени. Л. : Детгиз, 1970. С. 104.
- ⁹¹ *Пастон Э.* Парадоксы Виктора Васнецова // Наше Наследие. 1991. № IV (22). С. 12.
- ⁹² См.: *Хасьянова Л. С.* Участие Императорской Академии художеств во Всемирной выставке в Париже в 1878 году // Россия и франкоязычный мир в диалоге искусств: литература, живопись, театр, кинематограф. Королев, 2013. С. 75–92.

- ⁹³ Плещеев А. А. Наши таланты в Париже. Корреспонденция // Художник. 1891. № 1. С. 65–67.
- ⁹⁴ Долматовский Е. А. Было. Записки поэта. Книга вторая. М. : Сов. писатель, 1979. С. 370.
- ⁹⁵ Валентин Серов в переписке, документах и интервью. Т. 1. Л. : Художник РСФСР, 1985. С. 239.
- ⁹⁶ Бенуа А. Мои воспоминания : в 5 кн. Т. 2. Кн. 4, 5. М. : Наука, 1990. С. 114.
- ⁹⁷ Щён Т. Иван Шишкин. Письма из Дюссельдорфа // Про-Дюссельдорф. 2013. 5 марта. Mydusseldorf.com.
- ⁹⁸ Грабарь И. Письма 1891–1917. М. : Наука, 1974. С. 77.
- ⁹⁹ Дудаков В. Русская Европа. С. 160.
- ¹⁰⁰ Шатских А. Степан Эрзя. Триумф и трагедия // Наше Наследие. 1991. № V (23). С. 41.
- ¹⁰¹ Письма В. И. Шухаева А. Е. Яковлеву из Италии (1912–1913) и Петербурга (1914–1915) // Панорама искусств. Т. 8. М. : Советский художник, 1985. С. 187, 182–183.
- ¹⁰² Там же. С. 177.
- ¹⁰³ Чувилова И. В. Формирование художественных коллекций в провинции в первой половине XIX века : Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М. : РИК, 1999. С. 15.
- ¹⁰⁴ Мосякин А. Антикварный экспортный фонд. Антология документов и фактов // Наше Наследие. 1991. № II (20). С. 30. См. также: Савинская Л. Ю. Н. Б. Юсупов как тип русского коллекционера начала XIX в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М. : Наука, 1993. С. 200–219 ; Она же. Ученая прихоть. Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова // Наше наследие. 2002. № 6364. С. 8–33 ; Она же. Письма Анжелики Кауфман князю Н. Б. Юсупову (художник и заказчик в Риме конца XVIII века) // Век Просвещения. Вып. 2. Кн. 2. М. : Наука, 2008. С. 23–46 ; Она же. Иллюстрированные каталоги частных картинных галерей второй половины XVIII – первой трети XIX века // Актуальные проблемы отечественного искусства. Вып. 1. М. : МПГУ, 1990. С. 49–65.
- ¹⁰⁵ Цит. по: Неверов О. Коллекции семьи Хитрово // Наше Наследие. 1990. № VI (18). С. 45.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Пятницкий Ю. Отечества и дым нам сладок и приятен. Эпизоды из истории византийской коллекции Государственного Эрмитажа // Наше Наследие. 2014. № 112. С. 119–133.
- ¹⁰⁸ Полунина Н., Фролов А. Указ. соч. С. 8.
- ¹⁰⁹ Григорьев Ап. Литературная критика. М. : Худ. лит., 1967. С. 475.
- ¹¹⁰ Мосякин А. Указ. соч. С. 30.
- ¹¹¹ Литературное наследство. Т. 62. Герцен и Огарёв. Ч. II. М. : АН СССР, 1955. С. 732.

- ¹¹² Глинка М. И. Записки. М. : Музыка, 1988. С. 57.
- ¹¹³ См.: Русские в Германии = Russen in Deutschland: Справочник. Берлин : Клуб «Диалог», 2008. С. 20.
- ¹¹⁴ *Pierre d'Algeim*. Moussorgski. Paris, S. du M. de France, 1896.
- ¹¹⁵ Композитор, который слушал ветер // Мальтийский вестник. 2018. № 6. С. 37.
- ¹¹⁶ Горький и русская журналистика начала XX века. С. 137.
- ¹¹⁷ Русская Валькирия // День. 1913. № 4 ; Горький и русская журналистика начала XX века. С. 425.
- ¹¹⁸ Волконский С. Из воспоминаний // Наше Наследие. 1991. № IV (22). С. 65, 66, 67.
- ¹¹⁹ Петипа Мариус // Балет. Энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1981. С. 398–399.
- ¹²⁰ Бенуа А. Указ. соч. С. 497–498.
- ¹²¹ Художественная культура русского зарубежья. М. : Индрик, 2008. С. 471.
- ¹²² Мариенгоф А. Роман без вранья. Циники. Мой век. Л. : Худ. лит., 1988. С. 414.
- ¹²³ Робер П. Наши французские артисты. Карикатуры и автографы артистов Михайловского театра = Nos artistes français. Caricatures et autographes des artistes du Théâtre Michel / Поль Робер. СПб., 1896 ; *Он же*. Весь Петербург в карикатурах. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 48 с.
- ¹²⁴ Струве П. Б. Тургенев как политический мыслитель // Родина. 1994. № 6. С. 68.
- ¹²⁵ Эйдельман Н. Я. Грань веков. С. 239.
- ¹²⁶ Кара-Мурза А. А. Указ. соч. С. 35, 41–42.
- ¹²⁷ Цит. по: Мережковский Д. С. Революция и религия // Мережковский Д. С. Павел I. Александр I. Больная Россия. М. : Московский рабочий, 1989. С. 656.
- ¹²⁸ «Голоса из России». Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарёва. Книжка VI. [Лондон: Вольная русская книгопечатня, 1859]. М. : Наука, 1975. С. 60, 37–38, 33, 24–25, 38.
- ¹²⁹ Неверов О. Указ. соч. С. 42.
- ¹³⁰ Яновский С. Я. Эмиграция с точки зрения права // Журнал Министерства юстиции. 1908. № 3. СПб. : Сенат. тип., 1909. С. 31–66 ; *Он же*. Русское законодательство и эмиграция // Там же. 1909. № 4. СПб. : Сенат. тип., 1909. С. 86–114.
- ¹³¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Глава седьмая. О недозволенном оставлении отечества. Ст. 354–357 // Российское законодательство. X–XX вв. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М. : Юридическая литература, 1988. С. 220–264.
- ¹³² Пушкин А. С. Указ. соч. Т. X. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. С. 16 ; Неверов О. Указ. соч. С. 46.

- ¹³³ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2 т. М. : Изд-во им. Сабашниковы, 1996. Т. 1. С. 127, 177.
- ¹³⁴ См.: Зильберштейн И. С. Парижские находки. Эпоха Пушкина. Москва : Изобразительное искусство, 1993. – 292 с.
- ¹³⁵ Новые стихотворения Н. Языкова. М. : Университетская типография, 1845. – 332 с.
- ¹³⁶ Языков Н. Ницца приморская // Новые стихотворения Н. Языкова. М. : Университетская типография, 1845. С. 70.
- ¹³⁷ Тютчев Ф. И. Пол. Собр. соч. и письма : в 6 т. Т. 3 : Публицистические произведения. М. : Классика, 2003. С. 111.
- ¹³⁸ Там же. С. 117–118.
- ¹³⁹ Там же. С. 284–285;
- ¹⁴⁰ Гюго В. Стихотворения. М. : Худ. лит., 1981. С. 112–113.
- ¹⁴¹ Тютчев Ф. И. Указ. соч. С. 111, 130, 451.
- ¹⁴² Русская лирика XIX века. М. : Худ. лит., 1986. С. 194 ; Тютчев Ф. И. Указ. соч. С. 117.
- ¹⁴³ Тютчев Ф. И. Указ. соч. С. 480.
- ¹⁴⁴ Из семейной переписки. Письма С. Т. и И. С. Аксаковых // Наше Наследие. 1991. № VI (23). С. 54.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Яновский С. Я. Русское законодательство и эмиграция. С. 86–114.
- ¹⁴⁷ Моруа А. Три Дюма. Литературные портреты. М. : Правда, 1986. С. 271.
- ¹⁴⁸ Ланский Л. Р. Неизданные письма М. К. Рейхель // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. М. : Наука, 1977. С. 79.
- ¹⁴⁹ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 237.
- ¹⁵⁰ Герцен А. И. Августейшие путешественники // Собр. соч. : в 30 т. Т. 13. С. 13. *с женами и детьми (нем.)
- ¹⁵¹ Там же. *светлейшими супругами (нем.)
- ¹⁵² Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л. : Прибой, 1929. С. 49 ; Герцен А. И. А. Дюма // Собр. соч. : в 30 т. Т. 13. С. 349.
- ¹⁵³ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 356, 357, 330.
- ¹⁵⁴ Chere Tante... Переписка Л.Н. Толстого с Т.А. Ергольской // Ясная Поляна. 1997. № 2. С. 230.
- ¹⁵⁵ Трубецкой Е. Н. Гоголь и Россия // Н. В. Гоголь: pro et contra. Личность и творчество Н. В. Гоголя в оценке русских писателей, критиков, философов, исследователей. Антология. СПб. : Изд-во Рус. христианской гуманитарной акад., 2009. Т. 1. С. 477.
- ¹⁵⁶ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М. : Эксмо, 2002. С. 226.
- ¹⁵⁷ Кара-Мурза А. А. Указ. соч. С. 137.
- ¹⁵⁸ Достоевский Ф. М. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1883. Т. 1. С. 54.

- 159 Чаадаев П. Я. «Я любил свою страну по-своему...» // Наше Наследие. 1988. № 1. С. 66.
- 160 Ашимбаева Н. Т. А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1882. Л. : Наука, 1884. С. 66.
- 161 Там же. С. 79, 80.
- 162 Там же. С. 74.
- 163 Достоевский Ф. М. Дневник писателя. СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1880. С. 18–19.
- 164 Ашимбаева Н. Т. Указ. соч. С. 81.
- 165 Сочинение Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», представленное в Академию наук для соискания премии, не было ее удостоено из-за несогласия с его выводами, которые подробно были разобраны и подвергнуты критике многими учеными: См. : Соловьёв В. С. Данилевский (Николай Яковлевич, 1822–1885) // Соч. : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. С. 406–414.
- 166 Матиева А. Х. Библиотека М. М. Ковалевского в фонде Отдела редких книг и рукописей // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М., 2008. С. 250–251.
- 167 Тенишева М. К. Указ. соч. С. 119.
- 168 Горький и русская журналистика начала XX века. С. 554, 1010.
- 169 Исторический архив. 2004. № 1. С. 175.
- 170 ОР РГБ. Ф. 77 (В. А. Гольцев). Карт. 23. Ед. хр. 1. Л. 22.
- 171 Рукописи, редкие издания, архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. К 60-летию образования Отдела. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. С. 100.
- 172 Литературное наследство. Т. 62. С. 66.
- 173 Герцен А. И. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 263–264.
- 174 Литературное наследство. Т. 62. С. 473.
- 175 Там же.
- 176 ОР РГБ. Ф. 77 (В. А. Гольцев). Карт. 23. Ед. хр. 1. Л. 10.
- 177 ОР РГБ. Ф. 77 (В. А. Гольцев). Карт. 23. Ед. хр. 1. Л. 9.
- 178 Соловьёв В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соч. : в 2 т. С. 696–697.
- 179 Там же. С. 695–696.
- 180 Карамзин Н. М. История Государства Российского. С. 8.
- 181 Брюсов В. Я. Избранное. М. : Московский рабочий, 1979. С. 211.
- 182 См.: Антонова З. В. Становление и развитие путеводителя как вида издания. М. : МГОУ, 2006. – 13 с.
- 183 Литературное наследство. Т. 62. С. 399–400.
- 184 ЦГА Москвы. Ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа). Оп. 2. – Д. 3381. – Л. 203об. – 204.

- ¹⁸⁵ ЦГА Москвы. Ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа). Оп. 2. – Д. 3381. – Л. 196.
- ¹⁸⁶ . ЦГА Москвы. Ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа). Оп. 2. – Д. 3381. – Л. 205об.
- ¹⁸⁷ ЦГА Москвы. Ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа). Оп. 2. – Д. 3381. – Л. 212 –212 об.
- ¹⁸⁸ ЦГА Москвы. Ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа). Оп. 2. – Д. 3381. – Л. 195об., 196, 203 об.
- ¹⁸⁹ Сборник консульских донесений. СПб., 1902 // Большой город. 2013. № 1 (313). С. 5.
- ¹⁹⁰ См. подробнее: *Сокольский А. А.* П. А. Дементьев-Деменс – выдающийся русский американец. К столетию основания Ст. Петербурга во Флориде. 1888–1988. СПб., Флорида : Юг-Издат. 1988 – 82 с. ; *Александров Е. А.* Парк имени Дементьева во Флориде // Русский Американец. Обзорный выпуск. № 20. 1995.
- ¹⁹¹ *Короленко В. Г.* Без языка // Короленко В. Г. Избранное. М. : Правда, 1979. С. 424.
- ¹⁹² Там же. С. 350; 380–381.
- ¹⁹³ Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова. Т. 20. СПб., 1905. С. 605.
- ¹⁹⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XLA (80). СПб., 1904. С. 746–748.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 746–748 ; *Гасратян С. М.* Еврейские общины в России в 1880–1905 гг. // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 164.
- ¹⁹⁶ *Боброва О.* Где они – наши тезки? // Санкт-Петербург сквозь века. 1703–2003. СПб. : Книги Петербурга, 2003.
- ¹⁹⁷ «Голоса из России». С. 4, 5, 8, 7, 61.
- ¹⁹⁸ *Баренбаум И. Е.* Книжные связи как фактор международного и межнационального культурного общения. (Историографи. Источники. Проблематика) // Книга: исследования и материалы, 1994. Сб-к 69. С. 20–24 ; *Харламов В. И.* Русская зарубежная книга как библиографическая категория // Библиография. 1994. № 5. С. 11–20.
- ¹⁹⁹ *Наркирьер Ф.* Андре Моруа: Литературные воспоминания // Андре Моруа. Шестьдесят лет моей литературной жизни. М. : Прогресс, 1977. С. 15–16; *Моруа А.* Искусство Тургенева // Андре Моруа. Шестьдесят лет моей литературной жизни. М. : Прогресс, 1977. С. 182.
- ²⁰⁰ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 148.
- ²⁰¹ *Дягилева Е. В.* Семейная запись о Дягилевых. СПб.; Пермь, 1998. С. 144.
- ²⁰² *Шестаков В. П.* Указ. соч. С. 132.
- ²⁰³ Письмо В. П. Боткина А. И. Герцену от 25 ноября 1847 г. // Литературное наследство. Т. 62. С. 40–41.
- ²⁰⁴ *Боткин В. П.* Письма об Испании. Л. : Наука, 1976. – 343 с.
- ²⁰⁵ Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847–1861. М.; Л. : Academie, 1930. С. 434.

- ²⁰⁶ *Боборыкин П. Д.* Воспоминания. В двух томах. М. : Худ. лит., 1965. Гл. XXIII.
- ²⁰⁷ Горький и русская журналистика начала XX века. С. 968.
- ²⁰⁸ *Цветаева М.* Герой труда. Записки о Валерии Брюсове // Наше наследие. 1988. № 5. С. 67 ; «Распоясанные письма» В. Розанова // Литературное обозрение. Спец. вып. М., 1992. С. 70 ; *Кудрова И.* Путь комет. Т. 2. После России. СПб. : Издательство Сергея Ходова, 2007. С. 144.
- ²⁰⁹ *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский. Париж. 1906–1914 // Русский Париж. М. : МГУ, 1998. С. 26–78.
- ²¹⁰ «Распоясанные письма» В. Розанова. С. 68.
- ²¹¹ *Эртель А. И.* Записки Степняка. М. : Правда, 1989. С. 359.
- ²¹² *Андреев Л. Н.* Дневник Сатаны. М. : Эксмо, 2006. С. 309.
- ²¹³ *Красавченко Т.* Указ. соч. С. 45 ; *Arnold M.* Count Leo Tolstoy // The Forthnightly review. Vol. XII. L., 1887.
- ²¹⁴ *Тарле Е. В.* Письмо А. Г. Достоевской. 13 февраля 1901 г. // Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М. : Наука, 1981. С. 175.
- ²¹⁵ *Миллер С.* Эмс и дворяне России. М. : Аграф, 2008. С. 6.
- ²¹⁶ См., например: *Венгерова З.* Английские писатели XIX века. СПб. : Прометей Н. Н. Михайлова, 1913. – 191 с.
- ²¹⁷ Russen über Russland. Ein Sammelwerk. Herausgegeben von Josef Melnik. Frankfurt am Main : Literalische Anstalt Rütten & Loening, 1906. – 692 S.
- ²¹⁸ «Möge “das Land der Sklaven, das Land der Herren” (Lermontow) zum Lande der freien Menschen werden!» // Russen über Russland. Ein Sammelwerk. Herausgegeben von Josef Melnik. Frankfurt am Main : Literalische Anstalt Rütten & Loening, 1906. S. X.
- ²¹⁹ Neuland. Monatsblätter zur geistigen und ökonomischen Kultur Rußlands und des fernen Ostens. Berlin : Herausgegeben von Josef Melnik, 1908. Heft 1–3.
- ²²⁰ Russen über Russland. Ein Sammelwerk. Herausgegeben von Josef Melnik. Frankfurt am Main: Literalische Anstalt Rütten & Loening, 1906. S. IX.
- ²²¹ Neuland. Monatsblätter zur geistigen und ökonomischen Kultur Rußlands und des fernen Ostens. Berlin : Herausgegeben von Josef Melnik, 1908. Heft 1. S. 6–7.
- ²²² *Вишнякова Н. В.* Из истории русско-американских книжных связей (конец XVIII –начало XX века // Книга. Культура. Читатель : Сб. науч. трудов по материалам 10-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургская гос. академия культуры. Т. 149. СПб. : СПбГАК, 1998. С. 115–116.
- ²²³ *Семетцов О. Ю.* Американское посольство Фокса в России в 1866 г. // Americana. Выпуск 10. Российско-американские отношения: Новое начало / Russian-American Relations : new start. Волгоград: ВолГУ, 2009.С. 135.
- ²²⁴ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 424, 458.
- ²²⁵ См.: *Журавлев И. К., Садыкова Г. Н.* Из истории переводов произведений Л. Н. Толстого в США (1886–1917) // Русская литература. Алма-

- Ата, 1975. Вып. 5. С. 30–37 ; *Фунсо Л. Н.* Из истории ранних переводов произведений И. С. Тургенева в США (1867–1886) // *Филологический сборник / Казах. Гос. ун-т.* 1976. Вып. 18. С. 81–96.
- ²²⁶ *Петров Е. В.* Участие русских историков-эмигрантов в складывании информационно-славистических ресурсов американских библиотек в начале XX века // *Книга. Культура. Общество : Сб. науч. трудов по материалам 12-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И. А. Шомракова. Т. 154. СПб. : СПбГУКИ, 2002. – С. 247.*
- ²²⁷ *Волконский С.* Очерки русской истории и русской литературы. Публичные лекции, читанные в Америке. СПб. : Типо-литография Р. Р. Голике, 1897. – 341 с.
- ²²⁸ Цит. по: *Бойков В.* Герой серебряного века Сергей Волконский. Из воспоминаний // *Наше Наследие.* 1991. № IV (22). С. 56.
- ²²⁹ *Петров Е. В.* Участие русских историков-эмигрантов в складывании информационно-славистических ресурсов американских библиотек в начале XX века // *Книга. Культура. Общество : Сб. науч. трудов по материалам 12-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И. А. Шомракова. Т. 154. СПб. : СПбГУКИ, 2002. С. 244.*
- ²³⁰ Там же. С. 246.
- ²³¹ Там же. С. 246.
- ²³² См.: *Пивоваров Е. Г.* Формирование коллекции славянских материалов Библиотеки конгресса США (1800–1933 гг.). СПб. : Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История», 2005. – 234 с.
- ²³³ *Пивоваров Е. Г.* Творчество А. В. Бабина (1866–1830) в оценках американской историографии // *Книга. Культура. Общество : Сб. науч. трудов по материалам 12-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И. А. Шомракова. Т. 154. СПб. : СПбГУКИ, 2002. – С. 171.*
- ²³⁴ *Бабин А. В.* История Северо-Американских Соединенных Штатов. Т. 1. 1607–1829; Т. 2. 1829–1910. СПб. : Тип. Трынке и Фюсно, 1912.
- ²³⁵ *Пивоваров Е. Г.* Творчество А. В. Бабина (1866–1830) в оценках американской историографии. С. 169, 171.
- ²³⁶ *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. С. 222–223.
- ²³⁷ См., например: *Талалай М. Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб. : Коло, 2010. – 400 с.
- ²³⁸ *Васильева М. А.* Архив семьи Левицких – Харкевич // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.* 2013. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. С. 604, 610.
- ²³⁹ *Павлович Н.* Воспоминания об Александре Блоке // *Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей».* Т. 11. М. : Молодая гвардия, 1977. С. 249.

- 240 Neuland. Monatsblätter zur geistigen und ökonomischen Kultur Rußlands und des fernen Ostens. Berlin : Herausgegeben von Josef Melnik, 1908. Heft 1. S. 6: «Russland ist das Land der Widersprüche und der krassesten Gegensätze. Weder religiös noch sozial hat es jene Ordnung erlangt, die der Ausdruck seines Wollens und Empfindens gewesen wäre. Auf religiösem Gebiete wird das russische Folk von byzantinischen Vorstellungen bedrückt, die seinem Wesen und Charakter fremd sind, in politischer Hinsicht leidet es an einer Staatsform und an einer Bureaukratie, die seinem Temperament und sozialen Empfinden entgegengesetzt sind. Nur in der russischen Kunst warf die russische Seele alle ihre gewaltsam aufgelegten Fesseln ab und schuf ein unsterbliches Gepräge von sich selbst. Die Gestalten der russischen Meister erheben sich leuchtend aus dem Nebel des russischen Lebens und strahlen über alle Welt».
- 241 Енаке Дж., Шишкану И. Старообрядцы на территории Румынии в первой половине XX в. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 161.
- 242 Литературное наследство. Т. 62. С. 74.
- 243 Там же. С. 202, 203.
- 244 Кузьмина Л. П. О трудах русского эмигранта, апологета старообрядчества и писателя XX в. Ф. Е. Мельникова // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Книга первая. М., 1994. С. 275. См. также: Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М. : Мосты культуры, 2010. – 447 с.
- 245 Сборник консульских донесений. СПб., 1905 // Большой город. 2013. № 1 (313). С. 5.
- 246 Rosanow W. Die Kirche // Russen über Russland. Ein Sammelwerk. Herausgegeben von Josef Melnik. Frankfurt am Main : Literalische Anstalt Rütten & Loening, 1906. S. 180: «...die Russen folgten Byzanz in die ruhige, den Stürmen unzugängliche aber auch jeder Lebensäußerung verschlossene Schiffsbucht, während die okzidentalén Völker vom Schiffe Roms in den Strudel von unübersehbarer Bewegung, von Gefahren, Poesie und den mit aller Kärnerarbeit verbundenen Erniedrigungen mitgerissen wurden. Der Unterschied zwischen Ruhe und Bewegung, Beschaulichkeit und Arbeit, passivem Dulden und aktivem Kampf gegen das Böse – das ist es, was, psychologisch sowie auch metaphysisch genommen, die griechisch-orthodoxe Kirche von dem Katholizismus und Protestantismus trennt; und da die Religion die Seele der Nation ist, so trennen diese Gegensätze auch Russland von den westeuropäischen Völkern».
- 247 Примечание к статье 219 Устава о паспортах // Собрание законодательства Российской Империи. Т. 14. СПб., 1903.
- 248 Цит. по: «Arologia pro vita mea» Владимира Печерина // Российская история. 2013. № 2. С. 190.
- 249 Там же. С. 192, 199.
- 250 Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 135, 136.
- 251 Там же. С. 140–141.

- ²⁵² Литературное наследство. Т. 62. С. 61, 62.
- ²⁵³ *Белякова Н. А., Токарева Е. С.* Кирилло-мефодиевские юбилеи в России и СССР в контексте конструкторов национальной и религиозной идентичности в странах славянского мира и выстраивания отношений с католицизмом // Научный диалог. 2015. № 1 (37). С. 91–92.
- ²⁵⁴ Гагарин Иван Сергеевич // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. 10. С. 252.
- ²⁵⁵ Оправдание иезуита Гагарина по поводу смерти Пушкина // Русский архив. 1865. Вып. 8. С. 1031–1036.
- ²⁵⁶ *Волконский С.* Из воспоминаний // Наше Наследие. 1991. № IV (22). С. 54 ; История Католической Церкви в России. СПб. : Белый камень, 2014. С. 306.
- ²⁵⁷ *Бойков В.* Указ. соч. С. 54.
- ²⁵⁸ *Нитобург Э.* Русские религиозные сектанты и староверы в США // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 34–51.
- ²⁵⁹ Литературное наследство. Т. 62. С. 550.
- ²⁶⁰ *Булгаков В. Ф.* О Толстом. Воспоминания и рассказы. Тула : Приокское книжное издательство, 1978. С. 256.
- ²⁶¹ По канадским законам взрослый возраст наступал в 18 лет, но для духовоборов было сделано исключение, позволявшее всем семнадцатилетним записать на себя гомстед, и мотивированное тем, что пока духовоборы устроятся после взятия участков пройдет не менее года: см. : *Бонч-Бруевич В.* Духоборцы в канадских прериях : в 2 ч. Ч. I. Пг. : Жизнь и знание, 1918. С. 248–256.
- ²⁶² *Нитобург Э.* Указ. соч. С. 34–51 ; См. также: *Сулержицкий Л. А.* В Америку с духовоборами. Из записной книжки. М. : Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1905. – 332 с. ; *Бонч-Бруевич В.* Духоборцы в канадских прериях. Ч. 1. – 276 с.
- ²⁶³ *Бонч-Бруевич В.* Духоборцы в канадских прериях. С. 248–256.
- ²⁶⁴ *Ольховский В.* Духоборы в канадских прериях // Образование. 1903. № 4–8.
- ²⁶⁵ *Богораз-Тан В. Г.* Духоборы в Канаде. 2-е изд. М. : Изд-ние Н. Ф. Новожилова, 1906. – 96 с.
- ²⁶⁶ *Elkinton Joseph.* The Dukhobors. Philadelphia, 1903.
- ²⁶⁷ Весть Е. П. Блаватской. Л., 1991. С. 15, 11.
- ²⁶⁸ *Кандинский В.* О духовном в искусства. М. : Архимед, 1992. С. 26–27. (Kandinsky. Uber das Geistige in der Kunst. Munchen: Dritte Auflage, 1911).
- ²⁶⁹ Сборник консульских донесений. СПб., 1902 // Большой город. 2013. № 1 (313). С. 5.
- ²⁷⁰ *Ананян Е. В.* Эмиграция немцев Поволжья в Аргентину в последней четверти XIX века // Americana. Выпуск 10. Российско-американские отношения: Новое начало / Russian-American Relations: new start.

- Волгоград : ВолГУ, 2009. С.100–101; *Она же*. Эмиграция немцев Поволжья в страны Америки в 70–80-х гг. XIX в. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2010. – 137 с.
- 271 *Королёв Н. В.* Страны Юной Америки и Россия (1890–1917 гг.). Кишинев : Штиинца, 1972. С. 49.
- 272 *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 751.
- 273 *Жиркевич А. В.* Встречи с Толстым. Дневники. Письма. Тула : Ясная Поляна, 2009. С. 713.
- 274 *Власов С.* Великий филантроп // Наше Наследие. 1991. № IV (22). С. 148.
- 275 Скульптор Н. Аронсон // Одесские новости. 1911. 3 июля.
- 276 *Гасратян С. М.* Еврейские общины в России в 1880–1905 гг. // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 164.
- 277 *Короленко В. Г.* Без языка. С. 386, 391.
- 278 Там же. С. 390.
- 279 Там же. С. 481, 456.
- 280 *Андреева Е.* Мое понимание русской эмиграции // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. С. 13.
- 281 *Крюков Н. А.* Сельское хозяйство в Аргентине в связи с общим развитием страны. СПб. : тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. С. 17, 21, 33.
- 282 *Каневская Г. И.* Указ. соч. С. 5.
- 283 Петербургский листок. 2 (15) февраля 1913 г.
- 284 *Тургенев И. С.* Собрание сочинений. В 12-ти томах. Т. 12. М. : Худ. лит., 1979. С. 311, 315.
- 285 *Тургенев И. С.* Там же. С. 317, 319.
- 286 *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни // Литературное наследие декабристов. Л. : Наука, 1975. С. 29.
- 287 *Герцен А. И.* Письмо к императору Александру II // Собр. соч. : в 30 т. Т. 13. С. 35.
- 288 См.: Полярная звезда. Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарёва. Кн. I–VIII. Факсимильное издание. М. : Наука. 1966–1968 ; Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарёва. Кн. 1–3. Факсимильное издание. М. : Наука, 1971.
- 289 Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 275.
- 290 *Гребский А. Ф.* О значении декабристских традиций для польской революционной мысли 1830-х годов // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. : Наука, 1981. С. 59 ; Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 157.
- 291 *Пирумова Н. М.* Михаил Бакунин. Жизнь и деятельность. М. : Наука, 1966. С. 14.
- 292 *Герцен А. И.* Михаил Бакунин. // Собр. соч. : в 30 т. Т. 7. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 356.
- 293 Литературное наследство. Т. 62. С. 773.

- ²⁹⁴ Цит. по: *Пирумова Н. М.* Указ. соч. С. 23.
- ²⁹⁵ Этим известным утверждением – «Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust» – заканчивалась статья М. А. Бакунина в «Deutsche Jahrbucher für Wissenschaft und Kunst» 1842 года, изданного в Дрездене.
- ²⁹⁶ *Пирумова Н. М.* Указ. соч. С. 67.
- ²⁹⁷ Литературное наследство. Т. 62. С. 773.
- ²⁹⁸ Цит. по: *Пирумова Н. М.* Указ. соч. С. 93.
- ²⁹⁹ Там же. С. 102.
- ³⁰⁰ См.: *Фигнер В. Н.* Цюрих. Университет. Цюрихские кружки и библиотека // Пол. собр. соч. Т. 5 : Очерки, статьи, речи. М. : Изд. Политкаторжан, 1932.
- ³⁰¹ Литературное наследство. Т. 62. С. 775.
- ³⁰² См., например: *Golowin I.* Der russische Nihilismus. Meine Beziehungen zu Herzen und zu Bakunin. Leipzig, 1880. – 112 S.
- ³⁰³ *Тарле Е. В.* Герцен на Западе // Там же. С. 65.
- ³⁰⁴ Там же. С. 67.
- ³⁰⁵ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 19, 22.
- ³⁰⁶ Там же. С. 36.
- ³⁰⁷ Там же. С. 38.
- ³⁰⁸ *Гриц Т. С. М. С.* Щепкин. Летопись жизни и творчества. М. : Наука, 1966. С. 120.
- ³⁰⁹ *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л. : Academia, 1930. С. 153–154.
- ³¹⁰ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 156.
- ³¹¹ *Ziegegeist G.* Über die Bedeutung von A. I. Herzens Schaffen für das progressive deutsche Geistleben // Zeitschrift für Slavistik. Bd. VII. H. 4. Berlin, 1962. S. 526.
- ³¹² *Герцен А. И.* Соч.: в т. Т. 2. С. 6–7.
- ³¹³ Литературное наследство. Т. 62. С. 333.
- ³¹⁴ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 459.
- ³¹⁵ Цит. по: *Порох И. В.* Из истории борьбы царизма против Герцена (Попытка создания анти-Колокола в 1857–1858 гг.) // Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1964. С. 128–129.
- ³¹⁶ *Герцен А. И.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1986. С. 8, 9, 10, 11.
- ³¹⁷ *Herzen A.* Briefe aus Italien und Frankreich (1848–1849) von einem Russen. Hamburg : Hoffmann und Campe, 1850; *Герцен А. И.* Письма из Франции и Италии. 1847–1852 // Собр. соч. : в 30. Т. 5.
- ³¹⁸ *Herzen A.* Vom anderen Ufer. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1850; *Герцен А. И.* Соч.: в 2. Т. 2. С. 3–4, 563.
- ³¹⁹ Le peuple russe et le socialism. Lettre a Monsieur J. Michelet, professeur au College de France par Iscander (A. Herzen). Paris: A. Frank, 1852.
- ³²⁰ Rußlands soziale Zustände von Alexandre Herzen. Verfasser des «Vom anderen Ufer» und «Briefe aus Italien und Frankreich». Hamburg : Hoffmann und Campe, 1854.

- 321 Gesammelte Erzählungen von Alexander Herzen. Hamburg : Hoffmann und Campe, 1858.
- 322 Mémoires de l'impératrice Catherine II, écrits par elle-même, et précédés d'une préface par A. Herzen. London : Trubner & C-ie, 1858; 2 édition. London : Trubner & C-ie, 1859. – 386 с. ; Memoiren der Fürstin Daschkoff. Zur Geschichte der Keiserin Katharina II. Nebst Einleitung von Alexander Herzen. T. 1–2. Hamburg : Hoffmann und Campe, 1857 ; Memoires de la Princesse Daschkoff, Dame d'Honneur de Catherine II, Imperatrice de toutes les Russies. Vol. 1–3. Librairie A. Franck, 1858–1859.
- 323 Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 456.
- 324 Там же. С. 200, 221.
- 325 Там же. С. 16.
- 326 Там же. С. 204, 207.
- 327 Там же. С. 224, 229.
- 328 Там же. С. 225, 217.
- 329 Там же. С. 24–25.
- 330 Там же. С. 24.
- 331 Там же. С. 32.
- 332 Там же. С. 33, 43.
- 333 Литературное наследство. Т. 62. С. 808–809.
- 334 Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 231.
- 335 *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем / под ред. М. К. Лемке. Т. VIII: 1854–1857. Пг. : Изд. насл. авт., 1917. С. 174.
- 336 Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 341, 356, 336.
- 337 «Голоса из России». С. 1, 22.
- 338 Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 321.
- 339 Литературное наследство. Т. 62. С. 385–386.
- 340 Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 196–197.
- 341 Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857–1903. СПб. : О-во Толстовского музея, 1911. С. 90.
- 342 *Герцен А. И.* Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 432.
- 343 *Ашимбаева Н. Т.* Указ. соч. С. 71.
- 344 Из семейной переписки. Письма С. Т. и И. С. Аксаковых // Наше Наследие. 1991. № VI (23). С. 54.
- 345 *Самарин Д.* Самарин Юрий Федорович // Русский биографический словарь : в 25 т. СПб.; М., 1898–1918. Т. 18. СПб., 1904.
- 346 Литературное наследство. Т. 62. С. 99.
- 347 Там же. С. 518.
- 348 Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 421, 457.
- 349 Там же. С. 447.
- 350 *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854–1886). М.; Л. : Academia, 1934. С. 160–161.

- 351 Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 362, 364.
352 Литературное наследство. Т. 62. С. 662.
353 Там же. С. 186, 191.
354 Там же. С. 674.
355 Там же. С. 389.
356 *Рудницкая Е. Л.* Журнал «Современность» и его место в идейных исканиях революционной демократии // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. : Наука, 1981. С. 115, 116, 117.
357 Последний год жизни Пушкина. М. : Правда, 1988. С. 316.
358 *Гусман Л. Ю.* Эмигрантская газета «Европеец» // Книга. Культура. Общество : Сб. науч. трудов по материалам 12-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И. А. Шомракова. Т.154. СПб. : СПбГУКИ, 2002. С. 208.
359 Там же. С. 210.
360 Цит. по: Гусман Л.Ю. Эмигрантская газета «Европеец» // Книга. Культура. Общество: Сборник научных трудов по материалам 12-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И. А. Шомракова. Т.154. СПб. : СПбГУКИ, 2002. – С. 208.
361 Горький и русская журналистика начала XX века. С. 894.
362 Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873–1877 гг., осужденных и ожидающих «суда». Женева: Типография газеты «Работник», 1877.
363 *Горелова Л. Е.* Судьба прототипа Веры Павловны, героини романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» // Русский медицинский журнал 2004. № 12. С. 866–870.
364 *Дягилева Е. В.* Указ. соч. С. 120–121.
365 *Старостин Е. В.* К истории изучения П. А. Кропоткиным Великой Французской революции конца XVIII века // Французский ежегодник. 1967. М. : Наука, 1968. С. 303.
366 *Kropotkine P.* La Grande Révolution 1789–1793. Paris, 1909; *Idem.* The Great French Révolution 1789–1793. London, 1909 ; *Idem.* Die Französische Revolution 1789–1793. Leipzig, 1909 ; *Кропоткин П.* Великая Французская революция 1789–1793. Лондон, 1914.
367 *Тюруканов А. Н., Фёдоров В. М.* Н. В. Тимофеев-Ресовский: Биосферные раздумья. М. : Академия естественных наук, 1996. С. 171.
368 *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М. : Московский рабочий, 1988. С. 470, 472.
369 *Кропоткин П.* Государство и его роль в истории. М. : Московская федерация анархистских групп , 1917. С. 61.
370 Там же. С. 63.
371 Источник. 2000. N 4. С. 14–30.
372 Там же.

- 373 «Я усердно посещала лекции в Русской школе...». Воспоминания Е. С. Коц об учебе в Париже. 1901–1903 гг. // Исторический архив. 2012. № 2. С. 155, 157.
- 374 Источник. 2000. N 4. С. 14–30.
- 375 Троцкий Л. Дневники и письма. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1994. С. 123–124.
- 376 ОР РГБ. Ф. 77 (В. А. Гольцев). Карт. 23. Ед. хр. 1. Л. 40.
- 377 Источник. 2000. N 4. С. 14–30.
- 378 Там же.
- 379 Figner V. Les Prisons Russes // Die russischen Gefängnisse. Berlin, 1911; Figner V. Le carceri russe / Alighiero Tanini (transl.). Spezia, 1912 ; *Idem*. Les prisons russes. Grenoble, 1913.
- 380 ГА РФ. Ф. 3-6813 (Комитет помощи политическим каторжанам им. В. Н. Фигнер в Париже). Оп. 1. Д. 1.
- 381 Городецкий Е. Н. Истоки советской системы научно-исторических центров // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. : Наука, 1981. С. 187.
- 382 Вандалковская М. Г. История революционного движения XIX века в трудах Г. А. Куклина // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. : Наука, 1981. С. 228.
- 383 Куклин Г. А. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862–1902). Женева: Изд-ние Г. А. Куклина, 1903. – 685 с. ; *Он же*. Материалы к изучению истории революционного движения в России. Т. 1. Женева : Изд-ние Г. А. Куклина, 1905. – 516 с.
- 384 Бонч-Бруевич В. Д. Библиотека и архив РСДРП в Женеве // Красная летопись. 1932. № 3 (48). С. 110–115.
- 385 Ленин В. И. Письмо М. Ф. Андреевой для А. М. Горького. Апрель 1908 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : Издание пятое. М. : Политиздат, 1982. Т. 47. С. 157.
- 386 В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М. : Наука, 1969. С. 538.
- 387 Городецкий Е. Н. Истоки советской системы научно-исторических центров. С. 191.
- 388 В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М. : Наука, 1969. С. 274.
- 389 Горький и русская журналистика начала XX века. С. 92.
- 390 Талалай М. Русский Милан. С. 10.
- 391 Горький и русская журналистика начала XX века. С. 168.
- 392 Там же. С. 114, 196.
- 393 Биржевые ведомости. 1913. 31 июля. Вечерний выпуск. № 13677.
- 394 Горький и русская журналистика начала XX века. С. 193.
- 395 Комолова Н. П. Русская эмиграция в Италии в начале XX века (1905–1914 гг.) // Россия и Италия. XX век. Вып. 3. М., 1998. С. 284.
- 396 Балет. Энциклопедия. М., 1981. С. 324.

- ³⁹⁷ *Саша Чёрный*. Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1960. С. 346.
- ³⁹⁸ Цит. по: *Иванов А. С.* К истории портретов Саши Чёрного // *Панорама искусств*. 10. М., 1987. С. 387.
- ³⁹⁹ М. Горький в портретах и фотографиях (К 35-летию литературной деятельности). М. : Изд-во Огонек, 1927. – 48 с.
- ⁴⁰⁰ *Слабошпицький М.* Що записано в книгу життя: Михайло Коцюбинський та інші: Біографія, оркестрована на дев'ять голосів. Киев: Ярославів Вал, 2012. С. 131.
- ⁴⁰¹ Горький и русская журналистика начала XX века. С. 103, 91, 159.
- ⁴⁰² *Бродский И. А.* Исаак Израилевич Бродский. М. : Изобразительное искусство, 1973. С. 116.
- ⁴⁰³ Горький и русская журналистика начала XX века. С. 176, 1009–1010.
- ⁴⁰⁴ Там же. С. 222.
- ⁴⁰⁵ Русское слово. 1908. 19 декабря, пятница.
- ⁴⁰⁶ *Горький М., Мейер В.* Землетрясения в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г. СПб. : Знание, 1909. С. 38.
- ⁴⁰⁷ *Ариас М.* Одиссея Максима Горького на «острове сирен»: «русский Капри» как социокультурная проблема // *Toronto Slavic Quarterly*. University of Toronto – Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2006. № 17.
- ⁴⁰⁸ Горький и русская журналистика начала XX века. С. 504.
- ⁴⁰⁹ Там же.
- ⁴¹⁰ Там же. С. 538.
- ⁴¹¹ Там же. С. 536.
- ⁴¹² *Каневская Г. И.* Очерк русской иммиграции в Австралии (1923–1947 гг.). Мельбурн : Изд-во Университета Мельбурна. 1998. – 84 С.
- ⁴¹³ Исторический архив. 1960. № 1. С. 72–73.
- ⁴¹⁴ Литературное наследство. Т. 62. С. 598.
- ⁴¹⁵ Американцы в России и русские в Америке. Празднества и речи американцев и русских в Нью-Йорке, Петербурге, Москве, Н. Новгороде, Костроме. СПб. : Тип. Спиридонова, 1866. С. 24.
- ⁴¹⁶ *Семенцов О. Ю.* Указ. соч. С. 118.
- ⁴¹⁷ *Огородников П. И.* От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию // *Заря*. 1870. Кн. 4–6, 8, 9, 11, 12 ; *Он же*. От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию. СПб. : Изд. Ф. Колесова и Ф. Михина, 1872 ; *Он же*. В стране свободы. Т. 1–2. СПб. : Э. Гартье , 1882.
- ⁴¹⁸ *Огородников П. И.* В стране свободы. С. 84.
- ⁴¹⁹ *Bogoras Waldemar.* The Chukchee. New-York; Leiden : L.P. Alkor, 1904–1909.
- ⁴²⁰ *Богораз-Тан В. Г.* Указ. соч.
- ⁴²¹ *Богораз В. Г.* USA (Люди и нравы Америки). М. : Федерация, 1932. – 214 с.
- ⁴²² Горький и русская журналистика начала XX века. С. 71.

- ⁴²³ Горький М. Город желтого дьявола // Собр. соч. : в 16 т. Т. 16. М., 1979. С. 20–21.
- ⁴²⁴ Ручкин А. Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М. : Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2006. С. 221–223.
- ⁴²⁵ Троцкий Л. Моя жизнь. Гл. XXII. В Нью-Йорке. М. : Вагриус, 2001. С. 318.
- ⁴²⁶ Тарле Е. В. О фантазиях вообще и о правительственных надеждах в частности (Из современных впечатлений) // Там же. С. 64.
- ⁴²⁷ Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. Пер. с нем. М. : Международные отношения, 1990. – 248 с. (Hahlweg W. Lenins Rückkehr nach Russland 1917. Leiden : E.J. Brill, 1957) ; Платтен Ф. Ленин из эмиграции в Россию. М. : Московский рабочий, 1990. С. 36, 101 ; Лукашев А. В. Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. // История СССР. 1963. № 5. С. 5 ; Российское зарубежье и родина. М. : РАН, 1993. С. 15.
- ⁴²⁸ Ручкин А. Б. Указ. соч. С. 223.

Послесловие

Царская Россия славится своей великой культурой. Ее становление шло в тесном взаимодействии с культурами других стран и народов как внутри российского государства, так и за его пределами, что нашло отражение в многочисленных памятниках россики и русского зарубежья. Их главной темой являлась Россия, с которой было связано творчество М. Грека, Дж. Мильтона, Вольтера, Д. Дидро, А. фон Гумбольдта, В. Гюго, Ж.-Б. Леблона, И. Г. Таннауэра, Дж. Доу, К. Дебюсси и многих других деятелей мировой культуры. Создававшийся ими образ России в значительной мере жив и в наши дни – пестрый, противоречивый, полный скепсиса и изумления, стереотипов и взаимоисключающих черт. О России охотно говорили даже те, кто ее никогда не видел, например Павел Иовий, Иоганн Фабри или Иоганн Вольфганг Гёте, получавшие сведения о русском государстве из рассказов дипломатов, писателей, ученых, художников и просто путешественников.

Большую роль в репрезентации России в мире играло русское зарубежье – своеобразный форпост и зеркало России. Его культурная миссия была двоякой: с одной стороны, ведения развернутого во времени и пространстве творческого диалога с народами мира, а с другой стороны, использование достижений и культурных богатств человечества в интересах и на благо России. В науке, литературе, искусстве представители русского зарубежья достигли блистательных результатов, достаточно сказать, что основу многих музеев России составили произведения и коллекции, созданные за границей, например собрание полотен мариниста А. П. Боголюбова, положившее начало Художественному музею им. А. Н. Радищева в Саратове, галерея французского искусства С. И. Щукина и собрание итальянской живописи XIV–XVI веков М. С. Щепкина, являющиеся частью Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, коллекция картин голландской и фламандской школы XVI и XVII веков П. П. Семёнова-Тян-Шанского, находящаяся в Государственном Эрмитаже. Благодаря талантам и трудам отечественных творцов, много учившихся и подолгу оттачивавших свое мастерство за пределами родины, была сформирована русская национальная культура мирового уровня, самобытность которой сделала ее востребованной и интересной народам всего земного шара.

Библиография

К главе I «Московское царство и мир: россика Средневековья»

- Алексеев М. П.* Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Вып. 15. – Л. : ЛГУ, 1946. – С. 43–109.
- Алексеев М. П.* Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбуковниках XVI–XVII вв. // Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – С. 25–62.
- Алексеев М. П.* «Книга русского языка» Т. Шrove 1546 г. и ее автор // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. – Л. : Наука, 1956. – С. 103–112.
- Аллатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. – М. : Наука, 1973. – 476 с.
- Аллатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). – М. : Наука, 1985. – 272 с.
- Аллатов М. А.* Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. – М. : Наука, 1966. – С. 89–129.
- Альбом Мейерберга.* Виды и бытовые картины России XVII века. – СПб. : А. С. Суворин, 1903. – 191 с.
- Англичане в России в XVI и XVII ст.* // Записки Императорской Академии наук. – СПб., 1865. Т. 8. № 1. Приложение. – С. 1–179; СПб., 1869. Т. XV. № 2. Приложение. – С. 181–260.
- Арсеньев А. В.* История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. – СПб. : Д. Ф. Фёдоров (сын), 1887. – 20 с.
- Богданов А. П.* О рассуждении Самуила Коллинса // Естественнаучные представления Древней Руси. – М. : Наука, 1988. – С. 204–208.
- Богданов А. П.* Русские патриархи (1589–1700) : в 2 т. Т. 1. – М. : ТЕРРА; Республика. 1999. – 496 с.
- Боднарчук Е. В.* Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи Московской Руси с Западной Европой в последней четверти XV – первой трети XVI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб. : СПбГУ, 2014. – 30 с.
- Борисов В. П.* Истоки и формирование российского научного зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Книга первая. – М., 1994. – С. 284–291.
- Брикнер А. Г.* Русские дипломаты-туристы в Италии // Русский вестник. – 1887. – №. 3, 4, 7.

- Вилинский С. Г.* Послания старца Артемия (XVI века). – Одесса: Экономическая тип., 1906. – 425 с.
- Воинские повести древней Руси* / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – 358 с.
- Вошинская Н. Ю.* Социокультурная проблематика французской «Россики» последней трети XVIII века. : дис. ... канд. культурологии по специальности 24.00.01. – Теория и история культуры. – М. : МГУ, 2005. – 233 с.
- Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI–XVII столетиях. Т. 1–2. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук 1865–1869. Т. 1. – 179 с. ; Т. 2. – 308 с.
- Гваньини А.* Описание Московии / пер. с лат. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. – 182 с.
- Герберштейн С.* Записки о Московии : в 2 т. М. : Памятники исторической мысли, 2008. – Т. 1 : Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. – 776 с. ; Т. 2 : Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. – 656 с.
- Горсей Дж.* Записки о России: XVI – начало XVII в. / под ред. В. Л. Янина; пер. и сост. А. А. Севастьяновой. – М. : МГУ, 1990. – 288 с.
- Горшков И. Д.* Немецкий список «Сказания» Аберта Шлихтинга // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2004. – № 2 (16). – С. 43–45.
- Гулов П. С.* Периодизация отечественной историографии в «Очерке литературы русской истории до Карамзина» А. В. Старчевского // Вестник НГУ. Сер: ист, филол. Т. 7. Вып. 1 : История. – Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2008. – С. 128–130.
- Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг., извлеченные Ю. Н. Щербачевым // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1893. Кн. 1. № 677. – С. 185; № 678. – С. 186; № 680. – С. 186; № 726. – С. 199; № 733. – С. 201.
- Де ла Невиль.* Записки о Московии. – М. : Аллегро-пресс, 1996. – 304 с.
- Делекторский Ф. И.* Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии // Журнал Министерства народного просвещения. – 1895. – июль. – С. 5–37.
- Дунаев Б. И.* Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке : Ист. исслед. с прил. текстов дипломат. сношений России с Турцией в начале 16 ст. по документам Моск. арх. М-ва ин. дел. – М. : Синод. тип., 1916. – 92 с.
- Жабрева А. Э.* Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков. – СПб. : БАН, Петербургское Востоковедение, 2016. – 480 с.
- Житие* преподобного отца нашего Максима Грека, трудившегося в переводе богослужебных книг с древнегреческого на славянский язык в царствующем граде Москве, в первой половине XVI в., при Великом

- князе Василии Иоанновиче, и потом двадцать пять лет томившегося в заточении за правду / Сост. иером. Св. Троицкой Сергиевой Лавры Харлампий. – СПб. : Тип. Р. Голике, 1886. – 60 с.
- Зайцев Д. М.* Из истории взаимовлияния восточнославянских культур: старец Артемий и князь Андрей Курбский о религии, философии, государственности. – Минск: Частн. ин-т упр. и предпринимательства, 2007. – 104 с.
- Зайцев Д. М.* Апология православия на землях Великого княжества Литовского: старец Артемий (Троицкий) и князь Андрей Курбский // Вопросы религии и религиоведения: научно-теоретическое приложение к журналу «Государство, религия, церковь в России и за рубежом»: Сб. ст. – М. : Медиапром, 2011. Вып. 7 : Религиоведение Беларуси. Ч. 2 : Очерки истории религиозно-философской мысли Беларуси. – С. 146–149.
- Записки о Московии (Rerum Moscoviticarum Commentarii)* барона Герберштейна. С латинского базельского издания 1556 года перевел И. Анонимов. – СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко, 1866. – 230 с.
- Иностранцы о древней Москве:* Москва XV–XVII вв. / сост. М. М. Сухман. М. : Столица, 1991. – 428 с.
- Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков: Из истории международных культурных связей России. – Л. : Наука, 1980. – 279 с.
- Казакова Н. А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. – Л. : Наука, 1970. – 300 с.
- Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Полное издание в одном томе. – М. : Альфа-Книга, 2008. – 1280 с.
- Карацуба И.* Россия и Англия в зеркале книги Джэйлса Флетчера: из истории общественного самосознания и национальных комплексов // Отечественные записки. – 2007. – № 5. – С. 53–68.
- Кирпичников А. Н.* Россия XVII в. в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. – СПб. : Славия, 1995. – 206 с.
- Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. – Пг. : Первая гос. Типография; Комиссариат народного просвещения, 1918. – 334 с.
- Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве / предис. Р. Скрынникова // Наше наследие. – 1988. – № 1. – С. 95–103.
- Колло Франческо да.* Доношение о Московии = Relazione di Moscovia: Итальянец в России 16 века. – М. : Наследие, 1996. – 85 с.
- Кондрад Буссов.* Московская хроника. 1584–1613. – М.; Л. : Изд-во АН СССР. 1961. – 400 с.
- Кондрад.* Московская хроника. 1584–1613. – М.; Л. : Изд-во АН СССР. 1961. – 400 с.
- Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699) / пер. и примеч. А. И. Малеина. – СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1906. – 366 с.

- Красавченко Т.* «Загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки» [О восприятии России в Англии] // Отечественные записки. – 2007. – № 5. – С. 40–52.
- Куриц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. – Киев: Типография И. И. Чоколова, 1915. – 624 с.
- Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). – Л. : ЛГУ, 1959. – 423 с.
- Ларин Б. А.* Парижский словарь москвитов 1586 г. – Рига: ЛатГУ, 1948. – 212 с.
- Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. – СПб. : Издательство Петербургского университета, 2002. – 688 с.
- Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках. – Л. : Наука, 1978. – 272 с.
- Лихачев Д. С.* Раздумья о России. – СПб. : Logos, 1999. – 666 с.
- Лукомский Г. К.* Московия в представлении иностранцев XVI–XVII веков. Очерки П. Н. Апостола. – Берлин : Academia; тип. Куммер и К°, 1922. – 68 с.
- Любич-Романович В.* Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. – 1842. – № 6–7.
- Любич-Романович В.* Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб. : Тип. Штаба военно-учеб. заведений, 1843. – 101 с.
- Малето В. И.* Ферраро-Флорентийский собор 1438–1439 гг. и великое княжество Московское // Вопросы истории. – 2017. – № 11. – С. 82–100.
- Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. – Киев : Киево-Печерская Успенская Лавра, 1901. Приложение. – С. 70–87.
- Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях : (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. Ан. Березовича, В. Н. Назарова, П. Ю. Уварова. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – 552 с.
- Маслова Е. Н.* Памятник «Тысячелетию России». – Л. : Лениздат, 1972. – 102 с.
- Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. – М.; Л. : АН СССР. 1936. – 288 с.
- Мединский В. Р.* Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв. : дис. ... д-ра. ист. наук. по специальности 07.00.02. – Отечественная история. – М. : РГСУ, 2011. – 479 с.
- Мечта о русском единстве.* Киевский синопсис (1674 г.) / предис. и подг. текста О. Я. Сапожникова и И. Ю. Сапожниковой. – М. : Европа, 2006. – 248 с.
- Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры : в 3 ч. – Ч. 2 : Церковь и школа (вера, творчество, образование). – СПб. : Мир Божий, 1897. – 365 с.
- Мильтон Дж.* Московия Джона Мильтона / пер., ст. и примеч. Ю. В. Толстого / Издание Императорского общества истории и древностей Российских. – М. : Унив. Тип. Катков и К°, 1875. – 83 с.

- Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян / пер. на рус. яз. В. И. Матузовой; отв. ред. А. Л. Хорошкевич. – М. : МГУ, 1994. – 560 с.
- Морозов Б. Н., Симонов Р. А.* Новые данные о врачевании при Иване Грозном // Архив наследия – 2003. – М. : Институт Наследия, 2005. – С. 374–379.
- Мулюкин А. С.* Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков. – СПб. : Тип. т-ва «Труд», 1909. – 292 с.
- Новое* известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга / пер., ред. и прим. А. И. Малеина. – Л. : АН СССР, 1934. – 62 с.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягин. – Смоленск : Русич, 2003. – 480 с.
- Отрывок* из путешествия Рафаила Барберини в Московской земле, 1565 года / пер. Галлер Г. // Вестник Европы. – Часть 153. – № 8. – 1827. – С. 279–287.
- Павлов А.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. – СПб. : Академия наук, 1878. – 210.
- Пекарский П.* Известие о молодых людях, посланных Борисом Годуновым для обучения наукам в Англию в 1602 году. – СПб. : Тип. Академии наук, 1867. – 6 с.
- Переписка* Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подг. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. – М. : Наука, 1993. – 432 с.
- Пештич С. Л.* «Синописис» как историческое произведение // Труды Отдела древнерусской литературы. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. XV. – С. 284–298.
- Преподобный* Максим Грек. – СПб. : Мирской вестник, 1865. – 16 с.
- Прокофьев Н. И.* Русские хождения XII–XV вв. // Учен. зап. МГПИ. № 363 : Литература Древней Руси и XVIII века. – М. : МГПИ, 1979. – С. 32–35.
- Путешествие* в Московию барона Августина Мейерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом. – М. : Университетская типография, 1874. – 260 с.
- Путешествие* в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году / пер. Любич-Романович В. // Сын Отечества. – 1842. – № 6. – С. 3–48.
- Путешествия* русских послов XVI–XVII вв. : статейные списки / отв. ред. Д. С. Лихачев. – М. : Л., 1954. – 491 с.
- Рамазанова Д. Н.* Богоявленная школа Лихудов – первый этап Славяно-греко-латинской Академии // Очерки феодальной России. Вып. 7. – М. : Альянс-Архео, 2002. С. 211–237.
- Рамазанова Д. Н.* Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской Академии (1685–1694) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М. : ИВИ РАН, 2002. – 24 с.

- Рамазанова Д. Н. Источники для изучения Итальянской школы Иоанникия и Софрония Лихудов (челобитные учеников и учителей) // Очерки феодальной России. – Сб. 13. – М.-СПб. : Альянс-Архео, 2009. – С. 293–313.
- Ровинский Д. А. Материалы для русской иконографии. – СПб., 1884–1891. Вып. 1–12.
- Рогожин Н. М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – нач. XVIII в.). – М. : Ин-т истории СССР, 1990. – 237 с.
- Рыбаков Б. А. Новооткрытая карта Московии 1525 г. // Отечественные архивы. – 1994. – № 4. – С. 3–8.
- Савич Н. Г. Из истории русско-немецких культурных связей в XVII веке (Немецко-русский словарь-разговорник Г. Невенбурга 1629 г. // Исторические записки. Т. 102. – М. : Наука, 1978. – С. 246–286.
- Сахаров И. Путешествия русских людей в чужие земли. Ч. 1–2. – СПб. : Изд. Н. Власова, 1837. Ч. 1. – 110 с. ; Ч. 2. – 139 с.
- Синайский А. Л. Краткий очерк церковно-общественной деятельности преподобного Максима Грека по части обличения и исправления заблуждений, недостатков и пороков русского общества XVI ст. (1518–1556 г.). – СПб. : Гл. упр. уделов, 1898. – 74 с.
- Синицына Н. В. Максим Грек. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 236 с.
- Скрынников Р. Г. Бегство Курбского // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 11. – М. : Молодая гвардия, 1977. – С. 293–301.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. – М. : Наука, 1975–2012.
- Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–6. – СПб. : Наука, 2004–2014.
- Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч. 1–3. – Казань : Типография Губернского правления, 1859–1862.
- Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 1–3. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра : Собств. Типография, 1910–1911.
- Старков В. Ф. Описание карты 1525 г. // Отечественные архивы. – 1994. – № 4. – С. 8–15.
- Строев С. М. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. – М. : Типография С. Селивановского, 1841. – 177 с.
- Сумникова Т. А. Немецко-русский разговорник Тонни Фенне 1607 года // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1964. – Т. XXIII. – Вып. 4. июль-август. – С. 348–351.
- Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию, и записки русских посланников, веденные ими в 1667 и 1668 годах в Испании и во Франции // Сын Отечества. – № 5. – 1851.

-
- Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. Вып. 1 : С древнейших времен до конца XVIII в. – М. : Изд-во соц.-экон. литературы, 1962. – 496 с.
- Тихомиров М. Н.* Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. – М. : Наука, 1966 – 173 с.
- Трактат Иоганна Фабри «Религия москвитов»* // Россия и Германия. Вып. 1. – М. : ИВИ РАН, 1998. – С. 15–34.
- Ульфельд Я.* Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI в. – М. : Университетская типография, 1889. – 61 с.
- Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 616 с.
- Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М. : Наука, 1990. – С. 403–443.
- Флетчер Дж.* О государстве Русском, или образ правления Русского Царя (обыкновенно называемого Царем Московским) : С описанием нравов и обычаев жителей этой страны. – М. : Издат. группа URSS, Изд-во «Ленанд», 2014. – 168 с.
- Флетчер Дж.* О государстве русском / пер. Д. И. Гиппиуса, М. А. Оболенского. – СПб: Издание А. С. Суворина, 1906. – 156 с.
- Фонкич Б. Л.* Новые материалы для биографии Лихудов // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. – М. : Наука, 1988. – С. 61–70.
- Хорошкевич А. Л.* Быт и культура русского города по словарю Тонни Фенне 1607 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова. – М. : Наука, 1967. – С. 200–217.
- Хорошкевич А. Л.* Из истории русско-немецких торговых и культурных связей начала XVII века (к изданию словаря Тонни Фенне) // Международные связи России XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура). – М. : Наука, 1966. – С. 35–57.
- Хорошкевич А. Л.* Ремесло Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII века // Города феодальной России. Памяти Н. В. Устюгова. – М. : Наука, 1966. – С. 205–241.
- Цветаев Д. В.* Памятники к истории протестантизма в России // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1883. Июль–Сентябрь. – Кн. 3. – С. I–XXI.
- Шамин С. М.* К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 2 (28). – С. 44.
- Шестаков В. П.* Интеллектуальная история Кембриджа. – М. : Рос. Ин-т культурологии, 2004. – 204 с.
- Щербина А. Д.* Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии. – Одесса: Экономическая тип., 1902. – 48 с.

- Adelung F.* Sigmund Freiherr von Herberstein. Mit besonderer Ruecksicht auf seine Reisen in Russland / geschildert von Friedrich Adelung. – St. Petersburg: тип. Н. Греча, 1818. – 513 с.
- Adelung F.* Augustin Freiherr von Meyerberg und seine Reise nach Russland. – St. Petersburg : Kray, 1827. – 380 S.
- Adelung F.* Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Rußland bis 1700. – St. Petersburg : Eggers & co., 1846. 2. Bände : Bd.1. – 480 S. ; Bd. 2. – 430 S.
- Hiersemann Karl W.* Антикварный каталог. Путешествия в России в Европейской, Азиатской части и в соседних с Россией странах. География, этнография и народное хозяйство. Из библиотеки Тайного советника Дмитрия Петровича Северина, чрезвычайного посланника при Баварском дворе. Лейпциг. 1899. № 259.
- La religion* ancienne et moderne des Moscovites. Enrichie de figures. – Cologne, 1698. – 154 с.
- Petrus Petrejus.* Historien und Bericht von dem Großfürstenthumb Muschkow. – Lipsiae, Tipis Bavaricis, 1620. – 757 p.
- Reisebericht* eines unbekannten Russen (1437–1440). übersetzt, eingeleitet und erklärt von Gunther Stökl // Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen. – Graz; Wien; Köln, 1954. – S. 151–189 (Byzantinische Geschichtsschreiber. Bd 2).
- Sammlung* bisher noch ungedrucker kleiner Schriften zur älteren Geschichte und Kentniss des russischen Reichs. Herausgegeben von B. von Wichmann. Ersten Band. Berlin, 1820. – 340 S.
- Starczewski A.* Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI. Volumen Primum. Berolini et Petropoli, MDCCCXLI. – 725 p.

К главе II «Россика XVIII века»

- Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений, Фридриха Аделунга, увенчанное большою Демидовскою наградою : в 2-х ч. / пер. с нем. Александра Клеванова. – М. : Университетская типография, 1864. – 565 с.
- Аделунг Ф.* О древних иностранных картах России до 1700 года / соч. почетн. члена Имп. акад. наук Федора Аделунга. Санкт-Петербург : В тип. Имп. акад. наук, 1840. – 51 с.
- Алексушина Т.* Новое о старинных портретах // Наше Наследие. – 1991. – № II (20). – С. 4–12.
- Аллатов М. А.* «История, или анекдоты о революции в России в 1762 году» Клода Карломана де Рюльера // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М. : Наука, 1981. – С. 322–326.
- Альгаротти Фр.* «Окно в Европу»: Дневник путешествия из Лондона в Петербург в 1739 году. – М. : Изд-во «Старая Басманная, 2016. – 164 с.

-
- Андреев А. Н.* Влияние католичества на дворянское образование в России в XVIII в. // Уральские Бирюковские чтения : Сб. науч. ст. Вып. 1. Ч. 2 : Актуальные проблемы краеведения. – Челябинск, 2003. – С.183–187.
- Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. – М. : Знак, 2005. – 432 с.
- Архимандрит Августин (Никитин).* Русско-голландское издание Нового Завета (1719 г.) // Христианское чтение. – 2014. – № 6. – С. 278–295.
- Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. – Казань : Типография Имп. Ун-та, 1882. – 582 с.
- Баренбаум И. Е.* Французская политико-экономическая литература в русских переводах (вторая половина XVIII века) // Книга. Культура. Общество : сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений. Т. 154. – СПб. : СПГУ культуры и искусства, 2002. – С. 3–7.
- Барсов П.* Записки Вебера // Русский архив. – 1872. – № 6. – С. 1057–1168.
- Батшев М. В.* Рейнские земли глазами русских путешественников в конце XVIII – первой половине XIX века. – Франкфурт-на-Майне : Литературный европеец, 2016. – 131 с.
- Белаяская К. П.* Художник Ф. Виоллье и его работы в Павловске // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : Ежегодник 1977. – М. : Наука, 1977. – С. 309–322.
- Берков П. Н.* Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке // Язык и литература. Т. 5. – Л., 1930. – С. 87–136.
- Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. – М. : Наука, 1991. – 284 с.
- Боден Р.* Русская литература в «Курсе по русской истории» страсбургского профессора Кристофа-Гийома Коха // XVIII век. – СПб. : Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), 2015. – № 28. – С. 66–85.
- Брикнер А. Г.* История Петра Великого. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1882. – 686 с.
- Брянцев М. В.* Круг чтения и литературные интересы русского купечества в первой половине XIX в. // Книга. Культура. Общество : сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений. Т. 154. – СПб. : СПГУ культуры и искусства, 2002. – С. 93–99.
- Валишевский К.* Сын великой Екатерины. Император Павел I. Его жизнь, царствование и смерть. 1754–1801. – СПб. : Изд. Т-ва А. С. Суворина, 1914. – 662 с.
- Венгеров С. А.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. – СПб. : Семен. типо-лит. (И. Ефрона), 1891. – Т. II. – 424 с.
- Вигель Ф. Ф.* Записки. – М. : Артель писателей «Круг», 1928. – Т. 1. – 378 с.
- Геннади Г. Н.* Литература русской библиографии. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1858. – 199 с.
- Голиков И. И.* Деяния Петра Великого мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Изд. 2. Т. X. – М. : Тип. Николая Степанова, 1839. – 458 с.

- Голицын Н. Н.* Род князей Голицыных. Материалы родословные. Т. I. – СПб. : Л. С. Голицын, 1892. – 611 с.
- Голицына Н. П.* Моя судьба – это я / пер. с фр. яз. – М. : Русский мир, 2010. – 464 с.
- Готлиб* Зигфрид Байер – академик Петербургской Академии наук. – Санкт-Петербург: Европейский Дом. 1996. – 80 с.
- Г. Ф. Миллер* – выдающийся ученый России XVIII века. // Исторический архив. – 2006. – № 1. – С. 3–63.
- Гуревич Л.* Дмитриевский Иван Афанасьевич // Большая Советская энциклопедия / под ред. О. Ю. Шмидта. Т. 22. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1935. – С. 697.
- Дризен Н. В.* Материалы для истории русского театра. – М. : А. А. Бахрушин, 1905. – 311 с.
- Екатерина* Дашкова. Записки 1743–1810. – Л. : Наука, 1985. – 288 с.
- Жизнеописания* первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. Ч. 1. – СПб. : Морская типография, 1831. – 354 с.
- Записки* Вебера (Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера) // Русский архив. – 1872. – № 6. – С. 1057–1168.
- Записки* графа Эрнста Миниха, сына фельдмаршала, писанные им для детей своих в Вологде в 1758 году. – СПб. : Тип. Н. Греча, 1817. – 233 с.
- Записки* Д. И. Ростиславова // Русская старина. – 1888. – Т. 59. – № 7–9. – С. 63–88.
- Записки* Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла Короля Испанского. 1727–1730 годов. – СПб. : Гутенбергова типография, 1845. – 226 с.
- Из литературного* наследия академика Е. В. Тарле. – М. : Наука, 1981. – 392 с.
- Каррер д'Анкос Э.* Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / пер. с фр. О. А. Павловской. – М. : Олма-Пресс, 2005. – 463 с.
- Каск А. Н.* Жанровая структура, сюжетика, эстетика журнальной иллюстрации в России XVIII – XIX вв. : автореф. дис. ... канд. искусств. – М. : РИК; Росс. Академия художеств, 2011. – 29 с.
- Карамзин Н. М.* Нечто о науках, искусствах и просвещении // Избр. соч. : в 2 т. – М.; Л. : Худ. лит., 1964. Т. 2. – 592 с.
- Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. – Л. : Наука, 1984. – 717 с.
- Ключков М. В.* Очерки правительственной деятельности времен Павла I. – Пг. : Сенатская типография, 1916. – 631 с.
- Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. – М. : Наука, 1983. – 416 с.
- Ключевский В. О.* Соч. : в 9 т. Т. IV. Курс русской истории. Ч. IV. – М. : Мысль, 1989. – 398 с.

-
- Княжецкая Е. А.* Связи России с Далмацией и Бокой Которской при Петре I // Советское славяноведение. – № 5. – 1973. – С. 46–59.
- Копанев Н. А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII века. (Из истории международной книготорговли). – Л. : Наука, 1988. – 156 с.
- Королёв С. В.* Библиотека Дидро : опыт реконструкции. – СПб. : Российская национальная библиотека, 2016. – 223 с.
- Красилин М.* Знаменская церковь в Дубровицах // Наше Наследие. – 1991. № V (23). – С. 140–145.
- Лабутина Т. Л.* Восприятие английской культуры в России в эпоху Петра I // Вопросы истории. – 2002. – № 9. – С. 17–36.
- Леонтьев К. Н.* Грамотность и народность // Леонтьев К. Н. Записки отшельника. – М. : Русская книга, 1992. – С. 351–400.
- Лихачев Д. С.* Раздумья о России. – СПб. : Logos, 1999. – 666 с.
- Лещенко Н. Ф.* «История – это воскрешение» // Невские чтения. Международный симпозиум в честь 120-летия со дня рождения Н. А. Невского. – СПб. : Ин-т восточных рукописей РАН, 2012. – С. 52–54.
- Локателли Джованни* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. – Т. 17 А (34). – С. 916.
- Лотман Ю. М.* К иллюстрациям // Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. – Л. : Наука, 1987. – С. 715–716.
- Лукьянова И.* Из прерусских русских // Русский мир. Журнал о России и русской цивилизации. – 2014. – Декабрь. – С. 49.
- Малафеева С. Л.* Специфика столичных дворцово-парковых ансамблей России как объект культурного наследия (XVIII – нач. XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М. : РИК, 2000. – 34 с.
- Мамуд Хаят.* Герасим Степанович Лебедев. – Ярославль: ООО «Академия 76», 2012. – 448 с.
- Маркина Л. А.* Немецкая «россика» XVIII – начала XX века // Изобразительное искусство российских немцев XVIII–XX веков. – М. : Варяг, 1997. – С. 7–41.
- Маркина Л. А.* Портретист Георг Христоф Гроот и немецкие живописцы в России середины XVIII века. – М. : Памятники исторической Мысли, 1999. – 296 с.
- Маркина Л. А.* Придворный живописец в России: раб или творец? // Труды Государственного Эрмитажа XXXVI. Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур : Изб. матер. конференции. (Гос. Эрмитаж, 18–20 октября 2005 г.). – СПб., 2007. – С. 231–238.
- Маркина Л.* «Счастливая звезда» придворного живописца в России // Русское искусство. – 2006. – № 3. – С. 10–21.
- Мартынов И. Ф.* О библиотеке екатерининского пажа. Каталог книг Алексея Оленин, 1775 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : Ежегодник 1977. – М. : Наука, 1977. – С. 155–159.

- Миних Бурхард-Христоф* // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. Т.13. – СПб. : Просвещение, 1909. – С. 189.
- Неистовый реформатор* / Иоганн-Готтгильф Фоккеродт, Фридрих-Вильгельм Берхгольц. – М. : Фонд Сергея Дубова, 2000. – 560 с.
- Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях // Новиков Н. И. Избранные произведения. – М.; Л. : Гос. Изд-во худож. Л-ит., 1951. – С. 277–370.
- Описание* о Японе: Содержащее в себе три части, то есть: Известие о Японе и о вине гонения на христиан, Историю о гонении христиан в Японе и Последование странствования Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено. – СПб. : печ. При Акад. Наук, 1734. – 359 с.
- Описание...* столичного города С.-Петербурга... / пер. Е. Э. Либгаль; предис., науч. ред. и комм. С. П. Луппова // Белые ночи. – Л., 1975. – С. 217–220.
- Первые борцы за свободу.* Декабрист Михаил Сергеевич Лунин. – Пг. : Художественная печатня, 1917. – 79 с.
- Петр Великий:* Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. – СПб. : Культ.-просветит. О-во «Пушкинский Фонд», 1993. – 447 с.
- Письма русских писателей XVIII века.* – Л. : Наука, 1980. – 473 с.
- Письмо Екатерины II к князю М. М. Голицыну о посылке детей его в Немецкие училища* // Русский архив. – 1865. – Вып. 9. – С. 1138.
- Плисс М.* Вольтер и Россия // Партнер (Германия). – 2008. – № 7 (130). – С. 81–83.
- Подалко П. Э.* Романовы в Японии. Из истории августейших контактов // Япония 2003–2004. Ежегодник. – М. : МАКС Пресс, 2004. – С. 298–321.
- Поленов Д. А. Я.* Поленов. Русский законовед XVIII века // Русский архив. – 1865. – Вып. 5–6. – С. 703–736.
- Полуденский М.* Петр Великий в Париже // Русский архив. – 1865. – Вып. 5–6. – С. 675–702.
- Проскурина В.* Ландшафт империи: «Антидот» Екатерины II против «Путешествия в Сибирь», или границы европейской цивилизации // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 2 (144). – С. 9–32.
- Пушкин А. С.* Медный всадник // Собр. соч. : в 10 т. Т. 3 : Поэмы. Сказки. – М. : Худ. лит., 1975. – С. 255–268.
- Резанов В. И.* Парижские рукописные тексты сочинений Сумарокова // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. – 1907. – № 2. – С. 135–169.
- Рогинский В.* Дневник финляндского студента // Наше Наследие. – 1991. – № V (23). – С. 64–82.
- Рогожин Н. М.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – нач. XVIII в.). – М. : Ин-т истории СССР, 1990. – 237 с.

-
- Романов П.* Мои гравюры и книги // Наше наследие. 1991. № III (21). – С. 7–18.
- Россия при Петре Великом* по рукописному известию Иоганна-Готтгильфа Фоккеродта и Оттона Плейера. – М. : Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. 1874. – 122 с.
- Русский вестник*-Черногория. – 2017. – 5 июн.
- Толстой П. А.* Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699. – М. : Наука, 1992. – 387 с.
- Смирнов И. Б.* Культурологическое содержание этнонимов в австрийской исторической традиции (Steirische Völkertafel начала XVIII века) // XVI Царскосельские чтения: Человек – гражданин – гражданское общество – правовое государство : материалы междунар. науч. конф. (24–25 апреля 2012 г). Т. III. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. С. 411–415.
- Соловьёв В. С.* Смысл любви: Избранные произведения. – М. : Современник, 1991. – 525 с.
- Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен. Книга пятая. Т. 21. – М. : Т-во «Общественная польза», 1861. – 308 с.
- Степанова Е. В.* Итальянское искусство книги в собрании НИО редких книг Российской государственной библиотеки // Медиатека и мир. – 2011. – № 4. – С.14–25.
- Страхов Н. И.* Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву старичков и старушек, невест и женихов, молодых и устарелых девушек, щёголей, вертопрахов, волокит, игроков и проч., или Иносказательные для них наставления и советы, писанные сочинителем Сатирического вестника : в 3 ч. – М. : Университетская тип., 1791. – 175 с.
- Толстой П. А.* Путешествие стольника П. А. Толстого / предисл. Д. А. Толстого // Русский архив. 1988. Кн. 1. Вып. 2–4; Кн. 2. Вып. 5–8.
- Толстой П. А.* Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699. – М. : Наука, 1992. – 387 с.
- Форсия де Пилес.* Прогулки по Петербургу Екатерины Великой. Записки французского путешественника: пер. с фр., англ. В прил. : Путешествие двух французов на Север Европы: отр. из кн. / Форсия де Пилес. Картина Петербурга: отр. из кн. / Х. Шторф. – СПб. : Паритет, 2014. – 384 с.
- Фридрихейн Ю.* Вольтер. Жизнь в России // Вопросы литературы. – 1995. – № 6. – С. 224–225.
- Шавыркина Н. А.* Личная библиотека как социально-культурное явление. – М. : РИК, 2000. – 44 с.
- Шилдер Н. К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. – СПб. : Издание А. С. Суворина, 1901. – 606 с.
- Штелин Я.* Записки о Петре III, императоре Всероссийском // Чтения Императорского общества истории и древностей российских. Кн. 4. [СПб.], [1866]. – С. 67–118.

- Штелин Я.* Записки об изящных искусствах в России : в 2 т. – М. : Искусство, 1990. Т. 1. – 448 с. ; Т. 2. – 249 с.
- Штелин Я.* Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом: изображающие истинное свойство сего премудрого государя и отца отечества. Собранные в течение сорока лет действительным статским советником Яковом Штелиным. Изд. Вторым тиснением. – СПб. : М. Овчинников, 1787. – 468 с.
- Штелин Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. – Л. : АТУС. 1990. – 216 с.
- Эйдельман Н. Я.* Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. – М. : Мысль, 1982. – 368 с.
- Эренмальм Л. Ю.* Описание города Петербурга, вкпе с несколькими замечаниями // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. – М. : Наука, 1991. – 284 с.
- Conze W.* Leibniz als Historiker. – Berlin: Akademie der Wissenschaften, 1951. – 85 S.
- Kotzsch Lothar.* Peter der Große öffnet mit Leibniz den Wissenschaften in Rußland das Tor zum Westen // Kotzsch Lothar. Königsberg in Preußen seit Peter dem Großen. – Berlin, 2001. – S. 35–37.
- Richter L.* Leibniz und sein Russlandbild. Im Auftrage der Akademie der Wissenschaften zu Berlin zum 300. Geburtstage ihres Gründers. – Berlin : Akademie der Wissenschaften, 1946. – 162 S.
- Sawinow A. N.* Auslandische Künstler in Russland // Geschichte der russischen Kunst. Bd. VI. – Dresden :Verlag der Kunst, 1976. – S. 323–331.

К главе III «Русское зарубежье как пространство диалога
XIX – начала XX века»

- Американцы в России и русские в Америке.* Празднества и речи американцев и русских в Нью-Йорке, Петербурге, Москве, Н. Новгороде, Костроме. – СПб. : Тип. Спиридонова, 1866. – 48 с.
- Ананян Е. В.* Эмиграция немцев Поволжья в Аргентину в последней четверти XIX века // Americana. Выпуск 10. Российско-американские отношения: Новое начало / Russian-American Relations: new start. – Волгоград: ВолГУ, 2009. С. 100–109.
- Ананян Е. В.* Эмиграция немцев Поволжья в страны Америки в 70–80-х гг. XIX в. – Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2010. – 137 с.
- Андреев Л. Н.* Дневник Сатаны. – М. : Эксмо, 2006. – 634 с.
- Андреева Е.* Мое понимание русской эмиграции // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. – М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. – С. 7–15.
- Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч. – М. : Захаров, 2001. – 510 с.

- Антонова З. В.* Становление и развитие путеводителя как вида издания. – М. : МГОУ, 2006. – 13 с.
- Ариас М.* Одиссея Максима Горького на «острове сирен»: «русский Капри» как социокультурная проблема // Toronto Slavic Quarterli. University of Toronto – Academic Electronic Journal in Slavic Studies. – 2006. – № 17.
- Афиани В. Ю.* Судьба рукописей «Русского музеума» П. П. Свинына // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1882. – Л. : Наука, 1884. – С. 116–122.
- Ашимбаева Н. Т. А. Н. Майков.* Письма к Ф. М. Достоевскому // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : Ежегодник 1982. – Л. : Наука, 1984. – С. 60–98.
- Баренбаум И. Е.* Книжные связи как фактор международного и межнационального культурного общения. (Историографи. Источники. Проблематика) // Книга: исследования и материалы, 1994. Сб-к 69. – С. 20–24.
- Барсамов Н. С.* Иван Константинович Айвазовский. – Симферополь : Крымиздат, 1953. – 270 с.
- Белякова Н. А., Токарева Е. С.* Кирилло-мефодиевские юбилеи в России и СССР в контексте конструкторов национальной и религиозной идентичности в странах славянского мира и выстраивания отношений с католицизмом // Научный диалог. – 2015. – № 1 (37). – С. 91–92.
- Бенуа А.* Мои воспоминания : в 5 кн. Т. 2. Кн. 4, 5. – М. : Наука, 1990. – 743 с.
- Богораз-Тан В. Г.* Духоборы в Канаде. – 2-е изд. – М. : Изд-ние Н. Ф. Новожилова, 1906. – 96 с.
- Богораз В. Г.* USA (Люди и нравы Америки). – М. : Федерация, 1932. – 214 с.
- Бойков В.* Герой серебряного века Сергей Волконский. Из воспоминаний // Наше Наследие. – 1991. – № IV (22). – С. 54–70.
- Бонч-Бруевич В. Д.* Библиотека и архив РСДРП в Женеве // Красная летопись. – 1932. – № 3 (48). – С. 110–115.
- Бонч-Бруевич В.* Духоборцы в канадских прериях : в 2 ч. Ч. I. – Пг. : Жизнь и знание, 1918. – 276 с.
- Боткин В. П.* Письма об Испании. – Л. : Наука, 1976. – 343 с.
- Бродский И. А.* Исаак Израилевич Бродский. – М. : Изобразительное искусство, 1973. – 416 с.
- Брюсов В. Я.* Избранное. – М. : Московский рабочий, 1979. – 287 с.
- Булгаков В. Ф.* О Толстом. Воспоминания и рассказы. – Тула : Приокское книжное издательство, 1978. – 479 с.
- Валентин Серов* в переписке, документах и интервью. Т. 1. – Л. : Художник РСФСР, 1985. – 487 с.
- Вандалковская М. Г.* История революционного движения XIX века в трудах Г. А. Куклина // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М. : Наука, 1981. – С. 227–233.
- Васильева М. А.* Архив семьи Левицких – Харкевич // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. – М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. – С. 603–617.

- Венгерова З. Английские писатели XIX века. – СПб. : «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1913. – 191 с.
- Венюков М. И. Русские в Парижской академии наук. Справка. – СПб. : б. и., 1890. – 5 с.
- Вестъ Е. П. Блаватской. Л., 1991. – 99 с.
- В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М. : Наука, 1969. – 632 с.
- Виноградова В. В. По римским адресам Гоголя. – М. : Старая Басманная, 2014. – 182 с.
- Вишнякова Н. В. Из истории русско-американских книжных связей (конец XVIII – начало XX века // Книга. Культура. Читатель : Сб. науч. труд. по материалам 10-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургская гос. академия культуры. Т. 149. – СПб. : СПбГАК, 1998. – С. 113–117.
- Власов С. Великий филантроп // Наше Наследие. – 1991. – № IV (22). – С. 143–148.
- Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. – М. : Эксмо, 2002. 447 с.
- Волконский С. Из воспоминаний // Наше Наследие. – 1991. – № IV (22). – С. 59–70.
- Волконский С. Очерки русской истории и русской литературы. Публичные лекции, читанные в Америке. – СПб. : Типо-литография Р. Р. Голике, 1897. – 341 с.
- Волошин М. Путями Каина. – М. : Педагогика, 1991. – 219 с.
- Воронцов А. Михаил Осипович Меньшиков. – М. : Русский мир, 2018. – 800 с.
- Гагарин Иван Сергеевич // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. – Т. 10. – С. 252.
- Гасратян С. М. Еврейские общины в России в 1880–1905 гг. // Вопросы истории. – 2013. – № 5. – С. 161–164.
- Гвида Ф. Микеланджело Пинто. Римский литератор и патриот между Италией и Россией. – СПб. : Лики России, 2011. – 224 с.
- Герро. Мария Башкирцева. Критико-библиографический очерк с двумя портретами. – М. : Типография А. Победимовой, 1905. – 40 с.
- Герцен А. И. Августейшие путешественники // Собр. соч. : в 13 т. Т. 13. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 13–18.
- Герцен А. И. Михаил Бакунин. // Собр. соч. : в 13 т. Т. 7. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – С. 351–362.
- Герцен А. И. А. Дюма // Собр. соч. : в 13 т. Т. 13. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 349.
- Герцен А. И. А. Иванов // Собр. соч. : в 13 т. Т. 13. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 323–327.
- Герцен А. И. Письма из Франции и Италии. 1847–1852 // Собр. соч. : в 13 т. Т. 5. – М., Изд-во АН СССР, 1955. – 511 с.
- Герцен А. И. Письмо к императору Александру II // Собр. соч. : в 13 т. Т. 13. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 35.

-
- Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем / под ред. М. К. Лемке. Т. VIII: 1854–1857. Пг. : Изд. насл. авт., 1917. – 617 с.
- Герцен А. И.* Сочинения в двух томах. Т. 2. – М. : Мысль, 1986. – 654 с.
- Гёте И. В.* Фауст / И. В. Гёте; пер. с нем. Б. Пастернака. – М. : Эксмо, 2006. – 652 с.
- Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский. Париж. 1906–1914 // Русский Париж. – М. : МГУ, 1998. – С. 26–78.
- Гиппиус Н.* Крутые ступени. – Л. : Детгиз, 1970. – 143 с.
- Глинка М. И.* Записки. – М. : Музыка, 1988. – 222 с.
- Гоголь Н. В.* Портрет // Гоголь Н. В. Петербургские повести. – М., 2013. – С. 94–171.
- «Голоса из России». Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарёва. Книжка VI. [Лондон: Вольная русская книгопечатня, 1859]. – М. : Наука, 1975. – 204 с.
- Горелова Л. Е.* Судьба прототипа Веры Павловны, героини романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» // Русский медицинский журнал. – 2004. – № 12. – С. 866–870.
- Городецкий Е. Н.* Истоки советской системы научно-исторических центров // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М. : Наука, 1981. – С. 186–194.
- Горький* и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 95. – М. : Наука, 1988. – 1079 с.
- Горький М.* Город желтого дьявола // Собр. соч.: в 16 т. Т. 16. – М., 1979. – С. 20–21.
- Горький М., Мейер В.* Землетрясения в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г. – СПб. : Знание, 1909. – 230 с.
- Грабарь И. Письма 1891–1917. – М. : Наука, 1974. – 472 с.
- Грабский А. Ф.* О значении декабристских традиций для польской революционной мысли 1830-х годов // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М. : Наука, 1981. – С. 59–68.
- Греч Н. И.* Записки о моей жизни. – М.; Л. : Academia, 1930. – 897 с.
- Григорьев Ан.* Литературная критика. – М. : Худ. лит., 1967. – 631 с.
- Гриц Т. С. М. С. Щепкин.* Летопись жизни и творчества. – М. : Наука, 1966. – 871 с.
- Гусман Л. Ю.* Эмигрантская газета «Европеец» // Книга. Культура. Общество : Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства ; Науч. ред. И. А. Шомракова. Т. 154. – СПб. : СПбГУКИ, 2002. – С. 208–210.
- Гюго В.* Стихотворения. – М. : Худ. лит., 1981. – 320 с.
- Данилова И. Е.* Уффици глазами русских второй половины XIX – начала XX века // Панорама искусств. Т. 8. – М. : Советский художник, 1985. – С. 308–319.
- Десницкий В. А.* Статьи и исследования. – Л. : Худ. лит., 1979. – 544 с.
- Долматовский Е. А.* Было. Записки поэта. Книга вторая. – М. : Сов. писатель, 1979. – 520 с.

- Достоевский Ф. М.* Биография, письма и заметки из записной книжки. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1883. – Т. 1. – 839 с.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. – СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1880. – 44 с.
- Дудаков В.* Русская Европа // Наше Наследие. – 1991. – № II (20). – С. 155–160.
- Дудзинская Е. А.* Европа глазами русского путешественника // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М. : Наука, 1981. – С. 68–76.
- Дягилева Е. В.* Семейная записка о Дягилевых. – СПб.; Пермь, 1998. – 287 с.
- Енаке Дж., Шишкану И.* Старообрядцы на территории Румынии в первой половине XX в. // Вопросы истории. – 2013. – № 11. – С. 160–164.
- Жиркевич А. В.* Встречи с Толстым. Дневники. Письма. – Тула : Ясная Поляна, 2009. – 796 с.
- Журавлев И. К., Садыхова Г. Н.* Из истории переводов произведений Л. Н. Толстого в США (1886–1917) // Русская литература. – Алма-Ата, 1975. – Вып. 5. – С. 30–37.
- Западное влияние в новой русской литературе. Сравнительно-исторические очерки* Алексея Веселовского. – М. : Тип. А. Гатцука, 1883. – 223 с.
- Зелинский В.* Безмолвная тайна первохристианства // Наше Наследие. – 1991. – № II (20). – С. 135–137.
- Зильберштейн И. С.* Парижские находки. Эпоха Пушкина. – Москва : Изобразительное искусство, 1993. – 292 с.
- Из семейной переписки.* Письма С. Т. и И. С. Аксаковых // Наше Наследие. – 1991. – № VI (23). – С. 54–67.
- Иванов А. С.* К истории портретов Саши Чёрного // Панорама искусств. – М., 1987. – С. 380–394.
- Исторический сборник* Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарёва. Кн. 1–3. Факсимильное издание. – М. : Наука, 1971.
- История* Католической Церкви в России. – СПб. : Белый камень, 2014. – 740 с.
- Каневская Г. И.* Очерк русской эмиграции в Австралии (1823–1947 гг.). – Мельбурн : Издание Мельбурнского ун-та, 1998. – 84 с.
- Кандинский В.* О духовном в искусствах. – М. : Архимед, 1992. – 108 с.
- Кара-Мурза А. А.* Знаменитые русские о Неаполе. – М. : Изд-во Независимая газета, 2002. – 511 с.
- Каск А. Н.* Жанровая структура, сюжетики, эстетика журнальной иллюстрации в России XVIII – XIX вв. : автореф. дис. ... канд. искусств. – М. : РИК; Росс. Академия художеств, 2011. – 29 с.
- Кашкин Ю. В.* В Гейдельбергском университете // Голос минувшего. – 1923. – № 2. – С. 43–46.
- Коваль Л. В.* Творческая деятельность Гюбера Робера и ее значение для утверждения нового художественного вкуса в культуре Франции второй половины XVIII века : автореф. дис. ... канд. искусств. – М. : РИК, 1999. – 23 с.

-
- Комолова Н. П. Русская эмиграция в Италии в начале XX века (1905–1914 гг.) // Россия и Италия. XX век. Вып. 3. – М., 1998. – С. 283–306.
- Короленко В. Г. Без языка // Г. Избранное. – М. : Правда, 1979. – С. 350–424.
- Королев Н. В. Страны Юной Америки и Россия (1890–1917 гг.). – Кишинев : Штиинца, 1972. – 180 с.
- Короткова З. Неизвестный Менделеев // Наука и жизнь. – 2004. – № 7. – С. 8–10.
- Красавченко Т. «Загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки» [О восприятии России в Англии] // Отечественные записки. – 2007. – № 5. – С. 40–52.
- Кропоткин П. Государство и его роль в истории. – М. : Московская федерация анархистских групп, 1917. – 63 с.
- Кропоткин П. А. Записки революционера. – М. : Московский рабочий, 1988. – 544 с.
- Крюков Н. А. Сельское хозяйство в Аргентине в связи с общим развитием страны. – СПб. : тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. – 522 с.
- Кудрова И. Путь комет. Т. 2. После России. – СПб. : Издательство Сергея Ходова, 2007. – 558 с.
- Кузьмина Л. П. О трудах русского эмигранта, апологета старообрядчества и писателя XX в. Ф. Е. Мельникова // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Книга первая. – М., 1994. – С. 275–282.
- Куклин Г. А. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862–1902). – Женева : Изд-ние Г. А. Куклина, 1903. – 685 с.
- Куклин Г. А. Материалы к изучению истории революционного движения в России. Т. 1. (1800–1854 г.). – Женева : Изд-ние Г. А. Куклина, 1905. – 516 с.
- Кюстин А. де. Россия в 1839 году : в 2 т. – М. : Изд-во им. Сабашниковы, 1996. – Т. 1. – 528 с.
- Ланский Л. Р. Неизданные письма М. К. Рейхель // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. – М. : Наука, 1977. – С. 73–79.
- Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. Т. 2. 1851–1858. – М. : Наука, 1976. – 485 с.
- Литературное наследство. Т. 62. Герцен и Огарёв. Ч. II. – М. : АН СССР, 1955. – 899 с.
- Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Литературное наследие декабристов. – Л. : Наука, 1975. – С. 25–74.
- Лотман Ю. М. Современность между востоком и западом // Знамя. 1997. – № 9. – С. 157–169.
- Лукашев А. В. Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. // История СССР. – 1963. – № 5. – С. 3–22.
- Люди русской науки. – М. : Физматгиз, 1963. – 896 с.
- Мариенгоф А. Роман без вранья. Циники. Мой век. Л. : Худ. лит., 1988. – 480 с.

- Матиева А. Х.* Библиотека М. М. Ковалевского в фонде Отдела редких книг и рукописей // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. – М., 2008. – С. 250–251.
- М. Горький в портретах и фотографиях (К 35-летию литературной деятельности). – М. : Изд-во Огонек, 1927. – 48 с.
- Мережковский Д. С.* Революция и религия // Мережковский Д. С. Павел I. Александр I. Большая Россия. – М. : Московский рабочий, 1989. – 768 с.
- Миллер С.* Эмс и дворяне России. – М. : Аграф, 2008. – 575 с.
- Моруа А.* Искусство Тургенева // Андре Моруа. Шестьдесят лет моей литературной жизни. – М. : Прогресс, 1977. – С. 162–184.
- Моруа А.* Три Дюма. Литературные портреты. – М. : Правда, 1986. – 672 с.
- Мосякин А.* Антикварный экспортный фонд. Антология документов и фактов // Наше Наследие. – 1991. – № II (20). – С. 29–42.
- Наркирьер Ф.* Андре Моруа: Литературные воспоминания // Андре Моруа. Шестьдесят лет моей литературной жизни. – М. : Прогресс, 1977. – С. 15–16.
- Неверов О.* Коллекции семьи Хитрово // Наше Наследие. – 1990. № VI (18). – С. 41–46.
- Нитобург Э.* Русские религиозные сектанты и староверы в США // Новая и новейшая история. – 1999. – № 3. – С. 34–51.
- Новые* стихотворения Н. Языкова. – М. : Университетская типография, 1845. – 332 с.
- Огородников П. И.* В стране свободы. Т. 1–2. – СПб. : Э. Гартъе, 1882.
- Огородников П. И.* От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию. – СПб. : Изд. Ф. Колесова и Ф. Михина, 1872. – 398 с.
- Ольховский В.* Духоборы в канадских прериях // Образование. – 1903. – № 4–8.
- Оправдание* иезуита Гагарина по поводу смерти Пушкина // Русский архив. – 1865. – Вып. 8. – С. 1031–1036.
- Павлович Н. Воспоминания об Александре Блоке // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 11. М. : Молодая гвардия, 1977. С. 219–253.
- Панова Т.* Русская и украинская живопись XVIII – начала XX века // Донецкий областной художественный музей (история создания; коллекция русского и украинского искусства). Каталог. Пояснения к каталогу. – Донецк : Кардинал, 2003. – 170 с.
- Пастон Э.* Парадоксы Виктора Васнецова // Наше Наследие. – 1991. – № IV (22). – С. 5–18.
- Переезды* с Александром Гумбольдтом по Сибири (1829) // Русский архив. – 1865. – Вып. 8. – С. 1011–1030.
- Переписка Л. Н. Толстого* с гр. А. А. Толстой. 1857–1903. – СПб. : О-во Толстовского музея, 1911. – 393 с.

-
- Петров Е. В.* Участие русских историков-эмигрантов в складывании информационно-славистических ресурсов американских библиотек в начале XX века // Книга. Культура. Общество : Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И. А. Шомракова. Т.154. – СПб. : СПбГУ-КИ, 2002. – С. 243–247.
- Пивоваров Е. Г.* Творчество А. В. Бабина (1866–1830) в оценках американской историографии // Книга. Культура. Общество : Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И. А. Шомракова. Т.154. – СПб. : СПбГУКИ, 2002. – С. 169–172.
- Пивоваров Е. Г.* Формирование коллекции славянских материалов Библиотеки конгресса США (1800–1933 гг.). – СПб. : Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История», 2005. – 234 с.
- Пирумова Н. М.* Михаил Бакунин. Жизнь и деятельность. – М. : Наука, 1966. – 162 с.
- Письма В. И. Шухаева А. Е. Яковлеву из Италии (1912–1913) и Петербурга (1914–1915) //* Панорама искусств. Т. 8. – М. : Советский художник, 1985. – С. 173–190.
- Платтен Ф.* Ленин из эмиграции в Россию. – М. : Московский рабочий, 1990. – 220 с.
- Плещеев А. А.* Наши таланты в Париже. Корреспонденция // Художник. – 1891. – № 1. – С. 65–67.
- Подалко Э.* Павел Васкевич – ученый, дипломат, путешественник: к 125-летию со дня рождения // Acta Slavica Iaponica. Т. XIX. – Саппоро, 2002. – Р. 265–295.
- Подалко П. Э.* Романовы в Японии. Из истории августейших контактов // Япония 2003–2004. Ежегодник. – М. : МАКС Пресс, 2004. – С. 298–321.
- Полунина Н., Фролов А.* Основатели. Российские просветители. – М. : Советская Россия, 1997. – 133 с.
- Полярная звезда.* Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарёва. Кн. I–VIII. Факсимильное издание. – М. : Наука. 1966–1968.
- Порох И. В.* Из истории борьбы царизма против Герцена (Попытка создания анти-Колокола в 1857–1858 гг.) // Из истории общественной мысли и общественного движения в России. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1964. – С. 119–129.
- Последний год жизни Пушкина.* – М. : Правда, 1988. – 704 с.
- Превосходные пейзажи и главные достопримечательности Крыма из альбома Карло Боссоли.* Лондон, 1856. – М. : РГБ «Пашков дом», 2016. – 14 л.
- Пунин Н. Н.* Дневник царскосела. Дневники, письма, фотографии // Наше Наследие. – 1998. – № 47. – С. 61–84.
- Пушкин А. С.* Евгений Онегин : Роман в стихах. Илл. М. В. Добужинского, ред. текста В.Ф. Ходасевича. – М., 1999 [Paris, 1937]. – 241 с.

- Пушкин А. С. Рославлев // Собр.соч.: в 10 т. Т. 5 : Романы. Повести. – М. : Худ. лит., 1975. – С. 118–119.
- Пятницкий Ю. Отечества и дым нам сладок и приятен. Эпизоды из истории византийской коллекции Государственного Эрмитажа // Наше Наследие. – 2014. – № 112. – С. 119–133.
- «Распоясанные письма» В. Розанова // Литературное обозрение. Специальный выпуск. – М., 1992. – С. 67–71.
- Робер П. Наши французские артисты. Карикатуры и автографы артистов Михайловского театра = Nos artistes français. Caricatures et autographes des artistes du Théâtre Michel / Поль Робер. – СПб., 1896.
- Робер П. Весь Петербург в карикатурах. – СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 48 с.
- Рогинский В. Дневник финляндского студента // Наше Наследие. – 1991. – № V (23). – С. 64–82.
- Романов П. Мои гравюры и книги // Наше Наследие. – 1991. – № III (21). – С. 7–18.
- Рудницкая Е. Л. Журнал «Современность» и его место в идейных исканиях революционной демократии // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М. : Наука, 1981. – С. 106–118.
- Рукописи, редкие издания, архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. К 60-летию образования Отдела. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. – 316 с.
- Русская лирика XIX века. – М. : Худ. лит., 1986. – 430 с.
- Русские в Германии: = Russen in Deutschland : Справочник. – Берлин : Клуб «Диалог», 2008. – 216 с.
- Ручкин А. Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. – М. : Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2006. – 462 с.
- Рюмин А. На острове воспоминаний // Наше Наследие. – 1991. – № VI (23). – С. 150–155.
- Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. – М. : Мосты культуры, 2010. – 447 с.
- Савинская Л. Ю. Н. Б. Юсупов как тип русского коллекционера начала XIX в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. – М. : Наука, 1993. – С. 200–219.
- Савинская Л. Ю. Ученая прихоть. Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова // Наше наследие. – 2002. – № 63–64. – С. 8–33.
- Савинская Л. Ю. Письма Анжелки Кауфман князю Н. Б. Юсупову (художник и заказчик в Риме конца XVIII века) // Век Просвещения. Вып. 2. Кн. 2. – М. : Наука, 2008. – С. 23–46.
- Савинская Л. Ю. Иллюстрированные каталоги частных картинных галерей второй половины XVIII – первой трети XIX века // Актуальные проблемы отечественного искусства. Вып. 1. – М. : МПГУ, 1990. – С. 49–65.

- Саша Чёрный*. Стихотворения. – Л. : Советский писатель, 1960. – 630 с.
- Семенцов О. Ю.* Американское посольство Фокса в России в 1866 г. // Americana. Выпуск 10. Российско-американские отношения: Новое начало / Russian-American Relations: new start. – Волгоград : ВолГУ, 2009. – С. 113–138.
- Собрание М. П. Боткина*. – СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. – 38 с.
- Сокольский А. А. П. А. Дементьев-Деменс* – выдающийся русский американец. К столетию основания Ст. Петербурга во Флориде. 1888–1988. – СПб., Флорида : Юг-Издат. 1988. – 82 с.
- Соловьёв В. С.* Данилевский (Николай Яковлевич, 1822–1885) // Соч. в 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1990. – С. 406–414.
- Соловьёв В. С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1990. – С. 635–762.
- Старостин Е. В.* К истории изучения П. А. Кропоткиным Великой Французской революции конца XVIII века // Французский ежегодник. – 1967. – М. : Наука, 1968. – С. 293–303.
- Степанова С. С.* Русская живопись эпохи Карла Брюллова и Александра Иванова. Личность и художественный процесс. – СПб., 2011. – 288 с.
- Страницы автобиографии В. И. Вернадского*. – М. : Наука, 1981. – 349 с.
- Струве П. Б.* Тургенев как политический мыслитель // Родина. – 1994. – № 6. – С. 66–69.
- Сулержицкий Л. А.* В Америку с духоборами. Из записной книжки. – М. : Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1905. – 332 с.
- Талалай М. Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. – СПб. : Коло, 2010 – 400 с.
- Талалай М.* Русский Милан // Русская Мысль. – 1998. – № 4209. – С. 10.
- Тамаркин Д. Д.* Белый папуас: Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. – М. : Восточная литература, 2011. – 623 с.
- Тарле Е. В.* Герцен на Западе // Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. – М. : Наука, 1981. – С. 65–70.
- Тарле Е. В.* О фантазиях вообще и о правительственных надеждах в частности (Из современных впечатлений) // Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. – М. : Наука, 1981. – С. 62–64.
- Тарле Е. В.* Письмо А. Г. Достоевской. 13 февраля 1901 г. // Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М. : Наука, 1981. – С. 174–176.
- Тенишева М. К.* Впечатления моей жизни. – Л. : Искусство, 1991. – 285 с.
- Троцкий Л.* Дневники и письма. – М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1994. – 256 с.
- Троцкий Л.* Моя жизнь. – М. : Вагриус, 2001. – 572 с.
- Трубецкой Е. Н.* Гоголь и Россия // Н. В. Гоголь: pro et contra. Личность и творчество Н. В. Гоголя в оценке русских писателей, критиков, философов, исследователей. Антология. – СПб. : Изд-во Рус. христианской гуманитарной акад., 2009. – Т. 1. – С. 474–484.

- Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). – М.; Л. : Наука, 1964. – 624 с.
- Тургенев* и его современники. – Л. : Наука, 1977. – 285 с.
- Тургенев* и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847–1861. – М.; Л. : Academie, 1930. – 492 с.
- Тюруканов А. Н., Фёдоров В. М.* Н. В. Тимофеев-Ресовский: Биосферные раздумья. – М. : Академия естественных наук, 1996. – 368 с.
- Тютчев Ф. И.* Пол. собр. соч. и письма : в 6 т. Т. 3 : Публицистические произведения. – М. : Классика, 2003. – 546 с.
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Глава седьмая. О недозволенном оставлении отечества. Ст. 354–357 // Российское законодательство. X–XX вв. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. – М. : Юридическая литература, 1988. – С. 220–264.
- Феокистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. 1848–1896. – Л. : Прибой, 1929. – 428 с.
- Фрейд З.* Письма к невесте. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 202 с.
- Фунсо Л. Н.* Из истории ранних переводов произведений И. С. Тургенева в США (1867–1886) // Филологический сборник / Казах. Гос. ун-т. 1976. – Вып. 18. – С. 81–96.
- Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году / пер. с нем. – М. : Международные отношения, 1990. – 248 с.
- Харламов В. И.* Русская зарубежная книга как библиографическая категория // Библиография. – 1994. – № 5. – С. 11–20.
- Хасьянова Л. С.* Участие Императорской Академии художеств во Всемирной выставке в Париже в 1878 году // Россия и франкоязычный мир в диалоге искусств: литература, живопись, театр, кинематограф. – Королев, 2013. – С. 75–92.
- Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. – 360 с.
- Художественная культура русского зарубежья.* – М. : Индрик, 2008. – 554 с.
- Цветаева М.* Герой труда. Записки о Валерии Брюсове // Наше наследие. – 1988. – № 5. – С. 65–71.
- Чаадаев П. Я.* «Я любил свою страну по-своему...» // Наше Наследие. – 1988. – № 1. – С. 63–71.
- Чистова И. С.* Тургенев и Леопарди // Тургенев и его современники. – Л. : Наука, 1977. – С. 142–152.
- Чувилова И. В.* Формирование художественных коллекций в провинции в первой половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М. : РИК, 1999. – 25 с.
- Шатских А.* Степан Эрзя. Триумф и трагедия // Наше Наследие. – 1991. – № V (23). – С. 39–46.
- Шестаков В. П.* Интеллектуальная история Кембриджа. – М. : Рос. Ин-т культурологии, 2004. – 204 с.

-
- Штакеништейн Е. А.* Дневник и записки (1854–1886). – М.; Л. : Academia, 1934. – 582 с.
- Эйдельман Н. Я.* Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. – М. : Мысль, 1982. – 368 с.
- Эймонтова Р. Г.* Профессора старые и новые на рубеже 50–60-х годов XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М. : Наука, 1981. – С. 128–138.
- Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. Кн. 5–6. – М. : Советский писатель, 1966. – 749 с.
- Эри В.* Письма о христианском Риме // Наше Наследие. – 1991. – № II (20). – С. 117–131.
- Эртель А. И.* Записки Степняка. – М. : Правда, 1989. – 493 с.
- Яновский С. Я.* Эмиграция с точки зрения права // Журнал Министерства юстиции. – 1908. – № 3. – СПб. : Сенат. тип., 1909. – С. 31–66.
- Яновский С. Я.* Русское законодательство и эмиграция // Журнал Министерства юстиции. – 1909. – № 4. – СПб. : Сенат. тип., 1909. – С. 86–114.
- «Я усердно посещала лекции в Русской школе...». Воспоминания Е. С. Коц об учебе в Париже. 1901– 1903 гг. // Исторический архив. – 2012. – № 2. – С. 154–171.
- “Apologia pro vita mea” Владимира Печерина // Российская история. – 2013. – № 2. – С. 180–205.
- Chere Tante... Переписка Л. Н. Толстого с Т. А. Ергольской // Ясная Поляна. – 1997. № 2. – С. 213–238.
- Goethes Meister-Werke. Neuste illustrierte Aufgabe. Zweiter Band. – Berlin : G.m.b.h, 1897.
- Golowin I.* Der russische Nihilismus. Meine Beziehungen zu Herzen und zu Bakunin. – Leipzig, 1880. – 112 S.
- Neuland.* Monatsblätter zur geistigen und ökonomischen Kultur Rußlands und des fernen Ostens. – Berlin : Herausgegeben von Josef Melnik, 1908. Heft 1–3.
- Rosanow W.* Die Kirche // Russen über Russland. Ein Sammelwerk. Herausgegeben von Josef Melnik. – Frankfurt am Main : Literalische Anstalt Rütten & Loening, 1906. – S. 180–189.
- Russen über* Russland. Ein Sammelwerk. Herausgegeben von Josef Melnik. – Frankfurt am Main : Literalische Anstalt Rütten & Loening, 1906. – 692 S.
- Ziegengeist G.* Über die Bedeutung von A. I. Herzens Schaffen für das progressive deutsche Geistleben // Zeitschrift für Slavistik. Bd. VII. H. 4. – Berlin, 1962.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Московское царство и мир: россика Средневековья	5
<i>Примечания</i>	48
Глава II. Россия XVIII века	58
<i>Примечания</i>	122
Глава III. Русское зарубежье как пространство диалога XIX – начала XX века	134
Просвещение и наука: от европейской alma mater до Нобелевской премии	134
Искусство в межкультурном диалоге стран и цивилизаций	153
Русское зарубежье: приют вольнодумцев и путешественников	186
Литературная Россия	209
Религиозно-этническое зарубежье и русское духовное наследие в мире	221
От декабристов до революционеров Русская политическая эмиграция и ее наследие	246
<i>Примечания</i>	288
Послесловие	309
Библиография	310

Пархоменко Татьяна Александровна

Культурное наследие русского зарубежья
в диалоге цивилизаций
XV – начала XX веков

Публикуется по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*
Компьютерная верстка: *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать ...
Формат ... Усл. печ. л. ... Тираж 100 экз.
Заказ № ...

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ...
...

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.